

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ» И «ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА» ПРЕПОДАВАТЕЛЯ

Аджигеряева Сильвия Эскендеровна

ассистент кафедры филологических дисциплин и методик их преподавания, Евпаторийский институт социальных наук, РВУЗ «Крымский гуманитарный университет» (г. Ялта),

Модернизация системы высшего педагогического образования России в соответствии с социальным заказом и перспективой вхождения нашей страны в евразийское образовательное пространство как фактором геополитики требует совершенствования личностно-профессиональной подготовки будущих научно-педагогических работников, способных к компетентному выполнению многофункциональной педагогической и научно-исследовательской деятельности.

Методологические принципы процесса оптимизации системы высшего образования вытекают из положений государственных руководящих документов (Федеральный закон Российской Федерации «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ, «Концепция федеральной целевой программы развития образования на 2011-2015 гг.», Приказ Министерства образования и науки РФ от 19 декабря 2013 г. № 1367 «Порядок организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры»), в которых определены перспективы развития современного образования, роль педагогов в его модернизации, критерии мониторинга эффективности вузов:

Согласно федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», магистр – это образовательно-квалификационный уровень научно-педагогического работника, который овладел углубленными фундаментальными психолого-педагогическими и профессиональными знаниями инновационного характера, приобрел опыт применения и продуцирования новых знаний для решения проблемных педагогических и научно-исследовательских задач в области среднего и высшего образования.

Роль преподавателя высшей школы приобретает особое значение: именно он должен обеспечить создание в вузе условий для развития личности студента как субъекта учебной и будущей профессиональной деятельности. Учет специфики профессиональной деятельности детерминирует необходимость формирования у будущих преподавателей иностранного языка способности к эффективной реализации субъект-субъектных отношений в учебной среде. Такая необходимость становится еще более насущной в свете эмпирических исследований результатов педагогической практики магистров-филологов и молодых преподавателей, которые обнаруживают противоречие между достаточным уровнем иноязычной и методической подготовки преподавателя начинающего и низким уровнем его способности осуществлять педагогические воздействия в процессе межличностного и коллективного общения со студентами. Это свидетельствует о необходимости повышения требований к уровню культуры педагогического взаимодействия будущих преподавателей иностранного языка, недостаточная развитость

которой затрудняет достижение ими главной цели профессионального образования – формирование профессиональной компетентности будущего специалиста, развития активной, самостоятельной, творческой личности.

Вышесказанное обусловило выбор темы исследования и составило его актуальность.

Цель статьи – определить соотношение понятий «профессиональная компетентность преподавателя» и «профессиональная культура преподавателя».

Состояние современного российского общества характеризуется внешней открытостью в сочетании с непрерывными, интенсивными внутренними преобразованиями. Россия ориентируется на переход к демократическому и правовому государству, конкурентоспособному в экономическом и общественном развитии. Ресурсом этой стратегии является образование, призванное обеспечить высокое качество человеческого капитала на основе динамичности, технологичности, инновационности при сохранении фундаментальности, соответствия актуальным и перспективным потребностям личности, общества и государства.

Согласно Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года [10, с. 3-31], изменения в системе российского образования предусматривают создание условий для консолидации общества, сохранения единого социокультурного пространства, повышения культуры всех участников образовательного процесса, ориентацию на формирование практических навыков и фундаментальных умений.

Поскольку ориентация на общекультурное развитие является одной из приоритетных позиций национальной системы образования [11], подготовка преподавателя вуза должна направляться на формирование педагога как «человека культуры», способного к общению и плодотворному сотрудничеству с людьми разных национальностей, вероисповеданий и культур в условиях культурного и национального плюрализма, к утверждению в учебно-воспитательном процессе гуманистических и демократических ценностей.

Современные подходы к выдвиганию образовательных целей отражают переход социальной парадигмы от индустриальной к информационной, характеризующейся нарастанием интеграционных процессов во всех сферах человеческой деятельности. Одним из принципиальных выводов образовательного сообщества является ориентация образовательных систем на вооружение человека необходимыми знаниями, навыками и умениями для обеспечения его гармоничного продуктивного взаимодействия с современным постиндустриальным обществом, в связи с чем стержнеобразующее значение приобретает понятие компетентности. Понятие компетентности отражает совокупность мотивационно-ценностных и когнитивных качеств как наиболее полного, личностно и социально интегрированного результата образования, необходимого для

обеспечения продуктивной адаптации человека в современном обществе [6, с. 20-26].

Анализ научных исследований по проблеме профессиональной компетентности преподавателя показывает отсутствие единой точки зрения по содержанию данного понятия.

По определению С. С. Савельевой [13], профессиональная компетентность преподавателя – это ведущая характеристика профессионализма, представляющая собой интегративное многоуровневое личностное образование, основанное на положительных мотивах выбора профессии, совокупности системных знаний, умений и навыков, практического опыта, рефлексивной деятельности, диалогической культуры, выражающихся в теоретической и практической готовности и способности педагога к эффективному решению образовательно-воспитательных задач.

В. Н. Введенский [1, с. 51-55; 2, с. 59-65] включает в структуру профессиональной компетентности преподавателя коммуникативную компетентность (ориентированная в социальных ситуациях, выбор адекватных способов обращения и реализации этих способов в процессе взаимодействия, в публичных ситуациях, привлечение к себе внимания, установление психологического контакта и культуры речи); информационную компетентность как объем знаний и способов их приобретения в научно-методической плоскости; регулятивную компетентность (планирование, мобилизация, устойчивая активность в достижении результатов, оценка результатов деятельности); интеллектуально-педагогическую компетентность как комплекс интеллектуально-логических и интеллектуально-эвристических педагогических компетенций; операциональную компетентность как владение набором действий, необходимых преподавателю для осуществления профессиональной деятельности (прогностические, проективные, методические, организаторские, исследовательские, педагогические, экспертные импровизации).

Согласно предлагаемой модели элитного специалиста XXI века, разработанной Российской академией образования (2004) [12] авторы включают в систему профессиональной педагогической компетентности преподавателя следующие компетенции: а) управленческую как способность преподавателя быть организатором и управлять педагогическим процессом, координировать деятельность участников педагогического процесса, создавать команды для выполнения поставленных задач; б) индивидуальную как способность к самоорганизации и самоуправлению на основе психологической и коммуникативной компетенций (общение, способность мотивирования, делегирования и стимулирования личностного роста); в) методическую как способность накапливать, систематизировать и передавать опыт; г) социальную как способность гибко адаптироваться к меняющимся условиям социума.

Ряд ученых (Р. Д. Гамильтон, Т. К. Гамильтон, Дж. Равен, Е. К. Скорлуханова) суммируют профессионально-личностные качества компетентного преподавателя в содержании термина «компетентное поведение» [15, с. 259; 16, с. 393-404], обусловленного мировоззрением педагога, его пониманием необходимости и способностью к совершению определенных действий в определенное время.

Ю. В. Громыко [4] конкретизирует способность к совершению определенных действий, справедливо полагая, что профессиональная компетентность современного преподавателя означает способность к «компетентному обучению».

В исследовании С. С. Савельевой [13] приводятся свыше сорока видов профессиональной компетентности педагога (конфликтная, языковая, коммуникативная, акмеологическая, моральная, этнокультурная, этическая, риторическая, экстремальная, эмоциональная, экологическая, социокультурная, информационная, диалогическая, психолого-педагогическая и др.), на основании анализа которых делается справедливый вывод о том, что различные трактовки профессиональной компетентности педагога не отражают всего спектра присущих ему характеристик.

Не отрицая важности аналитического подхода к содержанию и структуре профессиональной компетентности преподавателя, следует отметить необходимость и стадии синтеза в изучении этой проблемы, которая позволила бы увидеть исследуемый феномен в его целостности и единстве, определить его приоритеты, его системообразующие функции.

И.Ф. Исаев [8; 9, с. 32-36] подчеркивает, что профессионально-педагогическая деятельность преподавателя вуза регламентируется целостной совокупностью педагогических ценностей, уровень присвоения которых личностью педагога является показателем личностно-профессиональной развитости преподавателя, его педагогической культуры. Ученый выделяет следующие группы педагогических ценностей: 1) ценности, раскрывающие значение и смысл целей профессионально-педагогической деятельности преподавателя вуза (ценности-цели); 2) ценности, раскрывающие значение способов и средств осуществления профессионально-педагогической деятельности (ценности-средства); 3) ценности, раскрывающие значение и смысл отношений как основного механизма функционирования педагогической деятельности (ценности-отношения): концепция собственной профессиональной позиции, своей собственной деятельности, отношение преподавателя к студентам, к себе; 4) ценности, раскрывающие значение и смысл психолого-педагогических знаний в процессе осуществления педагогической деятельности (ценности-знания): методологические знания о формировании личности и деятельности, знание закономерностей педагогического процесса в вузе, знание психологии студенчества; 5) ценности, раскрывающие значение и смысл качеств личности преподавателя (ценности-качества): личностные, коммуникативные, деятельностно-профессиональные качества преподавателя как субъекта профессионально-педагогической деятельности, проявляющиеся в специальных способностях к творчеству, в проектировании своей деятельности, в диалогическом мышлении и т.д.

Тем самым И.Ф. Исаев выдвигает педагогическую культуру в качестве обобщающей профессионально-личностной характеристики, обеспечивающей действенность профессиональной компетентности педагога. На аналогичных позициях рассмотрения педагогической культуры как сложной системы ценностей – регуляторов педагогической деятельности стоят и В. Гринева, Т. Колодько, Н. Крылова, Н. Мазур.

Важным в современном образовании является понимание культуры личности как цели и фактора образования [14, с. 576]. Реформирование традиционной знаниевой модели образования, которая в условиях реализации новой парадигмы рассматривается как составная часть культурологической подготовки преподавателя вуза, предполагает не формирование отдельных профессиональных качеств и свойств личности преподавателя вуза с определенными свойствами, а создание условий, требующих полноценного проявления и развития личностных функций

человека. На смену репродуктивному образованию приходит образование личностно-ориентированное, в основе которого лежит творческое овладение знанием, включающее в себя не только освоение мира, но и формирование отношения к нему, замена объект-субъектных отношений в образовательном процессе субъект-субъектными отношениями педагогического сотрудничества, диалог не только «обучающий – обучающийся», но и диалог культур. Главной ценностью при этом становится творческое и раскрепощающее взаимодействие, общение субъектов учебного процесса, наряду с внесением в учебный процесс культурных образцов и типовых действий [3], а в качестве ведущего содержания образования определяются уже не знания, а техники оперирования с ними, техники общения, коммуникации, самоопределения, самоорганизации.

Выводы. Структура понятия «профессиональная компетентность преподавателя» коррелирует со структурой понятия «профессиональная культура преподавателя». Так, ценности-средства коррелируют с методическим компонентом профессиональной компетентности, ценности-отношения – с интеллектуально-логической и интеллектуально-эвристическими компетенциями, ценности-знания – с информационной компетенцией и т.д. Вместе с тем, подобная корреляция не означает совпадения структур и синонимии рассматриваемых понятий. Доминирование какой-либо ценности как компонента профессиональной культуры неизбежно приводит к более высокому уровню развития коррелирующей с этой ценностью компетенции как компонента профессиональной компетентности. Одновременно, доминирующие ценности определяют приоритеты в структуре профессиональной компетентности преподавателя, его личностный профессиональный профиль. Тем самым, понятие «профессиональная культура преподавателя» выступает комплексным качественным показателем состояния профессиональной компетентности, относительного уровня развития ее отдельных компонентов, ее симметричности или асимметричности как преваляирования отдельных компетенций.

Список литературы

1. Введенский, В.Н. Моделирование профессиональной компетентности
2. педагога [Текст] / В.Н. Введенский // Педагогика. – 2003. – №10. – С. 51-55.
3. Введенский, В.Н. Педагогическая профессия как социальный институт [Текст] // Педагогика. – 2006. – № 2. – С. 59 –65.
4. Глазачев С.Н. «Креативная педагогика: методология, теория, практика» (два издания). – М., 2007, 2011.
5. Громыко Ю. В. Метод В. В.Давыдова. Учебная книга для управленцев и педагогов. М., 2003.
6. Зимняя И.А. Ключевые компетенции — новая парадигма результата образования / И. А. Зимняя // Высшее образование сегодня. — 2003. — № 5. — С. 34—42.
7. Зимняя И. А. Компетентностный подход: каково его место в системе современных подходов к проблеме образования? (теоретико-методологический аспект) / И. А. Зимняя // Высшее образование сегодня. — 2006. — № 8. — С. 20—26.
8. Зимняя И. А. Общая культура и социально-профессиональная компетентность человека [Электронный ресурс] / Ирина Алексеевна Зимняя // Интернет-журнал «Эйдос». — 2006. — 4 мая. — Режим доступа к журналу: <http://www.eidos.ru/journal/2006/0504.htm>. — Название с титул. экрана.
9. Исаев, И. Ф. Профессионализм преподавателя: культура, стиль, индивидуальность. [Текст] / И. Ф. Исаев, Л. Н. Макарова – М.; Белгород, 2002.
10. Исаев, И. Ф. Культурологический подход к исследованию проблем профессионализма педагога [Текст] / И. Ф. Исаев // Сибирский педагогический журнал. – 2007. – № 4. – С. 32–36.
11. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года: распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2001 г. № 1756-р // Официальный документ в образовании. — 2002. — № 4. — С. 3—31.
12. Национальная доктрина образования в Российской Федерации до 2020 г.: распоряжение Правительства РФ от 04 октября 2000 г. № 751 // Официальный документ. – [Электронный ресурс] от 19.10.2000 / URL: <http://www.rg.ru/2000/10/11/doktrina-dok.html> (дата обращения 05.12.2014).
13. Романцов М.Г., Мельникова И. Ю., Даниленкова Г.Г. Новые педагогические парадигмы вопросы дидактики и компетентности // Российская Академия Естествознания. – 2012.
14. Савельева С. С. Профессиональная компетентность учителя XXI века учебное пособие / Коломна, 2008.
15. Сластенин В.А., Исаев И.Ф., Шиянов Е.Н. Педагогика Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов; Под ред. В.А. Сластенина. - М.: Издательский центр "Академия", 2002. - 576 с.
16. Raven J. Competence in Modern Society: Its Identification, Development and Release / John Raven. — Hodder Arnold, 1998. — 259 p.
17. Raven J. Quality of Life, the Development of Competence and Higher Education / J. Raven // Higher Education. — 1984. — Vol. 13. — No. 4. — P. 393—404.

АРГУМЕНТАЦИЯ В СУДЕБНОМ ДИСКУРСЕ

Бачалиашвили Ольга Вячеславовна

Столичный институт иностранных языков, г. Москва

Аргументация – это способ рассуждения, в процессе которого выдвигается некоторое положение в качестве доказываемого тезиса: рассматриваются выводы его истинности и противоположные доводы. Дается оценка основаниям и тезису доказательства и опровержения, опровергается антитезис, доказывается тезис, создается

убеждение в истинности тезиса и ложности антитезиса, обосновывается целесообразность принятия тезиса. [4]

В основу многих определений аргументации положен фактор разногласия [19, Р. 2].

Кроме этого, аргументация определяется как "техника речи, направленная на убеждение собеседника, аудиторий" [16], "способ рассуждения, являющийся

мыслительным процессом"[3], "приведение одних доказательств для подкрепления или обоснования других", "способ доказательств" [8].

Со времен античности теорию аргументации разрабатывали софисты, в новое время этой наукой интересовались Рене Декарт, Фрэнсис Бэкон, Гегель. В 60-70-ые гг. Х. Перельман проявил интерес к специфике юридического доказательства, к отличию юридической логики от формальной. Логика рассуждения является обязательным, но недостаточным условием для реализации всякой аргументации. В процессе совместных исследований с Л. Ольбрехт-Титекой он утверждает, что многие доказательства, применяемые в юриспруденции, этике, философии, политических дебатах и в повседневной жизни не могут считаться релевантными логике в точном смысле этого слова (математической логике). [4]

Он считал, что логики должны дополнить свою теорию доказательства теорией аргументации с учетом средств доказательства из гуманитарных наук (юриспруденции, философии) в противоположность формальным доказательствам и аргументам. Доказательство должно стать неформальным.

Х. Перельман, С. Тулмин, Фр. Фейсман полагали, что моделью доказательства в аргументации должна быть не формальная логика, а юридическое рассуждение. Логическое доказательство зависит от аксиом, юридическое – от презумпций и прецедентов. Цель логического доказательства – в последовательном рассуждении, юридическое – в полноте, так как оно должно быть мотивированным. Логическое доказательство может быть правильным и неправильным, юридическое – сильным и слабым. Доказательство в юриспруденции должно быть логическим, последовательным и полным. Только определенная совокупность доказательств может служить основанием для принятия юридического заключения. Юридическая аргументация должна убедить слушающих участников процесса, то есть людей, личностей. [4]

Еще Аристотель рассматривал риторику как теорию и практику убеждения. Роль риторики в аргументации – способствовать контакту умов.

Р. Вивер считал риторику умением преподавать истину. М. Натансон считал риторику отраслью философии, изучающей взаимоотношения между теорией аргументации и природой личности. [4]

Современная теория аргументации может быть определена как интегральная дисциплина, сочетающая данные логики, психологии, лингвистики, философии, социологии, прагматики и многих других дисциплин [2, с. 6].

Задача аргументации - убеждающее воздействие - достигается за счет достоверности аргументов, их непротиворечивости, достаточности и последовательности их представления.

Аргументация может быть охарактеризована как один из ментальных процессов, потому что как способ рассуждения аргументация - мыслительный процесс [3, С. 46], требующий напряженной мыслительной деятельности.

В качестве основных своих функций она предполагает объяснение, подтверждение, резюмирование, исправление, возражение и др. Аргументация сопровождается вызовом из памяти, из базы знаний обобщающих фреймов. В результате оказывается задействованной тезаурусная часть информации, следовательно, ментальный след становится "глубже".

Виды аргументации шире, чем логические правила. Аргументация имеет двойственную природу: структура ее логическая, а содержание, контекст, в котором она существует, - область риторики [9].

Под влиянием многочисленных исследований в самой логике теория аргументации представляется теперь

как комплексное учение о наиболее эффективных в коммуникативном процессе логических и внелогических методах и приемах убеждающего воздействия [10, с. 199-200].

Для анализа возможности представления судебного дискурса в виде аргументативного процесса рассмотрим имеющиеся определения этого понятия.

«Аргументативный процесс представляет собой сложную и многогранную интеллектуальную деятельность, которую невозможно охарактеризовать и определить однозначно» [1, с. 13].

При всем многообразии подходов к исследованию аргументации специалисты признают ее коммуникативную направленность. При этом коммуникация понимается как «процесс взаимодействия двух или более языковых личностей с целью передачи/получения/обмена информацией, т.е. того или иного воздействия на собеседника» [1, с. 174].

В «Логическом словаре-справочнике» Н. И. Кондакова приводится следующее определение аргументации: «Аргументация – приведение логических доводов для обоснования какого-либо положения; логический процесс» [12, с. 49].

Г. А. Брутян понимает аргументацию как «способ рассуждения, в процессе которого выдвигается некоторое положение в качестве доказываемого тезиса, рассматриваются доводы в пользу его истинности и возможные противоположные доводы, дается оценка основаниям и тезису доказательства, равно как основаниям и тезису опровержения, опровергается антитезис, т.е. тезис оппонента, доказывается тезис, создается убеждение в истинности тезиса и ложности антитезиса как у самого доказывающего, так и у оппонентов, обосновывается целесообразность принятия тезиса с целью выработки активной жизненной позиции и реализации определенных программ действий, вытекающих из доказываемого положения» [4, с. 82].

Г.И. Рузавин определяет ее как «процесс рассуждения», включающий не только «выдвижение рассуждений, которые могут выступать в форме тезисов, заявлений, предположений, гипотез или решений», «доводы или аргументы, которые обосновывают утверждения», но и «согласие или несогласие аудитории с выдвигаемыми утверждениями и аргументами» [17, с. 16-17].

Ивин А. А. трактует аргументацию с позиций рассмотрения человека как субъекта речевой деятельности: «Аргументация представляет собой речевое действие, включающее систему утверждений, предназначенных для оправдания или утверждения какого-либо мнения» [7, с. 40].

Проанализировав эти определения, приходим к мнению, что процесс аргументации – это интеллектуальная деятельность по обмену мнениями, способ рассуждения с целью доказывания своей позиции. Применительно к юридическому (судебному) дискурсу это еще и убеждение оппонентов в своей правоте.

Действительно, юридический (судебный) дискурс по природе своей имеет аргументативный характер, т.к. нацелен на обоснование принятого решения. Под правовой аргументацией (legal reasoning) в основном понимается деятельность судей, направленная на обоснование принятого решения. [6]

Наш опыт солидаризирует нас с мнением Василенко Л.Ю. о том, что «теория риторической аргументации преимущественно должна рассматриваться как теория убеждения, и в этом она противопоставляется формально логической теории аргументации как теории доказательства». [6]

Доказательство рассматривается как обоснование истинности суждения, убеждение - как метод воздействия на оппонента.

В теории убеждения процесс аргументации проходит в форме диалогической коммуникации в отличие от доказательства, которое, имманентно монологично.

Характерной особенностью любого аргументативного дискурса является наличие спорного вопроса, конфликта; применительно к юридическому дискурсу – это правовой вопрос, который выносится на рассмотрение в суде. Судья принимает решение по делу, выдвигая в его защиту определенный набор аргументов. [6]

Предметом аргументации является тезис – утверждение, требующее доказательства. Аргумент представляет собой суждение, необходимое для обоснования тезиса.

Основные виды аргументов: факты, законы, аксиомы, определения, документальные свидетельства и т. п. Для простоты дальнейших рассуждений объединяем все эти аргументы термином факт.

Факт - это явление или событие, имевшее место в действительности. Факты - очень важный вид аргумента. Они обладают достоверностью и большой силой убедительности и поэтому широко используются в доказательствах.

Практика показывает, что факты никогда не говорят сами за себя. Их всегда объясняют люди. Вот почему один и тот же факт, взятый в различных связях и отношениях, может быть объяснен по-разному. [13]

Идея о существовании различных типов людей на основе устойчивых отличий в способах восприятия и мышления была аккумулирована в термине «когнитивный стиль», под которым понимался гипотетический конструкт, отражающий различные познавательные стратегии.

В когнитивной психологии этот термин используется для того, чтобы выделить межиндивидуальные различия в процессах получения и переработки информации, а также, чтобы выделить типы людей в зависимости от особенностей их когнитивной ориентации. (Г. Уиткин, Р. Гарднер, А. В. Колга, Д. Броверман, Дж. Каган, Дж. Келли, Г.А. Берулава, А.В. Либин, М.А. Холодная и т.д.)

В основе разделения личностей на стили мышления лежат различия между людьми по тем способам познания мира, которые они предпочитают.

Эти различия в способах познания мира проявляются в интеллектуальной деятельности в т.ч. в способах

постановки вопросов, в моделях объяснения и приемах аргументирования. [5, 14]

Наиболее перспективным является анализ аргументации в тексте судебных решений с позиций когнитивной лингвистики, которая позволяет объединить когнитивно-коммуникативно-дискурсивные аспекты в процессе лингвокогнитивного анализа текста. Данный прием позволяет осуществлять анализ аргументации в тексте с точки зрения языковой структуры фреймов, реализующих функции аргументов в тексте. Основной для данной ситуации диалогический дискурс становится аргументативным фреймом для реализации убеждения. [6]

Согласно Х. Перельману [15, с. 165-227] различие между риторической аргументацией и формально-логическим доказательством заключается в том, что доказательство безлично, в то время как аргументация лично ориентирована. Вывод в доказательстве является строгим, а в аргументации вероятностным.

Личные местоимения и глаголы личной оценки и отношения, наречия мнения, суждения, оценочные выражения отражают личностное субъективное отношение к истинности высказываемой пропозиции. [18]

Иллюстрацией этого утверждения могут быть следующие выражения:

It seems to me ...[Мне кажется...], I guess, [Я предполагаю], I am not sure...[Я не уверен...], It is clear, that...[Ясно, что...], в которых глаголы seems, guess, not sure показывают неуверенность, сомнение автора, наречие clear - напротив уверенность автора в своей позиции. [20]

А. Хенкеманс противопоставляет единичную аргументацию сложной на основании количества выводов (в единичной аргументации – один, в сложной – несколько). В составе сложной аргументации исследователь выделяет множественную, сочинительно-составную и подчинительно-составную. Во множественной аргументации каждый довод в отдельности в достаточной мере обосновывает тезис, а в составной – все доводы обосновывают тезис в совокупности. [21].

Иллюстрацией единичной аргументации, по-нашему мнению, могут служить следующие предложения, содержащие один вывод:

<p>I join the Court’s opinion because I agree that a search within the meaning of the Fourth Amendment occurs, at a minimum, where, as here, the Government obtains information by physically intruding on a constitutionally protected area.”</p>	<p>[Я присоединяюсь к мнению Суда (тезис), потому что я согласен, что поиск в рамках значения Четвертой Поправки происходит, как минимум, везде, где правительство получает информацию, физически нарушая конституционно защищенную область.” (аргумент)]</p>
<p>Resolution of these difficult questions in this case is unnecessary, however, because the Government’s physical intrusion on Jones’ Jeep supplies a narrower basis for decision. I therefore join the majority’s opinion.</p>	<p>[Разрешение этих сложных вопросов в этом случае является необходимым (тезис2), однако, потому что физическое вторжение правительства в Джип Джонса составляет более узкое основание для решения, (аргумент) я присоединяюсь к мнению большинства (тезис1). [20]</p>

В данных примерах представлена единичная аргументация, так как говорящий опирается на единственный аргумент, присутствующий в высказывании.

Примером множественной аргументации, по-нашему мнению, может служить следующее высказывание, приводящее два довода в пользу утверждения:

<p>It is clear that the attachment of the GPS device was not itself a search if the device had not functioned or if the officers had not used it, no information would have been obtained.</p>	<p>[Ясно, что установка устройства GPS не была самостоятельным поиском (тезис), если бы устройство не функционировало (аргумент 1) или если бы чиновники не использовали бы его, то никакая информация не была бы получена (аргумент 2). [20]</p>
--	---

В данном случае тезис высказывания опирается сразу на два аргумента, подтверждающих его истинность. Примером составной аргументации, по-нашему мнению,

служит следующее высказывание, подкрепленное двумя доводами, которые в совокупности обосновывают конечное утверждение:

So if the GPS device had been installed before respondent's wife gave him the keys, respondent would have no claim for trespass – and, presumably, no Fourth Amendment claim either.

[Таким образом, если бы устройство GPS было установлено прежде чем жена ответчика отдала ему ключи, у ответчика не было бы требования к нарушению границ (консолидированный аргумент), и по-видимому, никакого требования Четвертой поправки не возникло бы (тезис). [20]

В данном примере доводы, находящиеся в логической связи, расположены последовательно. Отсутствие любого из них приводит к ничтожности другого, что вызывает необоснованность высказывания.

А.Н. Баранов выделяет прямую (сначала тезис, потом аргумент) (первые два примера) и обратную аргументацию (сначала аргумент потом тезис), иллюстрацией которой может служить последний пример.

Итак, судебный дискурс представляет собой дискурс аргументативного типа, состоящий из последовательности аргументативных фреймов, несущим каркасом которых являются синтаксические структуры.

Причинно-следственное пояснение, показателями которого служат *therefore, because, so if, would* является сигналом к разворачиванию аргументативного фрейма.

Список литературы

1. Аксенова Г.Н. Когнитивные стратегии аргументативной речевой деятельности: на материале судебной речи. Автореф. дис.канд. филол. наук: 10.02.19 / Алт. гос. ун-т. – Барнаул, 2003. – 23 с.
2. Баранов А.Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): Автореф. дис.докт. филол. наук/Ин-т русск. яз. АН СССР. М., 1990
3. Брутян Г.А. Очерк теории аргументации. Ереван: Изд-во АН Армении, 1992, 299 с.
4. Брутян Г.А. Аргументация. Ереван, 1984.
5. Беседина Е.В. Особенности аргументативного дискурса личностей с когнитивным стилем «когнитивная простота» *sni-vak.ru*
6. Василенко Л.Ю. Лингвокогнитивный анализ аргументации в тексте судебного решения: Дисс...канд. филол. Наук.- Москва, 2011.-191 с.
7. Ивин А.А. Теория аргументации: Уч. пособие. – М.: Гардарики, 2000. – 416 с.

8. Клюев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): Учеб. пособие. М.: Приор, 1999, 272 с.
9. Курбатов В.И. Стратегия делового успеха: Учеб. пособие. Ростов н/Д: Феникс, 1995, 416 с.
10. Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика: Учебн. Для юрид. Фак. И ин-тов. М.: Юрписть, 1995, 256 с.
11. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. – 326 с.
12. Кондаков Н.И. Логический словарь. М.: Наука, 1971. – 656 с.
13. Кириллов В.И. Логическая структура доказательства и убеждения www.ippnou.ru, 2012
14. Калашникова С.В. Лингвистические аспекты стилей мышления в аргументативном дискурсе: Дисс...канд.филол.наук.-Тверь, 2007
15. Перельман Х., Олбрехт – Тытека Л. Новая риторика: трактат об аргументации // язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987.- С.165-227.
16. Рождественский Ю.В. Теория риторики. 2-е изд., испр М.:Добросвет, 1999, 488 с.
17. Рузавин Г.И. Логика и аргументация: Учебн.пособие для вузов.- М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1997.-351 с.
18. Biber D. Variation across speech and writing.- Cambridge; New York, USA: Cambridge University Press, 1988. – 299 p.
19. Gilbert, Michael A. Goals in Argumentation // Practical Reasoning. Bonn, 1996
20. The Supreme Court of the United States N 10-1259 January 23, 2012 <http://justia.com>
21. Henkemans A.F. Snoek Analysing complex argumentation: The reconstruction of multiple and coordinatively compound argumentation in a critical discussion. – Amsterdam: Sic Sat, 1997. – 187 p.

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПАРАЯЗЫКОВЫХ ЯВЛЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: К ПРОБЛЕМЕ ТЕРМИНОЛОГИИ

Бобунова Мария Александровна

Докт. филол. наук, профессор кафедры русского языка КГУ, г. Курск, Ло Шаньлин, Аспирант кафедры русского языка КГУ, г. Курск

Важную роль в человеческом общении играют невербальные компоненты коммуникации, для наименования которых используется термин параязык. По мнению современных исследователей, параязык – это «явления и факторы, сопровождающие речь и не являющиеся вербальным материалом: громкость, паузы нерешительности, модуляции голоса, мимика, жесты, визуальный контакт между коммуникантами и т.д.» [9, с. 265]. Параязык является объектом исследования паралингвистики – «раздел языкознания, изучающий невербальные (неязыковые) средства, включенные в речевое сообщение и передающие, вместе с вербальными средствами, смысловую информацию» [12, с. 367].

Заметим, что термины параязык и паралингвистика

используются в науке как в широком, так и в узком значении. В узком смысле параязык – это «свойства фонации, характеризующие речь на данном языке и создающие совокупность звуковых явлений, общих и обязательных для реализации в речи данного языка или его разновидностей, но не входящих в систему собственно дифференциальных фонологических противопоставлений» [1, с. 312], и в этом случае паралингвистика охватывает явления, связанные только со звучанием речи.

В расширенном понимании параязык не ограничивается звуковой стороной, поэтому паралингвистика изучает также различные телодвижения в ситуации общения (см., например, определения в энциклопедических словарях: [2; 18, с. 132]). Широкий подход позволяет выделить

три вида паралингвистических средств: фонационные (тембр, темп, громкость речи, заполнители паузы, мелодические явления и др.), кинетические (жесты, поза, мимика и др.) и графические (почерк, особенности написания знаков письма, букв, символов и др.) [12, с. 367]. Остановимся на описании одного из них.

Так, наука, изучающая движения тела, участвующие в общении (исключая движения речевого аппарата), называется кинесикой. Этот термин тоже используется как в широком (учение о языке тела и его частей), так и в узком (учение о жестах рук) значении. Создателем данной науки является американский антрополог Рэй Бердвистел, который ввел в научный оборот целый ряд терминов. Центральной единицей кинетического языка является кинема. Кроме того, выделяются более мелкие единицы – кини – и более крупные – кинеморфы, кинеморфемы и кинесинтагмы [10].

Обычно под кинемой понимают самостоятельное, законченное жестовое движение с устойчивым значением. В этот случай в качестве синонима термина кинема используется слово жест (в широком смысле). Жесты – это «система различного рода телодвижений, особенно движений рук, как часть коммуникативного акта и как предмет кинесики» [1, с. 149]. Однако в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой у существительного кинема выделяется два значения: «1. Артикуляционная сторона звукопредставления в психологической фонологии. 2. Структурная единица кинетического (двигательного, жестикоторного) «языка» как системы», и, наряду с термином кинесика (пасимология), вводится термин кинемика «Раздел кинесики, изучающий кинемы (во 2 знач.), т.е. эмические, релевантные единицы кинетического языка» [1, с. 195].

Известно, что термины используются для точного определения специальных понятий, поэтому в идеале они должны обладать семантической четкостью и однозначностью. Однако на деле это не всегда соблюдается, поэтому исследователи в каждом конкретном случае вынуждены декларировать свою позицию. В частности, мы используем термины параязык, паралингвистика и кинесика в широком смысле. Объектом кинесики для нас являются кинемы – собственно жесты (жесты головы, рук, ног, плеч), мимические жесты, позы и телодвижения. Значимой для нашего исследования является и смежная с кинесикой область паралингвистики, занимающаяся изучением изменения расстояния между коммуникантами в процессе общения за счет намеренного движения собеседников, то есть проксемика, эмической единицей которой является проксема – ‘пространственный фон реализации вербального и невербального коммуникативного поведения’ [14].

Термины кинема и проксема хорошо вписываются в систему языковых единиц: фонема, лексема, морфема, семема и др. Исследователи уже обратили внимание на то, что формант -ем становится специализированным суффиксом языковедческих терминов. О.А. Михайлова утверждает, что «в лингвистике этот суффикс является достаточно продуктивным и маркирует абстрактную, глубинную единицу языка» [13]. Хотя в «Русской грамматике» [15] и современном «Толковом словаре словообразовательных единиц русского языка» [8] формант -ем не включен в перечень суффиксов имени существительного, в морфемных словарях проводится членение слов указанного типа (см., например: [16, с. 244, 275, 608]). Е.А. Левашов в статье «Еще один суффикс?» замечает, что элемент -ем пока официально не признан суффиксом, но претендует на его ста-

тус со значением ‘определяющий, значимый элемент какого-либо (обычно непредметного) целого’ [11, с. 52]. Полагаем, что в толкование данной морфемы следует включить и указание на присущую ей сему абстрактности.

Список терминов с формантом -ем постоянно пополняется, что свидетельствует, во-первых, о подвижности терминологической системы, а во-вторых, о творческом подходе лингвистов к терминологическому образованию. Говоря о креативности в терминологии, О.А. Михайлова отмечает, что «образование эмических терминов в метаязыке современной лингвистики идет в двух направлениях – вглубь ивширь. В первом случае каждая из известных структурных единиц изучается более глубоко и в разных аспектах, в результате чего она становится основой словообразовательного гнезда» [13]. Подтверждением этому служат термины, например, с компонентами алло- (аллофонема, алломорфема), архи- (архифонема, архилексема), гипер- (гиперфонема), квази- (квазиморфема) и термины контаминированного характера (лексоморфема, синтагмоморфема). «Второе направление, по которому развивается эмическая терминология, – расширение круга единиц, для номинации которых создаются слова с суффиксом -ем» [13]: графема, интомема, культурема, текстема, фразема, эвристема, экспрессема и др.

Материалом нашего исследования являются художественные тексты. Если при непосредственном общении невербальные компоненты обязательно сопровождают акт коммуникации, то в процессе творчества писатель осознанно относится к данному явлению, обращая или не обращая внимание на эту сторону действительности, при этом невербальное поведение может изображаться в тексте по-разному. В связи с этим исследователи ищут адекватные термины для наименования вербального отражения кинем.

Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров предлагают использовать известный термин речение, вкладывая в него особое значение – «обобщающее, родовое понятие для любой выделяемой единицы языка и речи, имеющей нереляционный, т.е. ориентированный на внеязыковую действительность, смысл» [4, с. 37]. В «Словаре языка русских жестов» используется описательный оборот номинации жеста [6, с. 21]. А.Т. Хроленко в статье «Говорим словами – беседуем телом» вводит термины паракинема, паралексема и парасемема. В частности, под паракинемой он понимает «слово или группу слов, описывающих тот или иной жест» [19, с. 53].

Безусловно, отсутствие общепринятой терминологии способствует терминотворчеству исследователей параязыка художественного текста. Каждый из предложенных терминов имеет право на существование, если он сопровождается научным определением, позволяющим установить значение понятия и очертить его границы. Поскольку термину должна быть присуща «четко ограниченная, преимущественно мотивированная специализация и абсолютная семантическая точность» [17, с. 217] и краткость, на статус термина претендуют прежде всего однословные наименования. В нашем случае это лексемы с элементом пара-. Пара... ‘[от греч. *para* – рядом, возле, вне] Первая часть сложных слов. Вносит зн.: находящийся рядом с тем, что названо во второй части слова’ [3, с. 779].

Термин паракинема коррелирует со словами параязык и паралингвистика, в дефинициях которых есть упоминание об отношении изучаемых ими факторов к коммуникативному акту. В связи с этим, кроме исходной семантики ‘рядом, возле, вне’, формант пара- приобретает дополнительное созначение ‘коммуникативно значимый’

и выполняет роль префикса, определяемого как ‘значимый элемент невербального коммуникативного поведения’.

С.В. Гринев, теоретик терминографии, выделил разные типы специальной лексики, где, кроме основной единицы – термина, есть «целый ряд других единиц – терминоиды, предтермины, квазитермины, прототермины, профессионализмы и профессиональные жаргонизмы» [7, с. 76–77]. Самостоятельной лексической единицей в терминографии считается и терминоэлемент (В.Л. Налепин) – «минимальная структурная единица термина с фиксированным значением, участвующая в терминообразовании и представляющая собой слово (прилагательное или наречие) в составе словосочетаний, символ в составе словослов, основу или словообразующую морфему в составе сложных и производных слов» (цит. по: [7, с. 79]). Думается, что формант пара- по праву можно считать терминологическим элементом, с помощью которого образуются новые слова.

Таким образом, мы используем предложенный А.Т. Хроленко термин паракинема, но уточняем его семантику следующим образом: это слово или группа слов, описывающих коммуникативно значимый жест. А для обозначения единиц языка, отражающих явления проксемики коммуникации, вводим образованный по аналогии термин парапроксема.

Паракинемы и парапроксемы – это не любые номинации жестов и явлений «территориального поведения». Они выявляются нами лишь в ситуации реального или виртуального диалога, поэтому в словник не войдут наименования самодостаточных жестов и движений, которые «выполняются ради самих себя, для достижения непосредственных целей» [4, с. 36]. Приведем примеры паракинемы и парапроксемы из повести К.Д. Воробьева «Сказание о моем ровеснике» [5]. Указанные единицы неоднородны в структурном отношении, поскольку могут быть представлены

• одной лексемой разной частеречной принадлежности:

- В газке нуждишка? Что ж, сходим, налью. У меня он дешевле, чем тут, – кивнул он на стенку (83);
- Идите скорейча на речку! – с поклоном сказала она. – Там матросенок ваш залился!.. (89);
- Я комиссар первого коммунистического полка Красной Армии. Фамилия моя Верховланцев, – сухо проговорил комиссар, вплотную подступив к Игнату. – Мне нужны пофамильные имущественные списки жителей вашего села. Есть таковые? (59);
- Цыц, выкрутень! – не в шутку подвинулся к Алексею Матвей Егорович. – Плакать впору, а не гогот разводить в хате! (46);

• словосочетанием:

Он неохотно оторвался от газеты, бережно сложил ее вчетверо и только тогда протянул через стойку смуглую цепкую руку.

- Здорово, сваток. С праздником. Не ходил к обеду? (43);
- Вы... сумеете сколько-нибудь дать? – не сразу спросил Верховланцев.
- Игнат долго молчал, глядя в окно на серую, предгрозовую муть рассвета, потом кивнул головой (60);
- Некогда. Я на минуту... У тебя русско-горькая водится?

– Есть добро. А что, гость в хате? – прихлопнул веком левый глаз Кузьма Михайлович (43);

• предложением и даже развернутой конструкцией:

Алексей растерянно глянул на женщину. Желтые зрачки ее были пронзительны и будто спрашивали: «Верно?» (56);

Сваты стояли друг против друга внутренне напрягшись, издавна и тайне ненавидя свое нечаянное родство, и было в их позах что-то удивительно птичье: один, смуглый и плотный, смахивал на ворона, готового клонуть, второй – на раскрылатившегося перед боем скворца. – Гляжу я на тебя и диву даюсь: до чего же ты злой! – оскорбленно проговорил Кузьма Михайлович. – За то, может, и наказал тебя бог! (83).

Итак, паралингвистика, сформировавшаяся как область языкознания сравнительно недавно, в настоящее время интенсивно развивается и формирует свой терминологический аппарат, при этом смысловое содержание одних и тех же терминов может различаться в зависимости от узкого или широкого подхода к изучаемому явлению, от определенных традиций в рамках конкретной лингвистической школы, от цели и задач проводимого исследования. Проблема заключается в том, что параязык – это явление устной речи, которое индивидуально осмысливается каждым писателем, демонстрирующим авторский подход к включению в текст повествования специальных языковых средств, вербализирующих значимые жесты, и к отбору таких средств, различающихся по лексическому составу, морфологическому выражению и структурным особенностям. Изучение вербализации параязыковых явлений в художественном произведении требует своего инструментария и специфической терминологической базы с обязательной дефиницией каждого вновь введенного специального наименования, а в случае использования традиционных терминов – с объяснением своего подхода к толкованию неоднозначно понимаемых понятий.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 576 с.
2. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://bse.sci-lib.com/article086839.html> (дата обращения – 10.12.2014).
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
4. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. О своеобразии отражения мимики и жестов вербальными средствами (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. 1981. № 1. С. 36–47.
5. Воробьев К.Д. Сказание о моем ровеснике // Воробьев К.Д. Собрание сочинений: в 5 т. Курск: ИД «Славянка», 2008. Т. 1. С. 38–124 (при цитировании в скобках указывается страница).
6. Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е. Словарь языка русских жестов: Языки русской культуры. Венский славистический альманах, 2001. 256 с.
7. Гринев С.В. Введение в терминографию. М.: МПУ, 1995. 161 с.
8. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. 2-е изд., испр. М.: АСТ: Астрель, 2005. 636 с.
9. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М.: ЭКСМО, 2008. 672 с.

10. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 581 с.
11. Левашов Е.А. Еще один суффикс? // Русская речь. 2013. № 1. С. 51–52.
12. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
13. Михайлова О.А. Креативность в терминологии (на материале «эмических терминов») [Электронный ресурс]. URL: http://journals.uspu.ru/attachments/article/148/%D0%92%D0%95%D0%A1%D0%A2_3_8.pdf (дата обращения – 21.11.2014).
14. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003. [Электронный ресурс]. URL: <http://pervodovedcheskiy.academic.ru/> (дата обращения – 17.12.2014).
15. Русская грамматика: в 2 т. М.: Наука, 1980. Т. I. 783 с.
16. Тихонов А.Н. Морфемно-орфографический словарь: ок. 100 000 слов. М.: Астрель: АСТ, 2007. 700 с.
17. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология: учеб. для филол. спец. вузов. М.: Высш. шк., 1990. 415 с.
18. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий: в 2 т. / А.Н. Тихонов, Р.И. Хашимов, Г.С. Журавлев и др. М.: Флинта: Наука, 2008. Т. 1. 840 с.
19. Хроленко А.Т. Говорим словами – беседуем телом // РОСИ. Ученые записки. Серия: Проблемы социально-гуманитарных дисциплин. Вып. 4. Курск, 1999. С. 45–58.

КОНЦЕПТ «ГОЛОС» И ЕГО РОЛЬ В ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПЕРСОНАЖА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА А. И. КУПРИНА «АНАФЕМА»)

Дубова Марина Анатольевна,

Докт. фил. наук, профессор кафедры русского языка, г. Коломна

Чернова Любовь Афанасьевна,

Докт. фил. наук, профессор кафедры русского языка, г. Коломна

В рассказе А. И. Куприна «Анафема» изображен протодьякон Олимпий, который во время службы, под впечатлением прочитанной повести Л. Н. Толстого «Казаки», вместо анафемы писателю провозглашает «многая лета», чуть не сорвав свой редкостный голос, и уходит из церкви навсегда с гордо поднятой головой.

Основным занятием протодьякона Олимпия было пение в церкви, поэтому главной его заботой было укрепление голоса, чтобы он мощно звучал в тональности «ре», а не «до-диез», как пел хор под управлением регента. У Олимпия была мечта – перевести хор на свой тон. Он гордился своим голосом, который вызывал восторг у публики, проникая во все воздушные пространства собора и заставляя колебаться соборные люстры.

Не случайно ключевой языковой единицей в тексте представляется слово «голос», которое и выступает в качестве номинативного ядра концепта, и не только в прямой номинации, но и в переносной. В этом заключается его концептуальная особенность в структуре текста А. И. Куприна.

В прямой номинации слово «голос» трактуется в словарной статье в 1-ом значении: «Совокупность звуков, возникающих в результате колебания голосовых связок» [2, с. 136]. Это слово насчитывает в анализируемом тексте 12 словоупотреблений:

1. В дьяконе же было около девяти с половиной пудов чистого веса, грудная клетка – точно корпус автомобиля, страшный голос, и при этом та нежная снисходительность, которая свойственна только чрезвычайно сильным людям по отношению к слабым [1, с. 743].
2. Приходилось протодьякону долго устраивать голос [1, с. 743].
3. «Не звучит голос», – подумал он [1, с. 743].
4. Он один умел наполнить своим мощным звериным голосом все закоулки старого здания и заставить дрожать и звенеть в тон хрустальные стекляшки на паникадилах [1, с. 744].
5. Олимпий ещё раз попробовал голос [1, с. 744].
6. – Нет, конечно, спал голос! [1, с. 744].
7. Проходя в южные двери

алтаря, он последний раз, откашливаясь, попробовал голос [1, с. 745].

8. С удовольствием он в эту минуту почувствовал, что его голос звучит гораздо лучше, чем обыкновенно, переходит свободно из тона в тон и сотрясает мягкими глубокими вздохами весь воздух собора [1, с. 745].
9. Стоял он на своём возвышении, огромный, в золотом парчовом негнувшемся стихаре, с чёрными с сединой волосами, похожими на львиную гриву, и время от времени постоянно пробовал голос [1, с. 745-746].
10. Он подождал немного, пока в воздухе не устоится его голос [1, с. 748].
11. И, напрягая всю мощь своего громадного голоса, он начал торжественно...
12. – Я сорвал себе голос, но это во славу божию и его... [1, с. 750].

В качестве периферийных компонентов номинативного поля и концепта «голос» выступают различные лексико-грамматические единицы, характеризующие голос персонажа с точки зрения профессиональных данных, звучания, восприятия, а также изображающие работу Олимпия над голосом.

Профессиональные наименования при характеристике голоса Олимпия представлены именами существительными (тон, полутон, названия нот). Повторяемость этих слов в тексте свидетельствует об их контекстуальной значимости: Олимпий добивается соответствующего звучания своего голоса, а сопровождающий его хор не дотягивает полтона, что очень беспокоит, волнует протодьякона и вызывает эмоциональное напряжение. Подтвердим выдвинутое положение примерами из текста: 1. Однако только один он во всём городе, а может быть, и во всей России, мог бы заставить в тоне «ре-фис-ля» звучать старый, тёмный, с золотом и мозаичными травками старинный собор [1, с. 744]. 2. Он один умел наполнить своим мощным звериным голосом все закоулки старого здания и заставить дрожать и звенеть в тон хрустальные стекляшки на паникадилах [1, с. 744]. 3. – Ми... ми... фа... Мироносицы... Эй, мать, – крикнул он в другую комнату дьяконнице, – дай мне «ре» на фисгармонии [1, с. 744]. 4. «Км,

км... звучит в «ре»» – подумал он. – А этот подлец непременно задаст в «до-диез». Всё равно я переведу хор на свой тон» [1, с. 745]. 5. Медленно, ощупывая ступеньку за ступенькой и бережно трогая руками дубовые поручни, он всегда боялся, как бы не сломать чего-нибудь по нечаянности, – поднялся протодьякон на кафедру, откашлялся, протянул из носа в рот, плюнул через барьер, ущипнул камертон, перешёл от «до» к «ре» и начал... [1, с. 745]. 6. «Нет, подлец – регент», – подумал он, – ты при владыке не посмеешь перевести мне тон [1, с. 745]. 7. С удовольствием он в эту минуту почувствовал, что его голос звучит гораздо лучше, чем обыкновенно, переходит свободно из тона в тон и сотрясает мягкими глубокими вздохами весь воздух собора [1, с. 745]. 8. Он ещё откашлянулся, попробовал мысленно переход в два полутона и вдруг, наполнив своим сверхъестественным голосом громадный собор, заревел... [1, с. 749].

Для характеристики звучания голоса протодьякона используются номинации, представленные глагольными и отглагольными языковыми единицами (звучать, дрожать, звенеть, сотрясать, рычать, дребезжащий, рёв): 1. Однако только один он во всём городе, а может быть, и во всей России, мог бы заставить в тоне «ре-фис-ля» звучать старый, тёмный, с золотом и мозаичными травками старинный собор [1, с. 744]. 2. Он один умел наполнить своим мощным звериным голосом все закоулки старого здания и заставить дрожать и звенеть в тон хрустальные стекляшки на паникадилах [1, с. 744]. 3. С удовольствием он в эту минуту почувствовал, что его голос звучит гораздо лучше, чем обыкновенно, переходит свободно из тона в тон и сотрясает мягкими глубокими вздохами весь воздух собора [1, с. 745]. 4. Протодьякон время от времени рычал: «Воимем»... «Господу помолимся» [1, с. 745]. 5. И отец Олимпий, равнодушно сотрясая своим львиным рёвом собор и заставляя тонким дребезжащим звуком звенеть стёклышки на люстрах, проклинал, анафемствовал и отлучил от церкви иконоборцев, всех древних еретиков... а также всех, принимающих учение, противное православной вере [1, с. 746].

В качестве номинаций восприятия голоса Олимпия употребляются имена прилагательные (страшный, мощный, звериный, сверхъестественный): 1. В дьяконе же было около девяти с половиной пудов чистого веса, грудная клетка – точно корпус автомобиля, страшный голос, и при этом та нежная снисходительность, которая свойственна только чрезвычайно сильным людям по отношению к слабым [1, с. 743]. 2. Он один умел наполнить своим мощным звериным голосом все закоулки старого здания и заставить дрожать и звенеть в тон хрустальные стекляшки на паникадилах [1, с. 744]. 3. Он ещё откашлянулся, попробовал мысленно переход в два полутона и вдруг, наполнив своим сверхъестественным голосом громадный собор, заревел... [1, с. 749].

Для изображения процессов работы Олимпия над своим голосом привлекаются номинации, представленные глагольными словосочетаниями (устраивать голос, смазывать горло, дышать паром, пробовать голос, попробовать голос, попробовать переход в два полутона): 1. Приходилось протодьякону очень долго устраивать голос [1, с. 743]. 2. Это противное мучительно-длительное занятие, конечно, знакомо всем, кому случалось петь публично: смазывать горло, полоскать его раствором борной кислоты, дышать паром [1, с. 743]. 3. Ещё лёжа в постели, отец Олимпий пробовал голос – Ина... кмм! Ина – а – а! Аллилуйя, аллилуйя... Обаче... кмм!.. Ма – ма... Мам – ма... [1, с. 743]. 4. Олимпий ещё раз попробовал голос: –

Ми... ми... фа... Ми – ро – но – си – цы... Эй, мать, – крикнул он в другую комнату дьяконице, – дай мне «ре» на фисгармонии [1, с. 744]. 5. Стоял он на своём возвышении, огромный, в золотом парчовом негнувшемся стихаре, с чёрными с сединой волосами, похожими на львиную гриву, и время от времени постоянно пробовал голос [1, с. 745-746]. 6. Он ещё откашлянулся, попробовал мысленно переход в два полутона и вдруг, наполнив своим сверхъестественным голосом громадный собор, заревел: – Многая л – е – е – та – а – а – а [1, с. 749].

Таким образом, концепт «голос» в его прямой номинации представлен системой лексико-грамматических средств, номинирующих ядро концепта и его периферийные составляющие.

В переносной номинации содержание концепта «голос» определяется в соответствии с 4-ым значением словарной статьи «голос»: «Внутреннее побуждение, осознание чего-н. (книжн.). Г. совести. Г. чести. Г. разума. Внутренний голос» [2, с. 136]. Данное значение имеет отношение к ментальной характеристике языковой личности. В связи с этим в качестве эквивалента ядерного наименования «голос» выделяется языковая единица «мысль», служащая номинацией одного из основных ментальных атрибутов личности изображаемого персонажа, наряду с номинациями «ум» и «память», которые представляют разновидности ядерного ментального компонента. Проиллюстрируем сказанное: 1. Почему-то его мысли никак не могли отвязаться от той повести, которую он читал в прошедшую ночь, и постоянно в его уме с необычайной яркостью всплывали простые, прелестные и бесконечно увлекательные образы [1, с. 746]. 2. Но чёткая память всё дальше и дальше подсказывала ему прекрасные слова [1, с. 749].

Реализация ментальных ценностей изображаемой личности протодьякона находит проявление и в других номинациях, выступающих в качестве разновидностей ядерного компонента и представляющих мыслительные действия персонажа в виде глагольных языковых единиц (думал, подумал), в которых выражаются мысли героя по поводу звучания его голоса, поведения регента хора, негативного впечатления от лиц прихожан, а главное – мнение о себе самом по поводу произнесения анафемы автору только что прочитанной повести, круто повернувшей его жизнь: 1. «Не звучит голос», – подумал он [1, с. 743]. 2. Но нередко, творя крестное знамение, он также бледнел и думал: «Ах, не сорваться бы» [1, с. 744]. 3. «Км, км... звучит в «ре»» – подумал он. – А этот подлец непременно задаст в «до-диез». Всё равно я переведу хор на свой тон» [1, с. 745]. 4. «Нет, подлец – регент», – подумал он, – ты при владыке не посмеешь перевести мне тон [1, с. 745]. 5. «Странно, – вдруг подумал Олимпий, – отчего это у всех женщин лица, если глядеть в профиль, похожи либо на рыбку морду, либо на куриную голову... Вот и дьяконица тоже...» [1, с. 746]. 6. «Боже мой, кого это я проклиная? – думал в ужасе дьякон. – Неужели его? Ведь я же всю ночь проплакал от радости, от умиления, от нежности?» [1, с. 748].

В качестве периферийных компонентов концепта «голос» в переносной форме выступают номинации процессов, вызвавших к действию мыслительные процессы в сложившейся ситуации, – глагольные и отглагольные языковые единицы (читал, прочитал, чтение): 1. Отец Олимпий был большой любитель чтения, читал много и без разбора, а фамилиями авторов редко интересовался [1, с. 744]. 2. Это чтение взбудоражило стихийную протодьяконскую душу [1, с. 744]. 3. Три раза подряд прочитал он

повесть и часто во время чтения плакал и смеялся от восторга, сжимал кулаки и ворочался с боку на бок своим огромным телом [1, с. 744]. 4. Почему-то его мысли никак не могли отвязаться от той повести, которую он читал в прошедшую ночь, и постоянно в его уме с необычайной яркостью всплывали простые, прелестные и бесконечно увлекательные образы [1, с. 746].

Автор постоянно подчёркивает незаурядность и уникальность своего героя: на него «даже мальчишки собирались глазеть с таким же благоговением, с каким они смотрят в раскрытую пасть медного геликона в военном оркестре на бульваре» [1, с. 745]. Он абсолютно не вписывается в церковную среду: «Конечно, лучше бы ему было быть охотником, воином, рыболовом, пахарем, а вовсе не духовным лицом» [1, с. 744]. И причину этой несообразности Куприн объясняет с первых строк произведения: «Отец Олимпий был большой любитель чтения, читал много и без разбора...» [1, с. 744]. Любовь к чтению, как ни странно, заложило в нём семинарское образование, «основанное главным образом на зубрёжке, на чётке «устава», на необходимых цитатах из отцов церкви» [1, с. 744]. Как оказалось, это бессмысленное образование имело один положительный результат: оно «развило его память до необыкновенных размеров. Для того чтобы заучить наизусть целую страницу из таких сложных писателей-казуистов, как Блаженный Августин, Тертуллиан..., ему достаточно было только пробежать глазами строки, чтобы их запомнить наизусть» [1, с. 744]. Как мы узнаём из рассказа, круг чтения протодьякона достаточно широк: это не только духовные труды, но и, к примеру, «повесть о том, как на Кавказе жили солдаты, казаки, чеченцы, как убивали друг друга, пили вино, женились и охотились на зверей» [1, с. 744]. Именно эта повесть, как мы догадаемся позже, под авторством Л. Н. Толстого, и окажется ключевым моментом сюжета, перевернувшим жизнь протодьякона, вокруг неё будут группироваться все его мысли. Это чтение не только не оставило священника равнодушным, писательский голос проник в самые глубины его души, перевернув обыденное сознание. Отец Олимпий живо сопереживает тому действию, которое разворачивается в этой книге: «Это чтение взбудоражило стихийную

протодьяконскую душу... часто во время чтения плакал и смеялся от восторга, сжимал кулаки и ворочался с боку на бок своим огромным телом» [1, с. 744]. И, как гвоздь, в его сознании сидит мысль, почерпнутая из прочитанной накануне повести, – «всё Бог сделал на радость человеку» [1, с. 749], мысль кошунственная и богохульская, но теперь она одна определяет сознание священника, готового ради её утверждения теперь на всё: «Пойду кирпичи грузить, в стрелочники пойду, в катали, в дворники, а сан всё равно сложу с себя... Не хочу больше. Не желаю. Душа не терпит. Верую истинно, по Символу веры, во Христа и в апостольскую церковь. Но злобы не приемлю» [1, с. 750].

Как это, на первый взгляд, ни парадоксально, не церковная служба очищает душу отца Олимпия, а проникнувшие в самое его сердце слова Л. Н. Толстого, которого он, согласно записке архиепископа, должен предать анафеме, о добре. Вместо слов проклятий, священник, «наполнив своим сверхъестественным голосом громадный собор, заревел: «Земной нашей радости, украшению и цвету жизни, воистину Христа соратнику и слуге, болярину Льву... Многая ле-е-ета-а-а»» [1, с. 749].

В продолжение всей службы в сознании священника «с необыкновенной ясностью всплывают слова вчерашней повести» [1, с. 747]; «Боже мой, кого это я проклинаю? – думал в ужасе дьякон. – Неужели его? Ведь я же всю ночь проплакал от радости, от умиления, от нежности» [1, с. 748]. В герое долг священника и чувство справедливости вступают в непримиримую борьбу, которая продолжается совсем недолго, в течение службы, и заканчивается бесповоротной победой совести, души, сердца протодьякона и мысли о том, что «всё бог сделал на радость человеку» [1, с. 750].

Список литературы

1. Куприн А. И. Анафема // Куприн А. И. Избранное. – Кишинёв: Изд-во «Карта Молдовеняскэ», 1971. – 768 с. – С. 743 – 750.
2. Ожегов С. И., Шведова И. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фраз. выражений. – М.: «А ТЕМП», 2004. – 944 с.

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ АНГЛИЦИЗМОВ В РУССКОМ ДИСКУРСЕ

Дьяков Анатолий Иванович

кандидат филологических наук, доцент, Сибирский университет потребительской кооперации, Новосибирск

PRAGMATIC FUNCTIONS OF ANGLICISMS IN RUSSIAN DISCOURSE

Dyakov Anatoly, Candidate of Science, assistant professor of Siberian University of Consumer Co-operatives, Novosibirsk

АННОТАЦИЯ

В статье даётся классификация функций англицизмов в русском дискурсе с учетом социально-коммуникативных сфер их употребления. Дифференциация функций произведена в соответствии с «новым тривиумом» Ч. Морриса (знак – предмет; знак – знак; знак – человек). Подробно описывается группа прагматических функций, ориентированная на отношение "человек - знак": экспрессивная, контактоустанавливающая, социально-маркирующая, эвфемистическая, декоративная, образовательная и другие. Анализируются частные функции англицизмов.

ABSTRACT

The article gives a classification of anglicisms' functions in the Russian discourse taking into account socio-communicative spheres of their performance. Differentiation of functions is carried out in accordance with Ch. Morris "new trivium" (sign – subject; sign – sign; sign – person). The group of pragmatic functions oriented on the relation "sign – person": evocative, phatic, socio-labeling, euphemistic, decorative, educational and others are described in detail. Some concrete functions of anglicisms are analyzed.

Ключевые слова: англицизм; прагматическая функция; экспрессивная функция, контактоустанавливающая функция, социально-маркирующая функция, эвфемистическая функция, декоративная функция, функциональный синкретизм.

Key words: Anglicism, pragmatic function, evocative function, phatic function, socio-labeling function, euphemistic function, decorative function, functional syncretism.

В данной статье предлагаются три модели функций англицизмов в русской речи. Многообразие англицизмов, представленных в созданном нами словаре [2, Электронный ресурс], делает вопрос об их функциональной значимости в русском дискурсе особенно актуальным. Выявленная полифункциональность английских заимствований – свидетельство лингвопрагматической значимости их функционирования в принимающем языке.

"Функция" (лат. function исполняю) - назначение, роль. Функция языка, или языковая функция, - предназначение языка как данности, как системы знаков выполнять определенную роль в жизнедеятельности некоторого социума" [3, с. 20]. В понятии функции как назначения, цели использования англицизма в русском высказывании мы, вслед за А.В.Бондарко [1, с. 25], учитываем потенциальный и результативный аспекты, позволяющие увидеть реализацию языковых возможностей в речи.

Анализируя функции англоязычных заимствований в русском языке и учитывая семиотические основания, мы выделили три класса функций, в каждой из них есть ведущая функция. Дифференциация функций произведена в соответствии с «новым тривиумом» Ч.Морриса (знак – предмет; знак – знак, знак – человек).

1. Группа, объединенная номинативной функцией, ориентированной на отношение "знак - предмет": терминологическая, информативная, заместительная, лакунозаполняющая. В свою очередь, информативная функция объединяет группы более частных функций: познавательная (познание окружающей среды), указательно-выделительная, металингвистическая (реализуемая при обучении иностранным языкам, в рефлексии над языком его носителя). Заместительная функция: синонимодифференцирующая и компрессивная (англицизмы экономят языковое пространство).
2. Группа прагматических функций, ориентированных на отношение между человеком и знаком. Экспрессивная, объединяющая более частные функции: а) эмотивная (ее разновидности: адмиративная (англ. to admire восхищаться) и репрессивная (провоцирующая раздражение читателя/слушателя), б) эмоционально-оценочная, в) аттрактивная, стимулирующая интерес читателя/слушателя. Последняя имеет разновидности: декоративная и игровая. Исходная для этой группы - магическая функция.

В группу прагматически значимых функций добавим следующие:

- образовательная, информативная;
- характерологическая; социально-маркирующая (социально-аттестующая и профессионально-маркирующая);
- контактоустанавливающая, узнавательная, фатическая; зазывная; декоративная;
- эвфемистическая, кодирующая, конспирирующая, сокративная, цензурная функции;
- узнавательная, декодирующая функция.

Эта большая группа функций знаменательна для нашего времени, так как "усилилась экспрессивно-эмоциональная функция современного языка" [5, с. 235]. Про-

явление этих частных функций (нередко диффузное) характерно в основном для признаков слов (прилагательных, глаголов, мотивированных англицизмами), для названий лица, отвлеченных понятий, - когда они ориентируются на семантику "свойство", "качество".

3. Группа функций, ориентированная на отношение "знак - знак". Эти функции английские заимствования и их производные проявляют на уровне фразы, текста, сферы использования англицизма: стилиобразующая, текстообразующая, жанрообразующая, идиообразующая.

К трём группам функций примыкает структурная функция англицизмов, функция воспроизведения себе подобных. Эта функция уже другого уровня - деривационная: на русской почве англицизмы сейчас активно участвуют в словопроизводстве, и - реже - в образовании новых лексических значений, то есть реализуют свои возможности в эпидигматике [6, с. 64] нашего языка. Наличие этой функции – показатель «вживления» англицизма в русскую речевую среду.

Рассмотрим подробнее группу прагматических функций, ориентированных на отношение «человек – знак». Прагматические функции или функции воздействия на человека отмечены разнообразием и многочисленностью.

Экспрессивная функция англицизмов ярко проявляется в молодежном сленге. Принадлежностью молодежного жаргона в плане выражения прагматической функции, в том числе, фатической, являются англицизмы, в том числе многочисленные словосочетания, соотнесенные с разными речевыми жанрами, как-то: а) приказаний и просьб: гона(собираюсь), шат ап (заткнись), гоу хоум (иди домой), хай тайм (пора), экскьюз ми (извини), бла-бла-бла (и т.д.), камон (давай), кип смайлинг (улыбайся), чиз (улыбайся); б) приветствий и прощаний: бай-бай, бай, гудбай, чин-чин, хай, хой, хэллоу; в) согласия: адерстенд, ол райт, йес, ноу проблем, окей; г) оценок: бэд, вери вел, гилда, гуд, райт, сакс, тип-топ, топ, тру, файн, фифти-фифти, фрилдз, эксселент. Школьниками употребляется в речи большое число междометий, частиц, слов, выражающих эмоциональное отношение говорящего: восклицание wow, утвердительная частица уес с характерным жестом.

Английские оценочные слова, вкрапленные в русские устойчивые словосочетания, выполняют экспрессивную функцию, выражая оценочные эмоции: "Все шокинг-блю!", "У меня все в полном райте!"; "У меня все в тип-топе!; Высший класс!" Почти все вышперечисленные англицизмы, в связи со своей спецификой, пришли в русский язык без изменения своей структуры. Многие из них, помимо эмоционально-оценочной, выполняют фатическую, контактоустанавливающую функцию.

- а) выражение восторга или досады: аут, бенч, йес, кул, свун, супер, упс, форэвер, Чикаго, шокинг блю. Сюда же отнесем междометия, сигнализирующие о восклицании: буу, а хой, алло, алле, Блиндамед, вау, масдай. Школьники любят употреблять английские ругательства: ругательств: билибонс, биоробот, годдэмит, мазафака, маздай, скам, булшит, хелл, шит, фак, которые они в большом количестве слышат с экранов телевизоров и компьютера. В данном случае англицизмы выполняют цензурную функцию - английское ругательство звучит

"более культурно". Считается, что престижнее блеснуть английской фразой, чем ее русским эквивалентом. Поэтому английские слова и фразы выполняют функцию сокрытия информации от непосвященных людей (конспирирующая функция). "Эта математика - пис ов шит!"(дерьмо).

- b) речевые акты поздравлений: хэппи бездэй ту ю, хэппи бездэй, чин-чин;
- c) речевые акты извинений и благодарности: сорри, ссэнкс, сенька;
- d) речевые акты обращений: дарлинг, хани.

Проявлением эмфатической эмоционально-экспрессивной функции можно считать то, что Бэтмэном московские тинэйджеры называют памятник Ю. Гагарину в Москве.

Эмотивная функция англицизмов проявляется в стремлении говорящего/пишущего произвести впечатление на партнёра по коммуникации – удивить его (адмиративная функция) или унижить, сделав акцент на его невежестве (репрессивная функция). Человек, изобильно «украшающий» свою речь англицизмами в разговоре с обычным собеседником, рассчитывает на реакцию восхищения с его стороны: «Вчера постил на Фейсбуке плейкасты!». Репрессивная функция проявляется не только в употреблении английских ругательств, но и в том, чтобы выказать превосходство перед собеседником: «Да ты даже не знаешь, что такое интерфейс, а туда же!».

Англицизмы украшают речь, привлекая внимание и к собеседнику (аттрактивная функция), и к содержанию его сообщения. Декоративная функция англицизмов заключается и в магическом, завораживающем действии английской единицы, особенно оформленной в графике языка-донора, например, на часть целевой аудитории рекламодателей: «Duracell – это надолго! Приходи в Wal-Mart».

Нередко англицизмы-наименования продуктов питания, используются без осознания внутренней формы. Русские производители по соображениям конкурентоспособности товара на мировом или же в декоративных целях придумывают названия продуктов на английском языке ("Fruitime", "Win-up"), в таких случаях эти номинации выполняют аттрактивную и декоративную функции.

Англицизмы служат для узнавания известных в мире вещей и понятий в процессе коммуникации носителей разных языков (узнавательная или декодирующая функция). Англицизмы принимают активное участие в создании юмористического эффекта, частотны случаи обыгрывания англоязычных слов и фраз – игровая функция (По MOSTу через MORE, Сиди! (CD – компактный диск) – обыгрывается русская форма императива и английская аббревиатура).

Функцию, стимулирующую читательский/зрительский интерес (аттрактивная функция) проиллюстрируем на примере многочисленных заголовков в журналах или рубрик на телевидении, где получатель информации, заинтересованный незнакомым словом, будет читать или смотреть весь материал, чтобы наконец-то узнать значение лексемы: «Настоящая брайдзила» (bridezilla – «девушка, поставившая целью жизни выйти замуж»), «Покупаем максимайзеры!» (maximizer – «бюстгалтер, оптически увеличивающий бюст»), «Наняли трабл-шутера» (trouble-shooter – «человек, приглашенный извне для решения проблемы предприятия»), «Систейдинг – новая философия свободы» (seasteading – «идеология строительства и проживания в свободных сообществах, плавающих в открытом море на модифицированных крейсерах судах или переоборудованных нефтяных платформах»);

«Катя Лель возглавляет сегодня список трэш-сеттеров» (trash setter - человек, шокирующий своими безвкусными нарядами общественность).

Школьники младших и средних классов осваивают англицизмы через телевидение и компьютерные игры. Имена героев зарубежных фильмов: Спайдермэн, Бэтмэн, Сейлормун, Такседо Маск, Робокон, Терминатор и др. – часто используются ими в речи, при этом школьники не задумываются над содержанием этих номинаций, которые переводятся соответственно, как человек-паук, человек-летучая мышь, луна в матроске, маска во фраке, робот-полицейский, воин. Данные номинации звучат экзотично, используются для создания эффекта фантастичности, поэтому, как нам кажется, можно говорить о магической и экзотической функциях англицизмов в данном случае.

Часто молодежь, знающая английский язык, сознательно фонетически утрирует названия лейблов "Made in Japan", "Made in China", "Made in Canada", произнося их как "мадэ ин джапан", "мадэ ин хина" или "мадэ ин канада". Это делается с целью достижения юмористического эффекта или оттока пренебрежения по отношению к качеству приобретенной вещи. "Мада ин Канада" также используется в юмористических целях в связи с рифмовкой компонентов этой фразы (игровая функция). Для достижения стилистического эффекта часто в печатных изданиях можно встретить надписи типа: "Мадэ ин Ясная поляна".

Прагматические функции англицизмов проявляются и среди пользователей компьютера и интернета. Существует слово для номинации особых знаков препинания: смайлик, смайлз (от англ. smile – улыбка), входящее в словосочетания: поставить смайлик, кинуть смайлик (эмоционально-оценочная функция). Русские эмоционально-оценочные суффиксы принимают и другие англицизмы, например: файлец, мэйло (mail), самплик (sample), сидишник, сидюк, сидюшник (CD ROM), погамульки (game), хелпарь (help), мануалка (user's manual), флопики (floppy) и др.

Существует тенденция переделывать (трансформировать) трудные английские названия в русские слова и словосочетания, схожие по своему звуковому облику с английскими номинациями (игровая функция). Комизм достигается обыгрыванием звучания или написания заимствованного слова через подбор созвучного слова, существующего в языке. Например, система "Novell Net Ware" трансформируется в "Нетварь", "Share ware" – в "Шаровары" (прилагательное шароварный), редактор сообщения "Gold Ed" – называется "Голым дедом", E-mail называется Емелей, Norton quide – Нортон – гад! Хомяком называется домашняя страничка (home page). Операционная система "MS WINDOWS" (англ. window- окно) превращается в русском языке в винды или в виндюка, а иногда заменяется русской калькой: окна, окошки, ставни, стекла, стекляшки, форточки. Наряду с семантической калькой отмечены случаи словообразовательной кальки: междурож, междумордие (interface), "Воплеследопыт" ("Scream Tracker"), "Мелкомягие" ("Microsoft") и др. Английское слово mail (почта) своими консонантами созвучно с русским мыло. Специфика жаргона, как уже говорилось, предполагает наличие образных, шуточных номинаций, поэтому закономерно появление внешне русских, но английских по этимологии слов: мыльница (почтовый ящик), мыло (почта), мылить, намылить (послать по почте). Программа, занимающаяся рассылкой почты, называется мэйлером или майлером.

В молодежной прессе (как способ имплицитного

выражения насмешки) можно встретить словообразовательные окказионализмы с англоязычными вкраплениями ("гнусные статейки о супер-пупер-пауэр-стронг-биггест-канинг-форварде). Нередко проявляется экспрессивно-игровая функция англицизмов (Без паблисити нет проспекти).

Образовательная или информативная функция англицизмов проявляется в том, что человек, не знакомый с английским заимствованием, обращается к справочной литературе или знакомится с пояснительными заметками (ссылками), размещенными авторами в скобках после англицизма в письменной речи или обращается за объяснениями к говорящему в устной речи.

«Сейчас интернет полон клипов летающих флайбордов, это такое устройство, состоящее из пары водомётных ботинок и ручных стабилизаторов, соединённых с гидроциклом длинным гибким шлангом, подающим струю воды к флайборду. С помощью этой конструкции можно парить над водой на высоте до 10 метров, а также быстро передвигаться под водой...»

Социально-маркирующая функция англицизмов проявляется в том, что английские заимствования маркируют принадлежность говорящего/пишущего к определённому социальному слою: учёных (наличие в речи научных англицизмов-терминов), компьютерных работников (жаргонизмы и термины компьютерного лексикона), студенты, школьники, неработающая молодёжь (наличие англицизмов-жаргонизмов) и т.п.

Наиболее ярко эта функция проявляется в молодёжном сленге, лексикон которого представляют специфические слова и выражения, которые сигнализируют групповую возрастную солидарность, они отражают оппозиционное отношение к некоторым ценностям мира старших. Из-за кратковременности использования и групповой ограниченности молодежные жаргонизмы находятся на периферии русского языка. Хотя многие жаргонизмы английского происхождения используются активно на страницах молодежной печати, а также ведущими радио- и телепередач.

Среди источников англоязычных жаргонизмов в речи русских молодых людей можно назвать лексические пласты "языков" хиппи, музыкантов, наркоманов, компьютерного сленга и компьютерных игр. Лексика из сленга наркоманов включает названия наркотиков, ставших известными широкому кругу русскоговорящих людей: ЛСД, марихуана, экстази и др., а также 54 наименования, известные только носителям данной субкультуры: айс, афтерэффект, байбл, блэк-саббат, блюмстрем, бомбер, вижн, Гербалайф, джанк, джойнт, кокс, крэк, пот, рейвер, спидбол, стафф, трап, трип, флешбэк, хайлайтс, хэш и др. Все номинации выполняют не только социально-маркирующую, но и кодирующую, конспирирующую функции - для непосвященного человека не понятно, о чем идет речь. Эту функцию можно назвать сакральной (сакральность - недоступность непосвященным), участники языкового общения кодируют наименования запрещенных препаратов.

Эвфемическую функцию выполняют англицизмы-дубликаты, номинирующие части тела: айз (глаза), антифейс (зад), бисайд (зад), боди-лайн (часть тела около плавок), брэст (грудь), бэк, бэксайд (зад), прик, пейджер (половой орган), файф оклок шедоу (утренняя щетина), фак (половой орган), фейс, фейса (лицо), фут (нога), хаер, хайр, хайер (волосы), хэнд (рука), эйсайд (грудь, живот у мужчины), бен, бэн (половой орган). Подобные лексемы выполняют и синкретичные функции: кодирующую, цензурную (скрывают под "приличной" оболочкой "неблаго-

видные" русские слова), контактоустанавливающую и социально-маркирующую, игровую (создают юмори-стический эффект - фейсом о тейбл).

Использование исполнителями побудительных английских предложений и слов выполняет контактоустанавливающую, конативную функцию ("Он завел толпу, он кричал." Go! Go!"). Английские императивные предложения играют роль своеобразного зачина в современных русских танцевальных песнях, например, "Come on! Put your hands up! We love you!" (из песни "Выпускной" группы "140 ударов в минуту").

Эвфемическая, кодирующая функция англицизмов проявляется в речи школьников, когда используются английские слова для обозначения лиц: тича, мазер, фазер, пэрэнтс, фазер-мазер, фрэнд, мэн; учреждений: шоп, скул, джим и т.д., а также продукции широкого потребления: снэки, бабл-гамы со стикерами (наклейками), чуинг-гамы, чоко-паи и т. д. Имеет место шуточный перенос названий товаров на отдельные действия (игровая функция), где эти слова выполняют функцию эвфемизмов: чупа-чупс – оральная секс (по схожести процессов), твикс – вызывание рвоты при помощи двух пальцев (намек на зрительный образ в рекламе), блендамент – для передачи чувства крайнего разочарования (по звучанию напоминает ругательство): "Блендамент! Опять зонт у тебя оставил!"

Отличительная черта всякого жаргона - шуточный характер номинаций, русские "переделки" знаменитых американских героев и рок-групп – частое явление в школьном молодежном сленге (игровая функция): "Сегодня ужастик с Фейд Крюковым (Фредди Крюгер), подгребай вечерком!" Рок-группа Uriah Heep превращается в речи подростков в Юру Архипова или в Юра Охрип, группа Prodigy заменяется омофоничными русскими словами: Попридержи, Пролезни, Ace of Base – Бей об фейс, Von Jovi - Бомжи и т.д. Почти все вышеуказанные англицизмы помимо номинативной функции выполняют эмоционально-экспрессивную функцию, а также социально-маркирующую.

Следует также отметить своеобразие мимики и жестов, применяемых в кругу тинэйджеров или тингов. Заимствуется, в основном, американская манера поведения, темп речи, язык жестов. Например, жесты, обозначающие "Победа!" или "Пошел ты!"

Социально-маркирующую функцию выполняют и многочисленные единицы студенческого сленга. Так, студенты факультета иностранных языков, безусловно, используют больше англицизмов, нежели студенты других вузов. В последнее время вместо слова отметка часто звучит грейд. Заимствования хоум-стэй (проведение выходных в семье друга), итери (студенческая столовая) и другие отражают реалии бытовой жизни студентов.

Англицизмы определяют профессиональную компетентность, часто несут оттенок корпоративности, так как понятны только избранному кругу коммуникантов (профессионально-маркирующая функция). Так, автолюбители знают всё о кастомайзинге, спортсмены-гонщики на мотоциклах – о стандардинге, дизайнеры – о скрапбукинге, музыканты – о хардстепе, экономисты – о фандрейзинге, психологи – о хейтвотчинге и т.п.

Конспирирующую функцию выполняют многочисленные англицизмы-субституты русских наименований: квартира, вечеринка, день рождения и т.п.

Флэт (флэтуха, флэтыра), где проходит пати, безник или сэйшн, может быть однорумовым (однокомнатный) или многорумовым (много комнат). Английское слово участвует в создании жаргонизма румната по аналогии с русской лексемой комната. Во флэте есть дабл (от

англ. WC – туалет), джон, джонсон или сингл, если же санузел совмещен, то он номинируется англицизмом дабл-кросс. При помощи русских аффиксов английские существительные часто трансформируются в глаголы: "Я пошел продаблиться". Выражения совершить даблпосещение и позвонить Джону выступают в качестве синонимичных по отношению к глаголу продаблиться.

Такую же пару, как дринк-дринкать (напиток – пить), составляют смок-смочить (курево – курить). "Лажовый смок курю" (из песни). "Смокнуть у вас, ребята, не найдется?" От слова найт (ночь) суффиксальным и приставочно-суффиксальными способами образовано целая словообразовательная парадигма по русским акциональным моделям: найтать, перенайтать, занайтать, занайтовать, перенайтовать. "Пойдем, перенайтаем на вокзале!"

Английский глагол to look (смотреть) в результате его словообразовательного освоения в речи русской молодежи стал базой для производных: лукнуть, полукать: "Поди, полукай, что там происходит!" Отмечено употребление англицизма лук в составе фразеологизма кинуть лук (кинуть взгляд). Здесь мы наблюдаем тенденцию к конверсии: то есть, одно и то же слово может принадлежать и глаголу и существительному.

Английский глагол to fuck (заниматься любовью) интенсивно употребляется в речи молодежи, образуя многочисленные русские производные по русской словообразовательной модели: факать, фачить, фачиться, зафакать: "Он меня зафакал своими телегами". Любитель этим заниматься номинируется факмэном или факером. Употребляются в речи молодых носителей русского языка производные от этого слова с другими префиксами: выфакиваться (с агрессивной окраской), прифакиваться (привязываться), отфачить, подфакнуться. В значении отрицательной частицы употребляется неизменяемое слово факушки. Наряду с лексемой фак и ее производными функционирует англицизм-семантическая калька "трахать" в том же значении, от английского глагола "to bang", имеющего в языке-источнике помимо значений ударять, бить, хлопать, значение совокупляться.

Обращает на себя внимание обилие в молодежном сленге негативных характерологических наименований явлений и лиц (цензурная, кодирующая функция). От английского слова crazy (сумасшедший) образовался русский жаргонизм креза или крейза, имеющий два фонетических варианта. В первом значении английское прилагательное обозначает человека, пребывающего в ненормальном состоянии сознания: "Он просто крейза". Во втором значении наблюдается метонимический перенос: "Я два месяца в крейзе лежал" (в психбольнице). И в том, и в другом значении мы имеем дело с конверсией прилагательного в существительное. Конверсия наблюдается и в контексте: "Опять у него креза (сумасшествие) началась". Суффиксальным способом при помощи интерфикса образованы слова, номинирующие лиц, обладающих этим качеством: крезовник, крейзушник. Фонетическая нестабильность, характерная для жаргона в целом, наблюдается в прилагательных, образованных от этого слова: крезовый или крейзовый. Крезовая музыка, крейзовый прикид (экстравагантный, ненормальный). Причастие крезанутый, мотивированное просторечным (по суффиксу) глаголом крезануть, имеет семантику "свихнувшийся".

Англицизмы служат для узнавания известных в мире вещей и понятий в процессе коммуникации носителей разных языков (узнавательная или декодирующая функция). Англицизмы принимают активное участие в создании юмористического эффекта, частотны случаи

обыгрывания англоязычных слов и фраз – игровая функция (По MOSTу через MORE, Сиди! (CD – компактный диск) – обыгрывается русская форма императива и английская аббревиатура).

К прагматическим функциям примыкает группа функций, ориентированная на отношение «знак – знак».

Стилеобразующая функция англицизмов проявляется в том, что их использование почти во всех стилях речи (за исключением официально-делового стиля) – частое явление в русском дискурсе. Более всего эта функция актуальна для разговорной речи, особенно для ее сленговых пластов. Выше приводились примеры употребления английских заимствований в молодежном и компьютерном жаргонах. В письменных текстах англицизмы передают атмосферу обыденного общения: «Пошли отсюда – здесь слишком много пипла» или «Пошли на Гоголя, там весь пипл!».

В экономическом жаргоне нередко встречаются предложения, а иногда и целые тексты, состоящие только или почти из англицизмов. Например, мысль о том, что новое предприятие в области технологий собрало деньги на свою оптимизацию, а простым пользователям подняли плату оформлена при помощи англицизмов следующим образом: «Стартап накраудфандил миллион для CEO, а юзерам апнули пэймент». Помимо стилеобразующей (разговорный стиль) и текстообразующей функций, англицизмы выполняют ряд прагматических функций: кодирующая, игровая и т.п.

В некоторых случаях англицизмы-трансплантаты выполняют текстообразующую функцию ("Вас приветствует Super Star Верка Сердючка. We are waiting for you в ДКЖ в 7 часов. Билеты от 100 до 350 рублей"). Часто в рекламных текстах используются английские слоганы без перевода, что рассчитано на билингвов (West is the Best! – марка сигарет). На афишах можно часто встретить составные русско-английские наименования ("Иванушки – интернэшнл", "Балаган-лимитид", "Метелица-продакшин").

Под текстообразующей функцией англицизмов понимается их способность быть мотивированными, развернутыми, то есть объясненными и продолженными. Кроме того, они принимают участие в создании русских идиом (Жуй Орбит! – молчи!) – идиообразующая функция.

В научном стиле, выполняя функцию терминов, английские заимствования делают текст лаконичным, сжатым и понятным для специалистов в своей области: «Расчет схемы резисторного каскада предварительного усиления на биполярном транзисторе, включенном с общим эмиттером».

Широко применяются англицизмы в публицистическом стиле, в сферах политико-идеологических, общественных и культурных отношений: «Имплементация этих соглашений позволит начать мирный диалог».

В русскоязычных художественных текстах можно найти большое количество примеров трансплантированных (в графике языка-донора) английских предложений и текстов, вставленных в русскую нить повествования, где они также выполняют стилеобразующую и текстообразующую функции. Такая тенденция часто проявляется в прозе писателей-эмигрантов или молодых писателей, обучившихся за рубежом. «Новые условия проживания носителей русского языка в США определяют особый по сравнению с Россией статус отбора и функционирования заимствованных слов в русской речи» [4, электронный ресурс]. Например, в повести Сергея Довлатова «Иностранка» встречаются многочисленные англицизмы в транскрибированном виде: «Он – певец, лауреат, звезда

советского искусства, член ЦК. Она – безнравственная женщина на велфере». (С. 323) «Рубинчик преподнес ей мани-ордер на загадочную сумму – тридцать восемь долларов и шестьдесят четыре цента» (С. 303), «У одного брата – кар-сервис. У другого – прачечная» (С. 286), «А около пяти заедет Рафа. Он должен Левушку забрать из киндергартена». (С. 300).

Отмечены случаи индивидуально-авторского словопроизводства на базе номенклатурных англицизмов в художественной прозе: Мюзикола, Кокаколокол – Пелевин) – стилиобразующая функция.

Жанрообразующая и рифмообразующая функции англицизм проявляются в песенном творчестве.

Особенностью языковой личности сочинителей текстов и певцов современной русской поп-музыки является их ориентированность на западные ценности. Частотные концепты, используемые в текстах песен – "деньги", "поп-рок", "разлука", "предательство", "болезнь", они имеют в основном негативную коннотацию, отсюда и вкрапления английской "сниженной" лексики ("Position number one – говоришь: "Не дам!").

Англицизмы стимулируют интерес и любопытство коммуниканта, заставляют его выучить незнакомое слово (стимулирующая и обучающая функции), кроме того, участвуя в создании специальных текстов (спортивные репортажи и т.д.), они выполняют текстообразующую и стилиобразующую функции. «Снайпинг, варминтинг и бенчрест – виды стрелкового спорта, поговорим о них более подробно».

Жанрообразующая функция англицизмов тематической сферы «Спорт» реализуется в лексическом оформлении жанра спортивного репортажа:

«Прекрасный кикофф и квотербек «Ювентоса» рванул вперед...», «Демитров прекрасно играет в последнем сете, а сейчас – внимание – матч-бол!»

Рифмообразующая функция англицизмов реализуется в юмористической подборке рифм освоенных/неосвоенных графически английских слов между собой или с русскими лексемами:

Прямо сейчас, а не tomorrow

Я ринусь на тебя – не надо sorry...

«Пора чейнджить наш спич!» -

Рявкнул депутат Ильич...

Помимо рифмообразующей функции, в некоторых случаях, англицизмы, вставленные в русский стихотворный текст, реализуют обучающую функцию:

«Съел я завтрак с аппетитом: йогурт, булку и бисквиты.

С молока снял ложкой пенку и сказал: «Спасибо! Thank you!»

Часто в русских поэтических текстах с целью создания сатирического, пародийного эффекта текст специально "напичкивается" англицизмами, что может быть расценено как критика против активного движения в русский язык англоязычных слов. В данном случае можно говорить о жанрообразующей и репрессивной (уничжи-тельной) функциях англицизмов.

Литература

1. Бондарко, А.В. Интерпретационный компонент языкового содержания // Теория функциональной грамматики: Введение... - Л., 1987. – С. 23–28.
2. Дьяков, А.И. Словарь англицизмов русского языка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://anglicismdictionary.dishman.ru> свободный.
3. Лукьянова, Н.А. Современный русский язык. Лексикология. Фразеология. Лексикография: учебно-методическое пособие для студентов и аспирантов филологических и других гуманитарных специальностей университетов. – Новосибирск. 2003. – С. 130.
4. Пелих, Е.А. Семантическая специфика заимствованной лексики в прозе писателей-эмигрантов. – Волгоград [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.google.ru/url?sa=t&rc=pdf> (Дата обращения: 09.12. 14)
5. Шапошников, В.Н. Русская речь 1990-х. // Современная Россия в языковом отображении. – М.: МАЛП, 1998. – 243 с.
6. Шмелев, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики: Деривационные отношения в лексике. – М., 1973. – С. 190–210.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ЗДОРОВЬЕ» В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ

Евстифеева Маргарита Сергеевна

Соискатель Волгоградского государственного университета, г. Волгоград

В лингвистике термином «семантическое поле» ученые обозначают значения множества слов, связанных с одним и тем же фрагментом действительности, таким образом представляя сферу понятийного содержания и определяясь логикой предметного мира и мышления (см., напр., [6]). Лингвистический энциклопедический словарь определяет поле как «совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединенных общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [4, с. 380]. Общность выражения одного понятия как «основа интеграции слов в поле» [2, с. 4] позволяет объединить слова различных частей речи в лексико-семантические группы данного семантического поля, в пределах которого они, по мнению Л. А. Новикова, вступают в парадигматические,

синтагматические и ассоциативно-деривационные отношения, соответствующие основным измерениям поля и создающие его «объемное» представление [5, с. 242]. Ю.Н. Караулов подчеркивает, что поле, помимо сегментации лексико-семантического континуума, выступает и как способ членения определенной сферы человеческого опыта, воспроизводя понятийную картину данного языкового сообщества; при этом состав и структура поля имеют свою специфику в разных языках [3, с. 11].

Исследуемый нами фрагмент англоязычной социальной рекламы, связанный с охраной здоровья, в лексическом отношении представляет собой семантическое поле, репрезентирующее три основных проблемы: алкоголизм, курение и неправильное питание, а также способы и средства сохранения здоровья. Словесные знаки, деноти-

рующие эти явления, составляют две лексико-семантические группы.

ЛСГ1 «Нанесение вреда здоровью» включает глагольные лексемы, семантизирующие процессы:

- еды, питья и курения табака (chew, consume, drink, eat, smoke),
- влияния злоупотреблений на здоровье человека (accompany = be present or occur at the same time as (something else); affect = have an effect on; make a difference to; cause = make (something, especially something bad) happen; dull = make dull or less intense; expose = cause someone to be vulnerable or at risk; lead = culminate or result in (a particular event or consequence); suppress = forcibly put an end to),
- разрушения и умирания организма (destroy = end the existence of (something) by damaging or attacking it; drain out = deprive of strength or vitality; end = come or bring to a final point, finish; end up = eventually come to a specified place or situation; fade away = gradually become thin and weak, especially to the point of death; lose or cause to lose colour or brightness; go to ashes, ashes = the remains of a human body after cremation or burning; kill = cause the death of (a person, animal, or other living thing); lose = be deprived of or cease to have or retain (something); reduce = make smaller or less in amount, degree, or size; bring someone or something to a worse or less desirable state or condition).
- Smoking Drains You Out: major cause of stroke, very addictive, raises blood pressure, suppresses immune function, dulls senses of smell and taste, reduces stamina, wrinkles our skin, leads to depression and fatigue.

ЛСГ2 «Охрана здоровья» включает глагольные лексемы с семантикой:

- защиты (keep = guard; protect; (not to) leave = let (someone) do or deal with something without offering help or assistance; prevent = keep (something) from happening; stop (someone) from doing something; protect = keep safe from harm or injury);
- помощи (help = make it easier or possible for (someone) to do something by offering them one's services or resources; assist; support = give approval, comfort, or encouragement to);
- научения (learn = teach (someone) (informal); open (someone's eyes) = cause someone to realize or discover something);
- выполнения конкретных действий по охране здоровья (test = produce a specified result in a medical test, especially a drugs test or AIDS test; vaccinate = treat with a vaccine to produce immunity against a disease; inoculate; wash = clean with water and, typically, soap or detergent);
- борьбы и победы (beat = overcome (a problem or disease); cut out = remove, exclude, or stop eating or doing something undesirable; fight = struggle to overcome, eliminate, or prevent; quit = stop or discontinue (an action or activity); reconcile = make someone accept (a disagreeable or unwelcome thing); (help) stick out = put up with or persevere with something difficult or disagreeable; win = manage to succeed or achieve something by effort).
- Fight smoking. Cigarette is our biggest opponent.
- Test the blood for prostate cancer.

Синтагматические связи глагольных лексем с предмет-

ными именами (термин А.А. Уфимцевой [6, с. 102]) позволяют выявить специфику отражения данного фрагмента картины мира в языке. Лексемы–предметные имена, используемые в англоязычной социальной рекламе охраны здоровья, могут быть разделены на следующие группы:

- факторы, вызывающие болезни: нездоровая пища (alcohol, junk food, rotten fruit, saturated fat), вредные привычки (alcoholism, firsthand smoke, smoking, sun exposure, tobacco, wine), загрязненная окружающая среда (bacteria, carbon, chemicals, cigarette butts, fire, litter, passive smoking, poison, secondhand smoke), нервное напряжение ((feeling of) fault, final exam);
- части организма, на которые воздействуют данные факторы: body, hands, head, health, immune function, life, senses of smell-and-taste, skin, sperm, stamina;
- болезни и другие расстройства здоровья: abortion, ageing, asthma, blood pressure, breast cancer, disease, eating disorders, emphysema, erectile dysfunction, eyesight, gum disease, heart attack, heart disease, HIV, impotence, infertility, lung cancer, lung disease, mouth cancer, obesity, paraplegia, prostate cancer, skin cancer, stroke, throat cancer, type 2 diabetes, wrinkles;
- результаты расстройств: физические (amputation, death, early menopause, hair loss, implant, lung destruction, respiratory system destruction, suicide, tobacco related death), психические (depression, fatigue, memory loss);
- виды и инструменты помощи: материальные (antismoke pack, cholesterol test, health food, milk, money, nicomild chewing gum, nicotinell plaster, pill, soap, water), психологические и организационные (anticipation, antismoking campaign, attention, prevention plan).

If you drink like a man, you might end up looking like one. Wine doesn't just come with cheese. For women it's also accompanied by hair loss, wrinkles and obesity, plus the other problems like breast cancer, early menopause and memory loss. For confidential advice or more information please contact ...

Лексемы–признаковые имена (термин А.А. Уфимцевой [6, с. 102]) составляют шкалу качеств, с одной стороны которой находятся лексемы с выраженной негативной семантикой, обозначающие вред, наносимый здоровью алкоголизмом, курением, неправильным питанием и нездоровым образом жизни (addictive, dangerous, fat, fatal, frail, hooked, long and painful, pregnant, premature, scary, sick, speechless, super skinny), а с другой стороны – лексемы с положительной семантикой, обозначающие результаты борьбы с данными проблемами (better, biggest, easier, healthy, longer, new, stronger):

Children who don't drink enough milk are more frail. Three glasses can make them stronger.

Таким образом, семантическое поле охраны здоровья, представленное разными единицами, «обладающими всеми его семантическими, структурными и функциональными свойствами <...> и связанными различного рода регулярными отношениями» [1, с. 67–68], реализует определенную картину мира, характерную для английского языкового сознания и зафиксированную в социальной рекламе средствами лексической системы английского языка.

Список литературы

1. Абрамов В.П. Семантические поля русского языка: монография. М.; Краснодар: Академия пед. и соц. наук РФ, Кубан. гос. ун-т, 2003. – 337 с.
2. Вердиева З.Н. Семантические поля в современном

- английском языке. М.: Высшая школа, 1986. – 118 с.
3. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. – 355 с.
 4. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Большая рос. энциклопедия, 2002. – 709 с.
 5. Новиков Л.А. Художественный текст и его анализ.

М.: ЛКИ, 2003. – 304 с.

6. Уфимцева А.А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики. М.: Едиториал УРСС, 2002. – 240 с.

Источники:

<http://www.oxforddictionaries.com/>
<http://osocio.org/category/health/>

СООТНОШЕНИЕ ФОНЕТИЧЕСКИХ И ДЕРИВАЦИОННЫХ ПРИЗНАКОВ ВЫСОКОЧАСТОТНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Граховская Марина Ивановна

Ассистент кафедры иностранных языков СмолГУ, г. Смоленск

Частотная лексика является достаточно важным участком общенационального языка. Принцип частотности давно задействован в различных областях – от лексикографии и лексикологии до методики преподавания иностранного языка. Особо важное место частотные лексические единицы стали занимать в исследованиях по стилистике, посвященных установлению авторства и выявлению маркеров индивидуального стиля [1; 6; 7; 9]. Вместе с тем систематического исследования частотных единиц на материале английского языка с учетом разноуровневых и разноаспектных признаков не проводилось.

В настоящей работе поставлена задача установить характер взаимосвязи фонетических и деривационных параметров английских существительных, относящихся к числу наиболее частотных лексических единиц, указать на фонетические факторы, определяющие возможность деривационной сочетаемости высокочастотной именной лексики, и сопоставить данные с общеименной системой.

В качестве материала исследования привлекается список частотной лексики словаря Longman Dictionary of Contemporary English [8]. Общее количество существительных, входящих в первую тысячу наиболее употребительных как в устной, так и письменной речи, по данным этого словаря составляет 265 единиц. Каждому существительному был приписан ряд фонетических и деривационных характеристик.

Признаковая схема, отражающая фонетический облик лексической единицы, имеет следующий вид: одно-1СЛ (age), двух- 2СЛ (answer), трех- 3СЛ (attitude), четырех- 4СЛ (ability), пятисложность субстантивной основы 5СЛ (opportunity), ударность первого 1УД (baby), второго 2УД (attention), третьего слогов 3УД (application) существительного, первая фонема существительного – гласная ГЛ/ (experience), шумный согласный ШУМ/ (picture), сонант СОН/ (mile), последняя фонема существительного – гласная: /ГЛ (memory), шумный согласный /ШУМ (life), сонант: /СОН (question).

Среди деривационных параметров отметим следующие: существительное имеет префиксальный дериват ПФД (charge – recharge), суффиксальный дериват СФД (education – educational), субстантивный дериват СУЩ (bank – banker), адъективный дериват ПЛГ (boy – boyish), глагольный дериват ГЛГ (computer – computerize), имеет соотносимый по конверсии глагол (независимо от направления деривации в такой глагольно-именной паре) КОНВ (act).

Для выявления характера соотношений указанных разноуровневых и разноаспектных характеристик применяется коэффициент корреляции Коула [2; 3; 5]. Данный коэффициент со знаком «+» отражает взаимообусловленность признаков, взаимная несовместимость отмечена знаком «-». Чем ближе он к 1, тем взаимосвязь признаков сильнее, при коэффициенте равным или близким к 0, связь отсутствует. Проверка статистической релевантности производится по имеющимся готовым формулам [5].

Проведенное исследование дает возможность зафиксировать ряд статистически значимых соотношений в пространстве фонетических и деривационных признаков, характеризующих высокочастотные существительные, что отражено в таблице 1. В столбцах таблицы 1 указаны фонетические параметры, в строках – деривационные признаки. Между данными признаками насчитывается 47 релевантных соотношений (56%), выделенных жирным шрифтом, среди которых есть как положительные (18), так и отрицательные (29) корреляции.

Параметр, указывающий на наличие конверсива, демонстрирует большую диагностическую значимость относительно фонетических характеристик. Усложнение слогового состава не снижает, как можно было бы предположить, деривационную активность основы до протяженности слова в четыре и пять слогов, причем для существительного только пятислоговый состав является ограничивающим. Деривационная сочетаемость высокочастотных существительных не так сильно зависит от ее слоговой протяженности как в общеязыковой системе.

Таблица 1

Коэффициент корреляции Коула фонетических и деривационных характеристик существительных

	1СЛ	2СЛ	3СЛ	4СЛ	5СЛ	1УД	2УД	3УД	ГЛ/	ШУМ/	СОН/	/ГЛ	/ШУМ	/СОН
СУЩ	-0,01	-0,10	0,24	0,25	-1,00	-0,37	0,40	0,25	0,12	-0,08	0,06	-0,10	-0,04	0,20
ПЛГ	0,10	0,09	-0,02	-0,28	-1,00	0,19	-0,19	-0,20	-0,08	0,09	-0,02	0,22	0,04	-0,10
ГЛГ	0,02	-0,08	0,12	-0,65	-1,00	0,42	-0,26	-1,00	-0,72	0,09	0,09	0,04	-0,11	0,03
ПФД	0,15	-0,16	-0,13	0,16	-1,00	-0,35	0,40	0,16	-0,08	0,04	-0,01	-0,24	0,07	0,17
СФД	0,02	0,09	0,12	-0,14	-1,00	0,12	-0,13	-0,07	-0,11	0,06	0,12	0,19	-0,01	-0,06
КОНВ	0,36	-0,07	-0,37	-0,90	-1,00	0,39	-0,23	-1,00	-0,45	0,21	-0,07	-0,21	0,23	-0,08

Акцентно-ритмические характеристики (ударность) характеризуются большим различием в своем воздействии на деривационную сочетаемость. Существительные, будучи носителями по характерам деривационной активности основных семантических признаков в речи, противопоставляются прилагательным и глаголам. Так, для существительных ударность первого слога является отрицательным фактором, а ударность второго – положительным, в то время как для прилагательных и глаголов ситуация обстоит противоположным образом.

Полученные результаты для английских существительных, входящих в состав частотного ядра, были сопоставлены с результатами исследования разноуровневых признаков английского существительного, описанного в диссертации Е.А. Жоголева «Факторы, определяющие аффиксальную сочетаемость существительных в современном английском языке» [4]. Сопоставление проводилось сравнением значений коэффициента корреляции для сходных пар признаков существительных в частотном ядре и общеязыковой системе.

Несмотря на некоторые совпадения соотношений признаков в общеязыковой системой, имеются важные различия. Так, в частотном ядре признак трехсложности формирует две положительные корреляции с деривационными параметрами, что не характерно для общеязыковой системы, где длина в три слога начинает препятствовать деривационной активности. Если в общеязыковой системе относительно акцентных характеристик отмечается препятствующее деривации влияние признака 2УД, то в частотном ядре данный признак демонстрирует в ряде случаев положительное влияние на деривацию. В отношении роли начальной/конечной фонем для деривационной активности именных основ совпадение тенденции общеязыковой и частотной систем более значительно, то есть фонемный облик слова частотную лексику в этом плане не отличает от лексики общеименной. Так в обеих системах наблюдается ограничивающее деривацию влияние признаков ГЛ и \ГЛ.

В целом, для обобщения характера корреляционных отношений фонетических и деривационных признаков в высокочастотной и общеязыковой системах был

использован коэффициент сходства Жаккара [3], который показал относительно слабое сходство ($K = 0,23$ при максимуме $K = 1$).

Таким образом, система соотношений рассматриваемых признаков частотных существительных в значительной степени отличается от общеязыковой системы.

Список литературы

1. Андреев В.С. Моделирование индивидуального стиля: статика и динамика // Известия Смоленского государственного университета. 2012. №4 (17). С. 101–110.
2. Андреев С.Н. Семантические метаязыки: сходства и различия // Известия Смоленского государственного университета. 2012. №2 (18). С. 137–146.
3. Андреев С.Н. Точный и вольный перевод стихотворного текста: количественная оценка // Известия Смоленского государственного университета. 2012. №4 (20). С. 84–91.
4. Жоголев Е.А. Факторы, определяющие аффиксальную сочетаемость существительных в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2006.
5. Тулдава Ю.А. Об измерении связи качественных признаков в лингвистике (1): Сопряженность альтернативных признаков // Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов: Ученые записки Тартусского ун-та. 1988. Вып. 827. С. 146–162.
6. Burrows J.F. Delta: a measure of stylistic difference and a guide to likely authorship // Literary and Linguistic Computing. 2002. No. 17. P. 267–287.
7. Holmes D.I. Stylometry and the civil war: The case of the Pickett letters // Chance. 2003. Vol. 16, No. 2, P. 18–26.
8. Longman Dictionary of Contemporary English. 4th ed. Harlow: Pearson Education Ltd, 2006.
9. Savoy J. Authorship attribution // Journal of Quantitative Linguistics. 2012. Vol. 19 (2). P. 312–361.

СИСТЕМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РЕЧИ

Игнатченко Ирина Родионовна

Кандидат филологических наук доцент, Государственный институт русского, языка имени А. С. Пушкина (Москва)

До сих пор было принято считать, что парадигматика – сфера деятельности языка, а синтагматика – речи, в связи с чем Бондарко А. В. различает «два» типа среды: 1) парадигматический (системно-языковой) – окружение данной единицы (категории) в парадигматической системе языка и 2) синтагматический (контекстуальный, речевой) – окружение данной единицы в речи, то есть контекстуальная и речевая ситуация». [1]

Но парадигматические отношения, базирующиеся на оппозитивном взаимодействии, мы можем наблюдать не только в языковом, но и в речевом окружении, в тексте. Это может быть свидетельством двух фактов: 1) текст не только явление речи, но и языка, иными словами, речь системна; 2) парадигматика, равно как и синтагматика, принадлежит языку и речи - «нелогично сводить язык к парадигматике, а в дискурсе видеть синтагматику». [2]

Эллипсис можно описать в тексте не только синтагматически на уровне слова – эксплицитного и соответствующего ему неэксплицитного, но и на уровне парадигматических отношений предложения-источника и неполного предложения, обладающих определенными сочетательными возможностями, зависящими от функциональной характеристики предложения.

Основным условием существования парадигмы исследователи единодушно признают наличие в ней оппозитивных отношений. Неполное предложение и его источник представляют собой ряд последовательных оппозиций, противопоставляемых на основе признака замещения. Замещение возможно как двусторонне направленный процесс, не только от предложения-источника к неполному предложению, но и наоборот. Ключ к пониманию такого подхода кроется в мысли о том, что в непол-

ном предложении не только отсутствуют элементы предложения-источника, но и, напротив, присутствуют компоненты, отсутствующие в источнике.

Принято считать, что нулевая анафора возможна только в неполном предложении как результат нулевого замещения, благодаря которому неполное предложение реализуется как средство связи в тексте. Рассматривая замещение с позиций парадигматики, нулевую анафору можно наблюдать не только в неполном предложении, но и в предложении-источнике, которое можно интерпретировать как неполное на основе незамещенности соотносимых вербальных позиций неполного предложения, которые для предложения-источника факультативны.

- Сеня идет.
- Как раз к ухе-то

Зеркально отраженные предложение – источник и неполное предложение взаимно комплементируемы, являясь неполными относительно друг друга предложениями с противопоставлением позиций нулевого замещения.

Сеня идет $\emptyset \emptyset$

$\emptyset \emptyset$ Как раз к ухе-то

Первая реплика, будучи полностью инкорпорированной в неполное предложение, становится его зеркально отраженной нулевой темой – прямой анафорой (нулевая анафора в неполном предложении), а присоединяемые необязательные члены – зеркально отраженной в источнике ремой неполного предложения – обратной анафорой (нулевая анафора в предложении – источнике). Тема-рематическую последовательность двух предложений с зеркально отраженными нулевыми анафорами можно представить следующим образом:

Сеня идет

T - P - P(0)

T(0) - T(0) - P

Как раз к ухе-то

Таким образом, между неполным предложением и предложением-источником устанавливаются отношения не только синтагматические, но и парадигматические на основе взаимного противопоставления признака нулевого взпимозамещения.

Изучение неполного предложения в оппозиции с предложением-источником на основе признака замещения расширяет наши представления о таком понятии, как «нулевая рема». [2] Принято думать, что нулевая рема допустима только в структурно незавершенных, или прерванных предложениях, где она является определяющим спецификом этих предложений признаком. В остальных случаях нулевая рема противоречит коммуникативной функции предложения, так как означает стагнацию в продвижении мысли и разворачивании коммуникативной перспективы высказывания. Как видно из схемы, при совмещении позиций неполного предложения и его источника обнаруживается незамещенность позиции источника, коррелируемая с ремой неполного предложения. В

актуально - анафорическом соотношении с неполным предложением эта незамещенная позиция соответствует нулевой реме. Таким образом, нулевую рему можно наблюдать не только в незавершенных предложениях. Однако есть разница между нулевой ремой в прерванных предложениях и предложениях-источниках, соотносительных с неполными предложениями. Нулевая рема в первом случае коррелируется со структурно обязательными элементами предложения и выявить ее можно вне контекста. Во втором случае нулевая рема детерминирована контекстуально на фоне оппозиции с неполным предложением и связана со структурно необязательными элементами. Различия в лексико-грамматическом покрытии нулевой ремы определяют и различия в коммуникативной нагрузке. В первом случае нулевая рема сигнализирует о несформированности мысли, во втором - о ее неразвернутости.

Парадигма неполного предложения и предложения-источника выражает категорию оппозиционного замещения. Как любая оппозиция, оппозиция нулевого замещения может нейтрализоваться, выражаясь в позиции ненулевого, или анафорического, замещения.

- Господи, так я же знаю Литейный. Чудный prospect!
- Замечательный!

Изучение парадигматики в тексте дает возможность поиска путей к определению факторов, влияющих на степень минимизации предложения, которая определяется типом актуально-анафорического соотношения неполного предложения и предложения-источника. Позиция нулевой анафоры в структуре предложения, а следовательно, степень его минимизации зависит от функциональной характеристики предложения – формы речи (монологическая или диалогическая), характера восполняющего контекста (ситуативный или собственно контекстуальный), коммуникативно-модальной дистрибуции неполного предложения и его источника (вопросительное-повествовательное, повествовательное-повествовательное и т. д.).

При исследовании неполных предложений в парадигме замещения (оппозиция предложения-источника и неполного предложения) можно видеть, что когерентная функция неполного предложения и текста осуществляется благодаря не только имплицативному повтору как нулевому замещению, но и сумме замещений всех позиций неполного предложения в результате их прямой соотносительности с позициями предложения-источника.

Библиография

1. Бондарко А. В. К теории функциональной грамматики//Проблемы функциональной грамматики/ Отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Наука, 1985.
2. Вардоль И. Ф. Основы описательной лингвистики. Синтаксис и супрасинтаксис. М.: КомКнига, 2005. – 356с.

РЕЧЬ СОВРЕМЕННОГО РАДИОВЕДУЩЕГО (НА ПРИМЕРЕ РЕЧИ МАКСИМА КОНОНЕНКО НА РАДИО «ВЕСТИ-ФМ»)

Исхакова Лейсан Хашимовна

КФУ, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, 1 курс, г.Казань

«Коммуникативная компетентность – это способность носителя языка, обладающего необходимой суммой языковых знаний и речевых умений, использовать их в соответствии с целями и условиями общения». Э.В.Чепкина

На сегодняшний день в исследованиях, посвященных языку масс-медиа, объектами анализа прежде всего становятся материалы печатных СМИ. Телевизионные речи также привлекают внимание исследователей. Однако радиоречь изучается недостаточно широко. Именно по этой причине в рамках данной публикации для анализа привлечена речь известного публициста, журналиста, блогера и радиоведущего Максима Кононенко в радиопередаче «Взгляд Максима Кононенко» (от 17 сентября 2014 года) на радио «Вести-ФМ». На сайте радиостанции содержание данной передачи определено как «свежий взгляд, неожиданная и остроумная трактовка актуальных проблем». [4] Одной из актуальных проблем современности – проблеме образования посвящена передача от 17 сентября 2014 года, которая называется «Школьники не помнят того, чему их учат. Может, учат не тому?».

Необходимо отметить то, что передача М.Кононенко не имеет элементов приветствия и начинается музыкально-текстовой заставкой, тем самым привлекая внимание слушателей. Функцию приветствия в этом случае выполняет начальная заставка. Сегодня приветствие на радио является не столь обязательным. Ведущие новостей на радио не всегда приветствуют слушателей, и это считается нормой. Данное явление можно объяснить тем, что установление контакта между ведущим и слушателем происходит уже в то время, когда человек включает приемник и становится радиослушателем.

«Взгляд Максима Кононенко» – это авторский проект, поэтому автором текста понимается сам М.Кононенко. Не удивительно, что в речи часто используется местоимение «я». Как правило, авторская передача ассоциируется с образом ведущего. Именно поэтому в эфире он должен располагать к себе внимание слушателей. Это наблюдается и на примере передачи М.Кононенко. Речь ведущего – публицистическая. Функции публицистической речи определяет и ее языково-стилистическую специфику. Наиболее значительным в этом случае является сочетание воздействующей функции и информационной. Для осуществления информационной функции чаще всего используются языковые стандарты, которые помогают ведущему оперативно передать новости, а слушателю – быстро и правильно их воспринимать.

Длительность передачи «Взгляд Максима Кононенко» составляет 3 минуты 20 секунд. На протяжении этого времени М.Кононенко анализирует и комментирует официальные данные, опубликованные на сайте Федерального университета педагогических измерений. Необходимо отметить то, что уже с самого начала своего выступления автор привлекает внимание слушателей одновременно и актуальностью, и новизной темы. Так как на сегодняшний день проблема образования стоит довольно остро. Свою речь автор начинает с предложения: «Мало кто знает, что в нашей стране существует Федеральный университет педагогических измерений». Уже само выражение «мало кто знает» не только привлекает внимание с первых секунд, но и на бессознательном уровне пробуждает интерес слушателей к обсуждаемой проблеме. Воздействующая функция публицистической речи определяет стилиевые свойства, которые выражаются в побудительности, экспрессивности, полемичности, новизне выражений, оценочности. Кроме злободневной информации, речь М.Кононенко содержит ярко выраженную социальную оценку. Способы выражения оценки чрезвычайно широки и разнообразны. В чем же проявляется оценочность речи М.Кононенко? Прежде всего, это знаменательная лексика: хорошо, важно, грустно и т.д.

В речи М.Кононенко также можно наблюдать такое свойство информации как авторизация. Авторизация – это квалификация информации с точки зрения источников ее сообщения. [3] Она проявляется в отношении «свое/чужое»: источником информации является или сам говорящий («свое»), или кто-то другой, не говорящий («чужое»). Когда автору важно подчеркнуть, что он выражает свое мнение, то используются специальные слова и выражения. Например, в своей речи М.Кононенко применяет следующие выражения: лично я никогда не понимал, лично мне кажется, я полагаю и др. Если источник информации кто-то другой, то автор указывает на источник с помощью выражений или целых предложений. Например, как известно; в отчетах написано; согласно последнему из подобных отчетов.

Показатель достоверности информации употребляется, когда радиоведущий хочет акцентировать внимание на своей уверенности в достоверности. М.Кононенко, например, использует такие вводные слова как: и это действительно грустно; это, конечно, серьезные системные проблемы; и, поверьте мне. Значение недостоверности также выражается М.Кононенко посредством вводно-модальных слов и частиц: Почему-то только неорганических, видимо, органических помнили; школьники, оказывается, все время выдумывают собственные литературоведческие термины; быть может, я ошибаюсь.

Положительное восприятие речи ведущего и передачи в целом, как правило, осуществляется с помощью языковых приемов. Оно осуществляется через демонстрацию общности мнений, интересов радиоведущего и аудитории. Вопросами, обращенными к слушателям автор активизирует их внимание. Для этого в текст радиопередачи введены приемы диалогического построения. М. Кононенко обращается к слушателям, используя риторические вопросы, обращения и таким образом воздействует на них: «Но вот скажите мне про литературу!»; «И, поверьте мне, умение определить стихотворный размер еще никого поэтом не сделало!». М.Кононенко вводит и вопросно-ответную форму: «Вот скажите мне честно - вы знаете о природных зонах? А задачу по генетике решить сможете? И я не смогу». С помощью техники риторических фигур, разговорной речи и определенного порядка слов ведущий добивается воздействующего эффекта.

Информативная функция авторской речи требует точности, четкости, официальности, статости и стандартизации. М.Кононенко, выступая в роли ведущего, также стремится к ясности, доступности и понятности изложения. Ведущий использует языковые стандарты, которые имеют нейтральную окраску: согласно последнему из подобных отчетов; использовать знания; не понимают сути явлений; затруднялись с ответом; размер подходящего налога. Также автор обращается к школьным терминам, которые используются в изучении разных предметов: свойства неорганических веществ; о размещении природных зон; по генетике; стихотворный размер и др. Понятность, логичность речи выражается не только в использовании доступных для восприятия слов и выражений, терминов, но и в определенной последовательности изложения сути проблемы. Для того чтобы объяснить слушателю главные проблемы с образованием у современных школьников, М.Кононенко использует предложения с вводными словами: «Во-первых, и это действительно грустно, школьные знания фрагментарны» и «во-вторых, школьники заучивают формулы, но не понимают сути явлений, которые описываются этими формулами». Далее, чтобы привлечь более широкий интерес слушателей, М.Кононе-

нко обращается к конкретным примерам: «Например, сдававшие экзамен по географии затруднялись с ответом о размещении природных зон. А сдававшие биологию не могли решить задач по генетике».

Лексические особенности речи М.Кононенко включают и литературные, и разговорные, и просторечные слова. Активно используются эпитеты: типичный школьник, интереснейший отчет, серьезные системные проблемы, выдающиеся знания, в обычной жизни. Сочетание нейтральных слов как отчет, знания с эпитетами как интереснейший, выдающиеся с увеличительными суффиксами – все это усиливает ироничный тон и негативную оценочность речи.

Е.А. Земская пишет о том, что ерничество (или стёб) является одним из наиболее выразительных средств современной публицистики. В речи М.Кононенко также можно наблюдать такую тенденцию: «Это, конечно, серьезные системные проблемы, но дальше ученые обращаются к конкретике, и тут я несколько растерялся»; «Вот скажите мне честно - вы знаете о природных зонах?»; «Почему-то только неорганических, видимо, органических помнили»; «Но я тоже не умею определить стихотворный размер, а ведь я учился в Литературном институте имени Горького!». Все эти предложения имеют яркий оценочный характер и в этом случае выражают ироничную оценку событий.

В своей речи М.Кононенко обращается и к метафорам: ученые обращаются к конкретике; сдававшие биологию и др. Необходимо выделить и авторские афоризмы: «Умение определить стихотворный размер еще никого поэтом не сделало!»; «Чем меньше ты знаешь об этих размерах, тем ты свободнее в своем творчестве».

Существенными факторами на радио являются интонационные особенности речи ведущего: тембр голоса, темп речи. Как известно, радиоречь представляет собой синтез индивидуальных характеристик говорящего и роли им на себя взятой, и всегда является выражением авторской стилистики. [2]

В речи М.Кононенко каждое слово произносится четко, не проглатывается. Темп речи – средний. Паузы максимально сокращены, для того чтобы концентрировать

внимание слушателя именно на слове, на его смысле. Дикционная чистота местами обеспечивает нейтральный тон. Однако нельзя сказать, что вся речь нейтральна. М.Кононенко выступает достаточно эмоционально. Субъективность, эмоциональность, оценочность выражается и на уровне интонации. Речи присуща выразительные качества. С помощью этих выразительных свойств ведущий делает акцент на важном, по его мнению, слове или выражении.

В заключении следовало бы отметить то, что основой речи автора является публицистический стиль. Это выражается и в употреблении определенных слов и предложений, и на уровне интонации. С одной стороны, в речи М.Кононенко употребляются так называемые штампы, общественно-политические, школьные термины. С другой стороны, функция убеждения слушателя обуславливает использование богатых языковых средств художественной и разговорной речи. М.Кононенко не навязывает свое мнение, а тактично, местами иронично делится своими мнениями, переживаниями со слушателем, предлагая его задуматься над проблемой.

Список литературы

1. Земская Е. А. Предисловие. Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996.
2. Карп В. Речь на радио. Особенности речи, как средства выразительности на радио. <http://vkarp.com/2013/03/02/в-карп-речь-на-радио-особенности-речи/>
3. Кваликативные категории модуса в речи радио-ведущего. Html: <http://www.vevivi.ru /best/Kvalifikativnye-kategorii-modusa-v-rechi-radiovedushchego-ref197032.html> (дата обращения: 12.12.14)
4. Сайт радио «Вести ФМ». http://radiovesti.ru /brand/show/brand_id/48
5. Третьякова Г.Н. Речевое воздействие в устной коммуникации // Теория коммуникации. Языковые значения: Сб. науч. статей. Минск: МГЛУ, 2006. С.21-30.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ ЖАНРОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КОЛУМНИСТИКИ

Иванова Людмила Викторовна

Кандидат филол. наук, доцент, Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти

В условиях усиления идеологического давления на деятельность ряда российских СМИ у аудитории, интуитивно ощущающей, что к ним поступает информация, не всегда объективно отражающая действительность, укрепляется интерес к материалам, несущим персональную точку зрения автора. Вид творческой деятельности, результатом которой являются «авторские тексты», еще в 90-х гг. XX в. получил название колумнистика. В период демократизации общества колумнистика стала символом свободы мысли и слова и способом реализации принципа плюрализма мнений. К ее осмыслению обращались как исследователи, так и практики СМИ конца XX – начала XXI века [см. список литературы].

В начале XXI в. учеными было зафиксировано очень важное для развития колумнистики явление – оформление нового жанра – колонки: «Возникновение нового

жанра означало стремление СМИ <...> закрепить точку зрения за авторитетным источником информации уже не как за коллективным автором (изданием), а за конкретной личностью – за субъектом высказывания, чья точка зрения может представлять интерес для аудитории» [9, с. 93].

В современном обществе, в условиях провозглашенной свободы слова и мнения, позиции колумнистики как вида творческой деятельности должны были ослабнуть. Однако усиление различных форм давления на журналистов и массмедиа (о чем свидетельствуют недавние факты закрытия или реорганизации ряда электронных СМИ) обеспечили новый виток интереса аудитории к персонализированным позициям, транслируемым по каналам массовой информации. Колумнистика не только не уменьшила свое присутствие в информационно-комму-

никативном пространстве, но, напротив, усилила его. Характерным явлением XXI в. стало появление и развитие информационных ресурсов, полностью заполняемых материалами, содержащими персональную позицию (например, электронный «Ежедневный журнал»), а иметь рубрику «колонкистика» («мнение», «колонка»), предназначенную для авторских выступлений, сегодня стремится каждое уважающее себя СМИ. В итоге, в колонкистике, долгое время существовавшей как совокупность жанров журналистики с элементами трансформации начались процессы жанрообразования. В качестве базовой жанровой модели выступила колонка, а на ее основе стали развиваться новые модификации текстов.

К настоящему моменту можно говорить о формировании системы жанровых разновидностей колонки. В систему входят: реплика, колонка оперативного отклика, колонка-обозрение, колонка-эссе, колонка-отзыв. Общим признаком для всех разновидностей является персональное мнение колумниста, транслируемое на массовую аудиторию.

Рассматривать жанровые разновидности как систему можно при условии соотнесения их с отрезками информационно-познавательной активности аудитории. При характеристике «отрезков» за основу может быть принята концепция психологов, согласно которой познавательный процесс человека проходит ряд этапов: эмоционально-чувственное восприятие, эмпирическое обобщение, теоретическое обобщение. На «последовательное» удовлетворение «спектра» познавательных потребностей аудитории и направлена система жанровых разновидностей колонки.

Жанр реплики дает аудитории возможность эмоционально «пережить» факт. Колонка оперативного отклика отвечает на потребности в эмпирическом обобщении, порождая как чувственно-эмоциональную, так и познавательную реакцию. К жанрам, предъявляющим результат теоретического осмысления социальной ситуации, относится колонка-обозрение. Осмыслить меняющуюся действительность с помощью самоанализа, через восприятие себя как элемента философской картины мира, дает возможность колонка-эссе. Соотнести собственное мнение о новом информационном явлении с позицией другого, интересного, собеседника позволяет колонка-отзыв.

В последнее десятилетие в российских СМИ все большую популярность приобретает жанр реплики. В федеральных изданиях («Известия», «Литературная газета», «Коммерсант») реплика трансформировалась из уточняющих ремарок и встроенных текстовых элементов в устойчивый тип публикации, представляющий собой короткий («компактный»), емкий, эмоционально насыщенный авторский текст, содержащий ценностно ориентирующую информацию. Первоначально оформившись как жанр газеты, в последние годы реплика все активнее завоевывает радио- и телеэфир (рубрика «Реплика» регулярно выходит на телеканале «Россия 24», звучит в эфире радиостанций «Эхо Москвы» и «Вести FM»).

Исследование современной практики СМИ в контексте теории жанров позволяет выделить природообразующие признаки реплики. Предметом реплики, как правило, выступает новое, общественно значимое событие или явление, имеющее негативный или ярко выраженный положительный смысл. У колумниста возникает непреодолимое желание высказаться, проговорить вслух «первую реакцию» на поразивший его феномен. В этой связи, главной задачей становится как можно точнее отобразить

эту реакцию. Целевая установка реплики – через выражение однозначной эмоциональной реакции на конкретный факт действительности сориентировать читателя в актуальной действительности. Эмоции и спонтанные суждения автора реплики призваны задать ракурс восприятия и оценки факта. Нет необходимости произносить (писать) реплику, если она не расставляет неожиданные акценты, не способна создать в сознании адресата проти-воречие, которое потребует разрешения в новом понимании, в новом знании. Содержание реплики не претендует на истину, но если эмоции самоочевидны, а «вопросы напрашиваются сами по себе», то это лучшее доказательство правоты авторского мнения. Процессу социального ориентирования, важным результатом которого является принятие аудиторией предложенного суждения (фрагментарного мнения), значительно способствует монотемность реплики, конкретность и однозначность эмоций, очевидность чувств, то есть естественность продуцирования речи. Монотемность реплики проявляется не только в том, что автор опирается на один факт, одно изречение, но и в том, что идея материала однозначна. Основной метод ее подачи – оценка. Для создания эффекта спонтанности в реплике используются различные приемы: принципиальная неоднородность стилистических средств, намеренное нарушение смысловой связи слов в словосочетании («Александра Лукашенко задержали на непочтительном расстоянии»), употребление просторечной лексики («на кой шут им»), жаргонизмов, распространенных фразеологических оборотов и т.п. Нередки в репликах и каламбуры, «случайно» возникшие ассоциации и параллели. Активное использование в реплике изобразительно-выразительных средств не только призвано подчеркнуть спонтанный характер высказывания, но и укрепить связь с аудиторией. Диалогичный характер реплики усиливается за счет использования большого количества личных местоимений, прямых обращений (как к читателю, так и оппоненту), риторических вопросов, нередко создающих эффект «наводящего вопроса». «Необязательность» реакции подчеркивает стремление автора удержаться от навязывания собственного мнения. Выразительные средства способствуют преобразованию факта действительности в ее образный аналог.

В колонке оперативного отклика в дополнение к спонтанной реакции может предлагаться ее осмысление. Свое видение событий социальной жизни в жанре колонки оперативного отклика часто предлагает В. Шендерович. Для осмысления спонтанной реакции он, как правило, надевает «маску обывателя».

Специфические черты разновидностей колонки, представляющей аудитории развернутое и обоснованное персональное мнение автора, проявляются уже на уровне предмета. Она может не отталкиваться от конкретного информационного повода, от конкретного события. Актуальность и новизна колонки обеспечивается новизной взгляда колумниста, пусть даже уже на известную ситуацию, во вполне обыденное событие. В зависимости от предмета выступления ученые даже типологизируют колонку: социальная, злободневная, игровая и т.д.; в зависимости от «взгляда» – исповедальная, провокационная, ироническая и т.д. [5]. Как отмечает профессор Л.Е. Кройчик, цель колонки: «в образно-эмоциональной форме представить аудитории авторскую оценку фактов и явлений действительности» [3, с. 229]. Мнение автора колонки должно быть доказательно и аргументировано. Требования представлять развернутую систему доказательств одинаково как для колонки, так и для статьи. Отличие в – представлении персонального или коллективного мнения.

Методика доказательства может различаться в зависимости от метода обработки информации: это может быть самоанализ (колонка-эссе) и тогда в основе структуры текста оказываются ассоциации, реминисценции; но могут быть и методы аналогии, сравнения, анализа, синтеза – и тогда в тексте главенствует логическая структура, а для предъявления информации используются методы объяснения и рассуждения (колонка-обозрение). В колонке-обозрении акцент делается на прогнозировании ситуации на основе выявленных колумнистом тенденций и закономерностей развития конкретной социальной сферы. Мнение автора колонки всегда персонально и «увязывается» с конкретной биографической личностью. Личность автора по-разному проявляется в колонке: автор может проявлять себя как герой-повествователь, как лицо размышляющее и переживающее – в колонке-эссе (например, С. Клебанов в GQ) или, наоборот, демонстрировать жесткую логику – в колонке-обозрении (Ю. Латынина («ЕЖ»)), а может выступать под маской персонажа-маски – в комическом варианте колонке-обозрения (В. Шендерович («ЕЖ»)).

В колонке активно используются средства диалога. Принципиально важным для колумниста является умение вести диалог с читателем, втягивать его в процесс со-размышления, даже при выражении полемичной позиции. Ведь колумнист в силах проявить и усилия коммуникатора идей, позиций, версий по созданию поликультурного пространства, и помощь в достижении некоего приемлемого единства мнений и, что не менее важно, в силах обеспечить возможность яркого, доказательного рассмотрения проблемы, публичной демонстрации программы ее решения, а также отторжение тупиковых, опасных направлений. Форма выражения мнения колумниста требует особого внимания: эстетическая завершенность и совершенство колонки важны так же, как оригинальность и полезность содержания. Как отмечает Мария И. Касальс Карро: «... на небольшом пространстве нужно представить ту или иную тему или проблему, о которой все будут говорить, при этом развивать аргументы с большой риторической изобретательностью...» [1]. Чтение колонок должно приносить читателю эстетическое удовольствие.

В последние годы в средствах массовой информации закрепились тексты, представляющие собой оценочные суждения конкретных авторов об информационных явлениях. По ряду признаков они отличаются от рецензий, традиционно используемых в подобной коммуникативной ситуации. Доминирование авторского мнения над предметом, узнаваемый авторский стиль – эти признаки характерны для колонки-отзыва. Кроме того, в отличие от автора аналитической рецензии колумнист может обратить внимание не только на новые, недавно появившиеся, произведения искусства, но и на произведения из различных списков («Список Бродского», «Список Спилберга»; список Саши Филипенко из «50 фильмов, которые надо показать сыну» (GQ) и т.п.). Новизна колонок-отзывов обеспечивается исключительно авторским взглядом на предмет. Вместо обоснованных оценочных суждений об эстетической и социальной значимости рецензируемого явления предлагается персонифицированное, эмоционально выраженное авторское повествование. При этом мнение не противопоставляется суждениям специалистов, не является провокацией, оно – всегда сильное, четкое и яркое – имеет всё необходимое для того, чтобы быть интересным. Более «насыщенный жизнью», чем эстетическими категориями, авторский взгляд, выраженный в образном и небанальном повествовании, через узнаваемый стиль, может заинтересовать сильнее, чем классическая рецензия (колонки-отзыва Ю. Гладильщикова в журнале «Форбс»). Мнение в

рецензии-колонке, как правило, не завершено, но колумнисты-рецензенты нацелены на то, чтобы начать диалог со «своим» (по возрасту, по образу мыслей, по жизненному опыту) читателем. Неоднозначность авторского взгляда, его открытость и своеобразная уязвимость побуждают к ответу, к дискуссии. При условии наличия интересной идеи, выраженной с помощью оригинальных стиливых средств, колонку-рецензию можно признать эффективным в прагматическом смысле «гибридом».

Таким образом, на современном этапе развития СМИ генеалогическое древо колонки дало новые ответвления, на которых в перспективе может сформироваться система жанров колумнистики, коммуникативно ориентированных на удовлетворение различных познавательных реакций аудитории.

Современная колумнистика сохранила важные для массовой коммуникации черты: активность, направленную на организацию дискуссий, готовность поднимать злободневные темы, отражать острые проблемы человека и общества, подавая их под углом персонального восприятия действительности субъектом высказывания. В то же время появилось множество колонок, в которых снижен градус полемичности, оппозиционности, конфликтности высказанного мнения. А ведь данную черту в начале XXI в. профессор Л.Е. Кройчик рассматривал как важный признак колонки [3, с. 229]. В связи с расширением тематики колонок полемичность перестает быть ее обязательной чертой. Колонки С. Клебанова о здоровом образе жизни, моде, стиле и т.д. (GQ), социально-бытовые колонки Натальи Радуловой («Огонек», «Взгляд»), посвященные гендерным различиям и взаимоотношениям полов, и другие – выполняют, скорее, информационно-ориентирующую задачу, нежели задачу обострения идейных противоречий. Колумнистика распространяет свое влияние на те сферы социальной коммуникации, которые ранее были закреплены преимущественно за журналистикой, а это, опять же, формирует ожидание, что должны появиться новые формы отражения действительности.

В связи с активным развитием колумнистики представляется актуальным внесение изменений в процесс подготовки журналистов в вузах. Необходимо целенаправленно готовить их к новому виду творческой деятельности в СМИ.

Список литературы

1. Casals Carro M. J. La columnaperiodística: de esosembusterosdías del ego inmarchitable / M. J. Casals Carro – (http://www.ucm.es/_info/emp/Numer_06)
2. Гордеев Ю.А. Жанровая специфика колонки в печатных СМИ // Жанровые метаморфозы в российской журналистике: тезисы IV Всероссийской научно-практической конференции г. Самара 18-19 марта 2010 г. Самара: Порто-принт, 2010. – 108 с. – С. 22-23
3. Кройчик Л.Е. Журналистское произведение / Основы журналистской деятельности: учебник для бакалавров / под ред. С.Г. Корконосенко. – 2-е изд., перераб. и доп. М: Издательство Юрйт, 2014. – 332 с. – С. 163-248
4. Потсар А.Н. Трансформация жанровой структуры колонки под влиянием политического дискурса // Медиаскоп: электронный журнал. – 2012. – № 1. – режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/1023>
5. Тимченко, И. С. Авторская колонка в современных СМИ: учеб.-метод. пособие / И. С. Тимченко; С.-Петербург. гос. ун-т, ф-т журн., каф. междунар. журн.

- СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2011. – 172 с.
6. Успенская С.С. Колумнистика: проблемы жанровой идентификации // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2007. – № 1. – С. 240-250
 7. Шостак, М.И. В жанре реплики // Журналистика и медиарынок. – 2004. – № 10. – С. 17-25
 8. Ярцева С.С. Жанровые признаки колонки // Вестник Воронежск. гос. ун-та. Серия: Филология. Журналистика. Воронеж, 2011. – № 1. – С. 226-228.
 9. Ярцева С.С. Колонка: старая форма, новый жанр // Жанры СМИ: история, теория, практика: тезисы V Всероссийской научно-практической конференции г. Самара 17-18 марта 2011 г. Самара, 2011. Самара: Порто-принт, 2011. – С. 93-94.
 10. Ярцева С.С. Колумнистика: история возникновения и перспективы развития: автореф. дис... канд. филол. наук. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2011. – 22 с.

МИКРОПОЛЕ AUDITORY SENSATIONS КАК ЦЕНТРАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КАТЕГОРИИ HUMAN SENSATIONS

Иванова Раиса Петровна

Канд. фил. наук, доцент кафедры английской филологии, МПТИ (ф) СВФУ, г. Мирный

В контексте функционально-семантической концепции [1] категория Human Sensations представляет собой функционально-семантическое поле (ФСП). Данное ФСП состоит из нескольких микрополей, репрезентирующих различные виды ощущений человека. Структуру данного поля можно представить в виде «матрешки», состоящей из трех взаимопроницающих модулей: Physical Sensations, Emotional Sensations и Mental Sensations.

Центр модуля PHYSICAL SENSATIONS состоит из микрополей основных видов ощущения, представляющих собой концепты: Visual Sensations, Audile Sensations, Taste Sensations, Olfactory Sensations, Tactile Sensations.

В данной статье рассмотрим микрополе Auditory Sensations как одну из центральных составляющих категории Human Sensations.

Ситуация слухового ощущения представлена Субъектом и Объектом слухового ощущения. Центральную позицию в этой парадигме занимает Субъект, так как характеристики Объекта наделяются исключительно в результате сенсорного опыта человека.

Семантическим инвариантом [2] микрополя слухового ощущения является глагол hear на том основании, что он наиболее точно и специализированно описывает ситуацию слухового ощущения:

(1) The men shouted and I distinctly heard them through the falling snow (Lingvo).

В данном предложении присутствует ощущающий субъект (I) и объект слухового ощущения, представленный действием других субъектов (The men shouted) (о том, что субъект может быть объектом по отношению к другому субъекту, говорилось ранее). Иначе говоря, в данном предложении все семантические валентности [3] реализованы, оно достаточно информативно и эксплицитно выражает ситуацию слухового ощущения. Глагол hear, таким образом, номинирует ситуацию слухового ощущения наилучшим образом.

В отличие от listen, который согласно лексикографическим данным имеет семантическую маркировку «внимательно слушать», hear не требует концентрации внимания, а номинирует непосредственный опыт, возникающий в результате восприятия предметов и явлений внешнего материального мира, то есть, ощущения:

(2) Sp.: Listen! What's that noise? Can you hear it? (OALD).

Интегральным признаком микрополя является сема to have auditory sensation, содержащаяся в его инварианте, глаголе hear.

Результаты выборки при помощи метода ступенчатой идентификации показывают, что группу глаголов-предикатов слухового ощущения формируют две группы языковых единиц. Это группа глаголов, номинирующих сам процесс слухового ощущения: hear, listen, overhear. А также группа глаголов с аксиологической семантикой, вербализующих оценку человеком свойств воспринимаемых объектов внешнего материального мира: hark, mumble, murmur, feel, ring, jingle, clang, clink, tinkle, jangle, rumble, peep, squeak, pound, tingle.

Дифференциальные признаки языковых единиц, вербализирующих микрополе слуховых ощущений, разделяются на качественные, временные и пространственные характеристики:

Временные характеристики включают семы «кратковременный / долговременный процесс слухового ощущения», актуализируемые в ситуациях с глаголами hear, listen, и другими. Глагол-предикат hear способен выразить как кратковременный, так и долговременный процессы слухового ощущения. Но близким к прототипу является, безусловно, первый:

(3) He whispered so that I should not hear (Lingvo).

Долговременный процесс слухового ощущения номинируется глаголом-предикатом listen в конструкциях с событийным Объектом:

(4) We listen to their deep and ceaseless roar (Lingvo).

Объект слухового ощущения здесь выражен словосочетанием deep and ceaseless roar, который номинирует ситуацию, а не предмет материальной действительности, поэтому он является событийным.

Качественные характеристики слухового ощущения актуализируются в семах «направленный процесс слухового ощущения» с дифференциальными характеристиками «слушать внимательно» (listen), «слушать украдкой, подслушивать» (overhear):

(5) I listened carefully to her story (OALD);

(6) I couldn't help overhearing your conversation (OAD).

Семантический признак «произвольный процесс слухового ощущения» актуализируется в дифференциальных признаках «слышать отчетливо / не отчетливо» (hear):

(7) The men shouted and I distinctly heard them through the falling snow (Lingvo);

(8) Quinn could vaguely hear raised voices, principal among them being that of Zack (BNC);

(9) He did not hear very well (OAD).

В данных конструкциях Субъект инактивен, следо-

вательно, прототипичен для ситуации слухового ощущения.

К качественным характеристикам предикатов слухового ощущения относятся субъекто-ориентированные (аксиологические) свойства воспринимаемых объектов, которые оцениваются как тихие (peer, mumble, murmur), громкие (squeak, rumble, pound), звонкие (ring, tingle, tinkle) и пр.

(10) I could hear him mumbling to himself (OALD).

(11) The breeze murmured in the pines (Lingvo).

(12) She squeaked out a cry of fear as the mouse ran across the floor (Lingvo).

(13) We can hear thunder rumbling in the distance (Lingvo).

(14) The lorry rumbled along the road (Lingvo).

(15) We could hear elephants pounding along the forest path (Lingvo).

(16) The children's laughter was still ringing in my ears (Lingvo).

(17) My ears rang with unusual sounds (Lingvo).

(18) My ears tingled (Lingvo).

Слуховые ощущения дистантны и обладают пространственными характеристиками «слышать на близком / дальнем расстоянии»:

(19) He had been the first to hear the sound of the car approaching, and the quickest to identify it, for he was the only one who looked completely unsurprised as it rolled gently alongside the Aston Martin, while all the rest had checked momentarily and turned to gaze (Peters, p. 35).

В данной ситуации (19) Объект слухового ощущения – звук приближающейся машины (the sound of the car approaching) актуализирует сему «слышать на близком расстоянии», так как значение причастия approaching номинирует ситуацию, в которой источник слухового

ощущения находится вблизи от субъекта.

(20) Arrive home, carry first boxful in, go out again to car where Henry and Harriet are engaged in the first barney of Xmas, and to my horror hear front door slam behind me (BNC).

В вышеприведенном предложении адвербиал behind me в сочетании с глаголом-предикатом hear и инфинитивом, выражающим объект слухового ощущения, а также slam актуализируют сему «слышать на близком расстоянии», так как по своей семантике номинируют близкие пространственные отношения.

(21) I heard police sirens in the distance (OAD).

Адвербиал in the distance (см. пример 21) актуализирует сему дальнего расстояния, которая в данной знаковой ситуации является облигаторной, так как без него высказывание теряет свою информативность. Именно введение адвербиала вносит ясность, что звук сирен вдали сигнализирует субъекту об угрожающей опасности.

Ядро микрополя конституируют глаголы hear, listen, overhear, обладающие наиболее общим значением слухового ощущения. Остальные глаголы-предикаты, характеризующие свойство воспринимаемых объектов, пополняют ряд периферии.

Список литературы

1. Бондарко, А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики. М.: Языки славянской культуры, 2002. — 736 с.
2. Бондарко, А. В. Инварианты и прототипы в системе функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики. Спб., 2003. — С. 5-36.
3. Fillmore, Ch. J. The case for case // Bach E. & Harms R. T. Universals in Linguistic Theory. — NY: Holt, Rinehart & Winston, 1968. — P. 1-88.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ ПУБЛИЦИСТИКИ

Иерусалимская Анна Олеговна

Аспирант, БФУ имени Канта, г. Калининград

Свойственные современной публицистике черты, ее характерные особенности можно наблюдать в самых древних памятниках европейской цивилизации. Еще в гомеровском эпосе вымысел тесно переплетен с документальной информацией [8, с. 14], что станет устойчивым признаком современных художественно-публицистических жанров.

Кроме того, мир Гомера – это мир слова. Более половины текстов «Илиады» и «Одиссеи» – прямая речь героев. «Речь не просто действенна или убедительна: она может заменять собой действие» [5, с. 29]. Не удивительно, что в мире, где речи придается такое большое значение, высок авторитет хороших ораторов.

Отправная точка европейской литературы – гомеровский эпос – примечателен еще с одной стороны. Несмотря на то, что эпос возник в дописьменную эпоху и передавался из уст в уста, в нем можно рассмотреть психологические зачатки нового человека – человека рационального, визуализирующего – человека грядущей письменной эпохи. Боги, являющиеся героям и невидимые для всех остальных, представляют собой не что иное, как визуализацию психических состояний. «...Мимесис в платоновском смысле ... есть необходимое следствие выде-

ления визуального восприятия из его обычной включенности в аудиотактильное взаимодействие чувств. Именно этот процесс, вызванный опытом освоения фонетического письма, меняет мир древних обществ, изгоняя из него “священные”, или “космические, пространное и время и формируя лишнее родовых черт, или “мирское”, пространство и время цивилизованного и прагматичного человека» [6, с. 40]. В античности и в средневековый период было принято читать вслух. Только с изобретением книгопечатания начал постепенно происходить переход к полной визуализации.

С развитием греческих полисов роль слова возрастала. «Убеждающие речи употребляются ради решения (ибо для того, что мы знаем и относительно чего приняли известное решение, не нужно никаких речей), а это бывает в том случае, когда кто-нибудь с помощью речи склоняет или отклоняет какое-нибудь отдельное лицо...» [2, с. 101]. Общественно важные вопросы, которые раньше были в ведении властителя, решались посредством прений. А это, в свою очередь, требовало оттачивания мастерства ведения споров, создания аргументации, манипулирования языком, красноречия. «Так развивается целый пласт размышлений о речи и ее возможностях, кое-

кто начинает обучать красноречию, и это знаменует рождение новой техники коммуникации, риторике» [5, с. 45].

Риторика возникает в начале V века, ее появление связывают с софистами. Примечательно, что слово «софистика», как и слово «публицистика», чаще воспринимается негативно. Вот как об этом пишет С.С. Аверинцев: «Самым первым в европейской традиции обозначением профессионально практикуемого и профессионально преподаваемого, а значит, формализованного умения умствовать и говорить было слово “софистика”; и оно приобрело одиозный привкус еще для самой античности. Впоследствии единое в руках софистов искусство убедительности разделилось надвое. Умение владеть словом с античных времен называлось “риторикой”; формализованная мыслительная работа с соблюдением школьных (scholasticus) технических правил в средние века называлась “схоластикой”. В Новое время, особенно в XIX в., оба слова широко употреблялись как бранные; они употребляются так и до сих пор» [1, с. 115].

Не пытаясь дать окончательный ответ на причину такой оценки, ученый подчеркивает свойственную всему перечисленному рефлексии, противопоставленную проявлениям «естественного человека» [1, с. 117]. В контексте нашего исследования важно отметить, что и наука, и публицистика, и литература (по крайней мере, в ее традиционалистский период) рефлекторна, конвенциональна, пользуется некими (визуализированными) абстрактными понятиями в качестве «общих мест», инвариантов, из которых дедуктивным методом выводятся частные положения (произведения).

В III в. до н. э. философы-киники создают литературный жанр диатрибы (от гр. «растирание», «уничтожение», «распря», «разговор»), представляющий собой беседу на философские, главным образом моральные темы и включающая уничтожающую полемику с воображаемым противником, с резкими нападками личного характера. Присущие диатрибе черты – полемичность, злободневность, острая направленность – характерны для одного из ключевых публицистических жанров – памфлета («Литературная энциклопедия» под редакцией В. М. Фриче, А. В. Луначарского (1929—1939) выделяет памфлет как самый яркий жанр публицистики [7]), который окончательно сформировался только в Новое время.

Следует упомянуть также и такое античное явление, тесно связанное с публицистикой, как «письмовники». Эпистолярные эссе и памфлеты займут прочное место в литературе XVIII века – так письмо Эдмунда Берка разрастется в 400-страничный памфлет «Размышления о революции во Франции», Джонатан Свифт издаст свои знаменитые памфлеты под заглавием «Письма сукошника». На связь письма и эссе и на восхождение этой связи к античности указывал еще основоположник английского эссе Фрэнсис Бэкон, который, с одной стороны, разграничивал эссе и письмо, с другой – свидетельствовал об их неразрывной связи еще с античных времен: «...Послания Сенеки к Луцилию ... - не что иное как “Опыты”, то есть отрывочные размышления, хотя и облеченные в форму посланий» [3, с. 47]. Сергей Сергеевич Аверинцев обобщает: «Вообще говоря, всякая риторическая культура есть непременно культура “письмовников”» [1, с. 117].

Тесную связь между философией и риторикой отмечали и сами древние. Филострат в III веке утверждает, что философ и ритор занимаются одним и тем же: «Древнюю софистику следует называть философствующей риторикой: ведь рассуждает она о тех же предметах, что и философия, однако там, где философы хитрят, мельчат,

продвигаются к знанию через дробление вопросов и затем заявляют, что знания так и не достигли, древний софист говорит как знающий. Он так и заявляет в приступах к своим речам: “знаю”, или “ведаю”, или “давно уже рассмотрел я”, или “нет для человека ничего непреложного”. Такой род приступа придает речи благородство, и вескость, и ясное уразумение предмета» [1, с. 131].

В чем же отличие риторики от философии? В ее художественности. В самодостаточности ее отдельных высказываний, отдельных тезисов. В отличие от философии, риторике не нужно искать абсолютную истину и задаваться вопросом о возможности истины или возможности поиска. Риторические высказывания перформативны, и эта перформативность, сближая риторику с искусством, отталкивает ее от философии. «Любое утверждение и любое отрицание, вплоть до игровых парадоксальных тезисов, выставляемых и защищаемых для демонстрации всемогущего ратора, авторитетно и легитимно по действию нормы искусства» [1, с. 130].

Таким образом, публицистика как вид деятельности и как род произведений восходит к самым истокам европейской цивилизации. Характерный для публицистических жанров синтез документального и художественного начал можно проследить еще в поэмах Гомера; родственная публицистике эпистолярная традиция представлена многочисленными посланиями, а красноречивое воззвание к многочисленной публике с целью убедить в своей правоте и привлечь на свою сторону – в риторике (в основном античное риторическое искусство было устным, но были и исключения, такие как Исократ). Современное слово «публицистика» обозначает деятельность и род произведений, в список его значений не входит изучение этой деятельности и этих произведений (в отличие от слова «журналистика», которое обозначает и деятельность, и сами произведения, и исследование последних). Следует отметить, что в античности упомянутые явления – письма, риторика (как практика) – не только существовали, но и рефлексировались – «письмовники», риторика как наука о построении речи.

Еще в античности риторика (назовем ее прапублицистика) занималась тем же, чем и философия, но являла себя как искусство. «Как бесполезна хорошая мысль, если ты не украсишь ее прекрасным словесным выражением, так точно и здесь нет никакого проку в изыскании чистого, благозвучного выражения, если последнее не вправлено в соответствующее ему красивое построение...» [4, с.169]. В напряжении между этими двумя полюсами, отталкиваясь от одного силой притяжения другого, она пробудет на протяжении всего своего многовекового существования, это существенное, глубокое напряжение не позволит ей исчезнуть, притянувшись и слившись с одним из полюсов.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 448 с.
2. Аристотель. Риторика// Античные риторик/ собр. текстов, ст. коммент. и общ. ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Изд-во МГУ, 1978. – 352 с.
3. Бэкон Ф. Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1954. – 244 с.
4. Дионисий Галикарнасский. О соединении слов// Античные риторик/ собр. текстов, ст. коммент. и общ. ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Изд-во МГУ, 1978. – 352 с.
5. Куле К. СМИ в Древней Греции. Сочинения, речи,

- разыскания, путешествия. М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 256 с.
6. Маклюэн. М. Галактика Гуттенберга. Киев: Ника-Центр, 2001. – 432 с.
7. «Публицистика» в «Литературной энциклопедии» под редакцией В. М. Фриче, А. В. Луначарского (1929—1939). URL: [http://dic.academic.ru /dic.nsf/enc_literature/3845/%D0%9F%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D1%86%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0](http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/3845/%D0%9F%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D1%86%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0) (12.12.2014)
8. Desmond R.W. The Information Process: World News Reporting to the Twentieth Century Iowa City: Univ. of Iowa Press, 1978. – 597 p.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭВФЕМИЗМОВ В АМЕРИКАНСКОМ И БРИТАНСКОМ СЛЕНГЕ

Редкозубова Екатерина Анатольевна

д. ф. н., доцент кафедры теории, и практики английского языка, Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону

Каграманян Маргарита Рафаеловна

студентка 5 курса, Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону

В данной работе мы выбрали два аспекта, по которым можно классифицировать эвфемизмы в сленге: структура и семантика. Мы выделяем следующие части речи для анализа британских и американских сленгизмов-эвфемизмов: существительное, прилагательное и глагол. Но, для того, чтобы провести точный анализ сленгизмов-эвфемизмов по частеречной принадлежности, мы решили разделить отобранный материал на тематические группы, из которых в дальнейшем выявить частотность употребления той или иной части речи. Случайным образом было отобрано 50 примеров из словаря “Oxford Dictionary of Euphemisms” by R. W. Holder, 50 примеров из словаря “The Oxford Dictionary of Modern Slang” by John Ayto и 40 примеров из словаря “The Oxford Dictionary of Rhyming Slang” by John Ayto.

Опираясь на статью Редкозубовой Е. А. «Сленг как экзистенциальная форма языка: степень автономности», мы так же обращаемся к исследованию сленга не только как нестандартного словаря, но и принимаем во внимание его структурно-семантические особенности. [5, с. 154]

Так как в британском сленге сегодня наиболее активны процессы эвфемизированного кодирования табуированных областей коммуникации, поэтому сленгизмы-эвфемизмы будут иметь наибольшую распространенность в таких номинациях как лингвистические знаки половых органов человека, копуляции, болезней и т.п. [4, с. 98]

В соответствии с этим фактом, мы выбрали примеры из таких тематических групп как: пагубные привычки, преступления и наказания, тело и его функции, секс и болезни.

Группа пагубные привычки (Addictions) включает в себя наибольшее количество сленгизмов-эвфемизмов (48 шт., 33%). Процентный перевес может быть связан с тем фактом, что данная группа охватывает большое пространство для эвфемизации, а так же является крайне табуированной в обществе.

Большая часть эвфемизмов относится к подгруппе «алкоголь». «Алкогольные» эвфемизмы, помимо того что выполняют смягчающую, так же приукрашивают прямое значение, от чего процесс питания, сами напитки и пьющие не выглядят социально-порочными. Например, “Nuthin’ at all like juice (хороший алкоголь), either,” Nassan said. “No hangover”. [2, с. 125] А в некоторых местах сленгизмы-

эвфемизмы несут уменьшительно-ласкательную функцию: Os pulled a beer each for me and Tommy, and a pony (рюмочка) for himself. He always drank small beers.” [2, с. 143] Или: “I drunk a little and became befuddled(выпивший) but no more.” [3, с. 92] То же касается и подгруппы «табак», так например британское doofer, doofah, doovah, doover по словарю Эйто произошло от do for в фразах типа “that will do for now” (этого достаточно) [2, 155], поэтому мы можем перевести на русский данный эвфемизм как «полсигаретки», и уже через перевод прослеживается уменьшительное значение.

Так же эвфемизированное кодирование очень типично для подгруппы «наркотики» (drugs). Эвфемизмы здесь отражают практически все типы наркотических веществ. Это связано с тем, что наркозависимые в большинстве случаев точно знают то, что употребляют, но так как они боятся быть уличенными, то используют эвфемизированные сленгизмы. Приведем примеры по каждому типу наркотиков. Каннабиоиды и амфетамины называются таким словом как “olly”, которое является примером британского рифмованного сленга. [1, с. 168] Таким же способом образуются рифмованные эквиваленты для наркотических веществ в таблетках, например: Jack and Jills (таблетки, колеса) [1, с. 61]. Героину же отводится особое место в лексике: слова, связанные с этим типом, выражают чувства в высшей степени их проявлений. Например, сленгизм-эвфемизм jolt обозначает не просто инъекцию героина, но также подчеркивает наличие большой силы, энергии: “I got a jolt and was turned on.” [3, с. 234]

Следующими по численности стоят тематические группы «секс»(Sex). (31 шт., 22%) и «тело и его функции» (body and its functions) (28 шт., 19%). Эти группы очень близки по количеству, а так же в некоторых местах переплетаются друг с другом, так как выражают части тела, которые являются табуированными в обеих группах: jack (пенис) [3, с. 232], South Pole (влагалище) [1, с. 34], big bass drum (попа) [1, с. 34]. Так же в этих группах довольно часто встречаются метафоричные и аллюзорные сленгизмы-эвфемизмы: “Jimmy totally dominated the oval office(сексуальная вагина) after 18 beers and \$25 worth of Taco Bell.” [3, с. 287]

В группе «преступление и наказание» (Crime and Punishment) (19 шт., 13%) довольно распространен тюремный сленг, в котором так же существуют свои

эвфемизмы: in(быть в тюрьме) [3, с. 223], nick (участок, тюрьма) [3, с. 274], on vacation (в тюрьме) [3, с. 284]. Не обходится эта группа и без рифмованного сленга, который, не так широко распространен, как в других группах. Например, half-inch (красть): “Half-inching is venial, in certain lines of goods.” [1, с. 111]

Тематическая группа «болезни» (Illness) (15 шт., 11%) представляется интересной так как, в ней довольно много примеров рифмованного сленга, так например, бурсит (bunion) – шишка на наружной стороне большого пальца ноги, может переводиться рифмованным сленгизмом-эвфемизмом spanish onion. [1, с. 60] Как нам кажется, данная рифма построена на прямом сравнении с луком. Большой, практически обособленной, подгруппой стоят болезни передающиеся половым путем. В этой подгруппе так же используется рифмованный сленг: сифилис – lover’s tiff – от сленгизма syph [1, с. 52], гонорея – handicap – от the clap. [1, с. 53] Использование рифмы в данной подгруппе, в какой-то степени, может быть связано с тем, что говорящие стремятся облегчить боль, либо повеселить себя или больного, используя рифмованный сленгизм-эвфемизм.

Английские эвфемизмы отличаются также и структурным разнообразием, поэтому в данной работе эвфемизмы британского и американского сленга классифицируются по частям речи.

Британские и американские эвфемизмы в сленге могут быть выражены разными частями речи: существительным (собственным и нарицательным), прилагательным, причастием, глаголом, местоимением (личным, указательным, неопределенным) в сочетании с существительными и самостоятельно.

Выше нами уже были обозначены те части речи, которые являются наиболее интересными для анализа британских и американских сленгизмов-эвфемизмов (существительное, прилагательное и глагол). На основе выбранных примеров, был проведен частеречный анализ.

Итак, наиболее многочисленную группу составляют существительные (62 шт., 44%). Эта часть речи представлена во всех тематических группах:

- пагубные привычки: olly (амфетамины, каннабиониды) [1, с. 168], crack (кокаин) [3, с. 140]
- секс: a hand-job (акт мастурбации, часто другому человеку) [3, с. 207]
- тело и его функции: parts (человеческие гениталии) [3, с. 292]
- преступление и наказание: a freezer (тюрьма) [3, с. 187], a yardbird (заклученный) [3, с. 411]
- болезни: Edgar Britts (диарея): “Jeez,” said Wooffer. “You give me the Edgar Britts, sometimes” [1, с. 58]

Глаголы тоже имеют довольно большое значение в выбранных нами примерах, хотя по численности все же уступают существительным. (43 шт., 31%)

- секс: to garden (gate) (делать минет, рифмованный сленг от 'plate', to fellate.) [1, с. 99], to cream (эякулировать) [3, с. 140]
- тело и его функции: to slack (облегчиться) [3, с. 347]
- преступление и наказание: to frag (застрелить) [3, с. 186], to frame (ложно обвинять) [3, с. 186]

В тематических группах «болезни» и «пагубные привычки» нами не было выявлено чистых глаголов-сленгизмов-эвфемизмов, поэтому данные группы будут рассмотрены далее как эвфемизированные словосочетания.

Такая часть речи как прилагательное имеет меньше всего примеров (35 шт., 25%), большинство из которых входят в адекватные сочетания. Но в подгруппе «алкоголь» очень четко прослеживается наличие различных синонимических рядов прилагательных, объединенных значением «в состоянии алкогольного опьянения», «пьяный»: elevated [3, с. 166], excited [3, с. 170], oiled [3, с. 281], muggy [3, с. 267].

Чтобы дать максимально точную картину структуры выражения эвфемии в сленге нам представляется важным рассмотреть эвфемизированные словосочетания в зависимости от составляющих их компонентов:

1) субстантивные:

- N+N: cats and kitties (грудь, рифмованный от сленгизма “titties”) [1, с. 24], sugar stick (пенис, рифмованное от “dick”), cobblers’ awls (яички): “Oh, that’s all cobblers’ awls”;
- Prep+N: on vacation (в тюрьме), on your back (заниматься сексом): “One way to travel. On my back.”

2) адекватные:

- Adj +N: funny farm (желтый дом): “If things get much worse they’ll be carrying me off to the funny farm.”

3) глагольные:

- N+V, V+N: friend has come (менструировать), rush the growler (посылать за пивом), to haul your ashes (совокупляться);
- Ph. verbs: crack one off (мастурбировать), knock off (украсть).

На основе данной классификации можно сделать вывод о продуктивности той или иной модели образования сленгизмов-эвфемизмов. Так нами было выявлено, что самой распространенной моделью является субстантивный способ образования. (42%) Далее следует адвербиальный (33%), а за ним – глагольный (30%).

Таким образом, эвфемизмы американского и британского сленга представлены различными тематическими группами, среди которых, самой распространенной является группа «пагубные привычки». На наш взгляд данная тенденция объясняется социальными установками в англоговорящем обществе и тем фактом, что эвфемизмы в сленге выполняют смягчающую функцию. Помимо этого сленгизмы-эвфемизмы приукрашивают прямое значение, от чего процесс употребления алкоголя и наркотиков, а также сами зависимые не выглядят социально-порочными.

Список литературы

1. Ayto J. The Oxford Dictionary of Rhyming Slang. – Oxford University Press, 2003. – 309
2. Ayto J., Simpson J. The Oxford Dictionary of Modern Slang. – Oxford University Press, 1999. – 474 с.
3. Holder R. W. The Oxford Dictionary of Euphemisms. – Oxford University Press, 2008. – 412
4. Редкозубова Е. А. Сленг в современном коммуникативном пространстве: дискурсивные практики, автореферат диссертации — Ростов-на-Дону, 2014.
5. Редкозубова, Е. А. Сленг как экзистенциальная форма языка: степень автономности // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – № 1. – 2012.

СМИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ БЕЛАРУСИ: ПОИСК ОПТИМАЛЬНОГО ФОРМАТА

Ольга Николаевна Касперович

Аспирант кафедры истории журналистики и менеджмента СМИ, БГУ, г. Минск

В процессе развития массмедиа стало естественным ориентирование на зарубежный опыт. Чаще всего белорусские средства массовой информации (далее СМИ) заимствуют и адаптируют под современные реалии национального белорусского массмедийного рынка наработки российских коллег.

На 1 ноября 2014г. в государственном реестре средств массовой информации Республики Беларусь зарегистрированы 1 574 печатных изданий, что почти в 6 раз превышает количество зарегистрированных теле-, радиопрограмм. Количество экономической направленности или деловых печатных изданий превышает два десятка. Активны в подаче финансовой информации сетевые ресурсы «БДГ-online», «Ежедневник», Bel.Biz, Select.BY. Среди радиопрограмм пользуется популярностью «Дзевяты радыёпартал» на Первом национальном канале Белорусского радио, вечерняя программа «Сфера интересов» (выходит по вторникам, средам и четвергам) и ежедневная утренняя программа «Новости экономики» на телеканале «Беларусь 1» (ранее «Деловая жизнь»). По данным социологов, средняя аудитория каждого выпуска последней превышает 1 миллион человек.

Стоит отметить, что все печатные издания экономической направленности или деловые издания универсального характера в Беларуси негосударственной формы собственности. Среди специализированных деловых изданий есть как государственной (журнал «Архитектура и строительство»), так и негосударственной формы собственности («Директор», «Финансовый директор» и др.).

Если в России за последние пятнадцать лет число деловых СМИ увеличилось, вырос их тираж, появились издания, ориентированные на различные читательские группы, то в Беларуси за это время общее количество деловых СМИ также увеличилось, но снизился тираж определенных газет. Практически все основные финансовые группы России на сегодня участвуют в формировании, выпуске, материальной поддержке тех или иных СМИ. Например, первым самостоятельным приобретением в области массмедиа российского банка «СБС-Агро» стал издательский дом «Коммерсантъ». «РосБизнесКонсалтинг» владеет медиахолдингом РБК. Подобная практика в Беларуси отсутствует. Однако значимость деловых изданий, которые «определяют мировоззрение значительной части читательской аудитории, относящейся к бизнес-кругам» [2, с. 130] в общественной жизни остается высокой. Российские ученые считают, что «социальная роль деловой прессы – не сводится лишь к информированию аудитории о том, что случается, и анализов текущих событий. Деловая периодика, пожалуй, как ни один другой тип печатных СМИ интегрирована в систему социальных отношений и призвана быть эффективным средством оптимизации всех областей жизни. <...> Данные СМИ охватывают значительную читательскую аудиторию и содержание данных изданий оказывает постоянное влияние на формирование нового информационного сознания» [2, с. 136].

Для деловой прессы Беларуси характерно расширение тематики, аудитории изданий, разнообразие творческих подходов. В отличие от многоликой российской деловой прессы, в белорусской отсутствуют элитарные

деловые издания. Ни одну деловую газету Беларуси нельзя сравнить с газетой «Коммерсантъ» или «Ведомости», или с британскими «The Times», «Financial Times», «The Guardian», «The Daily Telegraph», «The Sunday Times», которые российская исследователь С. Бодрунова относит к «верхнему рынку» газет (up-market). Их читательская аудитория – это образованное меньшинство [1]. Белорусские деловые издания удовлетворяют информационные потребности, в основном, сектора малого и среднего бизнеса, руководителей среднего звена.

Процесс формирования рынка деловых СМИ в Беларуси остается незавершенным. Трендом в развитии белорусских бизнес-изданий становится совмещение ангажированной информации, в которой заинтересованы рекламодатели, и многопрофильной информации, необходимой широкой читательской аудитории, которая, в свою очередь, занимает довольно активную позицию и отстаивает свои интересы. Журналист, работающий в деловом издании, должен быть подготовлен к такому рода читателю. Доцент факультета журналистики МГУ В. Иваницкий рекомендует своим студентам помнить, что «отношения с аудиторией делового издания строятся на диалогичном типе коммуникации, что попытки манипуляции и презентации в скрытой или явной форме будут аудиторией активно пресекаться» [5].

Российский исследователь А. Вырковский считает, что квинтэссенцию деловой журналистики, ее идеальное воплощение представляет собой деловой еженедельный журнал [3, с. 37]. Именно еженедельный журнал может синтезировать оперативность информации ежедневной газеты и аналитику солидного ежемесячного журнала. В Беларуси практически все журналы как «общего интереса», так и деловые (финансово-экономические, бизнес-издания) ежемесячные, либо выходят раз в две недели («Про Недвижимость»).

Однако именно в России «все новые проекты деловых еженедельников оказались нежизнеспособными. Так, весной 2009 г. был закрыт один из самых громких проектов последних нескольких лет в области деловых СМИ – журнал «Смарт Мани». Еженедельный журнал «Секрет фирмы» с января 2009г. стал выходить в ежемесячном формате» [4, с. 171]. Учитывая финансово-экономическое положение прессы в Беларуси (а оно самое лучшее), издавать аналитические еженедельные журналы финансово невыгодно. Такие издания не смогут быть самокупаемыми (как говорилось выше, большинство белорусских деловых изданий негосударственной формы собственности, а значит, не имеют сторонних дотаций). За январь-ноябрь 2014г. в Беларуси было зарегистрировано 40 журналов (при этом государственной формы собственности из них только 6), что в 3 раза больше, чем газет за тот же период. Эти данные свидетельствуют о том, что для Беларуси характерно развитие журнальной периодики. Причем в Беларуси, как и в России, устойчивый объем аудитории демонстрируют только старые бренды (в России «Эксперт», созданный в 2006г. и объединяющий 9 медиапроектов), «Финанс», которые издаются гораздо более 5 лет; в Беларуси журнал «Дело», присутствующий на национальном медиарынке более 20 лет).

Таким образом, если говорить о периодических изданиях экономической направленности, то наиболее приемлемым форматом для них на данном этапе развития является ежемесячный журнал. Для телевидения и радиовещания: информационная ежедневная программа или с периодичностью выхода 3 раза в неделю. Учитывая, что в экономике делается ставка на инновационность, то СМИ можно рассматривать как связующее звено между производством знаний, разработкой инноваций, привлечением инвестиций и развитием рынков высокотехнологичных товаров. А значит, СМИ экономической направленности должны учитывать требования рынка и использовать инновационные подходы к разработке того формата, в котором они выступают.

Литература

1. Бодрунова, С.С. Британский рынок прессы и политический процесс: символический и медиакратический смысл «табloidных поворотов» / С.С. Бодрунова // Вестник С.-Пб. унив. – Сер. 9, Филология.

Востоковедение. Журналистика. – 2013, Вып. 1. – С. 188.

2. Виноградова, К.Е. Деловые СМИ в социальном контексте / К.Е. Виноградова // Вестник С.-Пб. унив. – Сер. 9, Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2008, Вып. 2, Ч.1. – С. 130–138.
3. Вырковский, А. Деловые еженедельники: кризис жанра? / А. Вырковский // Меди@льманах. – 2009. – № 6. – С. 36–41.
4. Вырковский, А. В. Тенденции развития рынка еженедельных журналов / А.В. Вырковский // Вестник Моск. унив. – Серия 10, Журналистика. – 2010. – № 6. – С. 170–177.
5. Иваницкий, В.Л. Некоторые методологические подходы при преподавании деловой журналистики на факультете журналистики / В.Л. Иваницкий // Преподавание дисциплин печатных СМИ: методики и практика: Материалы Зимней Школы по журналистике и коммуникациям. – М., 2007. – С. 15.

О КРИТЕРИЯХ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СОЦИАЛЬНОЙ ФАНТАСТИКИ

Клокова Елена Федоровна

Преподаватель кафедры общенаучных дисциплин НОУ ВПО, «Московский психолого-социальный университет», (филиал в г. Надыме Ямало-Ненецкого автономного округа)

OUT THE RESEARCH CRITERIA THE WORK OF SOCIAL SCIENCE FICTION

Klokova Elena F., Lecturer of the Department of scientific disciplines NOU VPO, "Moscow psychology-social Institute" (branch, Nadym, Yamalo-Nenets Autonomous district)

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена классификации критериев анализа произведений социальной фантастики. Уточняется понятие «четвертая волна» российской фантастики XX века.

Ключевые слова: фантастика, научная фантастика, социальная фантастика, социальное моделирование, психологический анализ.

ABSTRACT

The article is devoted to the classification criteria of the analysis of works of social science fiction. Clarifies the concept of the "fourth wave" of Russian fiction of the twentieth century.

Keywords: fantasy, science fiction, social science fiction, social modeling, psychological analysis.

Отечественная социальная фантастика 90-х годов XX века уникальна. Выбор временного периода обусловлен «особостью», неповторимым своеобразием общественных, культурных событий и литературного процесса этого времени. На эти годы приходится расцвет творчества писателей-фантастов – представителей так называемой «четвертой волны» российской фантастики.

По классификации А.Ф.Бритикова, три первые волны соотносятся с временными периодами 20-30-х, 30-50-х, 50-70-х годов. «Первая волна» – это продолжатели традиции Г.Уэллса, создававшие утопии/антиутопии, повествования о необыкновенных приключениях (произведения А.Р.Беляева, М.А.Булгакова, Е.И.Замятина, Н.Комарова, В.А.Обручева, А.Н.Толстого, М.Шагинян, И.Эренбурга, А.Ярославского). «Вторая волна» – продолжатели традиции Ж.Верна. В их научно-фантастических произведениях во главу угла поставлены технологии, научные открытия, технические изобретения. Такие произведения в западном литературоведении называют «литературой идей» или «системой идей». К.Эмис предложил формулу: «идея как герой» [1, с. 137].

С.Скотт предчувствовал в таком подходе к творчеству угрозу «исчезновения характера», нивелировку личности персонажей [3, с. 14 - 24]. В рамках этой концепции в СССР появилось тупиковое направление, популяризиру-

ющее достижения советской науки – «фантастика ближнего прицела» (произведения Г.Адамова, А.Казанцева, Я.Кальницкого, В.Немцова, В.Охотникова, В.Сапарина, А.Палея, А.Светова, Б.Шейнина). Характеризуя эту литературную ситуацию, персонаж повести Н.Томана «Неизвестная земля» («Тerra incognita») говорит: «Забыли вы разве, какое жалкое существование влачила наша фантастика в период культа, когда фантазировать дозволялось только в пределах пятилетнего плана народного хозяйства» [14, с. 2]. 1957 год – переломный, знаменующий приход «третьей волны», начало «золотого века отечественной фантастики», воспевшей торжество науки, покоряющей космос в гуманном коммунистическом завтра человечества (произведения Г.Альтова, К.Булычева, И.Варшавского, С.Гансовского, Г.Гуревича, А.Днепровца, И.Ефремова, В.Журавлевой, В.Крапивина, О.Ларионовой, А. и Б.Стругацких). А.Ф.Бритиков писал: «Пересоздавая мир согласно своему идеалу, мы поднимаем и сам идеал. Мы вливаем в него новое содержание, но и берегаем нечто неизменное» [6, с. 187]. Затем наступил спад. Западноевропейский литературовед Л.Геллер выразил надежду: «Остается надеяться, что НФ лишь дремлет и еще проснется — в момент новой оттепели, если она будет» [7, с. 400]. Освоение космического пространства инициировало новый всплеск интереса к фантастике.

В России появилось новое поколение писателей, до

определенного времени не печатавшихся. К середине 80-х годов относятся первые публикации тех авторов, которых сейчас называют писателями «четвертой волны» («четвертого периода», «четвертого поколения»). Термин «четвертая волна» возник в конце 1980-х годов. Так назвала себя группа молодых писателей: В.Бабенко, Э.Гево-ркян, А.Лазарчук, В.Покровский, А.Столяров [11, с. 48]. «Многие писатели, являющиеся сегодня авторами наиболее ярких фантастических произведений, вошли в литературу во второй половине 1980-х годов» [8, с. 369]. - пишет О.В.Дрябина. В 1991 году вышел отдельный сборник произведений писателей «четвертой волны». В предисловии к нему Б.Н.Стругацкий даёт характеристику их творчества: «Вы взяли на вооружение все без исключения художественные приемы и методы ваших отцов и старших братьев по фантастике. Вы можете и умеете все — и социальную фантастику, и философскую, и фэнтези, и фантастику юмористическую, и сатирическую, и историческую, вы овладели даже остранным прозой, которая была редкостью в шестидесятых» [13, с. 6].

Спустя десятилетие, в XXI веке, названы «звезды «четвертой волны» (Вячеслав Рыбаков, Святослав Логинов, Борис Штерн, Евгений Лукин, Михаил Успенский, Андрей Лазарчук)» [12]. Творчество троих писателей, возглавивших список, представляют особый интерес: именно эти произведения прошли «проверку временем», не утратили актуальности и популярности. Произведения В.М.Рыбакова, С.В.Логина, Б.Г.Штерна, продиктованы потребностями времени.

О необходимости определения и систематизации форм художественного обобщения в социальной фантастике писал Е.Эткинд: «Исследовательский же интерес вполне совпадает с человеческим стремлением понять, с одной стороны, художественный и бытийный смысл ушедшей литературной эпохи, с другой — ещё не вполне оформившиеся эстетические и онтологические замыслы создающегося сейчас. Смена парадигмы затронула прежде всего сферу художественного обобщения» [15, с. 12]. А.Кубатиев считает, что без профессионального исследования невозможно ждать высокого качества произведений: «Чего же мне не хватает, старичку? <...> Историко-литературного исследования русской и советской фантастики за последние 95 лет. <...> Сделать это должен именно литературовед. Владующий профессионально всей совокупностью знаний о литературе и любящий фантастику. Но истину любящий больше» [9, с. 38-40].

Р.Скоулз видит корни научной фантастики в факте самого вымысла, даже если этот вымысел не переносит нас никуда из мира, в котором мы живем. «Войти в книгу, - это значит жить в другом месте. <...> Как старые, так и новые формы художественного обобщения уходят корнями в прошлое, но в фантастике они отчетливо современные, ориентированные на будущее, а не ограничены рамками настоящего времени» [2, с. 38-43].

Следовательно, выделяя критерии исследования произведения социальной фантастики, на первое место ставим его современность, злободневность, актуальность.

Моделирование является способом проверки социальных идей и одновременно совпадает с их верификацией, позволяет сравнивать функционирование модели с реальными социальными процессами. Для писателя-фантаста это способ познания, возможность исследовать поведение персонажей в экстремальных ситуациях. «Социальное моделирование - метод исследования общественных явлений и процессов посредством их воспроизведения в менее сложных формах» [5, с. 10 - 24]. - такое определение дал Э.А.Араб-Оглы универсальному

методу, применяемому всюду: от вычислительных устройств до общественных наук и художественного творчества. В литературе чаще всего встречается моделирование общественных явлений и процессов путем их воспроизведения.

На втором месте - способ моделирования (воспроизведения) общественных структур, особенности конструирования сеттинга (setting - окружение, место действия; уровень развития технологической цивилизации или другой вид цивилизации, теологическая концепция, демография, структура социума, юридические законы, моральные нормы). Персонажи произведений социальной фантастики могут представлять этнос двух основных типов: 1) земного; чаще всего это реально изображенные жители планеты Земля или иной планеты земного типа, заселённой землянами; 2) внеземного; гуманоидные или негуманоидные носители разума, разительно отличающиеся от человека (разумные «ящеры» или другие «знакомые» биологические формы; полуматериальные фантомы; звероподобные существа; антропоморфные создания, обладающие экстраординарными способностями или имеющие иной химический состав организмов). В анализируемых произведениях представлен этнос земного типа (homo sapiens), поэтому его описание не вынесено в отдельный критерий.

Социальное моделирование - один из особых, присущих фантастике приемов, способствующих формированию современного стиля мышления. «Цель моделирования миров в фантастике — не предсказание их реального существования, <...> а борьба с психологической инерцией, развитие воображения. Новая модель мира, придуманная фантастами, обычно позволяет по-новому оценить привычную ситуацию, содержит парадокс или обращает внимание читателя на тенденцию, которая пока скрыта от взгляда и лишь в будущем сможет проявить себя в полной мере» [4], - подчеркивает П.Амнуэль.

Третий критерий – идейно-тематическое содержание произведения: 1) определение темы, которая связывает фантастическое произведение с реальной действительностью; 2) вычленение идеи, которую провозглашает писатель (авторский фактор).

Традиционные темы современной литературы, разрабатывающие проблемы духовности, взаимоотношений человека и социума, не чужды фантастике. Но у фантастики есть собственная метатема: «Человек и человечество перед лицом грядущего и всего того, что может таиться за горизонтом прогресса» [10]. Сформулированная М.Мещеряковой метатема определяет систему образов фантастического произведения, главным героем подразумевая человечество Земли в целом (с ним ведёт диалог писатель). Это выделяет научную фантастику в особый тип литературы и способствует укрупнению характера главного персонажа, обрисовке его основных черт, ярко проявляющихся при экстремальных обстоятельствах.

Следующий критерий – способ изображения системы образов и особенно главного персонажа (его соответствие типу героя-спасителя человечества, его способность вызывать отклик в душах читателей). Главный герой – символическое человечество, которое стоит на пороге гибели. Оно выступает фоном. В центре повествования находится главный персонаж, призванный спасти свой мир. Это главное действующее лицо. Вокруг главного персонажа выстраиваются реальные и нереальные второстепенные и эпизодические герои. Актантные функции в сюжете исполняют либо противник, либо его «команда».

Образ «чего-то несуществующего», изображенного

достоверно, придает фантастическим произведениям известный схематизм, изначальную условность, и это часто связано с изображением времени (прошлое, настоящее, будущее, ускоренное или замедленное, плавно текущее или дискретное, неравномерное или обратное). Пространственно-временной континуум (хронотоп) суть пятый и шестой критерии исследования произведения социальной фантастики.

Следовательно, основные критерии исследования произведений социальной фантастики традиционны:

- актуальность;
- способ моделирования (сеттинг);
- идейно-тематическое содержание;
- система образов (персонажей);
- пространственно-временной континуум (хронотоп).

Применяя традиционную схему литературоведческого анализа, исследователь может по каждому выделенному критерию определить степень «фантастичности» произведения и соответствие его сложившейся в XX веке традиции.

Список литературы

1. Amis K. *New Maps of Hell: A Setvey of Science Fiction*. - NY: Hacourt Brace World, 1960. - P. 137.
2. Scholes R. *The Roots of Science Fiction // Structural Fabulation: An Essay on Fiction of the Future*. - Notre Dame, Indiana: University of Notre Dame Press, 1975. - P. 28, 39 – 43.
3. Scott S. *Invisible Men and Women: The Disappearance of Character in Science Fiction // Science Fiction Studies*, vol. 4, pt. 1. - DePauw University, 1977. - P. 14 - 24.
4. Амнуэль П. *Магический кристалл фантазии. Алгоритм новых идей?: Учебное пособие по РТВ для инженеров и изобретателей*. – Рукопись, 1974: http://www.fandom.ru/about_fan/amnuel_2.htm. – Дата обращения: 03.08.2014.
5. Араб-Оглы Э.А. *Европейская цивилизация и общечеловеческие ценности // Вопросы философии*. – М., 1990. - №7. - С. 10 - 24.
6. Бритиков А.Ф. *Русский советский научно-фантастический роман*. - Л.: Наука, 1970. – 447 с.
7. Геллер Л. *Вселенная за пределом догмы: размышления о советской фантастике*. – Л., 1985. - 444 с.
8. Дрябина О.В. «Четвертая волна» и «четвертое поколение» российской фантастики: к постановке проблемы // *Русская литература XX-XXI веков: проблемы теории и методологии изучения: Материалы Второй Международной научной конференции: 16-17 ноября 2006*. - М.: МГУ, 2006. - С. 366 - 371.
9. Кубатиев А. *Science fiction, the science of fiction, the fiction of science? Или Что значит “Ф”?* // *Двести: Журнал фантастики*. - СПб., 1995. - № Д. - С. 38 – 40.
10. Мещерякова М.И. *Что есть фантастика?* // <http://sf.convex.ru/litved/fant/me1.htm>. – Дата обращения: 01.08.2014.
11. Покровский В. *Тихий плеск «четвёртой волны»: [О российской «фантастической прозе»]* // *Русский сфинкс. Фантастическая литература: критика, исследования, материалы*. Вып 2. – М.: Галактос, 2004. – С. 48 - 55.
12. Сидорович А. *Владимирский В. Презентация романного семинара «Интерпресскона» // Тезисы к Ассамблее, часть III*. – СПб., 2011. - <http://fantlab.ru/blogarticle15315>. - Дата обращения: 30.07.2014.
13. Стругацкий Б. *Четвертое поколение: [Предисловие]* // *Фантастика: четвёртое поколение: Сборник*. - СПб.: Северо-Запад; Библиотека «Звезды», 1991. – С. 3 - 6.
14. Томан Н. *Неизвестная земля: Повесть*. – М.: Молодая гвардия, 1965. - 240 с. – 240 с.
15. Эткинд Е. *Там, внутри: о русской поэзии XX века*. – СПб.: Максима, 1997. – 567 с.

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ОЛИЦЕТВОРЯЕМОЙ ЛЕКСИКИ В ПРОЗЕ И.С. ТУРГЕНЕВА И ПОЭЗИИ А.А. ФЕТА

Константинова Светлана Кимовна

Канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, г. Курск

Предметом исследования в данной статье является широко распространенный в художественном тексте прием олицетворения. Под олицетворением мы понимаем троп, состоящий в ассоциативном перенесении внешних признаков и внутренних характеристик человека на предметы, явления, животный и растительный мир, а также в приписывании им антропоморфных свойств.

Олицетворение имеет древнюю историю. Генетически восходя к мифологическому антропоморфизму, оно, наряду с метафорой, связано с процессами формирования образного мышления человека. Сейчас, свойственное языковому сознанию индивида, олицетворение естественным образом реализуется в нашей речи. В процессе олицетворения проявляется способность человека к эмпатии – вчувствованию в окружающий мир, сопереживанию.

Специфика олицетворения в прозе и поэзии проявляется на разных уровнях: на уровне грамматики, т.е. в способах языкового выражения тропа, и на уровне семантики, в наборе семантических олицетворяющих признаков и в тематике персонифицируемых лексем.

Грамматические способы оформления олицетворения в поэзии и прозе мотивируются по преимуществу характером смыслового пространства текста (стремлением к краткости, сжатостью форм в поэзии и возможностью развёртывания тропа в целые синтаксические периоды в прозе). Установление семантических различий требует более тщательного анализа и статистической обработки олицетворяемого и олицетворяющего материала.

Анализ тематических групп существительных, обозначающих предмет олицетворения в прозе И.С. Тургенева и поэзии А.А. Фета, позволил нам проследить соотношение часто олицетворяемых и редко олицетворяемых

денотатов в поэтических и прозаических текстах двух писателей.

Исследование семантики наименований предмета олицетворения проводилось на материале прозаических произведений И.С. Тургенева, имеющих различную жанрово-временную специфику: цикла очерков «Записки охотника», романа «Отцы и дети» и «Стихотворений в прозе», в сопоставлении с примерами из оригинальной поэзии А.А. Фета.

Прежде всего необходимо заметить, что олицетворяющих контекстов в поэзии значительно больше, чем в прозе (наша классификация выявила двукратное превосходство поэтического материала над прозаическим), т.е. олицетворение – это, безусловно, поэтический прием. Однако круг олицетворяемых предметов в прозе шире, чем в поэзии. В прозе чаще выделяются единичные олицетворения. В поэзии же больше высокочастотных олицетворений, олицетворений-символов, олицетворений, носящих сквозной характер, выступающих лейтмотивом произведения.

В текстах И.С. Тургенева олицетворению подвергается 206 лексем (86 в «Записках охотника», 80 в романе «Отцы и дети» и 40 в «Стихотворениях в прозе»). В поэзии

А.А. Фета 383 лексические единицы называют предмет олицетворения. Однако 206 олицетворяемых наименований у И.С. Тургенева отмечены нами в 345 олицетворяющих контекстах, а 383 персонифицируемые единицы в поэзии А.А. Фета создают 1255 олицетворяющих контекстов, т.е. коэффициент частотности олицетворяемой лексики в прозаическом тексте равен 1.67 словоупотребления, а в поэзии в два раза выше – 3.27 словоупотребления. Таким образом, к часто олицетворяемым денотатам, т.е. к ядру олицетворяемой лексики, в прозе мы относим все неединичные лексемы, даже те, которые употребляются всего лишь 2 раза, а в поэзии выделяем еще и пласт мало-частотной лексики (с употребительностью 2-3 раза), составляющей, наряду с единичными лексемами, периферию олицетворяемой лексики.

Как в поэзии, так и в прозе олицетворение может распространяться буквально на все явления и понятия окружающего мира: на растения, животных, части тела человека, его состояния и эмоции, погоду, небесные тела, ландшафт, звуки, бытовые предметы, постройки, населенные пункты, одежду, обувь, интеллектуальные и философские понятия. Соотношение этих тематических групп в поэзии и в прозе можно увидеть в таблице.

Таблица 1

В прозе И.С. Тургенева	В поэзии А.А. Фета
«Эмоции и состояния человека» (32 л., 43 с/у)	«Эмоции и состояния человека» (56 л., 146 с/у)
«Части тела человека» (24 л., 57 с/у)	«Растительный мир» (35 л., 102 с/у)
«Философские понятия» (23 л., 31 с/у)	«Части тела человека» (33 л., 188 с/у)
«Растительный мир» (19 л., 35 с/у)	«Ландшафт» (30 л., 82 с/у)
«Погода» (16 л., 38 с/у)	«Погода» (28 л., 93 с/у)
«Животные» (13 л., 15 с/у)	«Время» (27 л., 115 с/у)
«Небо и небесные тела» (12 л., 28 с/у)	«Звук» (24 л., 74 с/у)
«Вода» (12 л., 12 с/у)	«Вода» (24 л., 63 с/у)
«Ландшафт» (11 л., 18 с/у)	«Философские понятия» (21 л., 113 с/у)
«Время» (7 л., 13 с/у)	«Свет, огонь» (17 л., 66 с/у)
«Постройки, детали строительства» (7 л., 8 с/у)	«Интеллектуальные понятия» (17 л., 55 с/у)
«Природа» (6 л., 10 с/у)	«Бытовые предметы» (15 л., 16 с/у)
«Свет, огонь» (3 л., 5 с/у)	«Постройки, детали строительства» (14 л., 19 с/у)
«Населенные пункты» (2 л., 3 с/у)	«Небо и небесные тела» (11 л., 80 с/у)
«Интеллектуальные понятия» (9 л., 14 с/у)	«Социальные понятия» (9 л., 10 с/у)
«Звук» (4 л., 9 с/у)	«Населенные пункты» (5 л., 7 с/у)
«Одежда и обувь» (3 л., 3 с/у)	«Природа» (5 л., 10 с/у)
«Бытовые предметы» (2 л., 2 с/у)	«Животные» (5 л., 9 с/у)
«Пища» (1 л., 1 с/у)	«Музыка» (5 л., 5 с/у)
	«Одежда и обувь» (2 л., 2 с/у)

Как видим, по количественному и качественному составу группы лексики, олицетворяемой в прозе И.С. Тургенева и в поэзии А.А. Фета, вполне сопоставимы: соответственно, лексика 19 тематических групп олицетворяется в прозе и 20 – в поэзии; в прозе не встречены нами олицетворения социальных и музыкальных понятий, а в поэзии не выявлены олицетворения еды (пищи).

Проанализируем топ-5 тематических групп олицетворяемой лексики. Здесь отмечаем больше сходства, чем различий. Первую строчку в нашей классификации занимает группа «Эмоции и состояния человека». В ней объединена лексика, называющая чувства, нравственные качества, внешнее проявление эмоций, эмоциональные состояния героев. Группы «Части тела человека», «Растительный мир», «Погода» зафиксированы в обоих списках с небольшим колебанием ранга частотности: группа «Части тела человека» в прозе имеет второй ранг, в поэзии – третий, группа «Растительный мир» в поэзии имеет второй ранг, в прозе занимает четвертую строчку. Различия,

характерные для прозы и поэзии, касаются только одной тематической группы из топ-5: в поэзии более олицетворяемыми являются лексемы тематической группы «Ландшафт» (четвертый ранг), а в прозе – лексемы тематической группы «Философские понятия» (третий ранг).

Рассмотрим семантические особенности олицетворений указанных групп.

В прозе И.С. Тургенева лексемы группы «Эмоции и состояния человека» представлены во всех трех жанрах. В романе «Отцы и дети» это самая частотная группа олицетворяемой лексики. Писатель развивает в романе конфликты в сфере общественной и личной, им соответствуют разнообразные эмоциональные коллизии, поэтому лексемы, номинирующие эмоции и состояния человека, часто попадают в олицетворяющий контекст, который помогает автору в изображении психологии персонажа. Однако И.С. Тургенев избегает резких персонификаций. Банальные, кодифицированные олицетворения, типа тоскливая скука, изнеженная небрежность, благородное смирение,

глухое беспокойство, создают необходимый для социально-психологического романа фон повествования.

И.С. Тургенев считал, что поэт должен быть психологом, но тайным: он должен знать и чувствовать корни явлений, но представлять только сами явления и их результат. Согласно теории Тургенева, психолог должен исчезнуть в художнике.

В основном в тематической группе «Эмоции и состояния человека» отмечаются единичные лексемы, однако во всех трех жанрах у Тургенева встречается олицетворение улыбки, в двух жанрах – слез, и самой частотной в этой группе является персонификация обобщенного наименования чувство.

В поэзии А.А. Фета среди олицетворяемых эмоций и состояний преобладают наименования с негативной коннотацией: горе, грусть, досада, злоба, мука, недуг, печаль, слезы, страдания, тоска, тревога, утомление. Они появляются в момент повествования лирического героя о былой любви, расставании, душевных волнениях, например: Молчит стыдливая печаль, <...> Ей ничего уже не жаль [4, с. 62]; кроток, как улыбка, печаль [4, с. 127]. Из положительных эмоций и состояний олицетворению у Фета подвергаются следующие: восторг, любовь, надежда, радость, страсть, счастье.

Лексемы группы «Части тела человека» участвуют в создании портретной характеристики героя. Для писателя в понятие «литературный портрет» входят не только внутренние черты персонажа, эмоциональные характеристики, но и внешние, воплощающие в себе типичное и индивидуальное. Во внешности, в чертах лица, манере поведения обычно проступают особенности характера.

Выделение группы олицетворяемых соматизмов требует комментария. Дело в том, что олицетворение часто совмещается с другими тропами: символом, метафорой, эпитетом и сравнением. При олицетворении частей тела человека (сердца, глаз, лица, руки) художественный прием персонификации пересекается с синекдохой: олицетворяющий признак переносится со всего предмета (человека) на его часть. «Художники слова развивают выразительные возможности языка. Метонимия и синекдоха выполняют в произведении не номинативную, а характеризующую (эстетическую) функцию в соответствии с содержанием ближайшего или широкого контекста» [3, с.84].

Приведем примеры олицетворения соматизмов и смежной с ними лексики в прозе И.С. Тургенева: сидящие туловища приподнялись [2, т.1, с.259]; тело мое ответило ему легкой, веселой дрожью [2, т.1, с.116]; сердце ваше томится ожиданием [2, т.1, с.34]; сердце его снова вкушало сладость великодушных ощущений [2, т.3, с.226]; размягченное сердце не могло успокоиться в его груди [2, т.3, с.197]; ею [лодкой] правили наши собственные играющие сердца [2, т.8, с.282]; и прекрасные глаза, еще блестящие от слез, засмеялись дерзостно и счастливо [2, т.8, с.276]. Олицетворяющий эффект в таких контекстах снижен, так как персонификация осуществляется по смежности с человеком, т.е. семантический скачок в сознании не очень заметен.

У И.С. Тургенева самой частотной в этой группе является лексема лицо, она встречается во всех жанровых словниках: все лицо, повязанное черным платком, словно от зубной боли, сладостно улыбалось [2, т.1, с.88]; лицо ее оживилось улыбкой [2, т.3, с.302]; ее лицо и побледнело и ожило [2, т.8, с.276].

К высокочастотным и в прозе, и в поэзии относятся лексемы сердце и глаза: сердце то вдруг задрожит и забьется, страстно бросится вперед [2, т.1, с.354]; сердце

изныло на родителей на ваших гляючи [2, т.3, с.229]; нежное кроткое сердце [2, т. 8, с. 285]; А сердце грешное томит меня своим Неправосудьем нестерпимым [4, с.70]; Еще, еще! Ах, сердце слышит Давно призыв ее родной [4, с.92]; С какой заботою отрадной Лелеет сердце эту боль! [4, с.236]; я никогда не видывал более пронизательных и умных глаз [2, т.1, с.223]; старичок <...> с крошечными слезинками в съезженных глазах [2, т.3, с.228]; Казалось мне, глаза твои Не улетать ее молили [4, с.239].

Если сердце – средоточие чувств, а значит, центр внутренней жизни человека, то глаза – это зеркало души, и они играют главную роль в детализированном портрете с подробным описанием внешности героя и рассчитаны на визуальное восприятие образа: карие глаза, небольшие, но умные, ясные и живые... [2, т.1, с.66]; у постороннего старичка глаза готовы выскочить [2, т.1, с.256];...глаза его бежали по углам [2, т.3, с.220].

Отметим здесь же олицетворение лексемы голос, которое встретилось нам только в романе «Отцы и дети», где оно играет важную роль в создании литературного портрета, выполняя функцию речевой характеристики персонажа. В романе есть классические примеры полного соответствия речевой манеры героев их характерам. Например: Павел Петрович, когда сердился, с намерением говорил «эфтим» и «эфто», хотя очень хорошо знал, что подобных слов грамматика не допускает [2, т.3, с.188].

Сталкивая героев, И.С. Тургенев показывает противоположность их речевых манер: отвечал Базаров ленивым, но мужественным голосом [2, т.3, с.152]; он, гуляя с ней по саду, внезапно промолвил угрюмым голосом [2, т.3, с.228]; проговорила она [Анна Сергеевна] своим ровным, ласковым голосом [2, т.3, с.273]. Олицетворения как бы тоже участвуют в создании развернутой антитезы – основного композиционного приема этого романа.

Лексемы тематической группы «Растительный мир» чаще олицетворяются в поэзии, чем в прозе, хотя и участвуют в создании знаменитого тургеневского пейзажа, который полон сочувствия к человеку. «Пейзаж у Тургенева наделен глубокой перспективой, отличается богатой светотенью, динамизмом <...> При абсолютной достоверности описаний природа у Тургенева поэтизируется в силу присущего автору лиризма» [1, с.21].

Самой частотной в этой тематической группе и у Фета, и у Тургенева является лексема лист: Тихо шепчет лист печальный [4, с.129]; И в ночь краснеет лист кленовый, Что, жизнь любя, не в силах жить [4, с.103]; Стройный тополь стоит под окном, Листья в воздухе все онемели [4, с.240]; шевелились и лепетали молодые, свежие листья [2, т.1, с.273].

На втором месте в прозе И.С. Тургенева идут олицетворения собственно деревьев, в частности дуба и ракиты: Могучий дуб стоит, как боец [2, т.1, с.353]; Дуб отвечал добродушным и тихим смехом [2, т.8, с.316]; несколько тощих ракич боязливо спускаются... [2, т.1, с.215]; ракич тревожно шевелились и лепетали [2, т.1, с.164]; ...кроме немногих ракич, всегда готовых к услугам [2, т.1, с.23].

Древесные мотивы при олицетворении, особенно в прозе, предпочтительнее цветочных, плодовых или травяных. Одухотворенное изображение деревьев связано с древними фольклорно-обрядовыми традициями. Деревья в сознании человека живут своей жизнью, у каждого дерева свой характер. Образы олицетворенных деревьев переходят из текста в текст как символы, имеющие глубокий философский и психологический смысл.

Так, образ ракиты у Тургенева продолжает традиции олицетворения деревьев семейства ивовых в русской

поэзии. Дуб – символ упорного прорастания и жизнестойкого терпения – получает в философских стихотворениях И.С. Тургенева новый смысл: дубы, растущие на могиле, знаменуют жизнь вечную, вольную, равнодушную к смерти, как бы олицетворенную мощь вечнорождающей природы, но само дерево оказывается пристанищем смерти, могильным деревом по отношению к живой, цветущей действительности. Такой иносказательный смысл заложен в двойственной амбивалентной природе самого поэтического образа.

В поэтическом тексте, напротив, образы цветов встречаются чаще. В лирике А. Фета существует устойчивая поэтическая связь: женщина – цветок – гармония. Героини его лирических посланий нередко ассоциируются поэтом с конкретным цветком: графиня А.А. Олсуфьева – с гиацинтами, графиня С.А. Толстая – с резедой, А.Л. Бржеская – с гвоздиками. Но самый опозитивированный цветок у Фета роза – традиционный символ любви, вечной молодости и красоты. Роза соединяет любовь, природу и поэтическое вдохновение: Эти песни земле рассказали Все, что розе приснилось во сне [4, с.82]; Дул ветер. Плакала трава И ветви о недавнем зное, И роз, проснувшихся едва, Сжималось сердце молодое [4, с.66].

В тематической группе «Погода» самой частотной единицей и у Тургенева, и у Фета является лексема ветер.

Олицетворение ветра издавна присуще человеку. Положительная эмотивная характеристика в персонификациях ветра в прозе И.С. Тургенева проявляется в виде диминутивных форм персонифицируемой лексемы и в семантике приписываемых ветру антропоморфных свойств: жидкий, ранний ветерок уже пошел бродить и порхать над землей [2, т.1, с.116]; под тихим дыханьем теплого ветерка [2, т.3, с.158]; не бродил ветерок [2, т.8, с.278].

Поэзии А.А. Фета свойственна антиномичность персонифицированного образа ветра, в силу того что он воспринимается и как символ душевного переживания, горя, печали, тоски (Ветер злой, ветр крутой в поле Заливается [4, с.110]), и как фоновая характеристика идиллического пейзажа (Дышал горячий ветерок, В тени сидели мы друг с другом [4, с.239]).

Кроме частотной лексемы ветер, у обоих авторов олицетворяются существительные, обозначающие различные ненастья, погодные стихии, т.е. состояния природы, доставляющие человеку неудобства: буря, гроза, метель, непогода, холод, жара, зной, ливень, дождь: Все злей метель и с каждою минутой Сердито рвет последние листы [4, с.63]; С поля буря ворвавшись злая Рвет и мечет и воеет в лесу [4, с.102]; холодный дождь безжалостно приставал ко мне [2, т.1, с.148]; слегка покусывал ночной холод [2, т.3, с.234].

Тематическая группа «Ландшафт» в поэзии А.А. Фета представлена высокочастотными единицами лес, сад, степь, путь. Олицетворения их передают красоту фетовского пейзажа и простор русской земли.

Лексемы тематической группы «Философские по-

нятия»: душа, судьба, жизнь, смерть, связаны с абстрактным мышлением и философским осмыслением человеком своей жизни. Неслучайно эта группа является самой частотной в «Стихотворениях в прозе» И.С. Тургенева – произведении, написанном в последний период творчества писателя и имеющем символическое название «Senilia» («Старческое»).

Высокочастотные лексемы в этой группе – смерть, жизнь и душа. Первые две в равной степени представлены в «Стихотворениях в прозе»: смерть по пятам гналась за мною [2, т.8, с.315]; пока смерть тебя не съест [2, т.8, с.313]; одна и та же жизнь жметя пугливо к другой [2, т.8, с.263].

Для Тургенева антиномия жизни и смерти – форма существования, взаимосвязи и взаимообусловленности. Смерть – закон жизни и одно из ее проявлений. Жизнь и бессмертие отнюдь не равнозначные понятия, более того, бессмертие и жизнь Тургеневым противопоставляются, ибо жизнь без смерти – это некое инобытие, существование духа в ином мире, разрыв со всеми земными привязанностями, порог, отделяющий человека от земного бытия.

Человек приближается к пониманию таких глобальных категорий, как смерть, жизнь, душа, судьба, к самопознанию, к осмыслению собственного «я» в окружающем мире через сострадание, посредством болезненных ошибок и переживаний. Олицетворения души особенно частотны оказываются в «Записках охотника»: вся душа ее доверчиво, страстно раскрывалась перед ним, тянулась и ластилась к нему [2, т.1, с.250]; Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нем и так и хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны [2, т.1, с.228]; душа в нем была добрая [2, т.1, с.283]; душа умиляется [2, т.1, с.77].

В рамках данной статьи мы ограничились рассмотрением пяти самых частотных тематических групп олицетворяемой лексики в прозе И.С. Тургенева и в поэзии А.А. Фета и пришли к выводу, что жанр и форма литературного произведения незначительно влияют на выбор автором персонифицируемой лексики. И прозаический, и поэтический текст имеет стремление к антропоцентричности, поэтому сам человек и сфера его эмоций занимают главное место как в поэзии, так и в прозе. Из природных реалий олицетворению подвергаются чаще всего те, с которыми человек сталкивается регулярно в повседневной жизни, – растения и погодные явления.

Список литературы

1. Пустовойт П.Г. И.С. Тургенев – художник слова. М.: Изд. Моск. ун-та, 1980. – 374 с.
2. Тургенев И.С. Собрание сочинений: В 15 т. М.: Терра, 1998. Т. 1, 3, 8. – 384 с.
3. Федоров А.И. Образная речь. Новосибирск: Наука, 1985. – 199 с.
4. Фет А.А. Сочинения. В 2-х т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 1. – 575 с.

СИМВОЛИЗМ ТРИКОЛОРА «КРАСНЫЙ – БЕЛЫЙ – ЧЕРНЫЙ» В ИРЛАНДСКИХ СКАЗКАХ «ЛЕЙНСТЕРСКОЙ КНИГИ»

Кузнецова Марина Станиславовна

канд. фил. наук, доцент кафедры экспериментальной лингвистики и межкультурной компетенции, Пятигорский государственный, лингвистический университет, г. Пятигорск

Имея символическое значение практически во всех языках, «красно-бело-черный» триколор нередко становится предметом исследования различных научных направлений, таких как фольклористика, антропология, лингвистика, религиоведение, психология, семиотика, история искусства и др. Комбинация данных цветов встречается практически повсеместно, а для некоторых культур, по мнению исследователей, они являются наиболее символически значимыми [читай, например, 1; 2; 6; 7; 10 и др.].

Как результат исследований в области истории искусства, существует все больше доказательств того, что эти цвета выступали в качестве доминирующих в наскальной живописи доисторического периода среди племен, проживающих на территории большей части Евразии и Африки, не смотря на то, что другие красящие пигменты были получены еще в эпоху неолита [8, с.13-15]. В качестве дополнительного подтверждения символической значимости данных цветов может выступать установленный в результате диахронических исследований факт того, что именно «красный», «белый» и «черный» первыми получили лексическое наименование в древних языках [12, с.52; 3, с. 130]. Более того, было доказано, что в тех лингвокультурах, в которых отсутствовали цветоименования для всех существующих цветов, лексические единицы, обозначающие «красный», «белый» и «черный», обязательно присутствовали в языке [10, с.60].

Хотя особенности цветовосприятия - это тема, давно интересующая исследователей, до недавнего времени существовала огромная пропасть между научными изысканиями в области физики цвета, нейрофизиологии цветового зрения, с одной стороны, и антропологических и лингвистических исследованиях в области символического значения цвета в лингвокультуре, с другой. Опубликованный в 1969 году труд Б. Брента и П. Кея «Basic Color Terms: Their Universality and Evolution» позволил значительно сократить эту пропасть, поскольку в нем рассматривались особенности функционирования языковых универсалий в цветоименованиях, существование которых невозможно объяснить только с позиций лингвистики, не обращаясь к вопросам биологического характера [4]. Конечно, в течение многих лет после публикации книги, методология и интерпретации авторов были подвергнуты ряду изменений, однако в ключевых аспектах правильность гипотезы их междисциплинарного анализа цвета неоднократно подтверждалась в дальнейших научных исследованиях.

Возвращаясь к лингвокультурологическому аспекту изучения триколора «красно-бело-черный», интересно отметить, что его символическое значение во многом совпадает с понятием идеала женской красоты. Самым известным примером подобного символизма в английской лингвокультуре можно считать так называемый «мотив Белоснежки», где он обозначен через сравнение «красный, как кровь, белый, как снег, и черный, как ворон» [9]. В данной формулировке его использование относится непосредственно к человеческой физической красоте и является лишь одним из многочисленных других мотивов, связанных с этой триадой цветов. Однако подобная трактовка может показаться немного странной с позиции канона «черные волосы», т.к., ни для кого не секрет, что цвет волос европейских женщин, в большинстве случаев, был светлых оттенков. Как считает Франциско Ваз да Силва, объяснение черного цвета волос как неотъемлемого фактора «идеальной» женственности надо искать в образах древних индоевропейских богинь, а не в современницах Белоснежки [11].

Что интересно, триколор «красный-белый-черный» нельзя считать чисто женским отражением совершенной красоты. В литературных источниках можно обнаружить случаи отождествления этих цветов с мужской привлекательностью. В качестве примера можно привести отрывок из входящего в «Лейнстерскую Книгу» (Book of Leinster) старинного ирландского сказания «The Cattle Raid of Fróech», в котором есть сцена, повествующая о том, как герой голым переплывает через черное озеро, чтобы принести горсть красных ягод королю, наблюдающему за ним с берега вместе со своей дочерью Финабэр (Finnabair), влюбившейся в него с первого взгляда под воздействием «магического» триколора.

Finnabair said afterwards that, whatever beautiful thing she saw, she thought it more beautiful to look at Fróech over the black [dub] pool, his body of very-dazzling-whiteness [rogili], his hair of great beauty, his face a fair shape, his eyes of pure blueness/greenness [ro-glassi], he a gentle youth without fault or blemish, his face narrow below and broad above, he straight without blemish, the branch with the red [darg] berries between his throat and his dazzling-white face. Finnabair used to say that she had never seen anything to match a half or a third of his appearance.

В этой сцене, помимо того, что женщина наблюдает за мужчиной, а не наоборот, можно обнаружить целый ряд заслуживающих внимания деталей. Во-первых, из состава рассматриваемого нами триколора, только «белый» является частью образа самого героя. Черная вода и красные ягоды служат контрастным фоном, подчеркивающим его красоту. Dub и darg – ирландские лексемы, номинирующие черный (англ. black) и красный (англ. red) цвета, хотя более поздний термин rúad, произошедший от индоевропейского reudh, впоследствии сузился до значения «красно-коричневый» (как прототипических объектах «волосы», «мех», «засохшая кровь»). Ослепительная белоснежность (dazzling-white) кожи героя поразительно выделяется на фоне красного и черного. Важно заметить, что красный и белый цвета были тесно связаны с образом «иног мира» в ирландской литературе средних веков.

Еще одним примером использования символики триколора в изображении мужской красоты является входящая в ту же «Лейнстерскую Книгу» ирландская сказка XIX века «The Exile of the Sons of Uisliu» (рус. изгнание сынов Уислу). Эту сказку можно считать самым ранним письменным свидетельством символизма триколора «красный-белый-черный», поскольку в ней присутствует «полный комплект»: кровь (blood), снег (snow) и ворон (raven). Героиня - Дейрдру (Deirdriu) становится свидетельницей того, как ворон пьет на снегу кровь. Так же, как и мать Белоснежки (а в действительности мать из старинной ирландской сказки «The Twelve Wild Geese» (рус. двенадцать диких гусей)), она желает видеть все эти три цвета, но не в будущем ребенке, а в возлюбленном. Правда, Дейрдру не использует цветоименования red, white, black, а только их сравнения с прототипическими объектами - кровью (cheek like blood), снегом (body like snow) и вороном (hair like the raven).

Once upon a time, accordingly, the foster father of the maiden was skinning a weaned calf on the snow outside in the winter to cook for her. She saw a raven drinking the blood on the snow. Then she said to Leborcham: "Beloved would be the one man on whom might be yonder three colours-that is, hair like the raven, and a cheek like blood, and a body like snow." "Dignity and fortune to you!" said Leborcham. "He is not far from you. He is inside near to you, even Noisiu son of Uisliu".

Как и Финабэр, Дейдрю активно проявляет свое желание получить идеального любовника, сочетающего все символические цвета во внешности, и обнаружив их у Нойзи (Noisiu), заставляет его бежать с ней. Однако, чаще всего, конечно же, символизм триколора «красный – белый – черный» был применим не к внешности возлюбленного или ребенка, а к идеалу женской красоты.

Тем не менее, нам кажется достойным более глубокого изучения вопрос о том, почему именно это сочетание цветов остается символом идеальной женской красоты не только в европейской лингвокультуре (несмотря на несоответствие существующим стандартам, например, в цвете волос), но и в ряде стран и регионов, где стандарт белой кожи кажется еще менее вероятным (например, в Индии, Северной Африке, Ближнем востоке и др.). Единственным удовлетворительным объяснением данного феномена можно считать то, что не всегда реальное сочетание внешних параметров «красный – белый – черный» настолько убедительно с точки зрения его межкультурной значимости, что действительные местные стандарты практически уже не имеют значения. Символическая власть триколора «красный – белый – черный» настолько велика, что в определенных обстоятельствах она отменяет культурно-обоснованные предпочтения или даже этнически возможные варианты. Иными словами, вопрос: почему волосы черные (даже в странах с преобладающим светлым оттенком), перекрывается другим вопросом: почему красота в самых разных фольклорных и литературных контекстах идеализируется именно через этот трехцветный стандарт так настойчиво, что черный элемент сохраняется в повествовании даже тогда, когда он практически невозможен в тех или иных обстоятельствах. Что именно заключено в этом сочетании трех цветов «красный – белый – черный», что в состоянии воздействовать на символические мыслительные процессы в рамках таких разных культур?

Список литературы

1. Светличная Т.Ю. Сравнительные лингвокультурные характеристики цветообозначения и цветовосприятия в английском и русском языках: дис. ...

канд. филол. наук: 10.02.20. Пятигорск, 2003. -186 с.

2. Халеева С.А. Национально-культурные цветоустановки и знаковое своеобразие английских «колороморфных» суеверий: Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 10 (28). - с. 180-189.
3. Anderson E. R. Folk-Taxonomies in Early English. Madison, NJ: Fairleigh Dickinson University Press, 2003. – 587 p.
4. Berlin B., Kay P. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Berkeley: University of California Press, 1969. – 178 p.
5. Book of Leinster (formerly Leabar na Núachongbála): [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ucc.ie/celt/online/G800011A/>
6. Hemming J. Red, White, and Black in Symbolic Thought: The Tricolour Folk Motif, Colour Naming, and Trichromatic Vision. Folklore. 2012. № 123:3. - p.p.310-329.
7. Jacobson-Widding A. Red-White-Black as a Mode of Thought: A Study of Triadic Classification by Colours in Ritual Symbolism and Cognitive Thought of the Peoples of the Lower Congo. Uppsala: Uppsala Academy, 1979. – 396 p.
8. Pastoureau M. Blue: The History of a Color. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2001. – 216 p.
9. Thompson S. Motif-index of Folk-literature. 6 vols. Rev. and enlarged ed. Copenhagen: Rosenkilde and Bagger, 1955–58. – 519 p.
10. Turner V. The Forest of Symbols: Aspects of Ndembu Ritual. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1967. – 216 p.
11. Vaz Da Silva F. Red as Blood, White as Snow, Black as Crow: Chromatic Symbolism of Womanhood in Fairy Tales. Marvels & Tales 21, no. 2. 2007. - p.p. 240–52.
12. Witkowski S. R., Brown C. H. An Explanation of Color Nomenclature Universals. American Anthropologist New Series 79, no. 1. 1977. – p.p. 50- 57.

ПРОБЛЕМА АНГЛИЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКИ В МУЗЫКАЛЬНОЙ СФЕРЕ)

Атросенко Инна Геннадьевна

Аспирант, ассистент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток

Лебедева Татьяна Владимировна

Соискатель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток

В результате стремительно протекающих процессов глобализации и вестернизации английский язык однозначно уже стал языком международного общения, необходимым для удачного межкультурного взаимодействия в разнообразнейших сферах жизни общества в целом и каждого отдельного человека в частности. Так, Дэвид Кристал в своей книге «Английский как язык международного общения» пишет: «... от Бенгалии до Белиза, от Лас Вегаса до Лахора, язык коронованного острова стремительно становится первым языком международного общения» [5, с.1]. Выделяя мысль ученого, высказанную в данной работе, можно заключить, что английский язык как *lingua franca*, т.е. язык-посредник в межкультурной коммуникации, не прекращает своего победного шествия, отвоёвывая все новые и новые сферы

влияния у национальных языков.

Многие ученые-лингвисты обеспокоены этим вопросом, считая, что повсеместное распространение английского языка грозит непоправимым ущербом для многих, если не всех языков мира, так как, в конечном счете, ведет к их угнетению и поглощению. «Что будет, если темпы развития английского не остановятся?» - задает вопрос Кристал в своей следующей книге «Language Death», - «Возможно, однажды он окажется единственным языком в мире. Если этому суждено произойти, человечество столкнется с величайшей интеллектуальной катастрофой за всю историю» [6, с.2]. В данной работе ученый выделяет несколько стадий угасания языка, отмечая, что чем сильнее один язык влияет на другой, тем значительнее это про-

является в словарном составе, в результате чего образуется огромный пласт лексических заимствований. Сам термин «заимствование» определяется «Словарем социолингвистических терминов» как «иноязычные элементы, перенесенные из одного языка в другой» [4]. Заимствоваться могут как отдельные слова, так и «фразеологические обороты, и синтаксические конструкции» [4]. Часть подобных языковых единиц оформляется в соответствии с грамматическими правилами языка-реципиента, то есть ассимилируется системой языка, а часть – так и остается варваризмами, т.е. практически не освоенными и не измененными в соответствии с системой языка-реципиента конструкциями. Основной же характеристикой подобных единиц является то, что они функционируют в речи, заменяя собой исконные слова с идентичным или схожим значением и вытесняя их из активного словаря носителей языка, что, в свою очередь, является явным показателем ущерба, наносимого национальному языку.

Однако при более пристальном изучении данной проблемы возникает вопрос: «Являются ли многочисленные заимствования, рассматриваемые изолированно от других признаков ущемления языка, показателем ослабления позиции данного национального языка?».

Для того чтобы ответить на поставленный вопрос, нужно подробнее остановиться на том, каковы же причины заимствования. Согласно мнению большинства современных ученых (Т.В. Жеребило, Л.П. Крысин и др), причины заимствований можно разделить на 2 группы: экстралингвистические и лингвистические (внешне- и внутриязыковые).

Говоря об экстралингвистических заимствованиях, невозможно не признать, что частота, с которой заимствования проникают в какой-либо язык, всегда зависит от социокультурных реалий общества носителей данного языка. Общая культурная ситуация в современном мире явно располагает к тому, что все языки так или иначе заимствуют некие элементы английского, так как именно он является языком экономики и торговли. Следовательно, чем активнее страна участвует в данных процессах и стремится к удержанию завоеванных позиций на мировом рынке, в политике и т.п., тем большее количество лексик будет заимствовано ее народом для успешного выполнения поставленных перед собой задач. В этом смысле Япония, как одна из наиболее развитых стран Азии, является показательным примером. По данным То-сио Исиваты, японский язык заимствовал из европейских языков 12% слов, среди которых 81% английские слова, что составляет около 7000 слов. 60-70% новых слов, ежегодно регистрируемых в японских словарях неологизмов – это английские слова [7].

Считается, что внешнеязыковые заимствования можно легко заменить национальными эквивалентами, так как их появление связано «модой» на английский язык, то есть английские слова кажутся носителям национальных языков более звучными, красивыми или научными. И, действительно, английское *マネージャー* (maneejaa, manager) можно заменить на одно из японских: *幹事* (kanji), *主事* (shuji) или *総務* (soumu); *ミュージック* (myuujikku, music) на *音楽* (ongaku), а *ライス* (raisu, rice) на *米* (kome) или *御飯* (gohan).

Кроме того, для обеспечения стилистического (эмфатического) эффекта на письме могут, в том числе, употребляться английские орфографические экзотизмы: *BF* (boyfriend). Однако подобные экзотизмы всегда фонетически ассимилируются (boifurendo).

Среди лингвистических причин заимствований М.

А. Брейтер, вслед за Л. П. Крысиным, выделяет следующие причины заимствований [1, с. 132-135]:

1. Отсутствие соответствующего понятия в когнитивной базе языка-рецептора. Примером из японского языка может служить слово *クリスマス* (Christmas), так как до вестернизации японского сообщества не существовало такого праздника, как и подразумевающей его религии, т.е. данное слово заполняет собой языковую лауну.

2. Отсутствие соответствующего, более точного, наименования (или его "проигрыш" в конкуренции с заимствованием) в языке-рецепторе. Например, английское *ベッド* (beddo, bed) имеет приблизительный эквивалент в японском: *寝台* (shindai, ложе, спальное место), однако сами понятия отличаются, так как в Японии изначально спали на матрасе, на полу или на постаменте, являющимся частью пола.

3. Выражение позитивных или негативных коннотаций, которыми не обладает эквивалентная единица в языке-рецепторе. К данному пункту можно отнести, например, эвфемизмы: слова *ハズバンド* (hazubando, husband) и *ワイフ* (waifu, wife) менее символично заряжены по сравнению с их японскими эквивалентами *主人* (shujin) и *家内* (kanai, дословно означает «тот, кто в доме») и выражают большее равенство полов в отношениях [8, с. 18].

Исходя из данной классификации, становится ясно, что лингвистические, или внутриязыковые заимствования связаны такими процессами как: изменение словарного состава, появление новых понятий и областей знаний. Так, некоторые слова языка, при всей их очевидной чужеродности, невозможно из языка исключить, так как адекватной замены просто не существует. Слова также заимствуются из языка-донора, так как присутствует острая необходимость в разграничении содержательно близких, но все же не идентичных понятий – в зависимости от сфер их употребления и целей, которые они призваны выполнять.

Проиллюстрируем данную классификацию примерами из профессиональной музыкальной терминологии. Выбор лексического материала музыкальной сферы был обусловлен тем, что данный пласт культуры в настоящее время активно подвергается вестернизации, то есть в нем мы можем наблюдать большое количество разнообразных заимствований.

Музыка, распространенная в Японии, часто называется обобщенным термином *Джей-рок* (J-rock, Japanese rock), получив приставку "J" из-за своего национального своеобразия. J-Rock как музыкальное направление берет начало в театре «Кабуки», то есть имеет под собой народные корни. Однако она также подверглась большому влиянию западноевропейских групп, таких как Kiss, Guns'n'Roses и др.

Соответственно для нового явления необходимы и новые названия, которые, в свою очередь, заимствовались из английского языка, как основного языка, посредством которого современная музыка получила наибольшее распространение.

Действительно ли так необходимо было заимствование данных терминов или же национальный язык мог собственными силами обеспечить вторичную номинацию?

Для ответа на этот вопрос из японских фильмов музыкального жанра были отобраны заимствованные термины, относящиеся к данной культурной сфере. Следуя предложенной выше классификации, данные заимствования были разбиты на группы.

В группу заимствований по экстралингвистическим причинам мы можем отнести только 4 встретившихся нам слова: musician, music, sound, и melody:

僕はお洒落なミュージシャンになりたい。(Boku ha oshare na myuujishan ni naritai. I want to become a cool musician.);

デスメタル とはヘヴィメタルミュージックの種「死」、「悪魔」、「地獄」などをテーマにしてあつく過激なサウンドである。(Desu metaru to wa hevi metoru myuujikku no shu 'shi', 'akuma', 'jigoku' nado wo tema ni shite atsuku kageki na saundo de aru. Death metal is a type of heavy metal music with rough sound. 'Death', 'demons' and 'hell' are the most common themes of the lyrics.);

ちょっとぐらい素敵なメロディーが生まれそう気がするんだ。(Chotto gurai suteki na merodii ga umaresou ki ga surunda. I think I will be able to write wonderful music from now on).

К данным словам без потери какого-либо оттенка значения можно подобрать японские эквиваленты: 音楽家 (ongakuka), 音楽 (ongaku), 音 (oto), 曲 (kyoku) соответственно.

На первый взгляд в эту группу можно отнести и заимствование "respect", употребляющееся неоднократно:

リスペクトするベーシストは？(Risupekuto suru beeshisuto? What's your favorite bassist?)

Из-за частого использования именно в этом контексте, можно предположить, что данная лексическая единица, во-первых, прошла процесс переосмысления, а во-вторых, в языке – доноре она в значении «любимый» не употребляется. Исходя из вышеперечисленного, мы отнесли ее к группе внутриязыковых заимствований.

К подгруппе с переосмысленным / уточненным значением мы также отнесли следующие заимствования: band, festival, live, support/original member, debut, main/second/third stage, backstage, genre, idol, hero, drum, sound check, vocal/vocalist, manager, director.

Все перечисленные слова имеют национальные эквиваленты, однако несут в себе оттенки других значений. Например, слова 'drum' и 'vocal' в значении ударник и вокалист:

ドラム のなおきはいいけど、やっぱりボーカルのれいらはすごい。(Doramu no Naoki ii kedo, yappari boukaru no Reira wa sugoi. Naoki the drummer is good, but Reira the vocalist it great.)

В японском варианте эти слова имеют другую коннотацию, так как исторически японские барабаны и вокал имеют свои специфические отличия от европейских.

Также среди заимствований большую часть составляют примеры заполнения языковых лагун: CD, rock(er), bass, fan (club), frontman, session, demo-tape, tape, guitar(ist), produce(r), encore, death metal, heavy metal, hit, major, (new) single, album, punk, pop, techno, hip-hop, bridge (порожек на гитаре), roadie, sign, mix, recording.

Так как японские музыкальные жанры, имея свои

особенности, всё же, в большинстве своем, были заимствованы из разнообразия зарубежных, подобных названий не могло быть в японском языке:

「ランドズ?」「そう、ランドズ、ロックバンド。」「ランドズ。。。パンク?」「もっとポップ。」("Randozu?" "Sou, Randozu, rokku bando." "Randozu... Panku?" "Motto poppu."; "Lands?" "Yes, Lands, rock band." "Lands... Punk?" "More pop").

Из данного примера видно, что для заполнения лагун используется не первичная или вторичная номинация, а именно заимствования.

Исходя из рассмотренного в данной работе материала, мы можем ответить на поставленные выше вопросы следующим образом: влияние Запада на Восток, естественно, не несло исключительно идеологический характер; наряду с идеями и смыслами заимствовались также и вполне материальные предметы, такие как музыкальные инструменты, внешняя атрибутика и т.п. Следовательно, в языке возникали лагуны, которые необходимо было заполнить, для чего и были использованы многочисленные английские лексические единицы.

В заключение следует сказать, что язык – это явление неоднородное и неоднозначное, и изменчивость является одним из критериев его жизнеспособности. Так, рассматриваемые выше примеры являются, скорее, доказательством того, что язык развивается вместе с обществом и включает в себя все новые и новые сферы деятельности, а не того, что ему угрожает некая опасность со стороны языка lingua franca.

Список литературы

1. Брейтер М.А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы: Пособие для иностранных студентов-русистов. – Владивосток, Диалог-МГУ, 1997. — 34 — 45 с.
2. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов: Изд. 5-е, испр-е и дополн. — Назрань: Изд-во "Пилигрим", 2010. — 486 с.
3. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. – М.: Просвещение, 1968.
4. Михальченко В.Ю. Словарь социолингвистических терминов. — М.: Российская академия наук. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук, 2006.
5. Crystal D. English as a global language: Cambridge University Press, 1997. – 232 p.
6. Crystal D. Language Death: Cambridge University Press, 2000. – 181 p.
7. Ishiwata T. English borrowings in Japanese // English in contact with other languages: Studies in honor of Broder Carstensen on the occasion of his 60th birthday / Ed. by W. Viereck and W.-D. Bald. – Budapest: Akademiai Kiado, 1986, p. 457– 458.
8. Stanlaw J. Japanese English: language and culture contact. Hong Kong University Press, 2004. p. 375 – 380

О ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ И ПРОБЛЕМАХ ЕЕ ПЕРЕВОДА

Лесникова Ирина Владимировна

Канд. филол. наук, доцент кафедры английской и русской филологии, г. Орехово-Зуево, Московский государственный областной гуманитарный институт

Вся наша жизнь пронизана модальностью. В нашем обществе всегда что-то разрешено, что-то запрещено; кто-то способен что-либо сделать, а кто-то нет; запланированное событие должно произойти, но есть вероятность, что оно не состоится. Бесконечен ряд подобных примеров. Огромное количество оттенков значений может быть выражено с помощью модальности в английском языке. А как эти оттенки выражаются в русском языке? А могут ли эти оттенки быть вообще переведены?

Изучение категории модальности в лингвистической науке имеет давнюю историю. Большое количество работ посвящено как проблеме категории модальности как таковой, так и проблеме её перевода на различные языки. Мы предполагаем рассмотреть данную категорию с позиций её выражения в русском и английском языках, а также с точки зрения возможностей её перевода с английского языка на русский язык. Следует оговориться, что мы, не в коей мере не претендуем на полноту изложения картины в связи с обилием различных трактовок анализируемой категории. Хотелось бы осветить основные особенности и проблемные вопросы, в том числе выражение модального значения в рассматриваемых языках разными способами.

Существует понятие модальности, как в широком, так и в узком смысле. К модальности первого типа ряд авторов относят «общую» модальность, которая представляет собой категорию предикативности и входит в грамматическое значение предложения. Ко второму типу модальности, модальности в узком смысле, исследователи относят объективную модальность, субъективную модальность и интенциональную модальность (от англ. intention – намерение, стремление, цель) [6, с. 247].

Модальность – грамматическая категория, выражающая отношение говорящего к высказываемой мысли. Субъективность высказывания может быть выражена различными способами – модальными глаголами, различными словами и выражениями, наклонением, порядком слов и даже с помощью интонации. И хотя английские модальные глаголы выделены в отдельную группу, тем не менее, разнообразие оттенков значений может представлять значительную трудность для изучающих английский язык. Какие значения могут выражать модальные глаголы? Это и возможность, и необходимость, и вероятность; сомнение, уверенность, запрещение, разрешение, физическую или умственную способность что-либо сделать, желательность/нежелательность, запрет, неправдоподобие и др.

Но не только с помощью модальных глаголов можно передать субъективную оценку информации. Достичь этой цели можно с помощью эквивалентов модальных глаголов, вводных членов предложения, модально-окрашенных прилагательных и наречий, инвертированным порядком слов, эмоциональной формой сказуемого и т.д. Даже при наличии однозначных средств выражения категории модальности в английском и русском языках при переводе часто приходится пользоваться другими средствами. Основной особенностью модальных средств английского языка является их многофункциональность. Важным моментом при переводе является разграничение модальности логической и модальности экспрессивной. В своё время академик В.В. Виноградов указывал на тот факт, что «семантическая категория модальности в языках разных систем имеет смешанный лексико-грамматический характер. В языках европейской системы она охватывает всю ткань речи» [1, с. 44].

Остановимся на передаче оттенков значений ряда

модальных глаголов, представляющих трудности при переводе: начнем с глаголов *should/ would* как наиболее сложных с этой точки зрения. Эти глаголы представляют собой особое явление английского языка. Глагол *would* может обозначать вероятность совершения какого-либо действия:

- It's often said that the judge enforces not the foreign law but the rights... This view would however seem to be mistaken.
- Часто говорят, что судья применяет не иностранный закон, а право... Однако не исключено, что эта точка зрения ошибочна. Употребление глагола *would* здесь – это показ того, что ситуация нереальна.
- He was a nice boy but he would talk about himself all the time.
- Он был не плохим парнем, но вот только и болтал бы о себе без умолку.

При переводе модального глагола *should* в русском языке не всегда можно найти соответствие, и переводчику следует выбирать слово, которое соответствует контексту.

- You should go & check it. В различных ситуациях глагол *should* может быть передан как: вам необходимо, вам следует, вам следовало бы.
- President Severino thinks prices at the high end of the router market should be stable or perhaps even inch up.
- Президент компании считает, что, в конце концов, цены на рынке маршрутизаторов должны стабилизироваться и, возможно, немного подняться.
- We can ask what new computer developments we should expect for the remainder of this century.
- Мы можем задать вопрос, какие новые компьютерные разработки следует ожидать до конца этого столетия.

Английский модальный глагол *can/could* употребляется в высказываниях, при переводе которых он отсутствует вовсе.

- I can speak English.
- Я говорю по-английски.
- Another period of ten years & in 1991 we could witness the launching of a typical new cosmic vehicle – the Shuttle.
- Прошло ещё десять лет, и в 1991 году мы были свидетелями запуска совершенно новой модели космического корабля – корабля «Shuttle».

Для передачи модальности английских высказываний в русском языке часто используются частицы *ведь*, *хоть*, *мол*, *де*, *дескать*, *всё* – *таки* и др.

- You could have come to my place.
- Могли бы ведь и придти ко мне.
- I must be Mabel after all!
- Значит, я всё-таки Мейбл!
- The future may not be quite marvelous!
- Будущее вряд ли будет таким великолепным.

Интерес и трудности представляют собой эмфатические конструкции, используемые в английских научных текстах:

The radio was not invented until 1895.

Радио было изобретено только в 1895 году.

Английское предложение с модальным глаголом *would* может быть переведено с помощью антонимического перевода и ограничено частицей «только»:

- If other opinion, do exist we would still want to listen to each of them.
- Даже если другие мнения действительно существуют, нам бы всё равно хотелось их послушать.

Модальность ограничения действия в английском языке может подразумеваться лишь из контекста или выражаться интонационно.

Например, в предложении «After us the deluge» нет лексического модального ограничителя, но если употребить эту фразу в русском языке, она будет звучать бессмысленно. Поэтому при переводе используется модальный ограничитель «хоть». «После нас хоть потоп». Сравни: «После нас потоп». Во французском и английском языках роль модального ограничителя выполняет пауза после слова «us» и повышение голоса: “After us | deluge”.

Ещё одной трудностью передачи модальных глаголов является не распознавание модальности:

- Due to protected memory The Force Quit command affects only the selected application.
- Из-за защиты памяти команда «Принудительное завершение» применима только к выбранному предложению.
- Приведенный перевод не является удачным, так как из-за выделенных слов у неподготовленного читателя может сложиться впечатление, что без защиты памяти было бы лучше.
- Благодаря защите памяти команда «Принудительное завершение» не может повлиять на работу других приложений.
- Otherwise there is the chance of losing customer information.
- В противном случае есть шанс потери пользовательской информации.

Такой перевод является неверным с лексической

точки зрения. Слово «шанс» имеет положительную модальность, а «потеря» - отрицательную. В данном случае следовало бы сказать «вероятность потери» или «риск потери».

В заключение следует заметить, что проблема передачи модальности при переводе с английского языка на русский язык представляет значительные трудности. Необходимо осознавать, что модальные глаголы являются скорее элементом общей структуры, нежели носителем значения, и поэтому довольно часто не переводятся вообще.

Список литературы

1. Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М.: «Наука», 1980. 362 с.
2. Малюга Е. Н. Функциональная прагматика межкультурной деловой коммуникации. Изд. 2-е, доп.-М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008.- 320 с.
3. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь/ 3-е изд., перераб.- М.: Флинта: Наука, 2003. - 320 с.
4. Рецкер Я. И. Курс перевода с английского языка на русский язык для 3,4,5 курсов переводческого факультета (1 часть). - М.: Московский государственный педагогический институт иностранных языков имени Мориса Тореза, 1973. - 293 с.
5. Романова С. П., Коралова А. Л. Пособие по переводу с английского на русский./- 2е изд.- М.: КДУ, 2006. -176 с.
5. Matthews P. H. The Concise Oxford Dictionary of Linguistics. Oxford University Press, 2007. - S. 247.

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВНУТРИМОНАСТЫРСКИХ ДОКУМЕНТОВ XIX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ЖУРНАЛОВ БЛАГОЧИНИЯ)

Логунова Наталья Васильевна

кандидат фил. наук, доцент, Соликамский государственный педагогический институт, (филиал) Пермского государственного национального, исследовательского университета, г. Соликамск

Мазитова Лариса Львовна

кандидат фил. наук, доцент, Соликамский государственный педагогический институт, (филиал) Пермского государственного национального, исследовательского университет, г. Соликамск

Статья посвящена описанию одного из жанров официальных внутримонастырских документов – журнала благочиния – с точки зрения отражения в нем некоторых лексико-стилистических особенностей. Никаких источников, которые содержали бы характеристику этого типа документов, нами не обнаружено. Тем не менее, некоторое представление о нем можно составить на основе знакомства с двумя журналами благочиния – за 1824-25 и 1867-68 годы – из архива Соликамского Святотроицкого мужского монастыря, хранящегося в фондах Соликамского краеведческого музея [5]. Вероятно, этот тип документов был введен во внутримонастырский обиход только в первой четверти XIX века на основе императорского указа и по распоряжению епархиальных управлений – духовных консисторий. Такое предположение опирается на сопоставление двух указанных выше журналов.

Первый из них, датированный 1824 годом, на титульном листе содержит отсылку к документу, которым определяется назначение и содержание данного документа: Журналь въ силу Указа Его Императорскаго Величества изъ Пермской Духовной Консистории отъ 7 Августа за № 2242, данный Настоятелю Иеромонаху Павломъ

Казначю Иеромонаху Иустину для вернейшей и неупустительной записки, каждодневнаго отправления церковных службъ, и кто изъ братствующихъ быть при оныхъ, или нетъ и за чемъ, и все ли они были трезвы и благоговейны [5, д. 9] (здесь и далее в целом сохраняется орфография и пунктуация рукописи, при этом раскрываются слова под титлами, выносные буквы вписываются в строку, устаревшие буквы заменяются современными графемами). Второй же из рассматриваемых документов именуется кратко: Журналь о благосостоянии Соликамскаго Монастыря и братии онаго, на 1867 годъ [5, д. 209]. Интерпретировать разницу в оформлении титула можно следующим образом: в 1824 году такой журнал был, по всей видимости, еще новым типом документа, а в 1867 – уже привычным (в тексте рукописи монахи именуют его «домашним журналом»).

По всей видимости, введение подобных журналов в практику внутримонастырского делопроизводства было вызвано усилением внимания к нравственному облику духовных лиц, что, в частности, нашло отражение в докладе Святейшего синода от 9 июля 1823 года «О принятии безотлагательных мер в отношении духовных лиц с целью

искоренения преступлений и улучшения их нравственного состояния» [4]. Можно предположить, что журнал благочиния не относился к числу обязательных документов внутримонастырского делопроизводства, поскольку в научных публикациях, посвященных описанию жизни и быта других монастырей, он не упоминается, а соответствующая информация включается в документы иных жанров. Так, по свидетельству Н.В. Стикиной, в монастырях Вологодской епархии в расписаниях богослужений наряду с описанием порядка богослужебных циклов и установлением очередности служения братии (так называемая черед), обязательно указывались и отсутствующие на службе монахи и причина отсутствия. Кроме того, среди монастырской документации автором обнаружены «дела о недостойном поведении монашествующих» [6].

Представляется, что журнал благочиния можно квалифицировать как внутримонастырский документ, вводимый в обиход по распоряжению настоятеля. Примером такого распоряжения может служить датированный 1861 годом фрагмент письма архимандрита Алексия, настоятеля Соликамского Святотроицкого мужского монастыря, казначею того же монастыря: Ваше дело доносить, что усмотрите не благопристойнаго въ Монастыре, хотя бы и за однимъ Вашимъ подписомъ, а что делать съ преступающими монашеския правила, это дело Епархиальнаго Начальства. А для сего надо завести журналъ если нетъ его у Васъ собственно, и записывать въ него что сочтете нужнымъ, а оттуда выписки представлять ко мне при репортахъ [2, с. 103].

Очевидно, что основанием для характеристики поведения монахов являлся устав монастыря. По свидетельству Л.П. Найденовой, жизнь монастырей «подчинялась Студийскому или Иерусалимскому уставам, которые основное внимание уделяли чину богослужения» [3]. Но действовавшие в XIX веке уставы фактически определяли все стороны жизни и быта монастырской братии (поведение во время службы, в трапезной, в кельях; распределение денежного довольствия и обеспечение монашеским одеянием), регламентировали отношения с прихожанами и другими мирянами, устанавливали правила «выхода за монастырские ворота». В частности, П.Н. Зырянов достаточно подробно описывает внутримонастырские правила поведения: каждый день «начинался в обители с того, что за полчаса до благовеста будильный обходил келью. Когда в церкви начиналась служба, все должны были быть на месте. О неявившихся или опоздавших будильный сообщал настоятелю. Исключение делалось для занятых послушаниями, требующими отсутствия. Но присутствие у ранней литургии было обязательно во всяком случае». Монахам и послушникам воспрещалось «без нужды озираться и обращать внимание на прихожан. Никто из братии не должен был выходить из церкви до окончания богослужения (кроме случаев крайней нужды). <...> По пути в церковь и из церкви не разрешалось останавливаться с посторонними и вступать с ними в беседу. Если кто-то из них о чем-то спрашивал, надо было ограничиться кратким ответом. После богослужения братия шли к трапезе, которая начиналась и заканчивалась молитвой. Опоздание к трапезе и уход раньше времени считались беспорядком. В течение трапезы читались отрывки из поучительных книг или житий святых. Внимая чтению, монахи и послушники должны были сохранять безмолвие. <...> Запрещалось брать пищу в келью. Лишь болезнь или глубокая старость могли быть причиной отсутствия на общей трапезе. <...> Время, свободное от монастырских обязанностей, монахи могли проводить в своих кельях, занимаясь молитвами, чтением душеполезных книг, упражнениями в церковном

чтении и нотном пении. <...> В келье следовало поддерживать чистоту и порядок. Запрещалось присутствие предметов роскоши и крепких напитков. <...> Выход кого-либо из братии за монастырские ворота разрешался лишь по уважительным причинам, днем, с возвратом до вечерней трапезы. <...> «Для «претыкающихся в поведении» существовала система исправительных мер». Самым распространенным в монастырях был обычай «ставить на поклоны», к которому рекомендовалось прибегать «без многих свидетелей». «Упоминались и другие исправительные меры: удаление от братской трапезы на один или несколько дней, заключение в келью на срок до трех дней. В крайних случаях настоятель вверял судьбу монаха вышестоящему начальству» [1]. Л.П. Найденова обращает внимание на то, что «[в]ина за трапезой не полагалась, только в воскресные дни старшей братии предлагалась винная порция, но не в трапезной, а в келарской» [3].

Рассматриваемые нами два журнала благочиния во многом сходны как по содержанию, так и по структуре. Они представляют собой практически ежедневные записи (чаще краткие, но иногда развернутые), в которых квалифицируется состояние внутримонастырской дисциплины, регистрируется хождение монашествующих к службам, указываются причины отсутствия отдельных монахов на богослужениях, время от времени подробно описывается поведение нарушителей устава. Кроме того в журнале 1867 года предусмотрена специальная графа для контролируемых записей настоятеля, который иногда делает заметки о просмотре записей, а иногда вносит уточнения в отчеты и прописывает меры воздействия на нарушителей, например: Иеромонаха Левкея, не ночевавшего въ Монастыре, и Иеродиакона Стефана за пьянство — оштрафовать стоянием на коленяхъ во время утрени въ алтаре [5, д. 209, л. 2]; Иерод. Стефана за пьянство и буйство лишить братскихъ доходовъ [5, д. 209, л. 3]; Иер. Кифа ночеваль вне Монастыря. — Арестовать [5, д. 209, л. 9]; Смотр. 13 Июня. Иером. Галактиона удерживать отъ пьянства и изъ Монастыря не выпускать [5, д. 209, л. 12]. Различия между анализируемыми документами касаются также стилистики и обнаруживаются на лексико-фразеологическом уровне: журнал 1824 года отличается большим разнообразием речевых формул, характеризующих поведение братии, но записи в целом более лаконичны; журнал 1867 года в квалификации поведения более стереотипен, зато содержит детальные описания действий нарушителей.

Для обозначения поведения монахов, соответствующего уставу, используются следующие формулы:

все Братствующие у всехъ служений (служений церковныхъ, божественныхъ) были...: трезвы и благоговейны, въ трезвости и благоговении, въ трезвости и съ благоговениемъ, съ благоговениемъ и трезвы, съ подобающимъ благоговениемъ и трезвостью, съ должнымъ благоговениемъ и въ трезвости, въ благопристойномъ порядке, въ добромъ порядке, добропорядочны, въ достолюбомъ порядке, въ трезвости и отправляли Службу съ благоговениемъ;

Чредный и все братствующие отправляли службы божии...: съ достолюбомъ благоговениемъ и были все трезвы, съ достолюбомъ благочиниемъ и были все въ трезвости, благочинно и были въ трезвости;

Братствующие ко всемъ служениямъ приходили съ должнымъ благоговениемъ и отправляли оное благочинно; вечерно отправляли все вкупе братствующие съ достолюбомъ благоговениемъ и были все въ трезвомъ положени [5, д. 9, л. 284–291 об.];

въ церкви божией (въ храме божиемъ) были все и в

монастыре (по монастырю) все было...: благополучно и тихо, благополучно и скромно [5, д. 209, л. 2–34].

Все приведенные речевые клише отличаются книжной стилистической окраской. Присутствие в них языковых единиц высокого стиля (благоговение, благочинно, благополучно, благопристойный, достоуважаемый, добродетельно и под.) может расцениваться как средство выражения положительной оценки поведения монашествующих, соответствующего православной аксиологии.

Среди нарушений устава в журналах отмечаются: отсутствие на службах без уважительных причин, нарушения чина богослужения, буйное поведение и сквернословие, отлучки за монастырскую ограду и некоторые другие. При этом самым распространенным проступком и вместе с тем главной причиной всех перечисленных прегрешений являлось пьянство. В журнале 1824 года указание на него как на причину отсутствия на богослужении особенно разнообразно варьируется: (не был, не приходил) по причине...: пьянства, нетрезвого состояния, излишнего употребления вина, Бахуса, Хмеля, Похмелья, сильного похмелья, перепохмелья, излишнего перепохмеливания, каждодневного перепохмеливания, перегулки, лишней перегулки, излишней перегулки, пирования, доволной подгулки, приватной болезни, приватного нездоровья [5, д. 9, л. 284–291 об.].

Не менее изобретательны авторы этого журнала и в квалификации состояния опьянения или процесса употребления спиртного. Например:

- ...кроме казначей, которой предъ литургией ушел пьяный къ Богоявленской церкви погребать умершую Старуху, а возвратился после вечерни пьянойже;
- чредный занимался съ Бахусомъ;
- Казначей съ Гедеономъ весь день пьяны пробыли, хотя Казначей къ литургии приходилъ; но хмельной, и воспретилъ поучение сказывать;
- къ вечерне притти неуспелъ по причине продолжительныхъ поминъ: где очень довольно подгуляли съ Гедеономъ;
- Казначей съ Гедеономъ <...> къ вечерни приходили, Казначей только очень хмельной а Гедеоны неслишкомъ;
- Казначей усенощнаго бдения небылъ по причине пьянства, къ литургии приходилъ довольно хмельной и пель неблагопристойнымъ образомъ, въ такомъ же виде приходилъ и къ вечерни;
- чредный по причине припадка и къ Литургии не приходилъ, прочие были только невъзвезомъ положенеи; однако безъ соблазну;
- а казначей до заутрени ушелъ из ограды нагору къслужителямъ пировать: потому ни у заутрени ни у литургии небылъ: а къ вечерне приходилъ въ церковь очень пьяной [5, д. 9, л. 284–291 об.].

Можно заметить, что при описании тех явлений, которые заслуживают порицания, наряду с употреблением лексики более сниженного, разговорного, характера, используется прием эвфемизации для наименования тех явлений, которые не соответствуют православным идеалам (по причине... Бахуса, пирования, приватной болезни, приватного нездоровья; занимался съ Бахусомъ, ушелъ пировать).

Второй журнал содержит колоритные детальные описания неблагопристойного поведения отдельных монахов. Приведем полностью два фрагмента:

Во время стола обеденнаго Иеромонахъ Галактионъ шумель съ крикомъ азартномъ ругался сквернословною бранию М. пр., ставилъ кукиши Иер. Стефану и прочимъ Братствующимъ – все дураки, негодные – и тому подобное, онъ же пришолъ ко всенощному бдению <...> весьма въ пьяномъ и буиномъ виде, стоя на клиросе – шумель, спорилъ и кричалъ безобразно – съ предстоящими тутъ – и даже оказывалъ грубости, самому Настоятелю; по выводе его изъ церкви толкнулъ съ крыльца караульнаго Мирона ванькова и окривилъ его [5, д. 209, л. 9 об.].

Вскоре после Литургии Иеромонахъ Леонидъ, не знаю – по какому праву и для чего, приказательно требовалъ у меня домашний журналъ, которого я не далъ ему. Онъ, въ 11ть час. пришедши ко мне въ келлию, въ пьяномъ виде, тащилъ меня за ноги съ кровати, и опять требовалъ журналъ; поносилъ меня разными бранными скверными названиями; засучивая рукава, кидался на меня драться, но я, выведши его изъ келлии, заперъ двери. Въ коридоре, подобно сумасшедшему, онъ бегалъ, кричалъ, ругался; въ келлии своей тоже шумель и ругалъ Настоятеля, произнося при этомъ какая-то непонятная слова. После же обеда еще онъ приходилъ и билъ въ двери, желая попасть въ мою келлию и даже бегалъ около окошекъ, стуча в оные, – что продолжалось более ¼ час. Чего братствующие не въ состоянии были слышать. – А во время ужина онъ повторялъ тоже самое въ бешеномъ виде, – что многие слышали [5, д. 209, л. 33].

В представленных эпизодах описаны конкретные действия, противоречащие модели монашеского поведения, и зафиксированы многочисленные нарушения монаха устава монастыря, поэтому, несмотря на констатирующий характер записей, они содержат порицающий через использование оценочной лексики: сквернословная брань, въ буиномъ виде, кричалъ безобразно, оказывалъ грубости, поносилъ бранными скверными названиями, кидался драться, подобно сумасшедшему ругался, въ бешеномъ виде.

Монастырская стена воспринималась как ограждение обитатели от грешного «земного» мира. Этим обстоятельством был обусловлен запрет на «выход за ограду». Соблюдение этого запрета было предметом особого внимания: За ограду никто безъ спросу неотлучался или самовольно отлучался изъ монастыря. Возвратился въ монастырь въ седьмомъ часу вечера. Значимость этого уставного требования была обусловлена отношением к пространству внутри монастырской ограды как к сакральному. По словам Н.В. Стикиной, «[в]нутри монастырскихъ стен, а тем более внутри монастырскихъ помещений, от человека требовался иной тип поведения, отличный от поведения в миру. Его характеризуют такие понятия как сосредоточенность, благоговение, усиленное внимание к собственному внутреннему миру, отношение ко всему окружающему как к творению Божию. Такое поведение и самоощущение затрагивало все малейшие проявления повседневной жизнедеятельности. Этот процесс можно назвать сакрализацией быта» монахов [6].

Знакомство с содержанием журналов благочиния приводит к мысли о том, что жизнь внутри ограды Соликамского мужского монастыря была далека от идеалов монашеского благочестия. Одной из важнейших причин этого, на наш взгляд, является периферийность обитатели – отдаленность от центра России и расположение на территории северного Урала с его суровыми климатическими условиями. Именно такие монастыри, по утверждению А.Р. Павлушкова, и были местом ссылки правонарушителей из числа светских и духовных лиц [4]. На основании

изучения разнообразных архивных материалов Соликамского Святотроицкого мужского монастыря мы можем с уверенностью говорить о том, что он тоже входил в число «ссылных» монастырей. Малочисленная и не всегда достаточно образованная братия была не в силах противостоять искушениям и следовать идеалам благочестивой иноческой жизни.

Примечание

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 14-14-59003а.

Литература

1. Зырянов П. Н. Русские монастыри и монашество в XIX – начале XX века // Монашество и монастыри в России XI–XX века. Исторические очерки. – <http://predanie.ru/lib/book/123202/#toc12>
2. Монастырский быт и уклад XIX века: рукописные материалы Соликамского Святотроицкого мужского монастыря / составители Н.В. Логунова, Л.Л. Мазитова. – Соликамск: СГПИ, 2011.
3. Найденнова Л.П. Внутренняя жизнь монастыря // Монашество и монастыри в России XI–XX века. Исторические очерки. – <http://predanie.ru/lib/book/123202/#toc12>
4. Павлушков А.Р. Пенитенциарная практика монастырей Вологды в дореволюционный период // Вологда. Краеведческий альманах. Вып. 4. – Вологда: Легия, 2003. – <http://www.booksite.ru/fulltext/4vo/log/da/14.htm>
5. Рукописный архив Соликамского Святотроицкого мужского монастыря. Соликамский краеведческий музей, Ф.17, Д. 9, 209.
6. Стикина Н.В. Повседневная жизнь русского православного монастыря во второй половине XIX – первой четверти XX вв.: на материалах Вологодской епархии. – <http://www.dissercat.com/content/povsednevnyaya-zhizn-russkogo-pravoslavnogo-monastyrya-vo-vtoroi-popolvine-xix-pervoi-chetverti#ixzz3MRbbLSxC>

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Мельничук Наталия Вячеславовна

преподаватель кафедры немецкой филологии Института языка и литературы ПГУ им. Т.Г.Шевченко, г. Тирасполь

Проблемы политического дискурса все чаще привлекают внимание лингвистов, так как он занимает особое место в жизни социума.

В политическом дискурсе отношения коммуникантов могут развиваться по 2 сценариям: в форме благоприятного диалога, когда коммуникация реализуется как кооперация, либо в виде конфликта, когда коммуникация реализуется как конфронтация. Ключевую роль в проблеме возникновения конфликтных ситуаций играет вопрос кооперативности/конфронтационности в ходе речевого общения. Характер поведения коммуникантов определяет ход и направленность процесса коммуникации, так как функция языка в политической коммуникации реализуется посредством применения стратегий и тактик речевого общения.

Е.И. Шейгал выделяет в политическом дискурсе следующие виды стратегий:

- стратегия вуалирования, затушевывания нежелательной информации (позволяет завуалировать, сделать менее явными неприятные факты);
- стратегия мистификации (скрытие истины, преднамеренное введение в заблуждение);
- стратегия анонимности (деперсонализации) как прием снятия ответственности. [8, с. 197]

Можно выделить ещё некоторые виды стратегий в политическом дискурсе: стратегия реификации (конструирование образа врага), стратегия делегитимизации (разрушение образа оппонента) и стратегия амальгамирования («мы» - дискурс) [6, с. 16]. Ю.М. Иванова выделяет в политическом дискурсе варьирующую, аддитивную и интродуктивную стратегии [5, с. 15]. Несмотря на множество классификаций в политическом дискурсе не выявлены конкретные типы стратегий и их соотношения с тактиками. В своем исследовании мы остановимся на 3 основных коммуникативных стратегиях: конфронтационная, нейтральная и кооперативная.

Конфронтационная стратегия направлена на достижение собственных интересов, без учета интересов партнера по коммуникации. Она представляет собой некий способ самоутверждения за счет другого.

Joachim Spatz (FDP): Auch wenn man das billigend in Kauf nehmen muss,

habe ich doch einmal eine Frage. Was hätten Sie denn gesagt, wenn hier im Deutschen Bundestag ein Mandat vorgelegt worden wäre, das mit der somalischen Regierung nicht abgestimmt gewesen wäre? Dann wäre genau das doch Ihr Vorwurf gewesen. Sie müssen sich schon einmal entscheiden, ob Sie Ownership so hoch hängen, wie wir das tun, und erst die Betroffenen fragen oder ob Sie hier einfordern, dass das Mandat gewissermaßen im Verhandlungsstadium hätte vorliegen müssen.

Sevim Dağdelen (DIE LINKE): Herr Kollege Spatz, Sie sprechen gerade etwas an, worüber wir im Deutschen Bundestag überhaupt nicht haben beraten können. Das ist ja meine Kritik.

Севим Дагделен в данном примере обвиняет своего противника в недостаточной компетентности, подчеркивая тем самым свой профессионализм.

Нейтральная стратегия ориентирована на игнор коммуниканта, с целью избежать дальнейшего с ним общения. В. С. Дудченко называет нейтральную стратегию поведения «стратегией избегания» – уход от конфликта, отказ участвовать в нем, предоставление инициатору конфликта того, что он хочет [4, с. 46].

Кооперативная стратегия, как и конфронтационная, нацелена на достижение собственных интересов, но только конструктивным, мирным путем. Один или оба коммуниканта стремятся перевести конфликтную ситуацию в мирное русло. В. С. Дудченко называет кооперативную стратегию поведения «конструктивной» - работа с конфликтом, его регулирование и разрешение [4, с. 46].

В политическом дискурсе при выборе стратегий ре-

чевого общения коммуниканты преследуют определенные цели:

- укрепить свои позиции и завоевать авторитет
- 1. получить голос адресата на выборах
- 2. убедить адресата в правильности своих суждений
- 3. дать адресату новую информацию о своей позиции

Вопрос кооперативности/конфронтационности в ходе речевого общения по сей день остается открытым среди лингвистов, а именно соблюдение какого принципа является наиболее важным для успешной коммуникации.

Выделяются 3 направления в решении этой проблемы: для представителей первого направления (Х.П. Грайс, Т. ван Дейк) гарантом успешной коммуникации выступает Принцип Кооперации; представители второго направления (Р. Лакофф, Дж. Лич) основой успешной коммуникации считают соблюдение Принципа Вежливости; для представителей третьего направления (Л. Апостел, Р. Фишер) успешность коммуникации заключается в ее эффективности в достижении поставленной цели.

Следует отметить, что функция воздействия играет решающую роль в политическом дискурсе, так как главная цель политических дебатов-это не просто проинформировать адресата, а повлиять на его мировоззрение, сформировать его отношение к чему-либо. Умение использовать многообразные речевые средства для достижения поставленных целей является залогом успеха оратора в публичной политике.

Список литературы

1. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVI. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217-237.

2. Дейк Т. А. ван. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. VIII. – М.: Прогресс, 1978. – С. 259-336.
3. Дейк Т.А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связанного текста // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 23. – М.: Прогресс, 1988. – С. 153 – 211.
4. Дудченко В.С. Трансформация конфликта // В контексте конфликтологии: диагностика и методология управления конфликтной ситуацией. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 2001. - №3. – 176 с.
5. Иванова Ю.М. Стратегии речевого воздействия в жанре предвыборных теледебатов. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2003. – 19 с.
6. Филинский А.А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999-2000 гг. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2002. – 20 с.
7. Фишер Р., Юри У. Путь к согласию // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 173 – 206.
8. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – Волгоград: Перемена, 2000. – 386 с.
9. Шейгал Е.И. Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса // Жанры речи: Сб. науч. статей. - Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2002. - Вып. 3. – С. 205-214
10. <http://dip21.bundestag.de/dip21/btp/17/17172.pdf>

ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСИКИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Минина Анастасия Александровна

канд. пед. наук, доцент кафедры иностранных языков экономического факультета РУДН, г.Москва

Существует тесная связь между языком и культурой, менталитетом, традициями и обычаями его носителей, поэтому все социальные процессы и явления находят отражение в языке. Лексика, как наиболее гибкий и подвижный уровень языковой системы, наиболее чутко реагирует на происходящие в обществе перемены.

Одним из проявлений этой взаимосвязи между жизнью общества и лексикой языка является эвфемизация. Эвфемизмы можно отнести к культурно детерминированной лексике, отражающей как исторические процессы и явления, так и новейшие тенденции и веяния в жизни определённого народа.

Так, в 1930-е гг. в англоязычной культуре нарастает протест против расистской терминологии, в 1960-е гг. активизируется феминистское движение (sexism), начинают использоваться более мягкие выражения в отношении пожилых людей (ageism), а также людей с дефектами внешности (lookism). Все вышеупомянутые тенденции привели к возникновению термина политической корректности в конце 20 века. Применительно к области языка политическая корректность «...выражается в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т.п.» [5, с.216].

Одним из многочисленных примеров проявления политкорректности является эволюция так называемых «расистских» терминов: Negro – coloured – black – African American – Afro-American; Red Indians – Native Americans.

В связи с гендерной дискриминацией становится недопустимым использование слова «man» в значении «person», «he» в значении «anyone». По этой причине данные слова заменяются аналогами, определяющими человека без указания половой принадлежности: fireman – fire fighter (пожарный), chairman – chairperson (председатель), sportsman – athlete (спортсмен), steward/stewardess – flight attendant (бортпроводник) и т.п.

Использование притяжательного местоимения мужского рода (his) вытесняется обязательным указанием his/her или формой множественного числа their: Everyone must do his best – Everyone must do their best.

Вот ещё несколько примеров, в которых представлены различные группы социально ущемленных людей, которых англоязычное общество старается «защитить» при помощи языковых средств: poor – disadvantaged, economically disadvantaged; unemployed – unwaged; invalid – disabled, differently-abled, physically challenged; retarded children – children with learning difficulties и т.п.

Эвфемизации подвергаются и лексические единицы, потенциально ущемляющие права представителей мира животных и растений. С тем, чтобы избежать выра-

жения антропоцентризма и подчеркнуть равноправное существование на одной планете человека с другими живыми существами, слово *pets*, подразумевающее человека как хозяина или владельца, заменяется словосочетанием *animal companions*; а вместо словосочетания *house plants* используется *botanical companions*.

Любопытно, что порой стремление к политкорректности и использованию недискриминационной лексики доходит до абсурда и приводит к курьёзным случаям. Так, ошибочно усмотрев в слове *history* местоимение *his*, американские феминистки предложили альтернативный вариант *herstory*.

Политическая корректность призвана не просто смягчить смысл, но может рассматриваться как своего рода защита подвергающихся дискриминации, т.е. языковые изменения направлены на борьбу с мнимым или же реальным притеснением.

Помимо защиты прав женщин, национальных меньшинств, инвалидов, пожилых людей и пр., политкорректность затрагивает и некоторые виды деятельности и профессии. В данном случае речь идет о повышении статуса непопулярных или малопrestижных профессий, путём замены их названий более благозвучными. Данная тенденция характерна, прежде всего, для англоязычной культуры 21 века, и в английском языке данное явление получило название *uptitling*. Цель эвфемистической замены малопrestижных профессий заключается в том, чтобы повысить престиж этих должностей, а также подчеркнуть социальную значимость занимающих их людей и дать им возможность почувствовать себя полезными для общества, даже при том, что выполняемая ими работа не отличается сложностью и ответственностью и не требует высокой квалификации. Ниже приведены примеры данного явления, демонстрирующие превращение простых привычных названий невысоких должностей и рутинных рабочих обязанностей в громкие и претенциозные: *receptionist - Director of First Impressions/Guest Services Agent; call centre employee - Communication Executive, recruitment consultant - Talent Delivery Specialist/Chief Talent Acquisition Officer*.

Другой пласт лексики, отражающей изменения, происходящие в обществе, - неологизмы, само появление которых продиктовано новыми явлениями в той или иной сфере жизни носителей языка.

Пожалуй, самое значимое явление, стремительно развившееся в 21 веке – прочно вошедшие в нашу жизнь интернет (в частности, социальные сети) и современные мобильные устройства. Безусловно, эти новшества получили отражение в языке. Ниже приведены некоторые недавно появившиеся в английском языке лексические единицы, возникновение которых обусловлено развитием

социальных сетей и мобильных технологий:

Like shock (лайк-шок) - чувство, которое возникает у человека, чей пост в соцсетях собрал гораздо больше «лайков», чем он ожидал.

Gloatgram (хвастограм) - пост в инстаграм, показывающий, как хороша жизнь автора; обычно это фотографии еды или путешествий.

Facebook minute (фейсбук-минута) - неопределенный период времени, проведенный в Facebook с того момента, когда человек зашел в него, чтобы просто проверить, нет ли новых сообщений.

iFinger (iПалец) - палец, который оставляют чистым для того, чтобы можно было продолжать пользоваться смартфоном или планшетом, не запачкав его.

Phone-yawn (телефонный зевок) - феномен, наблюдающийся, когда один человек достает телефон и смотрит на экран, в результате чего окружающие люди делают то же самое.

Ghost post (пост-призрак) - комментарий к статусу или фотографии, который был тут же удален автором из-за орфографической ошибки, неудачного подбора слов или глупости.

Таким образом, язык выступает индикатором культурного, политического, экономического и психологического состояния общества, чутко реагируя на малейшие его изменения, отражающиеся, прежде всего, в лексике языка.

Список литературы

1. Гаваева Н. Н. О так называемой «недискриминационной» лексике в новейшем английском языке // Традиции и новаторство в гуманитарных исследованиях: Сб. науч. тр. посвящ. 50-летию ф-та иностр. яз. Мордов. гос. ун-та им. Н. П. Огарева / Редкол.: Ю. М. Трофимова (отв. ред.) и др. - Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2002. - с. 154-155
2. Заварзина Н.Г. Эвфемизмы как проявление «политической корректности» // Русская речь. 2006. №2. – с.54-56
3. Ковалёва Т.А. Фразеологические эвфемизмы в современном английском языке: автореф. дисс. канд. фил. наук М, 2008. – 22с.
4. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов: Краткий тематический словарь современных эвфемизмов. М., 2007. – 320с.
5. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. - М.: Слово, 2000.- 227с.
6. Шляхтина Е.В. Способы образования политкорректных единиц в английском языке // Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та, 2008. - №8. – с.241-249

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОТРИЦАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Миронина Анна Юрьевна, Елена Сергеевна Шулятьева
ВятГГУ, г. Киров

Отрицание присутствует во всех языках мира, оно плотно интегрировано в систему грамматических категорий и в лексическую структуру языка, нетривиальным образом взаимодействует с грамматическими и лексическими значениями – модальными, аспектуальными, кванторными и другими [1, с. 94-100].

С точки зрения англичан, нелогично два раза что-либо отрицать в рамках одного предложения. Кроме того,

сдержанные и спокойные по своему темпераменту англичане не склонны к яркой демонстрации своего несогласия и недовольства. А если всё же в предложении присутствуют два отрицания, то они нивелируют друг друга, как в математике, когда минус, умноженный на минус, дает плюс. Аналогичную картину можно наблюдать и в немецком языке.

Английский и немецкий языки когда-то были одним целым. Они имеют общие корни, так как относятся к западно-германской семье индоевропейских языков и англо-саксонской группе. Немцы и англичане принадлежали когда-то к одному народу, который жил на территории Европы. Предками англичан были племена англо-саксов и ютов, а предками немцев были племена алеманов, баварцев и лангобардов. Однако в 4-7 века в эпоху Великого переселения происходила массовая миграция германских народов. Племена англо-саксов и ютов переселились в Британию, сломив сопротивление живших там кельтов. Земли были захвачены, а язык германских племен обогатился заимствованиями из кельтского и латинского языков. Позднее с вторжением норманнов в Британию было привнесено наречие старофранцузского языка. Поэтому сегодня англичане могут без перевода понимать

Системы отрицаний в английском и немецком языках также схожи. Несмотря на то, что их лексическое наполнение различно, приёмы образования отрицательных предложений в этих языках совпадают.

К лексическим способам выражения отрицания в английском языке принято относить использование отрицательных местоимений (no, none, nothing, nobody, no one, neither), наречий (never, nowhere, nohow) и отрицательных союзов (neither... nor, not... nor, not). Немецкий язык содержит в себе эквивалентные местоимения (niemand, keiner, nichts), наречия (nie, niemals, nimmer, nirgends, nirgendwo) и союзные конструкции (weder... noch, nicht nur... sondern auch, ohne... zu).

С точки зрения синтаксиса, отрицание может быть выражено глаголом, при этом в английском могут употребляться формы прошедшего, настоящего и будущего времени, с отрицательной частицей not. В немецком языке эквивалентной частицей является nicht.

“Reason I can not pass the first grade...” [2, с. 27].

“Ich frage ihn nicht, weshalb er Deutschland verlassen hatte.” [3, с. 15].

При отрицании существительного в английском используется частица no, а для немецкого характерно употребление отрицательно-неопределенного местоимения kein.

“I found no flowers in the garden.”

“Er schien tatsächlich kein Polizist zu sein.” [3, с. 7].

На морфологическом уровне отрицание выражается с помощью деривационных средств выражения, то есть с помощью отрицательных аффиксов. Следует отметить, что префиксы с отрицательным значением носят интернациональный характер являются: un-, in-, il-, mis- (нем. miss-), dis-, de-, которые выражают значение отсутствия, лишения, противоположности.

французскую речь.

Таким образом, основа английского языка осталась германской, но он включает в себя огромное количество французских, латинских, кельтских и скандинавских заимствований. Основой же немецкого языка являются наречия древнегерманских племён. Этот язык не испытал на себе влияние старофранцузского языка, зато, так же как и английский включает в себя много латинских заимствований.

Близость английского и немецкого языков подтверждается прежде всего большим количеством родственных слов:

- hair – das Haar – волосы
- young – jung – молодой
- learn – lernen – изучать

Относительно суффиксов, в английском языке наибольшим распространением пользуется - less, в то время как - frei и - los – в немецком.

Кроме указанных выше, имеются и другие языковые возможности для выражения отрицания. Например, употребление слов, в лексическом значении которых отрицание заложено изначально, широко распространено как в английском, так и в немецком языках:

- (англ.) to deny – не сделать, не решить; to fail – не сдать, не суметь; to omit – не включать;
- (нем.) hassen – ненавидеть; überhören – прослушать, не услышать; aufeislegen – заморозить, не давать ходу.

Принимая во внимание всё вышесказанное, отметим, что каждый язык в мире имеет свою систему отрицания. В некоторых языках, например в английском и немецком, она может быть похожа. Этот факт исторически объясняется общим происхождением. Однако затем эти языки развивались обособленно друг от друга. Таким образом, отрицание получает свое собственное выражение в этих языках с помощью лексических и грамматических средств языка.

Список литературы

1. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. РГГУ. Москва, 2011.
2. Harper Lee. To Kill a Mockingbird. Grand Central Publishing, 2013.
3. Remarque E. M. Die Nacht von Lissabon. «Менеджер». Москва, 2000.

НАРУШЕНИЕ СТЕРЕОТИПНЫХ СИНТАГМАТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ В ЕДИНИЦАХ УСТОЙЧИВОГО ХАРАКТЕРА КАК ПРИЕМ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ЧАСТУШКЕ

Муль Ирина Леонидовна

Канд. филол. наук, доцент, научный сотрудник отдела организации и планирования научно-исследовательских работ ОмГПУ, г. Омск

Одной из ключевых тем современного гуманитарного дискурса является языковая игра (ЯИ), или лингвокреативная деятельность языковой личности, понимаемая как осознанное нарушение языкового канона, отражающее стремление (интенцию) говорящих к обнаруже-

нию собственной компетенции в реализации языковых возможностей [1, с.26]. Устойчивый исследовательский интерес к феномену ЯИ (см. работы Т.А. Гридиной, Е.А. Земской, Б.Ю. Нормана, В.З. Санникова, Е.Н. Ремчуковой и др.) и полипарадигмальный характер его научного описа-

ния вполне объяснимы и закономерны: современная речевая действительность подвержена ЯИ в высочайшей степени (в самом деле, сегодня трудно назвать дискурсивную сферу, в которой не проявлялось бы с разной степенью интенсивности речетворчество говорящего или пишущего); кроме того, смеховое начало, с которым ЯИ очень часто сопряжена, имманентно русской культурной жизни и русскому языковому сознанию как её неотъемлемой части.

Смех в его многообразных модификациях (от безобидной шутки до едкого сарказма) обнаруживает себя в различных жанровых формах устного народного творчества (ср., например, скороговорки, загадки-шутки, небылицы-перевертыши, дразнилки, анекдоты и т.д.), однако не вызывает сомнения то, что одной из излюбленных народных форм реализации комического является частушка. Бытуя со второй половины 19 века, частушка остается одним из наиболее аксиологически ориентированных фольклорных жанров, поскольку является способом сохранения и экспликации (трансляции) коллективных оценочных установок и понятных социуму эмоций [3, с.6].

В типологии частушек особую группу составляют тексты, смеховой эффект которых основан на ЯИ. Думается, что именно жанровая специфика частушки, проявляющаяся в её динамичности, лаконизме, занимательности, смыслоёмкости и яркой эмоционально-оценочной направленности, делает эту фольклорную форму открытой для лингвистических экспериментов, которые реализуются в разнообразных приемах ЯИ. В рамках данной статьи рассмотрим частушечные тексты, игровой эффект которых связан с эксплуатацией стереотипных синтагматических связей в единицах устойчивого (в том числе и фразеологического) характера [о других приемах ЯИ в частушке см.: 2]. Известно, что фразеологические единицы (ФЕ) не создаются в каждый конкретный момент речи, а воспроизводятся «по случаю» в готовом виде, в силу чего адресат располагает знаниями о том, каков стандартный набор лексических единиц во ФЕ и какой должна быть последовательность этих компонентов в линейном ряду. Такая упорядоченность элементов ФЕ стимулирует усиление ожидания, задаёт ассоциативный прогноз, согласно которому появление одного компонента ФЕ не только предсказывает появление другого компонента этого линейного ряда, но и актуализирует идиоматичный смысл ФЕ в целом. Нарушение ассоциативного прогноза развёртывания речевой единицы, в которой присутствует компонент устойчивого сочетания, или отклонение от этого прогноза, связанное с трансформацией ФЕ, вызывает эффект ЯИ.

Так, игровой (смеховой) эффект восприятия частушки может быть связан с включением в новый контекст (в новое синтагматическое окружение) того или иного компонента ФЕ, вследствие чего ЯИ имеет аллюзивный характер, например:

Я всёлого люблю,
За него ругает мать.
Как весёлый заиграет –
Рада голову сломать.

Последняя строка данного текста (ср.: рада голову сломать), которая может быть названа окказиональной фраземой, вызывает аллюзию с узуальной ФЕ бежать (мчаться) сломя голову в силу соотносительности лексического состава и семантического плана данных выражений. Экспрессивность, интенсивная эмоционально-оценочная коннотация узуальной фразеологического выражения (ср. его значение: «стремительно, опометью, стремглав бежать, мчаться») делает его востребованным

для передачи смысла частушки; в то же время данная ФЕ воспроизводится не в первоначальном (исходном), а в трансформированном виде, то есть оказывается «адаптированной» к условиям частушечного контекста, в котором обыгрывается традиционная для частушки бытовая ситуация безрассудной любви девушки к гармонисту. Ср. также:

Дорогой мой, дорогой,
Во время расставания
Твои карие глаза
Люблю до основания.

Созданная в данном тексте окказиональная фразема любить до основания является соотносительной в лексико-семантическом плане с узуальной ФЕ до основания, которая, однако, в узусе предполагает наличие при себе другого синтагматического «партнёра» (ср. типичные устойчивые выражения: разрушить до основания, потрясти до основания). Видимо, способность узуальной ФЕ к передаче эмоции в её предельной интенсивности (ср. значение данной ФЕ: «совсем, совершенно, полностью») делает возможным сочетание этой ФЕ и с глаголом любить, чем подчеркивается «бурно-эмоциональный» характер частушечного повествования, в котором акцентирована положительно-оценочная характеристика любимого человека как персонажа частушки.

Использование компонентов узуальной ФЕ в частушках может быть связано с необходимостью выразить эмоцию противоположного (отрицательно-оценочного) свойства, вследствие чего актуализируются как аллюзивно выводимые такие узуальные устойчивые выражения, которые способны «двумя штрихами» охарактеризовать тот или иной частушечный персонаж, например:

Мой милёнок хуже мерина,
Куда его девать?
Скоро ярмарка откроется –
Поеду продавать.

Представленное в данном тексте выражение хуже мерина ассоциативно связано с такими узуальными просторечными фраземами, как врёт (брешет) как сивый мерин, т.е. «лжёт бессовестно, беззастенчиво, беспредельно», глуп как сивый мерин, т.е. «очень, до крайности глуп». Сравнение милёнка с мерином, а также утверждение, что он «хуже мерина», служит целям создания экспрессивно насыщенной шуточной характеристики частушечного персонажа с акцентуацией иронично-оценочной образной коннотации. Кроме того, вторая часть частушки переводит повествование в буквальный план, так как «милёнок» представляется «объектом ярмарочной торговли».

Актуализация компонента узуальной ФЕ в его сочетании с экспрессивно-оценочной узуальной лексемой стилистически сниженного характера может служить целям создания смехового эффекта частушки, которая в шутливо-ироничной форме представляет ту или иную бытовую ситуацию, например:

Шла машина, ухала,
Я стояла, слухала.
Мамка мне за ухажёра
По шеям набухала.

Игровой (смеховой) доминантой данного частушечного текста является его финальное выражение набухать по шеям, позиция которого оказывается «подготовленной» всем предшествующим повествованием (ср. рифмующиеся глагольные единицы: ухала – слухала (вместо узуального слухала) – набухала). Созданная в частушке окказиональная фразема вызывает ассоциации с просторечными узуальными единицами типа дать по шее, надавать

по шее (по шеям), намять шею, намылить шею и т.п., однако замена узуального глагольного компонента ФЕ на глагол набухать (ср. его значение, предполагаемое в контексте и выводимое из семантики разговорной лексики: «наподдавать, отлупить, побить, избить») усиливает экспрессивность, делает присутствующую в тексте эмоцию более выразительной; глагол набухать, содержащий в морфо-derivационной структуре звукоподражательный сегмент -бух-, и его контекстуальные глагольные «партнёры» (ухала, слухала) создают комичный ассоциативный звукообраз, связанный с таким «материнским наказанием», которое сопровождалось шумом, громкими ударами, криками и т.п.

Достижение смехового эффекта частушки нередко может быть связано с включением в текст с целью усиления его экспрессивно-содержательных параметров таких окказиональных фразем, которые создаются путём контаминации узуальных ФЕ, например:

Шли сначала в коммунизм,
А потом – в капитализм,
Не заметили, как впали
В развитой идиотизм.

В данном тексте стимулом смеховой реакции является частушечная фраза впасть в развитой идиотизм, созданная путём актуализации и взаимопересечения двух узуальных устойчивых выражений: впасть в маразм + развитой социализм = впасть в развитой идиотизм; появление в частушечной ФЕ лексики идиотизм связано с её семантической соотносительностью со словом маразм (в данном случае лексические единицы идиотизм и маразм выступают как синонимы со значением «бессмыслица, глупость») и структурной соотносительностью с односуффиксальной лексемой социализм. Созданная путём контаминации частушечная фраза является оценочным ядром текста, в котором представлена ситуация государственного устройства, характеризующегося хаотичностью, непродуманностью социально-экономической политики и т.д.

Думается, что слияние в одной частушечной фразе элементов двух узуальных ФЕ, которые имеют ярко выраженную экспрессивно-оценочную направленность, приводит к тому, что экспрессивность созданной в частушке фраземы – «гибрида» удваивается. Подобное «нагнетение» экспрессивно-оценочного плана повествования отвечает прагматическим жанровым задачам частушки, которая, как уже отмечалось, является нацеленной на выражение оценки (часто – категоричной оценки) путём экспликации последней в лаконичной экспрессивной языковой форме.

Особую группу составляют такие частушечные тексты, в которых использование узуальной ФЕ связано с созданием на её основе ассоциативной цепочки, с построением (развитием) окказионального ассоциативного ряда, что в конечном счёте приводит к актуализации как базовой (исходной) узуальной фраземы, так и созданной на её основе окказиональной единицы и усилению экспрессивно – оценочного плана повествования:

Меня милка изменила
На четыре месяца.
Ёлки, палки, брёвна, скалки,
Я хотел повеситься.

Включение в данный текст выражения ёлки, палки и последующее его развитие за счет новых лексических компонентов брёвна, скалки делает эксплицированную в повествовании эмоцию гипертрофированной. В узусе просторечная единица ёлки, палки используется в целях выра-

жения чувства досады, восхищения, недоумения. Её игровое использование в частушечном тексте, сопровождаемое развитием линейного ряда, дифференцирует семантику узуальной фраземы, вычленив в качестве актуального тот компонент её смысла, который связан с выражением чувства отчаяния, безысходности, испытываемого персонажем частушки (ср.: «меня милка изменила... я хотел повеситься»). Ср. также:

Через пень, через колоду,
Через райпотребсоюз!
Помогите, ради бога,
В старых девках остаюсь!

Результатом игрового использования узуального через пень – колоду (ср.: (валить) через пень колоду – «делать медленно, неповоротливо, неумело или кое-как») становится создание ассоциативной цепочки из трёх контекстуальных фразем (ср.: через пень, через колоду, через райпотребсоюз), которые, окказионально семантизируясь, в комплексе являют собой не только смеховой, но и экспрессивный узловый элемент частушки.

Создание игрового текстового поля частушки может происходить за счёт актуализации идиоматического значения узуальной ФЕ и её буквального смысла (буквального смысла составляющих её лексем). Двойная актуализация оказывается возможной благодаря контекстуальному окружению ФЕ, например: Меня милый провожал
Ёлками да ёлками.

До того меня довёл –
Колет грудь иголками.

Текст данной частушки является многомерно интерпретируемым ввиду смысловой многоплановости его второй части. Использованная здесь частушечная фраза колет грудь иголками вызывает аллюзию с узуальными единицами типа в груди колет, сердце колет («об острой повторяющейся физической боли или боли душевной»), а также с выражением (быть) как на иголках, то есть «находиться в состоянии крайнего волнения, нервного возбуждения, беспокойства». Ассоциативное сближение частушечной фраземы с отмеченными узуальными выражениями актуализирует её переносно-метафорический, образный план. Кроме того, зачин текста (ср.: «милый провожал ёлками») позволяет интерпретировать его последнюю строчку в буквальном плане, что обусловлено любовно-интимной ситуативной привязкой данного текста.

Итак, активность приёмов ЯИ, связанных с использованием стереотипных параметров ФЕ в частушке, может, на наш взгляд объясняться тем, что ФЕ в предельно лаконичной и легко воспроизводимой форме способны выразить насыщенный в экспрессивно-оценочном плане «сгусток» личностных смыслов, что является весьма актуальным для частушки как жанра динамичного, оценочно ориентированного, стремящегося к лаконизму формы при её содержательной многоплановости. При эксплуатации в рамках частушечного текста компонентов узуальных ФЕ или созвучных с компонентами узуальных ФЕ лексем в сознании адресата актуализируются идиоматические стереотипные смыслы ФЕ, а также те смыслы, которые появляются в частушке благодаря обыгрыванию компонентов узуальной ФЕ.

Тот факт, что в частушечном тексте узуальные ФЕ обычно не используются в готовом виде, а подвергаются различного рода трансформациям (ср. описанные нами приёмы ЯИ, связанные с заменой компонентов ФЕ, развитием ассоциативного ряда, созданием окказиональных фразем как на основе компонентов узуальных ФЕ, так и

путём их контаминации) свидетельствует о том, что частушка «приспосабливает», «адаптирует» узувальную фразему (как правило, наделённую экспрессивностью высокой степени) к своим содержательно-оценочным прагматическим установкам.

Список литературы

1. Гридина Т.А. Языковая игра как лингвокреативная деятельность // Язык. Система. Личность. Языковая игра как вид лингвокреативной деятельности. Формирование языковой личности в онтогенезе: материалы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции 25-26 апреля 2002 г. – Екатеринбург, 2002. – С. 22-26.

риалы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции 25-26 апреля 2002 г. – Екатеринбург, 2002. – С. 22-26.

2. Муль И.Л. Игровой лингвистический код частушки: механизмы, приёмы и функции // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – 2012. – №3. – С. 100-104.
3. Эмер Ю.А. Миромоделирование в современном песенном фольклоре: когнитивно-дискурсивный анализ. Автореферат дис. ... доктора филолог. наук. – Томск, 2011. – 41 с.

ПЕРЕВОДЫ ПОЭЗИИ Э.Э. КАММИНГСА: ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Насырова Д. Р.

Ассистент кафедры английского языка, УлГПУ им. И.Н. Ульянова, г. Ульяновск

Творчество американского поэта и писателя Эдварда Эстлина Каммингса практически не известно российскому читателю в связи с тем, что количество переводов его стихотворений на русский язык даже в настоящее время очень незначительно. В советское время его работами занимались такие переводчики как: В.Л. Британишский, А.Я. Сергеев, отдельные стихотворения перевел Л. Н. Чертков. Следует отметить, что последние два автора входили в поэтическую группу неподцензурных московских поэтов, под названием «Группа Черткова», образованную в 1953 году. В нынешнее время известные переводы Каммингса принадлежат С. Бойченко, Я. Пробштейну, Н. Семониффу и И. Сатановскому, также существуют переводы отдельных стихов поэта К.С. Фарая, Н. Ткач, Д. Кузьмина, П. Руминова и некоторых других. Переводы большинства этих авторов опубликованы лишь в интернет-ресурсах, в антологиях американской поэзии представлены переводы советских времен. Однако эти работы всех немногочисленных переводчиков Каммингса не могут дать полного представления о художественном своеобразии поэзии и уникальном поэтическом стиле автора, так как они не охватывают и десятой доли творческого наследия поэта.

При работе с текстами Каммингса переводчик сталкивается с произведениями, которые построены в соответствии с особыми авторскими принципами, лежащими в основе их создания, поэтому в ряде случаев смысл его стихотворений несопоставим с общепринятыми читательскими возможностями восприятия. Даже у носителей языка при прочтении стихотворений Каммингса могут возникнуть вопросы об истолковании смысла содержания, так как его тексты отличаются нетрадиционным подходом к орфографии и синтаксису, идущим вразрез с правилами и нормами английского языка; а также абстрактностью и многозначностью содержательного аспекта, которые связаны с употреблением большого числа авторских неологизмов. Уильям Карлос Уильямс, близкий друг и единомышленник поэта, однажды написал, что в некоторых его работах вовсе не заложен смысл.

Однако сам Каммингс неоднократно подчеркивал, что внесение изменений в его творения не допустимо никому, кроме самого автора, это касается как содержательной стороны, так и визуально-графического отображения стихотворения на странице. Исходя из этого, в случае с американским поэтом перевод должен быть предельно близок к оригинальному стихотворению автора. Добиться

этого, работая с текстами Каммингса, очень непросто, так как необходимо представить практически непередаваемые в переводе слова и звуковые комбинации, образующие уникальное единство смысла, формы и звучания, присущее поэзии автора.

Первые переводы Каммингса на русский язык появились в 40-е годы XX века, когда в стране существовал строгий цензурный отбор зарубежных текстов, обусловленный существовавшим в то время общественно-политическим строем. Появление того или иного произведения в переводе в советское время обуславливалось в первую очередь верной политической ориентированностью и целесообразностью, а не его литературными достоинствами. Появление стихотворений Каммингса связано с тем, что поэт был ярким представителем авангардистского искусства, демонстрируя в своей поэзии откровенное неприятие американского образа жизни и неприязнь к сложившемуся обществу потребления. Его интерес к левым движениям в США и Европе в начале двадцатых годов способствовал разрешению на публикацию переводов стихотворений автора в советских поэтических антологиях и литературных журналах.

Одним из самых значительных переводчиков работ Каммингса в советское время по праву считается В. Л. Британишский. К своей работе он подходил со всей тщательностью и усердием. В одном из интервью, опубликованном в «Русском журнале» в июне 2002 года, переводчик говорит о том, что перед тем как приступить к переводу того или иного стихотворения конкретного автора, он «сначала читает все его произведения и все, что может найти о нем самом... и только потом садится переводить его» [1]. По словам Британишского переводчику необходимо вникнуть в языковые особенности того поэта, чьи стихотворения он собирается переводить, и, чтобы сохранить стилистику и точный смысл оригинала, переводчик должен обладать обширными знаниями в истории и теории стиха не только своей страны, но той, которой он занимается. Переводы Британишского печатались в журнале «Иностранная литература», а также в поэтических антологиях. В антологиях «Современная американская поэзия. Антология» (составители А. Зверев и И. Левидова, 1975) опубликованы переводы двенадцати стихотворений Каммингса различными переводчиками: В. Британишским, А. Сергеевым, Л. Чертковым, В. Шаргуновым. В антологиях «Американская поэзия в русских переводах» (составитель С.Б. Джимбинов, 1983) и «Поэзия США»

(составитель А. Зверев, 1982) также представлены некоторые стихотворения Каммингса, переведенные В.Л. Британишским.

Разумеется, переводов стихотворений Каммингса было немного больше, но не все они были разрешены к официальной печати. К примеру, многие переводы А. Сергеева были напечатаны в периодических изданиях так называемого «самиздата». Эти издания не подчинялись цензуре государства, в них печатались произведения запрещенных отечественных и зарубежных писателей и поэтов, содержание которых выходило за рамки жестких цензурных правил. Еще одной причиной, которая могла приостановить публикацию, являлось ограничение в объеме опубликованных переводов одного автора, цель которого сводилась к тому чтобы не допустить чрезмерной известности того или иного переводчика. Такое ограничение существовало вплоть до 1985 года. К тому же после посещения Каммингсом СССР в 1931 году и выхода книги «Эйми» («ЕІМІ»), в которой автор в остросатирической манере делится своими неутешительными наблюдениями и мыслями по отношению к тоталитарному режиму, интерес к переводам произведений американского поэта со стороны государства сводится на нет. Следует отметить, что избранные главы из этих путевых заметок под названием «Приключения нетоварища Каммингса в Стране Советов: Э. Э. Каммингс и Россия» были изданы на русском языке только в конце 2013 года.

И только в постсоветское время переводчикам удалось напечатать свои работы, посвященные поэзии Каммингса, в полном объеме. В 2004 году выходит книга «Каммингс Э.Э. Избранные стихотворения в переводах Владимира Британишского», а в 2005 году «От Уитмена до Лоуэлла: Американские поэты в переводах Владимира Британишского». В 2008 году вышел сборник стихов в переводе А. Сергеева «Звездокол. Избранные переводы: поэты Англии, Ирландии, США, Австралии», в который вошли несколько стихотворений Каммингса.

В настоящее время современные переводчики публикуют свои работы стихотворений американского поэта главным образом в интернет-ресурсах. Среди них можно выделить профессиональных переводчиков, а также тех, кого можно назвать «любителями», пробующими свои силы в этой деятельности. Большая работа по переводу стихотворений Каммингса на русский язык проделана поэтом, литературоведом и переводчиком поэзии Я. Э. Пробштейном. Его перу принадлежат переводы более 30 работ Каммингса из разных поэтических сборников, начиная с «Тюльпанов & дымоходов» («Tulips & Chimneys», 1923), заканчивая «Ксаипой» («Хаіре», 1950).

В интервью «Русскому журналу» он также отвечает на вопросы, связанные с переводом сложных американских поэтов, таких как Томас Стернз Элиот, Эрза Паунд, Эдвард Эстлин Каммингс и некоторых других. Он отмечает сложность при переводе не только вышеуказанных авторов, но и трудности перевода поэзии в целом. В каждом языке слово обладает определенным рядом денотативных значений, но, что более важно для переводческой деятельности, это – коннотативные значения слова, которые являются уникальными в каждом конкретном языке. По большому счету это означает, что слова в стихотворении практически непереводимы. Следует отметить, что употребление Каммингсом большого числа разнообразных авторских неологизмов во многих своих стихотворениях еще сильнее усложняет переводческую практику. Исходя из всего этого, можно прийти к заключению, что задача переводчика заключается в передаче «движения поэтической мысли сквозь образ», «энергетики и духа оригинала»

[2]. При этом, как считает Пробштейн, практически невозможно сохранить грамматику, синтаксис и пунктуацию оригинала в изначальном виде, так как в каждом языке присутствуют свои собственные неповторимые особенности, которые не удастся передать при переводе на другой язык. Однако в переведенных текстах Каммингса, переводчиком сохраняется изначальная пунктуация оригинала, благодаря которой американский поэт достигал желаемого визуального эффекта в своих стихотворениях, поэтому любое ее искажение привело бы к разрушению задуманного автором графического образа произведения.

В интервью Пробштейн также приводит слова французского поэта и философа Поля Валери, который считал, что в поэзии необходимо проводить работу, заключающуюся в поиске сочетания значения и сонорного эффекта, благодаря которому поэту удастся проникать в глубинные слои языка. То есть, поэзия – это «колебание между звуком и смыслом». Эта же работа должна проводиться и переводчиками при работе с текстами зарубежных поэтов. Таким образом переводчики расширяют границы своего языка, который при этом развивается и совершенствуется.

Пробштейн подчеркивает, что переводчик должен обладать умением «вслушаться и вжиться в другого», чтобы передать стихотворение оригинала, не проявив своей собственной индивидуальности как поэта. Он также отмечает, как и В.Л. Британишский, что переводчик должен обладать обширными знаниями в литературе и культуре от античности до современности, которые необходимы ему, чтобы «вжиться» в самого поэта. Работая с текстами Каммингса, переводчику непременно нужно следовать этому принципу. Только в этом случае до читателя можно будет донести неповторимый стиль американского поэта, суть и глубину его замысловатых текстов.

При изучении переведенных работ Каммингса нельзя не отметить Н.В. Семониффа, чьи переводы опубликованы в электронном журнале «Самиздат». Среди современных переводчиков ему принадлежит наибольшее число опубликованных переводов произведений американского поэта. Помимо работы с поэтическими произведениями Каммингса Н. Семонифф также перевел отдельные главы из романа «Огромное пространство», написанного Каммингсом в 1922 году, сказки, рассказы, разъяснения Каммингса, изданные при жизни автора в журнале «Ярмарка тщеславия» («Vanity Fair»), а также автобиографические лекции под названием «я – Шесть нелекций», которые были прочитаны Каммингсом в Гарвардском университете в 1953 году.

Еще одним видным переводчиком Каммингса является И. Сатановский, который в своем интернет-блоге публикует переведенные тексты американского автора. В обсуждении различных переводов одного из стихотворений Каммингса под названием «некто жил в славном таком городке» (перевод И. Сатановского, «anyone lived in a pretty how town») он подчеркивает, что перевод должен осуществляться только из контекста языка оригинала в контекст языка, на который переводится стихотворение, учитывая все языковые и культурные особенности. Переводчик должен представить себе, каким бы образом звучало стихотворение на языке перевода, если бы этот язык был родным для поэта.

В целом можно сказать, что, несмотря на все сложности, с которыми сталкиваются переводчики в работе с текстами стихотворений Каммингса, все больше и больше людей обращаются к творчеству этого незаурядного американского поэта. Этому способствует и то, что сопери-

сновение с творениями Каммингса происходит в различных сферах искусства. Известная во всем мире исландская певица Бьорк исполняет песни, текстам которых служат адаптации стихотворений Эдварда Эстлина Каммингса, к примеру, в песне «Солнце в моих устах» («Sun in my mouth») звучит стихотворение «Я буду пробираться» («I will wade out»). Яркий представитель авангардного направления в музыке американский композитор Мортон Фельдман для своего цикла «Голоса и инструменты» («Voices and Instruments») написал музыку к нескольким произведениям Каммингса, взятых из сборника «50 стихотворений». Оперное исполнение этих стихотворений сопровождается аккомпанементом виолончели и фортепиано. В современных художественных фильмах также встречаются упоминания творчества американского поэта, когда герои цитируют его стихотворения. Так героиня в исполнении голливудской актрисы Кэмерон Диас в финале фильма «Подальше от тебя» («In her shoes», 2005) читает стихотворение «я несу твоё сердце в своём» («I carry your heart in mine»). Нельзя забывать и о живописи, к которой Каммингс имеет непосредственное отношение, являясь

автором многочисленных работ, выполненных с использованием разнообразных изобразительных приемов. Все это ведет к тому, что к творчеству Камингса все больше проявляется интерес со стороны широкой публики, и, возможно, в скором будущем перед российским читателем будет представлена антология переведенных стихотворений поэта, составленная из переводов различными переводчиками поэзии американского автора, творчество которого можно раскрывать.

Список литературы

1. Просто мы знатоки самой поэзии [Электронный ресурс]: Интервью с В.Л. Британишским / бесед. Е.Калашникова // Русский журнал, ежедневное интернет издание. 6.06.2002. URL: http://old.russ.ru/krug/20020607_kalash.html (дата обращения: 13.09.2014).
2. Соблазны перевода [Электронный ресурс]: Интервью с Я.Э. Пробштейном / бесед. Е.Калашникова // Русский журнал, ежедневное интернет издание. 3.01.2002. URL: http://old.russ.ru/krug/20020103_kalash.html (дата обращения: 13.09.2014).

К КОНЦЕПЦИИ СЛОВАРЯ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЗАГАДКИ

Никитина Татьяна Геннадьевна

Проф., докт. филол. наук, Псковский государственный университет, г. Псков

История фиксации русских загадок в паремиографических источниках насчитывает около трехсот лет – от репрезентации традиционных русских паремий данного типа в рукописных сборниках XVIII века и известных паремиографических собраний И.П. Сахарова, И.А.Худякова, Д.Н.Садовникова (XIX век) до публикаций шуточных новых загадок на развлекательных Интернет-сайтах в начале XXI века.

Однако до настоящего времени остаются нерешенными такие проблемы словарной репрезентации загадок, как порядок их расположения (алфавитный или тематический), способы отражения вариантности, объем паспортизации материала и специфика его лингвокультурологического комментирования. К тому же в настоящее время намечилось расширенное понимание загадки, когда в этот класс паремий составители сборников помещают логические и математические занимательные задачи, головоломки с использованием спичек, монет, карт и т.п.

Динамика фонда русских загадок определяется в настоящее время активизацией образования новых паремий и трансформационными процессами, затрагивающими традиционные народные загадки, что, к сожалению, не отражается в современных паремиографических сборниках.

Разработанная нами концепция Большого словаря современной русской загадки предполагает не только отражение этих тенденций, но и раскрытие социокультурного фона новообразований на фоне традиционных русских паремий. Эта задача решается в Разделе 1. – «Традиционные русские загадки в реалиях XXI века». Здесь представлен актуальный для современного носителя русского языка фрагмент фонда традиционных загадок с учетом трансформаций формы и содержания некоторых из них. Новые значения исходных загадок даются после традиционного ответа под номерами 2, 3 и т.п. Формаль-

ные изменения показаны под знаком >. Комментарии историко-этимологического и социокультурологического характера помещаются внутри словарной статьи под знаком ** (в приведенном ниже фрагменте Раздела 1. это комментирование сленговых значений слова гвоздь):

Без окон, без дверей, полна горница людей.

1. Огурец [2, с. 321].
2. Арм. Солдатская казарма. (Запись 2008 г.)
 - Без окон, без дверей, полна горница солдат. Арм. Казарма [4, с. 39].
 - Полна горница людей, полна горница идей. Студ. Практическое занятие с использованием технологии «мозговой штурм». (Запись 2005 г.).

Без рук, без ног, а рисовать умеет.

1. Мороз [5, с. 129].
2. Комп. Графическая компьютерная программа. (Запись 2013 г.).

Всех кормит, а сама не ест.

1. Ложка [4, с. 276].
2. Студ. Буфетчица в студенческой столовой (не хочет есть эту гадость). (Запись 2005 г.)

Два конца, два кольца, посередине гвоздик.

1. Ножницы [1, с. 932].
2. Спорт. Гимнаст выполняет упражнение на кольцах. (Запись 2014 г.)
3. Угол. Набор отмычек. (Запись 2013 г.). ** Жарг. угол. Гвоздь – отмычка.
 - Два конца, два кольца. Преуспевающий новый русский, одетый в дорогую одежду с большим количеством модных аксессуаров, в том числе перстней, колец (Запись 2008 г.).
 - Два кольца, два гвоздя. Баскетбольный матч с двумя высокими центровыми. (Запись 2011 г.) ** Жарг. спорт. Гвоздь – центровой в баскетболе.
 - Два кольца, два очка, а трехочковый лучше. Баскетбол. (Запись 2008 г.)

- Два кольца, два кольца и еще одно кольцо. Олимпийская эмблема. (Запись 2008 г.)
- Два качка, два очка, посередине спонсор. Соревнования по бодибилдингу. (Запись 2011 г.)

В Разделе 2. «Новые загадки от А до Я» в алфавитном порядке даются загадки, созданные современными носителями русского языка (записи 2000-2014 гг. или материалы, представленные на Интернет-сайтах). Это юмористические паремии, которые образуют современную картину мира загадки, дают полное представление о языковой игре, создающей комический эффект текста:

- Длинный, красный, для женщин опасный. - Трамвай. (Запись 2009 г.)
- Для чего у человека нос? - У мужчин для красоты, а у женщин, чтобы совать его куда не следует. (Запись 2014 г.)
- Домашнее животное, на "т" начинается. - Таракан. Домашнее животное, на "д" начинается. - Два таракана. Домашнее животное, на "ы" начинается. - Ыщо один таракан. (Запись 2014 г.)
- Жили у бабуси два веселых гуся. - Студенты Гусевы снимают комнату у бабы Кати. (Запись 2008 г.)
- Зачем у ментов на рукавах пришиты пуговицы? - Это чтоб нос не вытирали! - А тогда почему они так блестят? - Так они ж всё равно вытирают! (Запись 2007 г.) ** Жарг. Мент – милиционер.
- Зачем природа дала женщине на одну извилину больше, чем лошади? - Для того, чтобы она, когда моет пол, не пила из ведра. (Запись 2009 г.)

В Разделе 3. («Ответ готов») материал группируется по тематическому принципу (учитывается тематика ответа), так что читатель всегда сможет найти загадку на нужную тему, а также увидеть динамику восприятия и образного осмысления той или иной реалии народным сознанием:

Морковка

Красный нос в землю врос, зеленый хвост снаружи.
- Морковка [5, с. 156].

Сидит девица в темнице, коса на улице. - Морковь [2, с. 169].

Красное, зеленое на поле валяется, но не футболист «Локо». – Морковка. (Запись 2009 г.) ** Локо – футбольный клуб «Локомотив» (Москва); Красный и зеленый – клубные цвета «Локомотива».

Таракан

Кто над нами вверх ногами? - Таракан [5, с. 102].

Мы ребята удалые, лезем в щели половые. - Тараканы. (Запись 2014 г.)

Мы ходим ночью, ходим днём, но никогда не устаём. - Студ. Тараканы в студенческом общежитии. (Запись 2007 г.)

Таким образом, подбор материала, рубрикация загадок и комментарии в словарных статьях Большого словаря современной загадки должны отразить реальное состояние одного из основных фрагментов русского паремиологического фонда. Кроме того, словарь загадок, согласно нашей концепции, должен стать еще одним типом лингвокультурологических источников, система которых описана Е.И. Зиновьевой и Е.Е. Юрковым [3]. Он отразит образный компонент русской языковой картины мира, символику бытовых реалий и природных явлений, специфику житейского миропонимания и особенности вербализации лингвокультурных концептов.

Список литературы

1. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1957. – 992 с.
2. Живая вода. Сборник русских народных песен, сказок, пословиц, загадок / Сост. В.П. Аникин. М.: Дет. лит., 1986. – 462 с.
3. Зиновьева Е.И., Юрков Е.Е. Лингвокультурология: теория и практика. СПб.: ООО «Издательский дом «МИРС», 2009. – 291 с.
4. Коровушкин В.П. Словарь русского военного жаргона. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 372 с.
5. Лысаков В.Г. 1000 загадок. М.: АСТ; Донецк: Сталкер, 2007. – 318 с.

МИКРОТОПОНИМЫ КАК ОСОБЫЙ ПЛАСТ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ (НА ПРИМЕРЕ МИКРОТОПОНОМОВ СЕЛА ЛОМОВКА НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Новикова Мария Рудольфовна

Кандидат филологических наук, Владимирский государственный университет, кафедра «Журналистика, реклама и связи с общественностью», доцент, г. Владимир

В настоящий момент многие языковеды говорят о необходимости более глубокого изучения топонимии России, но в то же время вопросы региональной микротопонимики как особой отрасли топонимики остаются недостаточно разработанными, в последнее время таких исследований практически не проводится. Известно, что в микротопонимах отражаются не только диалектные черты, но и факты истории народа, особенности жизненного уклада и мироощущения крестьянина. В условиях глобализации и под влиянием масс-культуры этот языковой материал может бесследно исчезнуть, поэтому собирать и сохранить его чрезвычайно важно.

Сельская микротопонимия в качестве объекта исследования выбрана неслучайно, поскольку она значительно богаче и консервативнее, чем городская. Так, в

сельской микротопонимии представлены разные топонимические классы (микроридронимы, микрооронимы и т.д.), а городскую составляют в основном названия улиц, отдельных зданий или частей города. Сельская микротопонимия складывалась естественным путем, выполняя не только ориентировочную, но и в какой-то мере эстетическую функцию, организуя жизненное пространство крестьянина, поэтому она образна, экспрессивна. Городские же микротопонимы в большинстве своем созданы искусственно, официальные, необразны, идеологически нагружены.

Объектом исследования данной статьи является микротопонимическая система села Ломовка Кулебацкого района Нижегородской области. В качестве методов

исследования использовались: наблюдение, опрос, анализ.

Микротопоним – один из видов топонимов, название небольшого местного объекта, как правило, физико-географического или находящегося внутри поселения (луга, поля, рощи, улицы, топи, пастбища, колодца, ключа, омута, порога и т. д.) [1]. Микротопонимы, как и топонимы в целом, выполняют конкретную функцию, призваны точно обозначить объект как географическую точку. Обычно микротопонимы известны лишь ограниченному кругу людей, проживающих в определённой местности.

Большинство российских ученых при выделении микротопонимов учитывают прежде всего размер именованного объекта, на этот формальный признак указывает сама приставка «микро» [2,3].

Вопрос о классификации микротопонимов всегда был и продолжает оставаться трудным. Науке известно большое количество классификаций микротопонимического материала. На один и тот же объект можно смотреть с разных сторон, выявляя различные его свойства. Большинство лингвистов предлагают классификации микротопонимов на основе следующие признаки: вид называемого объекта; языковая принадлежность; способы и типы называния; мотивированность и немотивированность; структурно-грамматическая оформленность. Являясь неофициальным обозначением объектов, микротопонимы обладают рядом специфических черт: близость к именам нарицательным; неустойчивость; изменчивость; подвижность; бытовая понятность; малоизвестность.

Из церковной летописи, которая ведется в селе Ломовка с 1889 года, известно, что село существует с 8 октября 1889г. (до этого времени село представляло из себя 2-3 постоянных двора). Расположено оно на берегах сразу двух рек - Теша и Ломовь, которая протекает посреди села. Именно от названия этой реки произошло название села: во-первых, река представляет собой изогнутую ломаную линию, а во-вторых, в русле реки также издавна было много «лома» (слово имеет диалектный характер и употребляется в значении «лес, поврежденный ветрами, грозами»). Но из беседы с коренными жителями села стало известно, что существует легенда о том, что название село получило по распоряжению самого Ивана Грозного, когда тот проезжал мимо этих мест, и именно здесь у царя сломалась повозка. Серdito воскликнул он: «Здесь все ломается!» Какая версия является верной и самой правдивой даже в настоящее время остается загадкой.

Первую семантическую группу составляют микротопонимы, в основе названия которых лежит пространственное значение. Самыми интересными, на наш взгляд, являются микротопонимы «пролет», «зарека», «бушуй» и «можай».

То место, где протекает река, среди ломовчан зовется «пролет» (здесь построен мост через реку), но здесь же и место «гуляния ветров». И действительно, на пролете с невероятной силой обдувают ветра и снежные вьюги. По рассказам жителей, живущих рядом с этим местом, здесь не строят дома, так как весной все широкое пространство заливаются талой водой, зато земля в этом месте очень плодородная.

Пролет и река Ломовь разделяют село на две части. Одна половина села получила название Зарека, то есть место, находящееся за рекой (вероятно, как следствие слияние предлога с существительным в выражении «сходить за реку»); интересно, что при употреблении данного существительного ударение может быть, как на первом слоге «сходить Зареку», так и на третьем «живет Зарекой»,

а предлог, как мы видим, в данных словосочетаниях не употребляется. Жители этой части села зовутся «зарековские»: зарековский ученик, зарековский парень и т.п.

Сразу за Зарекой расположена часть села под названием Бушуй, или Конец. Микротопоним Бушуй образован от глагола «бушевать, а история возникновения данного названия связана с небольшим болотом, которое находится на краю села. Ранней весной, когда разливались реки, в это болото бурным потоком стекала вода. Местные жители ходили смотреть на это необыкновенно красивое зрелище. Впоследствии на этом месте прорыли канал, и вода стала уходить тихо и незаметно. Характерно употребление данного микротопонима с предлогом «на»: дом на Бушуйе, живет на Бушуйе.

На окраине села находится место, которое получило название Можай, и жители этой части села зовутся «можайскими». По рассказам коренных сельчан, Можаем называли самое отдаленное место за селом, где могли заблудиться даже охотники; существовало выражение «его послали за Можай», то есть куда-то очень далеко. Примерно в 1967 году, когда пришло время давать названия улицам, местный житель А.И. Мысов решил назвать одну из улиц в честь знаменитого авиаконструктора А.Ф. Можайского. В настоящее время местные жители место, расположенное на самой окраине села и улицу Можайского, по-прежнему называют Можай.

Вторую группу составляют микротопонимы, образованные от собственных существительных (прозвищ людей).

Еще до официального наименования улицы называли по фамилии (прозвищу) первых жителей. Так появились: Бордовка, Ерзоновка, Кленовка, Кобелевка и др. В результате проведенного опроса стало известно, что название Бордовка пошло от человека по прозвищу Бордов (настоящая фамилия И. Угаров); свое прозвище он получил от того, что лицо у него было темно-красным, бордовым от частого употребления спиртных напитков. Название Ерзоновка - от прозвища Ерзон, что в переводе с мордовского означает «лес» или «ручей» (настоящая фамилия А.П. Хазов). Эти и другие улицы давно получили официальные названия, но в народном обиходе продолжают использоваться народные микротопонимы.

Третью группу составляют микротопонимы, возникновения которых связаны с хозяйственной деятельностью людей.

Рядом с Можаем находится еще одно место с необычным и красивым названием Рубленый Бор. В далеком прошлом в этом месте росли самые большие и красивые деревья: сосны, ели, березы, а с началом строительства церкви и частных домов здесь была отведена делянка для заготовки строительного материала. Здесь, прямо на месте, делали срубы для домов, поэтому часто раздавался стук топора. Часть леса вырубали, а в пустынном месте началась постройка жилых домов. Улица получила название Рубленый бор. Однако также существует предположение о том, что когда-то в этом месте стояла небольшая избушка. Местные жители приводили сюда домашний скот для закола, поэтому здесь рубили мясо.

Есть в селе еще одно место, особенно любимое детьми, называется оно Будочка. Историю возникновения этого места хорошо знают жители, которые работали в Ломовском колхозе. По их рассказам установлены следующие факты: когда в селе еще действовал колхоз и нужна была вода для ферм, правление колхоза приняло решение построить насосную станцию на реке Ломовь. Выбрали место на реке и сделали запрудину (слово также диалектное, имеет значение «небольшой водоем»). Чтобы насосы

зимой не замерзали, построили маленькую избушку (в народе ее называли «будка» – слово заимствовано из немецкого языка и переводится как «шалаш, постройка»). Со временем сделали глубинную скважину, и вода стала поступать по трубам. Надобность в насосной станции отпала, но водоем остался и сейчас является самым популярным местом для купания. Будку давно сломали, но жители села до сих пор называют это место Будочка: присоединение уменьшительно-ласкательного суффикса -очк- подчеркивает отношение сельчан к этому месту и употребляется в сочетаниях: отдыхать на Будочке, пойти купаться на Будочку.

С трудовой деятельностью сельчан связано появление Шермякова пчельника. Пчельник находился на развилке двух дорог – Тепловской и Ильинской и принадлежал местному жителю по прозвищу Шермяк (образование произошло от собственного существительного).

Четвертую группу составляют микропонимы, образование которых связано с возведением церковного храма.

С 1889 года в обиходе ломовчан появляется еще как минимум три наименования, история которых связана со строительством церковного храма. По архивным данным, хранящимся в местной церкви, следует, что в январе 1889 года во владения церкви были отведены сенокосные угодья, которые располагались за рекой Теша. Одно поле получило название Попов луг (то есть «принадлежащие попу»). Второе поле располагалось рядом с Проростным ключом - в этом месте бил из земли родник, а около него рос дикий лук, который местные жители использовали в пищу. Так, поле, отданное церкви, получило название «Проростной остров».

Чуть позже возникла необходимость выделить место для сельского кладбища. Расположилось оно на Прошкиной горе, получившей такое название по имени местного жителя Прохора Сычева, которому принадлежали овины, располагавшиеся в этом месте. Овины (сарай для сушки зерна) давно снесены, но в середине кладбища и сейчас можно увидеть небольшую яму, свидетельствующую о месторасположении овинов.

Классификацию микропонимов можно также провести по другим признакам: принципы и способы номинации; мотивированность и немотивированность; структурно-грамматическая оформленность.

Микропонимы села по-разному представляют микрообъекты, отражая их собственные признаки, часто через призму субъективного восприятия жителей села, или их хозяйственную значимость, или отношение к определенным лицам, другим географическим объектам. Все эти разные стороны жизни микрообъекта воплощены в принципах и способах номинации.

Микропонимическая номинация как разновидность ономастической осуществляется по нескольким принципам:

- 1) Физические признаки самого объекта:
 - Размер, форма (Кругленько озеро, Мельчинка)
 - Расположение (Ближние сечи, Дальние сечи, Первая гора, Вторая гора)
 - Внутренние свойства (Чернуха, Бушуй)
 - Характер почвы (Глинка)
 - Растительность (Смородина, Сады)
 - Животный мир (Лошадино кладбище, Журавлиха)
 - Имена и прозвища людей (Прошкина гора, Ильинская дорога, Баронов колодец, Пантюхин омут, Раменовые сечи, Анюхин колодец, Угорова береза)

- 2) Связь микрообъекта с действием и его результатом или местом: Пролет, Рублен бор, Толоконка, Тешенский поворот, Можай, Зарека.
- 3) Отношение данного объекта к другому, смежному или несмежному, наделенному своим собственным именем или нет. В основе появления такого микропонима другой микропоним или топоним. Например: Зарека, Гремяченский остров, За-Теша, Можайский отmel, Святская дорога.
- 4) Определенное отношение к тем или иным лицам-первопоселенцам, владельцам или живущим рядом с соответствующим объектом. При этом лица могут называться по-разному - личным именем, фамилией, прозвищем. Например: Кобелевка, Кленовка, Бардовка, Прошкина гора.
- 5) Социальная оценка соответствующего микрообъекта, его характеристика по значимости в хозяйственной жизни села, по отношению к экономическому укладу страны, мировоззрению жителей. Среди микропонимов, соответствующих данному принципу номинации, много таких, которые отражают ушедший в прошлое уклад жизни, религиозные представления жителей: Смородинка, Сады, Футбольное поле, Поповы луга, Свято озеро, База, Совхоз.

Номинация в целом может быть осуществлена по-разному: с опорой на какое-то другое слово или эквивалент слова. В первом случае получают мотивированные имена, во втором – немотивированные. Первоначально номинация происходит всегда с опорой на какое-нибудь слово, то есть первоначально все слова бывают мотивированными, и лишь с течением времени, в процессе развития языка ряд имен утрачивает опору, мотивацию.

Известно, что в диалектной речи мотивированные микропонимы преобладают. Они содержат в себе отношение к другому слову, образ предмета, явления, лица, названного другим словом, то есть имеют живую внутреннюю форму. Так, например, среди микропонимов села Ломовка можно найти, уже упомянутые, Лошадино кладбище, Журавлиха и др. Микропоним может содержать образное отношение названия к другому на основе сравнения, метафорического сближения признаков. Это такие микропонимы, как Костыли (луг), Нос (луг), Гнездо (луг), Стекляшка (магазин). Это образная мотивированность.

Названия могут отражать и бывшую мотивированность: мотивированный признак уже утратил свою силу, перестал действовать, однако память жителей села его сохраняет: Сады, Смородинка, Совхоз, База, Глинка, Фролкины. В региональной ономастике мотивированность может быть полной, но не безусловной, когда мотивированный признак сохранен, но при передаче его жителем села выражается значение неуверенности, поскольку мотивационная связь возникла давно и передается последующим поколениям по традиции.

Наличие единиц с разной степенью мотивированности свидетельствует о развитии микропонимической системы в целом и составляет одну из ее характерных особенностей.

Микропонимы села по структуре делятся на однословные и составные. Однословные представляют собой один компонент, имеющий простую основу, оформленный по лексико-грамматической модели существительного, то есть имеют категории числа, рода, падежа, склонения, или прилагательного мужского, женского и среднего рода или множественного числа в начальной фо-

рме. Составные микропонимы оформляются как именованное словосочетание типа: Рублен бор, поляна Любви, Можайский отmel, Ильинская дорога, Баронов колодец, Гремяченский остров, Кульпиново болото, Солдатова гора. В качестве первого компонента составных микропонимов используются качественные и относительные прилагательные. Набор их даже в собственно топонимии довольно узок, включает в себя единицы, организованные на основе противопоставлений: Ближние сечи и Дальние сечи, Первая гора и Вторая гора, Широкий просек и Узенький просек. Относительные прилагательные в микропонимах обозначают признак по отношению к лицу, другому объекту или какому-то предмету. Например: Филатова тропа, Митин колодец, Анюхин колодец, Угарова береза, Рамёновы сечи, Кульпиново болото, Можайский отmel, Барские луга, Ильинская дорога. В целом составных микропонимов намного больше, чем одноименных.

Микропонимы – зеркало нашей жизни, в котором

отражаются все изменения происходящие в ней. Микропонимы – это особый языковой пласт слов, в котором хранится история народа, особенности жизненного уклада и мироощущения людей. Это слова, позволяющие заглянуть в историю родного края, увидеть закономерности развития языка, порой заглянуть в его будущее. Этот материал со временем может совсем исчезнуть, поэтому его важно собирать и хранить, как частицу истории нашей страны.

Список использованных источников

1. Микропоним, материал из Википедии – свободной энциклопедии – Режим доступа <http://ru.wikipedia.org>
2. Никонов В.А. Введение в топонимику / В.А.Никонов. М., 1965.
3. Реформатский А.А. Топономастика как лингвистический факт / А.А.Реформатский // Топономастика и транскрипция. М., 1964.

СВЯЗЬ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ И ТИПА ПЕРЕВОДИМОГО ТЕКСТА

Писарихина Анна Сергеевна

к.ф.н., Московский государственный областной гуманитарный институт, г. Орехово-Зуево

Работая над переводом, лингвисту следует учитывать несколько различных факторов, а именно, принимать во внимание к какому типу относится текст, который ему предстоит передать на другой язык. При этом сохраняя в первую очередь содержательную составляющую, а также, в зависимости от типа переводимого текста, его стилистические особенности, национальный колорит и, по возможности, индивидуальный слог автора.

Разнообразие текстов по жанрам, стилям и функциям только усложняет задачу переводчику. В зависимости от того, что предстоит передать на иностранный язык, детскую сказку или поэму, техническую инструкцию или официальный документ, газетную заметку или научную статью, переводчик меняет свои цели и подход к работе, так как закономерности перевода каждого из жанров имеют свои отличия.

Филологи давно пытаются произвести классификацию текстов. Однако многообразие текстов слишком велико, что заметно осложняет работу. В.С. Виноградов предложил подразделять стили языка и речи, исходя из трех основных функций языка: общения, сообщения и воздействия (конечно, у языка есть и другие функции). Такая же идея используется для классификации текстов, так как они относятся к какому-либо стилю речи.

В.С. Виноградов подчеркивает, что стиль материально воплощается в тексте, но, тем не менее, отождествлять эти два понятия нельзя. Стиль – это лексико-грамматическое единство в многообразии текстов, которое оказывается характерным для определенной категории текстов. А раз это так, то при классификации текстов должна учитываться их принадлежность к тому или иному функциональному стилю, хотя жесткая текстовая классификация вряд ли возможна. Речевые стили взаимовлияют друг на друга. Однако в каждом тексте есть нечто определяющее, составляющее его специфику. Это позволяет подразделять тексты на классы. В детальной классификации неизбежно появляются подклассы, виды, подвиды и т.д.

Эквивалентность перевода подлиннику – понятие всегда относительное. И уровень относительности может

быть различным. Степень сближения перевода с оригиналом зависит от многих факторов: от профессионализма переводчика, от особенностей сопоставляемых языков и культур, эпохи создания оригинала и перевода, характера переводимого текста, способа перевода и от много другого [4, с. 18].

Определения эквивалентности у разных лингвистов варьируются в зависимости от их взглядов. Так В.С. Виноградов понимает под эквивалентностью сохранение относительного равенства содержательной, смысловой, семантической, стилистической и функционально-коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и переводе.

В теории переводчик не вносит в текст сообщения элемент своего собственного восприятия, отличного от восприятия этого сообщения тем получателем, которому оно было адресовано. В эмпирике же восприятие переводчика и любого из получателей речи не может быть одинаковым по причине различных личностных, культурных и социальных причин. Так, к примеру, переводчик художественного текста воспринимает текст не как неизвестный среднестатистический носитель языка. И, конечно же, он не может ориентироваться на восприятие двух абстрактных читателей: заграничного и отечественного, т.к. восприятие таких читателей не будет одинаковым.

Главным в любом переводе является передача смысловой информации текста. Все остальные ее виды и характеристики – функциональные, стилевые, стилистические и т.п. – не могут быть переданы без воспроизведения смысловой информации [4, с. 20].

Как уже говорилось ранее, обнаруживается прямая взаимосвязь между типом переводимого текста, способа перевода и степенью эквивалентности.

Л.Л. Нелюбин выделяет следующие типы текстов:

1. перевод газетного текста,
2. перевод статей фельетонного типа,
3. перевод художественной и очерковой литературы,
4. перевод научной и политической литературы,
5. перевод технической литературы,

6. перевод документов,
7. перевод-реферат.

Рассмотрим перевод художественной и очерковой литературы по Л.Л. Нелюбину подробнее [6, с. 87].

Художественный стиль – пожалуй, наиболее полный описанный из функциональных стилей. Но вряд ли можно сделать вывод о том, что он наиболее изученный. Ведь художественный стиль – самый подвижный, творчески развиваемый из всех стилей. Как правило, круг тем затрагиваемых в художественных текстах достаточно ограничен (жизнь человека, его внутренний мир), но средства, которые используются для их раскрытия, неограниченно разнообразны. При этом каждый подлинный художник слова стремится выделиться, сказать что-то по-новому, привлечь внимание читательской аудитории.

Перевод художественной и очерковой литературы должен быть максимально адекватным в передаче образного и эмоционального момента. В таком переводе особенно необходимо творчески передать оттенки настроений и чувств автора, специфичность его стиля. Специализация переводчиков художественных текстов предполагает наличие у переводчика литературного таланта или выработанного у себя навыка преобразовывать свою письменную речь в литературную форму, соответствующую стилю того или иного автора.

Характерные особенности художественной литературы, проявление в каждом случае индивидуальной художественной манеры писателя, обусловленной его мировоззрением, влияние эстетики эпохи и литературной школы, необозримое разнообразие как лексических, так и грамматических средств языка в их различных соотношениях друг с другом, многообразие сочетаний книжно-письменной и устной речи в литературно-преломленных стилистических разновидностях, – все это, вместе взятое, делает вопрос о художественном переводе чрезвычайно сложным и в литературоведческом и в лингвистическом разрезе.

При переводе художественной литературы в той или иной форме всегда возникает задача – воспроизвести индивидуальное своеобразие данного подлинника. Эта черта, роднящая литературу художественную с литературой общественно-политической, проявляется в художественных произведениях с бесконечным разнообразием [8, с. 256].

Для литературы, как для искусства, материалом которого служит язык, характерна особая, часто непосредственно тесная связь между художественным образом и языковой категорией, на основе которой он строится. Другая характерная черта ее – это ярко выраженная национальная окраска содержания и формы, что вполне естественно для литературы, как для отражения действительности в образах, обусловленных этой действительностью. Характерна и печать того времени, когда создано произведение, тесная связь между исторической обстановкой и отражающими ее образами произведения. По отношению к этим особенностям, характерным для художественной литературы, и проявляется индивидуальная манера писателя [8, с. 256].

Специфика каждого из литературных жанров с характерными для него речевыми стилями отражается, естественно, на требованиях к переводу. А.В. Федоров подчеркивает, что и здесь, как при переводе других видов материала, не относящихся к художественной литературе, определяющую роль играют условия речевого стиля того языка, на который делается перевод, т.е. он настаивает на применении принципа воспроизведения функции, а не на

формальной особенности подлинника. Когда при переводе с немецкого языка на русский или с русского на немецкий строение фразы и словарно-вещественное значение слов в диалоге романа или драмы слишком плотно соответствует оригиналу, легко возникает впечатление гораздо более книжной окраски речи, чем это на самом деле имеет место в подлиннике [8, с. 257].

Для большей наглядности рассмотрим примеры из поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» и сопоставим их с переводами. Мы определим, насколько точно переводчики передали трудные для перевода словосочетания, сохраняя стиль автора.

Как несметное множество церквей, монастырей с куполами, главами, крестами, рассыпано на святой, благочестивой Руси, так несметное множество племен, поколений, народов толпится, пестреет и мечется по лицу земли [5, с. 117].

Фл. Лебенштайн так переводит это словосочетание:

... die sich im bunten Gemisch auf der Oberfläche des Erdbodens verbreiten [12, с. 152].

У О. Бюека читаем:

... auf dem Angesicht der Mutter Erde [10, с. 116].

Ф. Оттов дает такой перевод:

... die das Antlitz der Mutter Erde tragt [13, с. 133].

Перевод этого же словосочетания В. Казаком:

... über das Antlitz der Erde [11, с. 146].

В переводе В. Бишицки читаем:

... in buntem Gemisch über das Antlitz der Erde [9, с. 133].

В переводе Фл. Лебенштайна мы сталкиваемся с более книжной окраской речи, чем это хотел показать писатель. Земля олицетворяется у Н.В. Гоголя с живым организмом, именно поэтому у нее лицо. Но Фл. Лебенштайн передает это словосочетание дословно и чересчур буквально – Oberfläche des Erdbodens, где Oberfläche die поверхность [2, т. 2, с. 208], Erdboden der земля, почва [2, т. 1, с. 537]. Фл. Лебенштайн переводит лицо как поверхность земли, земли как грунта, почвы, а не как планеты Земля.

О. Бюек дает другой перевод, используя существительное Angesicht das лицо [2, т. 1, с. 92]. Таким образом, переводчик передает данное словосочетание как лицо матери Земли, что по нашему мнению является эквивалентным оригиналу и соответствует высокому слогу автора.

Из приведенных примеров видно, что в переводах Ф. Оттова, В. Казака и В. Бишицки используется одно и то же немецкое существительное Antlitz. Рассмотрим его значение: Antlitz das лицо, лик, образ [2, т. 1, с. 126].

На наш взгляд, используемое переводчиками существительное das Antlitz является эквивалентным оригиналу и полностью сохраняет стиль автора при переводе на иностранный язык.

Другой пример. В оригинале читаем:

А уж куды бывает метко все то, что вышло из глубины Руси, где нет ни немецких, ни чухонских, ни всяких иных племен, а весь сам-самородок, живой и бойкий русский ум [5, с. 117]....

Проанализируем, как переводчики смогли передать имя собственное Русь и выражение на базе метафоры живой и бойкий русский ум на немецкий язык. Фл. Лебенштайн не дает перевода этого предложения, чем не только не сохраняет стилистическую составляющую, но и теряет часть содержания.

В переводе О. Бюека читаем:

Und wie wunderbar treffend ist alles, was aus den tiefsten Tiefen Russlands emporsteigt, ... ein urwüchsiges Urprodukt des lebendigen wagemutig-kecken russisches Geistes [10, с. 115]....

Ф. Оттов перевел это предложение таким образом:

Wie wunderbar treffend ist doch das alles, was aus jenem tiefsten Inneren Russlands kommt... Solche Kernsprüche sind Erzeugnisse des springlebendigen, urwüchsigen russischen Geistes [13, с. 136]...

Перевод В. Казака:

Wie treffend ist dann aber erst all das, was aus der Tiefe Russlands stammt, ... den lebendigen und kräftigen ursprünglichen russischen Geist [11, с. 146]...

У В. Бишицки такой перевод:

Wie treffend ist dann aber erst all das, was aus der Tiefe Russlands stammt, ... urwüchsiges Volk mit seinem lebhaften schlagfertigen russischen Geist [9, с. 133]...

Предложенные переводы очень схожи. Русь замечается, по мнению переводчиков, синонимичным словом Россия, что уже является ошибкой, так как в современном контексте слово Русь может употребляться в расширенном значении: как обозначение страны, исторической области, на территории которой в настоящее время существуют три государства: Российская Федерация (Россия), Республика Беларусь и Украина. Также использование слова Русь подчеркивает высокий слог, патриотизм писателя.

В том же отрывке Н.В. Гоголь использует метафору «живой и бойкий русский ум [5, с. 117]».

Для перевода сочетания «живой и бойкий русский ум» переводчики применяют разные прилагательные, но для передачи существительного «ум» сошлись на едином эквиваленте Geist der 1. дух, душа; 2. приведение, призрак; 3. ум, образ мыслей [2, т. 1, с. 684].

Основываясь на переводе существительного, а именно на 3-ем значении, можно сделать вывод об эквивалентности этого существительного оригиналу.

При переводе прилагательных «живой и бойкий» О. Бук использует прилагательные lebendig и wagemutig-kecken. Определим значение этих слов по большому немецко-русскому словарю:

lebendig adj.; живой, оживленный [2, т. 2, с. 22].

Составное прилагательное wagemutig-kecken мы рассмотрим по частям.

wagemutig adj. отважный, смелый [2, т. 2, с. 976];

keck adj. 1. дерзкий; 2. смелый; 3. кокетливый, задорный [2, т. 1, с. 983].

Переводчик передал русское прилагательное «бойкий» описательным приемом, используя два слова, «отважно-дерзкий», что, по нашему мнению, является эквивалентным.

Ф. Оттов предлагает прилагательные springlebendig и urwüchsig. Springlebendig adj. 1. живой; 2. резвый, подвижный [2, т. 2, с. 589]; urwüchsig adj. 1. естественный; 2. безыскусственный; 3. стихийный [2, т. 2, с. 844].

Прилагательное springlebendig передает смысл русского прилагательного бойкий и является эквивалентным, в то время как немецкое прилагательное urwüchsig имеет другое значение. Ср.: Стихийный – произвольный, безотчетный, не подчиняющийся воле и рассудку [7, с. 768]. Прилагательное бойкий имеет значения: шустрый, энергичный, деятельный [7, с. 54]. Значения русских и немецких прилагательных в корне различны, т.е. предложенный Ф. Оттовом перевод имеет негативный оттенок, указывающий на безрассудство русского ума. В то время как Н.В. Гоголь вкладывал в это выражение другой смысл. Думается, что этот перевод нельзя считать эквивалентным.

В переводе В. Казака мы встречаем прилагательные lebendig, kraftig и ursprünglich. Значения прилагательных lebendig и kräftig мы уже рассмотрели. Ursprünglich adj. 1.

первоначальный, изначальный; 2. первобытный, исконный [2, т. 2, с. 844].

Принимая во внимание значение прилагательных kraftig и ursprünglich, мы не находим этот перевод эквивалентным оригиналу.

В. Бишицки использует в своем переводе прилагательные lebhaft и schlagfertig. Прилагательное lebhaft является синонимом уже используемому О. Буком lebendig; schlagfertig adj. находчивый [2, т. 2, с. 218].

На наш взгляд, прилагательные бойкий и находчивый нельзя считать эквивалентными, так как слово находчивость передает значение: способность находить выход из затруднительных ситуаций [7, с. 398].

И снова обращает на себя внимание сходство переводов В. Казака и В. Бишицки.

Принимая во внимание все выше сказанное, хотелось бы еще раз подчеркнуть прямую взаимосвязь между типом переводимого текста и эквивалентностью перевода. Художественный текст тем сложнее для перевода, чем ближе он по языковой составляющей к народному быту, чем индивидуальнее автор при выборе средств художественной выразительности, чем сложнее авторские конструкции, чем скуднее и ограниченнее уровень владения иностранным языком переводчика. Выше приведенный анализ очень наглядно подтверждает изложенные аргументы. Так первый из имеющихся переводов «Мертвых душ» выполненный Фл. Лебенштейном является в наименьшей степени качественным ввиду явного недостатка у переводчика знаний русского языка и страноведческой информации. В то время как последний из имеющихся переводов поэмы в наибольшей степени (из всех рассмотренных переводов) эквивалентен оригиналу, не в малой степени из-за имеющихся у переводчика возможностей (интернет, доступ к записной книжки Н.В. Гоголя, возможность посетить родину автора и страну, где разворачивались события поэмы), которые стали доступны благодаря техническому прогрессу. Но, не смотря на все доступные переводчику современные технологии, перевод произведений такого близкого по духу к народу автора как Н.В. Гоголь чрезвычайно сложная и, к сожалению, не всегда удачная работа. Ведь еще В.Г. Белинский писал: «... Гоголь, в этом отношении, составляет совершенное исключение из общего правила. Как живописец преимущественно житейского быта, прозаической действительности, он не может не иметь для иностранцев полного интереса национальной оригинальности уже по самому содержанию своих произведений. В нем все особенное, чисто русское; ни одною чертою не напомним он иностранцу ни об одном европейском поэте [1, электронный ресурс]».

Список литературы

1. Белинский В.Г. Перевод сочинений Гоголя на французский язык [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/belinsky/belinskiy_perevod_sochineniy_gogolya.html (дата обращения: 27.12.2014).
2. БН-РС: Большой немецко-русский словарь / Langenscheids Großwörterbuch Deutsch-Russisch. – М.: Астрель, 2002. – Т. 1, А–К. – 1120 с.; Т. 2, L–Z. – 1216 с.
3. Виноградов В.С. Перевод: Общие и лексические вопросы. – М.: КДУ, 2004. – 240 с.
4. Виноградов В.С. Перевод. Романские языки: общие и лексические вопросы. – М.: КДУ, 2009. – 238 с.
5. Гоголь Н.В. Мертвые души. – М.: Фонд «народная книга», 2007. – 412 с.

6. Нелюбин Л.Л. Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект): учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 216 с.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., доп. – М.: ИТИ Технологии, 2008. – 944 с.
8. Федоров А.В. Введение в теорию перевода. – М.: Изд-во Лит-ры на иностранных языках, 1953. – 336 с.
9. Gogol N. Die toten Seelen / aus dem Russischen von V. Bischitzky. – Düsseldorf: Artemis & Winkler, 20091. – S. 515.
10. Gogol N. Die toten Seelen / aus dem Russischen von O. Buek. – Wien: Büchergilde Gutenberg, 1956. – S. 415.
11. Gogol N. Die toten Seelen / aus dem Russischen von W. Kasack. – Stuttgart: Reclam Bibliothek, 20092. – S. 595.
12. Gogol N. Die toten Seelen / aus dem Russischen von Ph. Löbenstein. – Zürich: Diogenes, 1977. – S. 367.
13. Gogol N. Die toten Seelen / aus dem Russischen von F. Ottow. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2005. – S. 523.

ДИМИНУТИВНЫЕ МОДЕЛИ НОМИНАЦИИ ЛИЦА С ГЕНДЕРНЫМ И ВОЗРАСТНЫМ ИНДЕКСОМ

Резниченко Лариса Юрьевна

Канд. фил. наук, доцент кафедры английской филологии и лингводидактики Северного (Арктического) Федерального университета им. М.В. Ломоносова г. Архангельск

Определенную актуальность для исследования диминутивности представляет извлечение информации о репрезентации свойств человека, характеризующих его с позиций ценностных установок, стереотипов в общечеловеческом плане и с точки зрения лингвокультурной специфики. Наибольшую наполняемость среди выделенных в ходе анализа ЛСГ по количеству диминутивных единиц в трех языках (английском, немецком и русском) имеет группа “наименование лица”, что подтверждает антропоцентрическую направленность категории диминутивности и ее связь с антропо и эгоцентризмом речемыслительной деятельности. Е.С.Кубрякова рассматривает акт номинации как важнейшее понятие речевой деятельности, характеризуя его как “речемыслительный процесс, направленный либо на выбор существующего в языке готового обозначения для именуемого явления и мысли об этом явлении, либо на создание подходящего названия для него” [1; с. 37]. Говоря о статусе номинаций лица, намечается возможность их деления в соответствии с выполняемыми функциями: номинативная и коммуникативная функции, идентифицирующая, характеризующая, социально-различительная, экспрессивно-оценочная и др. Категория лица представляет одну из основных категорий называния, а понятие “человек” принадлежит к базовым культурным концептам. В широком смысле номинация связана с описанием и обозначением психических состояний, качеств, отношений, чувств, эмоций, - всего, что соотносится с квалификационной сферой познавательной деятельности человека. Таким образом, наименования лица представляет одно из наиболее информативных языковых средств, обеспечивающих доступ к концептуальной и лингвокультурной картине мира. В этой связи осуществляется попытка установления сходств и отличий во внутренней мотивации способов диминутивной номинации лица в исследуемых языках, определении их прагматического потенциала и их лингвокультурных и социокультурных особенностей. Поло-возрастная идентификация связана с механизмом когнитивного осмысления признаков пола и возраста. Номинаций, характеризующих лицо по возрастному признаку, много как в английском, так и в немецком языке. Все они передают близкое к прототипическому, ядерному значению “молодость\малость лица”. К мужским номинациям в немецком языке относятся шутивно-ироничные коннотации, реализующиеся в номинациях, где возрастной индекс выходит за пределы детскости:

нем. Grünling – зеленый, юнец; молокосос, Jüngling – юноша, англ. yearling – юноша подросток курсант первого курса (военного училища). Мужские детские номинации в немецком языке обладают большой вариативностью: Bübchen – мальчуган; малыш; карапуз. Гипероним Bübchen объединяет следующие номинации, актуализующие положительную коннотацию, экспонирующую ласкаемость: Bubi, Kerlchen, Kleinchen, Mätzchen; а также диалектные варианты, оформленные другими диминутивными суффиксами – Mickerie, Krümel; Purzel, Luzi.

В английском языке диминутивные номинации детей мужского пола менее распространены: chappie – паренёк; парнишка, laddie – мальчуган; паренёк, в разговорном языке функционируют bubby – малыш, мальчуган, caddy – мальчик, а также существует ряд сленговых номинаций типа swoony – красивый мальчик.

Эстетический тип оценки в мужских диминутивных номинациях немногочислен, ограничен следующими характеристиками “невысокий рост” – Pfäfflein, Hutzelmännchen; “щегольство” – Schickimicki, “худоба+физическая слабость” – Hänfling; “полнота” – Feistling. В женских возрастных номинациях напротив чаще прослеживается эстетический тип оценки, связанный с оценкой привлекательности.

Женские номинации в английском имеют слабую возрастную дифференциацию, могут употребляться как относительно маленьких детей, так и девушек, женщин: baby, girlie, lassie; popsy; popsy-wopsy, sissy, catling – ласкат. – кошечка не часто о девушке, pussy – киска котик; заяц, употребляемое также в табуированной лексике, – соблазнительная бабёнка. (ср. в немецком – ласковое обращение к маленьким детям – Pusselchen); puggy, moggy – кошечка; лапушка; Bunny – девушка, old girl – старуха (о девушке), babe – (к маленьким девочкам и девушкам) tootsie. При этом указанные номинации, употребляемые по отношению к взрослым женщинам, маркируют женскую привлекательность, сексуальность (несуффиксальная модель также предлагает разнообразие номинаций, но сема малости реализуется лишь в некоторых: chit of a girl, young thing – юное создание, шутол. девочка; девчушка; молодое существо (о ребёнке или девушке)). В обращениях функционируют: baby, deary\ie, darling, sweety\ie, lovey, hinny – милая; голубушка.

Женские номинации в немецком типа junges Mädchen\Jungmädchen, Mädlein – девочка; девушка

ощущаются как устаревшие, поэтические. В разговорных номинациях реализуется дифференциация лица по свойству (характер, поведение, внешность): Schmeichelkätzchen – кошечка, котёнок (о ласковом ребёнке, чаще о девочке); также шутливо-ироничное - подлиза; Mauerblümchen - девушка, которую никто не приглашает на танец, маленькая женщина, Frauchen - бабёнка; Häschen (зайка) - привлекательная женщина; Tussi – ярко накрашенная девушка; hässliches Entlein – непривлекательная женщина; Mannweibchen – мужеподобная женщина. В обращениях функционируют: mulne Maus - любушка моя; Herzliebchen, Herzchen – душенька; Täubchen (устар.), Feinsliebchen – голубушка; фамильярное - Mäuschen.

В русском женские номинации многочисленны: девонька, девчушка, молодушка, зазнобушка, милушка, любушка, лапушка, ладушка, душка (душенька), голубушка – имеют слабую маркированность по возрасту.

Гендер неидентифицирован в номинациях “уни-секс” с обобщенным значением ребенок (одинаково обозначающих девочек и мальчиков). Такие номинации в английском и немецком языках преимущественно связаны с наименованием лица, где доминирующей является сема возраста, передающая молодость лица – англ. nestling - a young person of either sex., нем. Nestling <(д.н. Nestlinc); Zögling, нем. Pflegling, Schützling, Mündel - воспитанник(ца); нем. Findling, англ. foundling, нем. Erstling, англ. Firstling.

В английском таких номинаций больше: kinchin - мальчишка; девчонка (ребенок), fingerling - крошка, рыбка, kidling – малыш, крошка.

Определенное количество аналогий в английском и немецком языках свидетельствует об общности модели в рамках одной группы языков, не только на морфологическом уровне, но и об унифицированности когнитивного механизма. Внутри группы в диапазоне малости для английского языка характерен также ряд дифференциаций: возрастная дифференциация по шкале очень маленький – средний – маленький: suckling - очень маленький ребенок (от рождения до 1 года), который еще не начал ходить и говорить; kiddy – маленький ребенок; nursling, reckling - младший ребёнок в семье. Диалектные номинации: babby \ bubbu; kiddy(ie); шотл. bittock.

В рамках модели возможно включение дополнительной, дифференцирующей семы: changeling - подкидыш; fosterling - приемный ребенок, urchin - poor and often mischievous city child (уличный ребенок). В данной подгруппе встречаются очень оскорбительные детские номинации характерные только для английского, имеющие, в том числе, рефлекс расовой дискриминации и нетерпимости: picapippu – оскорбительное, этнически маркированное – чернокожий ребенок; bantling - презр. отродье, выродок (о ребёнке). Идентичной номинацией для

английского, немецкого и русского языков, обозначающей маленького, симпатичного младенца является русск. – ангелочек; англ. - angelet; нем. – Angelein.

В русском к номинациям детей относятся гендерно-неидентифицированные номинации типа: деточка, малышка, ребеночек, годовичок, последыш. В обращениях функционируют зоонимы типа котенок, рыбка, зайчонок, зайка, реже мышонок, крольчонок (данные номинации также функционируют как женские номинации, недифференцируемые по возрасту). Процентное соотношение детских номинаций, образованных по суффиксальной диминутивной модели меньше, чем образованных другими способами, однако, в речи обращенной к детям (или их описывающей) больше используются диминутивы суффиксальной модели как кванты эмоций.

Номинации, связанные с наименованием лица по пожилому возрасту единичны. В немецких номинациях Alterchen - старичок, Altchen – старушка маркируется фамильярность, характеризующая речевое поведение адресанта, как излишне непринужденное, развязное, по отношению к адресату даже в косвенной речи. Менее фамильярны номинации тип aaltes Männchenein, altes Mütterchen; оскорбительной является – нем. Nutzelweibchen - маленькая сморщенная старушонка (ср. русские номинации с мелиоративной коннотацией: старичок/старушка и с пейоративной коннотацией - старикашка/старушонка). Такая дифференциация внутри одной модели невозможна в германских языках, но возможна в славянских, в частности в русском.

Аналогичные для всех языков номинации: granny, Grossmutterchen, бабулечка, употребляемые в отношении незнакомых людей, являются фамильярными. Однако данные номинации не несут уничижительной коннотации, хотя и могут восприниматься как обидные (на основе импликации “вторжение в личную сферу, сферу родственных отношений”), в связи с этим они имеют рестрикцию по сферам употребления.

Английские номинации могут употребляться независимо от возраста: elderling, oldie - разг. "старушка"; old girl – старушка (независимо от возраста); женщина (независимо от возраста). В разговорном варианте американского варианта английского granny получает дополнительную культурно-специфическую коннотацию - глупая, суетливая женщина (ср. также в лексико-синтаксической модели - little old ladies in tennis shoes - "старушки в кедах", - крайние реакционерки, простые американские женщины (в основе - семантическая связь простой - легкий - маленький).

Список литературы

1. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. – М.: Наука, 1986. -159 с.

ЭПОНИМЫ В РУССКОМ, НЕМЕЦКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Буркова Т.А., Ртищева Н. М.
БГПУ г. Уфа

Данная статья посвящена изучению эпонимических русских, немецких и английских единиц как неотъемлемой части профессиональной лексики современной науки. Согласно определению Ю.С. Степанова, наука – это особая сфера разделения труда человечества, специальной задачей которой является приобретение и фиксирование

знаний, а также изобретение новых средств для этого [5, с 132]. Особый пласт лексики, который вызывает интерес для изучения когнитивных процессов, присущих всем этапам развития науки называется эпонимией [1, с 89].

Эпонимы – это термины, образованные от имен

собственных. Эпонимию рассматривали достаточное количество ученых-лингвистов, а также представители других научных. В настоящее время эпоним – это не личное имя, давшее название объекту или процессу, а название самого объекта или процесса. Слово «эпоним», теперь уже как лингвистический термин, входит в ряд «антоним», «синоним», «омоним», «пароним», «топоним». В то же время лингвистический термин «эпонимия» означает «образование новых слов на основе имен собственных» [4, с 603].

Вопросам эпонимии также посвящены работы М.Г.Блау, справочники В.Н.Губина, С.Б.Королева и Р.П.Самусева, словарь под редакцией Л.П.Чурилова, словари В.Д.Рязанцева и Е.М.Какзановой.

В качестве предмета исследования мы взяли те термины, которые были названы по имени кого-либо, например, ученого, впервые открывшего данное явление или единицу измерения. Мы провели семантический анализ структуры английских, немецких и русских эпонимических единиц, а также рассмотрели средства словообразования при формировании терминов-эпонимов.

В любой научной области постоянно происходит называние вновь открытых явлений и единиц измерения в честь ученых, занимавшихся этими вопросами. В качестве антропонимической основы для терминов могут выступать реальные или мифические персонажи. Например,

Нобелевская премия (названа по имени учредителя, шведского инженера-химика Альфреда Бернхарда Нобеля); промышленные концерны: Daimler-Benz (позже Daimler-Chrysler) по именам: Gottlieb Daimler и Karl Benz, Ferrari – основатель Enzo Ferrari. Термин дизель был запатентован немецким изобретателем Рудольфом Кристианом Карлом Дизелем в 1893 г. Ртутный термометр Фаренгейт происходит от фамилии немецкого физика Габриеля Даниэля Фаренгейта, шкала Цельсия по имени шведского астронома Андерса Цельсия.

Рисование силуэтов по одной из версий было придумано французским министром финансов Этьеном де Силуэтом, жившим в XVIII веке.

Термины-эпонимы в основном появляются в результате присвоения этих названий благодарными пользователями как «языковые памятники» выдающимся ученым, изобретателям, врачам. Самое широкое распространение получили термины в таких областях знания как медицина и физика. Еще из школьного курса у всех на слуху такие термины из физики, химии и медицины, которые универсальны в русском, английском и немецком языках, как

физика: Ампер (анг.яз the Ampere, нем.яз. das Ampere); Герц (анг.яз the hertz, нем.яз. das Hertz); Джоуль (анг.яз Joule, нем.яз. Joule); Ньютон (анг.яз the newton, нем.яз. das Newton); Ом (анг.яз the ohm, нем.яз. Ohm); Вольт (анг.яз the volt, нем.яз. das Volt); Кулон (анг.яз the coulomb, нем.яз. das Coulomb); Кюри(англ.яз the curie, нем.яз. Curie); Ватт (анг.яз the Watt, нем.яз. das Watt).

химия: Бозон Хиггса (анг.яз the Higgs boson or Higgs particle, нем.яз. das Higgs-Boson oder Higgs-Teilchen); Дизель (анг.яз diesel, нем.яз. Dieseldieselkraftstoff (auch Diesel oder Dieseldieselöl), Фаренгейт (анг.яз Fahrenheit, нем.яз. Fahrenheit); Броуновское движение (анг.яз Brownian motion, нем.яз. Brownsche Bewegung).

медицина: Рентген (анг. яз Röntgen or Roentgen нем. яз Röntgen oder Roentgen), Пастеризация (анг. яз Pasteurisation, нем. яз Pasteurisierung [pastøri'zi:ron] oder Pasteurisierung); Морфин (анг. яз Morphine, нем. яз Morphin) Гипноз (анг. яз Hypnosis, нем. яз Hypnose), Кесарево сечение (анг. яз A Caesarean section (often C-section, нем. яз

Kaiserschnitt, der Sectio caesarea), Синдром Мюнхгаузена (анг. яз Münchhausen syndrome, нем. яз Das Münchhausen-Syndrom), Клятва Гиппократата (анг. яз The Hippocratic Oath, нем. яз Der Eid des Hippokrates), Ахилесово сухожилие (анг. яз The Achilles tendon, нем. яз Die Achillessehne), Сиамские близнецы (анг. яз "Siamese twins" нем. яз Siamesische Zwillinge), Никотин (анг. яз Nicotine, нем. яз Nikotin), Синдром Дауна (анг. яз Down syndrome (DS) or Down's syndrome, нем. яз Das Down-Syndrom), Болезнь Альцгеймера (анг. яз Alzheimer's disease (AD), also known as Alzheimer disease, or just Alzheimer's, нем. яз Die Alzheimer-Krankheit (AK) (lateinisch Morbus Alzheimer), Метод Доплера (анг. яз Doppler spectroscopy).

Наши статистические данные показывают, что самая большая доля эпонимов приходится на область физики, а именно на единицы измерения. Вторые по количеству – это медицинские термины, обозначающие названия заболеваний. Нами приведены примеры названий болезней или синдромов в медицинской терминологии, изобретений в технике, единицы измерения или физические законы.

Для максимальной универсальности и доступности, подобные термины идентичны во многих языках, например в английском и немецком. Они различаются только графически – в силу применения транскрипции и транслитерации при переводе терминов с одного языка на другой. Объект, на который перешло личное имя является эпонимом.

В научно-технической среде распространены эпонимы, которые соотносятся с именами ученых, сделавших открытие:

- дизельный двигатель / the diesel engine (Rudolf Diesel)
- болезнь Альцгеймера / Alzheimer's disease (Alois Alzheimer).
- аппарат рентген – по фамилии немецкого изобретателя Roentgen.

Так как в английском языке имена собственные (они́мы) пишутся с заглавной буквы, то и при написании эпонима по умолчанию эпонимичная часть термина пишется с заглавной буквы.

Нами было выделено несколько способов формирования эпонимов. Самым типичным способом для русского языка служит создание словосочетаний. Подобные научно-технические термины с эпонимами в русском языке образованы суффиксальным способом.

Еще больше в области эпонимии в русском языке насчитывается сочетаний существительного с существительным. Их можно разделить на сочетания, разные по семантике и форме. Например, чаще всего встречается форма существительное + существительное в родительном падеже: телескоп Галилея, реакция Манту, уравнение Гаусса, закон Ньютона. Анализ подобных примеров показывает, что среди терминов встречается семантически разные случаи, когда терминологическая связь представлена общенаучным термином или, когда это – узкоспециальный термин. Этот факт не влияет на структуру термина-эпонима, но он важен для отделения эпонима и формулировки определения.

Также термин-эпоним может быть образован безаффиксным способом от имени собственного (антропонима или топонима) путем метонимического переноса:

- ампер – единица измерения силы электрического тока, названа по имени французского физика Андре Ампера;
- кюри – единица радиоактивности, названа в честь Марии и Пьера Кюри.

- вольтметр – прибор для измерения напряжения электрического тока, назван по фамилии итальянского физика Алессандро Вольты, одного из основоположников учения об электричестве.

Что касается английского языка, то в нем, как показали исследования В.А. Иконниковой, существуют все перечисленные при анализе русского материала структуры эпонимов. В английском языке эпонимы традиционно делятся на шесть структурных типов: простые эпонимы, составные и атрибутивные конструкции, эпонимы, образованные суффиксальным образом, с помощью притяжательного падежа, путем сокращения слов и словослияния. Простые эпонимы – имена собственные, переведенные в категорию имен нарицательных; В составном существительном эпоним неизменяемого типа исполняет роль определения нарицательного существительного.

В английском языке, также как и в русском, широко распространена структура существительное + существительное в родительном падеже. Это объясняется тем, что хотя эпонимы представляют собой притяжательные существительные, образованные от имен собственных, структурно они употребляются в качестве прилагательных, и поэтому не имеют притяжательного значения. Например, чаще всего такие термины употребляются в современной медицинской литературе.

Эпонимические именованья составляют значимую часть терминосистемы, т.к. благодаря наличию имени

собственного в составе термина, он может являться единственно приемлемым, термины-синонимы не всегда отражают сущность понятия, а определение понятия с помощью многословной описательной конструкции не является удобным.

Таким образом, эпонимы представляют собой неотъемлемую часть технической и научной терминологии. Характерная черта эпонимов, образованных от имен исследователей науки выражается в их основной функции – замене длинных описательных конструкций более краткими терминами.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. - 2-е изд., стер. - М: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. - 571 с.
2. Блау М.Г. Судьба эпонимов: 300 историй происхождения названий. М.: Энас, 2010. – 272 с.
3. Губин В.Н. Эпонимы в кардиологии, ангиологии и ревматологии: Справочник. СПб, Фолиант, 2003. – 541 с.
4. Стариченок В.Д. Большой лингвистический словарь / В.Д. Стариченок. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. – 811 с.
5. Степанов Ю.С. (сост.) - Семиотика. Антология...: 2001.

К ВОПРОСУ О ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ ПОНЯТИЯ «НОРМА» В СОВРЕМЕННОМ ЛИНГВО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Седых Дина Викторовна

ст. преподаватель кафедры иностранных языков, г. Кемерово

В современном международном мире в условиях политической и экономической нестабильности частое обращение к понятию «норма» становится закономерностью. Прецедентность использования данного понятия очевидна во всех контекстах реальной действительности. Рассмотрим понятие «норма» в ее лингво-культурологическом контексте.

Несомненно, одним из важных факторов развития человеческого сознания является язык и речь. Важно отметить такую уникальную особенность человеческого языка как способность к аккумуляции общественного знания в историческом аспекте действительности. В результате, язык всегда становится носителем и отражением общественного сознания.

Каждый человек в ходе индивидуального развития через овладение языком (или несколькими языками) общается к коллективному сознанию, что формирует его как личность и оказывает непосредственное влияние на его психологическое развитие. Не случайно, по мнению А.Н. Леонтьева, смыслы и языковые значения оказались основными образующими элементами человеческого сознания. Таким образом, многогранная природа человеческого языка и психики закономерна и противоречива одновременно.

Речь начинает проявляться как язык в действии, как форма существования индивидуального мышления. Фиксированные в языке общественные и индивидуальные значения становятся отражением общественного опыта, проникая через призму индивидуальных мотивов, устано-

вок и целей человека. Речь начинает выступать медиатором чувственного и смыслового (семантического, фоносемантического) содержания. Носителем значения всегда служит данный в восприятии или представлении человека чувственный образ – слуховой (звучание) и зрительный (графический). Так как язык представляет собой образно-знаковую систему. Образ приобретает психологическое воздействие в процессе языковой коммуникации, где чаще всего основным в слове является семантическое содержание. В данной системе все образы и знаки упорядочены и структурированы. Как правило, они функционируют согласно определенным языковым правилам и нормам, нуждающимся в постоянном исследовании. Так что же такое языковая норма?

Языковая норма (норма литературного языка) – совокупность традиционных правил, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации, общепринятые нормы устной и письменной речи для данной эпохи. Различают два основных вида языковых норм: 1) директивные (императивные) – нормы, обязательные к употреблению для всех членов общества, например, орфографические; 2) вариативные – нормы, допускающие варианты написания и произнесения слов, например, ветры-ветра и т.д.

Следует подчеркнуть, что деление языковых норм происходит по языковым уровням. Выделяют нормы лексические, морфологические, синтаксические и т.д. Понятие «языковая норма» неразрывно связано с понятием правильности речи, где форма нормализации языковых

явлений четко проявляется в процессе кодификации. Кодификация – это упорядочение единиц языковых норм. Известно, что средствами процесса кодификации считаются словари, справочники, учебные пособия о правилах употребления языковых единиц, методические разработки по данной проблематике. Изучением языковых норм занимались многие ученые, среди которых Л.В. Щерба, С.И. Ожегов, В.И. Чернышев, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Д.И. Розенталь, А.А. Леонтьев и др. Л.В. Щерба в своих работах отмечал, что «только безупречное знание языка грамматически дает возможность почувствовать всю прелесть отклонения от правил».

Основными свойствами языковых норм принято считать:

- объективность;
- обязательность;
- устойчивость;
- историческую изменчивость.

Особое внимание следует уделить исторической изменчивости или языковой адаптивности. Очевидно, что как любое историческое явление подвержено изменениям под воздействием различных факторов, так и языковая норма за последние годы претерпевает ряд существенных изменений. Актуализируются следующие современные тенденции, характерные для всех языковых уровней:

- «сближение», взаимодействие норм письменной и устной речи (во многих случаях наблюдается доминирование устной речи); взаимосвязь книжных и разговорных стилей, их взаимопроникновение при сохранении принципиальной дифференцированности;
- рост вариантности языковых средств в пределах допустимой нормы;
- дифференцированность и избирательность нормы применительно к различным речевым контекстам – ситуациям (ситуативная обусловленность);
- ослабление позиции нормы в сторону ее демократизации.

Согласно последним исследованиям, основными факторами, способствующими возникновению перечисленных языковых тенденций, являются активная позиция средств массовой информации, интернет источников, что обуславливает общую компьютеризацию всех основных процессов социально-экономической деятельности человека. Отмечается частое использование заимствований, преимущественно англицизмов, что является результатом социально-профессиональной и культурологической мобильности.

На современном этапе языковой эволюции наблюдается смена коммуникативной парадигмы, в следствии чего диалог (полилог) сменяется монологом. Необходимо выделить языковые изменения при организации общения. Существенную роль играет устная речь при расширении ее коммуникативных функций. Происходит диалогизация

общения (развитие новых видов и форм диалога). Многими авторами отмечается плюрализация общения (формирование традиций существования разных точек зрения, демократизация мнений через обсуждение) и персонификация общения (рост индивидуальной неповторимости личностного дискурса в коммуникативном пространстве языка).

Под влиянием экстра-лингвистических факторов произошли существенные изменения в области лексики и фразеологии русского языка. Изменилось коммуникативное ядро (совокупность наиболее частотных коммуникативно-значимых лексических и фразеологических единиц, употребляемых во всех коммуникативных сферах) русского лексикона. Активизировалась лексика рыночной, экономической, юридической и политической сферы, искусства, fashion – индустрии, шоу – бизнеса и т.д. Стабилизировалась демократическая, рекламная, коммерческая, Internet – лексика. Значительно увеличилась доля проникновения лексико-фразеологических заимствований (инвергенция). Основная масса заимствований принадлежит англицизмам.

Претерпевая ряд качественных, количественных и функциональных изменений, система русского языка сохраняет свою системную и структурную целостность, устойчивый характер функционирования и свою внутреннюю языковую идентичность. Семантический характер речи обуславливает возможность ее использования для сознательного общения в любом коммуникативном пространстве посредством обозначения своих мыслей и чувств.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова – 2-е изд., исправленное. – М.: Языки русской культуры, 1999.
2. Виноградов, В. В. Наука о языке художественной литературы и ее задачи / В. В. Виноградов. – М., 1958.
3. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – 7-е изд. – М., 2010.
4. Леонтьев, А. А. Психология общения / А. А. Леонтьев. – М., 1999.
5. Ожегов, С. И. Словарь русского языка; 22-е изд. – М., 1997.
6. Прохоров, Ю. Е. Русское коммуникативное поведение / Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин – М., 2002.
7. Розенталь, Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке / Д. Э. Розенталь. – М., 2012.
8. Стернин, И. А. Практическая риторика / И. А. Стернин; Академия, 2008.
9. Стернин, И. А. Что происходит с русским языком / И. А. Стернин; Туапсе, 2000.
10. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба – Л., 1974.
11. Язык и действительность. Сборник научных трудов памяти В. Г. Гака: (сборник). – Л., 2007.

ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ЛУННОГО ВРЕМЕНИ НАРОДА МАРИ (В НОМИНАЦИИ ЛУННЫХ ФРАЗ)

*Семёнова Валентина Валерьевна
аспирант Тартуского университета, г. Тарту*

Практически все языки мира имеют достаточное количество возможностей для обозначения восприятия временных характеристик действий и событий, поскольку

время относится к числу фундаментальных онтологических категорий [7].

Время может быть выражено в различных формах

и всевозможными средствами. Наряду с грамматикой времени, в которой особое значение имеют временные формы глагола, большую роль играют также лексические средства, которые служат для репрезентации времени [2].

С глубокой древности циклическое видоизменения Луны от узкого серпа до полного диска привлекало внимание людей. Изменения вида ночного светила ученые называют сменой лунных фаз.

Изначально народ мари пользовался лунным времяисчислением, имел свой лунный календарь, который в дальнейшем был заменен солнечным. Месяцы у народа исчислялись неизменно с новолуния [11]. Лунное время представляет собой последовательно чередующиеся фиксированные временные отрезки. Для каждого такого временного периода существует своя терминология.

В астрономической науке различают четыре основных фазы Луны: новолуние, первая четверть, полнолуние и последняя четверть.

Теоретическим материалом для данного исследования явились научная работа О.В. Чёха [8], которые оказали влияние на содержание работы.

Практической основой для настоящей статьи главным образом послужили материалы, полученные в ходе работы с архивом А.Е. Китикова, хранящейся в центре-музее им. Валентина Колумба (г. Йошкар-Ола) (2014 г.), а также в текстах примет, встречающихся в печатных периодических изданиях [9], фольклорных сборниках [1; 3; 4; 5], словарях [6]. Дополнительным материалом послужили записи, собранные автором в лингвистических экспедициях. По результатам таких экспедиционных работ у марийцев широко распространены три фазы Луны: у «новой», когда луна имеет форму полукруга с выпуклостью с левой стороны, тичмаш «полная» во время полнолуния и тошто «старая», которую большинство информантов характеризуют как небесное светило в виде буквы «с».

В народном сознании имеет место быть деление лунного цикла на пять фаз: у «новый», кушшо «растущий», тичмаш, пугынь «полный», пытыше «убывающая», тошто «старый».

Также для нашего исследования интересен сам термин «фаза Луны», как это понятие выражается в марийском языке. В десятитомном словаре дается термин «фа́зе», как «отдельная стадия или момент в развитии и изменении какого-либо явления или процесса», и приводится пример: Тылзын фазыже-влак «фазы Луны» [6].

Результаты опроса наглядно доказывают, что термин «фа́зе» не знаком большинству представителей старшего поколения, или никогда не использовался ими, в отличие от современной молодежи. Автор данной статьи во время интервьюирования общался с информантами на марийском языке, и когда беседа заходила на тему «Луна и ее лунные фазы», то термин «фа́зе» приходилось интерпретировать следующими образом: тылзын тёрлõ улмыжо «разное состояние луны», тылзын вашталтмыже «изменения луны», тылзын йыжынже «этап, период луны»; вопросом Тылзе могай лийын кертеш? «Какой может быть луна?», который всегда сопровождался иллюстрациями. На наш взгляд, для фазы Луны уместно использовать следующие обозначения: Тылзын фазыже «фаза Луны» и Тылзын вашталтмын (посна) йыжынже «(отдельная) стадия изменения Луны».

Для языкового выражения лунного времени марийцы используют разнообразную номинацию, в которых народ четко фиксирует физические и функциональные характеристики месяца. В номинации четко прослеживаются антропоморфные черты. Луна, как человек, рождается, растет, стареет и умирает.

Описание перехода лунного времени из одной фазы в следующую отличается достаточным количеством всевозможных глаголов: вашталташ «меняться», вончаш «переходить», толаш «приходить», каяш «уходить». Здесь сразу следует отметить, что марийский язык богат составными глаголами, которые служат для конкретизации видового значения (длительности или завершенности действия). В связи с этим для изображения смены одного промежутка лунного времени другим, используются в большей мере составные глаголы вашталт(ын) каяш «уходить меняясь», катлен (каткален) каяш «отломиться», вашталт(ын) толаш «приходить меняясь», которые сформировались из сочетания деепричастия на -ын, -ен со вспомогательными вышеуказанными глаголами каяш «идти», толаш «приходить» со значением «долго», «постепенно», «нарастая».

Динамика нарастания и убывания ночного светила отражены в глаголах шочаш «рождаться», кушкаш «расти», темаш «наполняться», катлаш «отламываться».

Для создания дополнительной семантических моделей именованная лунных фаз используется размер, величина месяца (лоптыра «большой», лóза «полный, тучный», вичкыж да чатка «тонкий и аккуратный»), объем (тичмаш «полный», тич «полный», пугынь «весь, целый», катлыше «отколотый», пытыше «исчезающий»), форма (йыргешке «круг», сорла «серп»), цвет (ошо «белый», ший «серебряный»), четкость проявления на небе (вудака «тусклый», яндар «чистый», лаптыранше «расплывчатый», волгалтше «светящийся»), положение на небе (комдык «на спине», «вверх рожками», кумык «лицом вниз», «рождками вниз»; печанше «огороженный»), привязанность месяца с чем-либо (сергам/кёржым чийыше «с серьгой», ведра дене «с ведром»).

Традиционно у марийцев лунный цикл разбит на две половины, где четко обнаруживаются бинарные соотношения между у «новый» и тошто «старый». Для марийской традиционной языковой номинации данный «возрастной» признак является основным.

Каждодневное наблюдение народа над природой помогло им подметить определенную связь явлений в природе, а это, в свою очередь, способствовало возникновению рациональных примет. На наш взгляд система номинации лунного цикла появляется наиболее четко через призму народных примет. Приметы являются одним из самых распространенных жанров фольклора. Они являются своеобразным народным календарем, основанном на мудрости и опыте предков мари. Приводимые в работе тексты примет даны как в оригинале, так и в смысловом переводе на русский язык. Мы не ставили своей задачей дать научное обоснование тем или иным явлениям, описываемых в марийских народных приметах. Подобная работа должна быть выполняться совместно усилиями компетентных специалистов.

Марийские наименования звездных объектов (космимы и астронимы), а также понятия и термины, связанные с ними, сложились в течение долгого времени под влиянием различных факторов [8]. В них отражается история народа. Через контекст народных примет можно раскрыть иные признаки, которые приписываются к фазам Луны. Стоит отметить, что часто они никак не отражаются в терминологии, тем не менее, это не лишает их ценности в раскрытии народных представлений лунного времени, придать сопутствующее значение языковым единицам новый и старый.

1. Новый – холодный ↔ старый – теплый.

Известно, что противоположное солнцу образ луны во многих народных культурах символизирует как ночное

светило, которое освещает, но не греет. Новолуние ассоциируется с холодом. Абстрагируясь от ночного светила, действительно для человеческого существа все новое, неизвестное кажется далеким, холодным и пугающим. Учитывая выше сказанное, происходит усиления признака холодный для этой лунной фазы, хотя в терминологии это никак не проявилось.

- У лум у тылзын коеш гын, теле йўштō лиеш.

Первый снег выпадает в новолуние – ожидается холодная зима.

- Тылзе комдык шочеш – теммешкыже йўштō лиеш.

Родится луна вверх рожками – до полнолуния будет холодно.

- У тылзе вичкыж да чатка шочеш гын, теммешкыже йўштō лиеш.

Родится луна тонким аккуратным серпом – до полнолуния будут держаться морозы.

- У тылзе йўштō вашеш чот волгалтеш.

Растущая луна перед холодами ярко светится.

- У тылзе йыр онго налеш гын, чот йўкшемда.

Кольцо вокруг растущей луной – к сильному похолоданию.

- У тылзын (шошым) кўдырчō кўдырта гын, шушаш теле йўштō лиеш.

Первый гром в новолуние – обещает лютую зиму.

Категория теплый соотносится со старой луной, что подтверждается следующей приметой.

- У лум тошто тылзын коеш – леве лиеш.

Первый снег выпадает в полнолуние – ожидается мягкая зима.

2. Новый – кратковременный ↔ старый – продолжительный.

Если в новолуние выпадает снег, то он скоро может растаять.

- У тылзын койшо лум йōршōшлан огеш воч.

Выпавший в новолуние первый снег долго не лежит.

- У тылзын лум коеш – вес у тылзе гоч йōршōшлан возеш.

Если первый снег идет в новолуние, то через одно новолуние выпадает насовсем.

Снег, выпавший в полнолуние, обещает пролежать долго.

- Лум йōршōшлан тошто тылзын возеш.

Выпавший при старой луне снег долго лежит.

- Лум тошто тылзын коеш гын, вес тошто тылзын йōршōшлан возеш.

Выпадет снег в полнолуние, то в следующее полнолуние жди его насовсем.

- 3. Новый – растущий вверх ↔ старый – растущий вниз.

По народной примете на растущей луне рекомендуется сеять и высаживать растения, дающие плоды и другие съедобные части над поверхностью почвы, так называемые «вершки». Причиной для этого, возможно, послужило свойство молодой луны с течением времени постепенно увеличиваться в объеме. По народному представлению, посева в это время также быстро набирают свой рост, как и растущая луна.

- Кўшкыла кушшым у тылзыште шындат.

Растущие вверх культуры следует высаживать при молодой луне.

- У тылзын шындыме саска ума, чыла куатше лышташыш кая.

На растущую Луну высаженные культуры (надземная часть овощей, ботва; паслён) хорошо уродятся, вся сила уйдет к листьям.

Время для посадки корнеплодов, растений, дающих

съедобные части под поверхностью земли, напротив, наступает на убывающей луне. Также это время благоприятно для высаживания большинства плодовых деревьев. Это тоже можно истолковать внешними проявлениями ночного светила в данный цикл (от полнолуния до новолуния). Можно допустить, что в процессе роста, корнеплоды смогут достигнуть, подобно луне, больших округлых размеров.

- Мо ўлыккла шочеш (шоган, реве, ушмен, кешыр, паренте, чеснок) тошто тылзын шындат.

Все, что растет вниз (лук, репа, свекла, морковь, картофель, чеснок) высаживают на убывающей луне.

- Кўшкыла кушшым тошто тылзын огыт шынде.

Растущие вверх растения не рекомендуется высаживать на ущербной луне.

Не акцентируясь на внешние сходства с луной, можно иначе объяснить приведенные оппозиции: при молодой луне (от новолуния до полнолуния) происходит наиболее интенсивный рост растений: питательные соки устремляются по стеблям и веткам к плодам, а при ущербной луне жизненные процессы организмов растений замедляются, питание устремляется вниз к коньям.

Противопоставление признаков новый – растущий вверх и старый – растущий вниз, приписываемые к фазам Луны, может пониматься исходя из ее сравнения с жизненным циклом человека. Растущая Луна символизирует молодость, когда живое существо развивается, быстро растет. В период старения организм теряет жизненные силы, рост прекращается, тело горбится, под которым можно понимать как «обратный рост». Вероятно, из этой позиции марийцы обладают следующей приметой стричь волосы при старой луне, чтобы замедлить процесс их роста.

- Уп вашке ынже куш манын – тошто тылзын шуматкечын тўредыт.

Чтобы волосы не росли быстро – волосы стригут в субботу на ущербной луне.

- 4. Новый – мокрый ↔ старый – сухой.

Марийцы новый месяц осмысливают как нōрō ‘сырой’, ‘влажный’, йўран ‘дождливый’, ночно ‘мокрый’. Это подтверждают достаточное количество примет. Чаще всего встречаются приметы, в которых молодой месяц рождается с опущенными «рожками», темной отметиной, большими размерами. Последний признак легко объяснить таким образом, что пропитанный влагой атмосфера преломляет световые лучи, идущие к нам от светящегося тела; в результате это придает Луне эффект расплывчатости, происходит искажение изображения.

- У тылзе лоптыра шочеш гын, кече ночно лиеш.

Если молодой месяц велик, то будет слякоть.

- Тылзе лозыран (лоптыран) шочеш – йўрлан.

Молодой месяц излишне велик и неуклюж – к дождю.

- У тылзе шочмо кече йўран гын, теммешкыже йўран лиеш.

Если в первый день новолуния дождливо, то до полнолуния будет дождь.

- У тылзе вудакан коеш гын, лавыртыш лиеш.

Если молодой месяц тусклый, то будет сыро.

- Тылзе лоптыран шочеш – поранан игечылан.

Луна рождается лохматой, большой – к бурану.

- У тылзе кōргыштō шем тамга уло – йўрлан.

На молодом месяце черная отметина – к дождю.

- У тылзе кōргыштō шем тамга уло гын, тылзе теммешке, йўран шогаш тўналеш.

На новом месяце темные пятна – дожди будут до полнолуния.

Наиболее распространенной приметой о скором дожде является признак вниз опущенных лунных рожек, на котором 'не может удержаться ведро с водой'.

- Тылзе кумык шочеш – йӱр лиеш.
Новая луна рогами вниз – жди дождя.
- У тылзе кумык шочеш гын, леве да нӱрӱ лиеш.
Если луна рождается рожками вниз, то будет тепло и влажно.

• Тылзе комдык шочеш – лавыртышлан.
Месяц рождается рожками кверху – к сырости, ненастью.

- Кумык шочшо тылзыште ведра кержалт кертеш гын, йӱр огеш лий.
Если ведро сможет удержаться на рогах месяца, то дождя не будет.

На старом месяце, напротив, рекомендовалось закладывать фундамент постройкам. Так дом долго стоял, стены его оставались сухими, что могло уберечь от плесени.

- Кеч могай оралтылан негызым тошто тылзын шуматкечын пыштат. Оралте кукшу лиеш, огеш вӱдыжгӱ.

Фундамент для любой постройки нужно закладывать при старом месяце. Постройка не будет потеть.

На старом месяце также все вещи быстро сушились, при условии, что они были постираны в субботу.

- Тошто тылзын шуматкечын мушкедаш гын, вургем вашке кошка.

Постиранные вещи быстро сушились, если их постирать в субботу при старом месяце.

- 5. Новый – гнойный ↔ старый – негнойный.

Следующей из характеристик лунного времени – гнилой – не гнилой, которая в некоторой степени попадает в предыдущее рассматриваемое семантическое поле мокрый – сухой.

Неблагоприятным временем для уборки урожая может считаться молодой месяц – «все сгниет». Также это время воспринимается как неблагоприятный для высадки ягодных культур, не соблюдая данного совета, урожай ягод сгнивает.

- У тылзын кавштавичы хӱдырым лыкташ ак яры: шӱэш.

Не годится убирать овощи в новолуние: сгниют.

- У тылзын шындыме емыж шӱэш.
Посаженные при молодой луне ягоды сгнивают.
Чтобы будущий урожай не сгнивал, рекомендуется проводить посева, пока светит старый месяц.

- Тошто тылзын шындыме емыж огеш шӱй.
Посаженные при старой луне ягоды не сгнивают.
- Тошто тылзын пакча емыжым шындет – ума.
Высадишь ягоды в полнолуние – нальются.

- 6. Новый – сорный ↔ старый – чистый, без сорняков.

Признак «сорный» взаимосвязан с растущей луной. Спаханное поле, сделанные грядки для посева в период рождения луны, обязательно покроются сорной культурой. Для объяснения такого признака можно провести параллель с оппозицией «новый – растущий вверх», где было отмечено, что при растущей луне все посаженное активно растет вверх.

- У тылзын ыштыме йыран шӱкшудан лиеш.

Грядки, сформированные при новом месяце, будут в сорняках / покроются сорняком.

Напротив, убывающая луна связана с чистотой. Растворить данную примету можно также обращаясь к первому пункту нашего исследования, где «старый» месяц позиционируется как «растущий вниз».

- Тошто тылзын ыштыме йыран – шӱкшӱдан огеш лий.

Грядки, сформированные при старой луне, будут в чистоте.

- 7. Новый – удачный (на улов рыбы) ↔ старый – неудачный (на улов рыбы).

Здесь сразу оговоримся, что новому и старому месяцам присуждается тот или иной признак - удачный/неудачный на улов, в зависимости от сезона года и образу жизни данного вида рыб.

Рассмотрим два примера:

- У тылзын кол таяка верыш лектеш.
На новолуние рыба ищет мелкое место.
- Тылзе пытышашлан кол келгыш кая./ Тичмаш у тылзын кол келгыш кая.

На полнолуние рыба уходит в глубокие места.

На первый взгляд не ясно, какой признак можно присудить двум фазам луны. Определенные виды рыб водятся преимущественно на мелководье (на дне водоема, ближе к берегам). Например, к донным рыбам относится ёрш, который днем хорошо ловится только в зимнее время. Отменно клюет эта рыба в полнолуние, среди ночи.

Такой же образ жизни ведет карась. Такая рыба, как красноперка, наоборот избегает больших глубин.

Мы предполагаем, что здесь следует прибегнуть к основному критерию как к снастям и способам ловли рыбы для определения признаков удачный или неудачный для рассматриваемых лунных фаз. Марийцам были известны разные снасти (вапш 'сети', атма 'сак', энгыр 'удочка', мурья, мурда 'морды', вечыл 'вентер' и т.д.) и способы ловли рыбы с лодками и с берега [11].

Новолуние будет считаться удачным для тех, кто, например, ловил рыбу с берега. Ранней весной (при растущей луне), как только начинался ледоход и во время половодья, марийцы прибегали к ловле при помощи сака. Этим приспособлением марийцы ловили рыбу только с берега [11, с.123].

Успешным для рыбалки считалось время при полном или старом месяце для тех, кто ставил пристрой. Когда рыба поздней весной (при старой луне) шла на нерест, распространенным способом ловли была постройка в реки ваптыш, мерёжа, режёвка 'мереж' [11, с 123], которое закидывалось в глубокие участки водоема.

- У тылзын кол энгерым пӱчкеш. / У тылзыште кол энгерым кочкеш.

В новолуние рыба берет на удочку.

- У тылзе кушмо годым кол сутлана.

В новолуние рыба становится прожорливой..

- Тылзын кокымшо арняштыже кол сутлана.

На второй неделе новолуния рыба очень прожорлива.

- У тылзе кумык гын, шеренте шылеш, комдык гын, толеш.

Если луна растет рожками вниз, то плотва (или иная рыба семейства карповых) прячется, а при луне с рожками вверх – выходит.

- Тылзе тоштеммеке, кол утларак пижеш. / Тылзе катлымеке, кол утларак налеш.

Луна пошла на убыль – начинает клевать рыба.

В заключение стоит отметить, что в данной работе мы привели к рассмотрению только некоторую часть марийских примет, выработанных и испытанных народом на протяжении многих веков. Из выше изложенного материала мы имеем 7 оппозиций: 1. Новый – холодный ↔ старый – теплый. 2. Новый – кратковременный ↔ старый – продолжительный. 3. Новый – растущий вверх ↔

старый – растущий вниз. 4. Новый – мокрый ↔ старый – сухой. 5. Новый – гнойный ↔ старый – негнойный. 6. Новый – сорный ↔ старый – чистый, без сорняков. 7. Новый – удачный (на улов рыбы) ↔ старый – неудачный (на улов рыбы).

Обращение к экстралингвистическому материалу помогло выявить дополнительные признаки для марийской народной номинации лунных фаз. Так из полученного списка, к уже имеющимся многочисленным номинациям, Луна «приобретает» следующие признаки: холодный, кратковременный, растущий вверх, мокрый, гнойный, сорный, удачный; теплый, продолжительный, растущий вниз, сухой, негнойный, чистый, неудачный. Перефразируя известное: у природы нет плохой погоды, можно сказать, что и у лунного времени в его языковом выражении тоже не бывает плохого оценочного признака.

Наши результаты исследования указывают на четкое разделение его в марийском языке на отдельные номинативные единицы. В то же время восприятие лунного времени народом мари является целостным, непрерывным процессом.

Список литературы

1. Евсеев Т. Е. Калык ойпого. // Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 1994. – 208 с.
2. Иванова Н.В., Федосова Т.В. К вопросу о репрезентации категории времени в современном английском дискурсе. // Вестник молодых ученых: Сб. научных работ./Под ред. В.Г.Бабина. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006. № 3.
3. Китиков А. Е. Калыкмут. // Йошкар-Ола: Марий книга издательство, 1981. – 111 с.
4. Китиков А. Е. Марийские народные приметы. // Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1989. – 285 с.
5. Китиков А. Е. Марий калыкмут мутер //Йошкар-Ола: Марий книга издательство, 1991. – 319 с.
6. Марийско-русские словари. URL: <http://marlamuter.com/> (дата обращения: 05.04.2014).
7. Подтелкова, М. А. Адвербиальные средства репрезентации универсальной категории времени: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. А. Подтелкова. – Волгоград: ВолгогрГУ, 2008.- 22 с.
8. Семенова В.В. Наименования объектов космоса в марийском языке. Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2011» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, М.В. Чистякова. [Электронный ресурс] – М.: МАКС Пресс, 2011. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см. – Систем. требования: ПК с процессором 486+; Windows 95; дисковод DVD-ROM; Adobe Acrobat Reader.
9. Ташто тылзе нерген. У тылзе нерген. // Марий чан. Эрыкан марла газет. – 1992. – 25 февраля.
10. Черных А. В., Голева Т. Г., Щукина Р. И. Марийцы Пермского края: очерки истории и этнографии. 2-е изд., испр. и доп. – Пермь: От и До, 2013. – 530 с.
11. Четкарева Р. П. Табу народа мари в системе формирования культуры повседневности // Известия Российского государственного педагогического университета им. АИ Герцена. – 2009. – №. 109.
12. Чёха О.В. Языковой и культурный образ лунного времени в полесской традиции (молодой и старый месяц) // Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика текста. М., 2006. – 560 с.

К ПРОБЛЕМЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОНЯТИЙ «СЛЕНГ», «ЖАРГОН», «АРГО» В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Серомян Эсмира Арменовна

Студентка 5 курса института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону,

Редкозубова Екатерина Анатольевна

д.ф.н., доцент кафедры теории и практики английского языка ЮФУ

В статье рассматривается проблема разграничения понятий «сленг», «жаргон», «арго» в современной лингвистике.

Лексика любого языка делится на нейтральную, формальную и неформальную. Неформальная лексика является социально маркированной, и часто, в качестве синонимов для ее обозначения используются следующие термины: «сленг», «жаргон», «арго». Возникает вопрос, какой из указанных терминов наиболее подходит для обозначения субстандартной лексики. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо разграничить понятия «сленг», «жаргон» и «арго».

Для начала следует разобраться в сходствах и различиях между терминами «сленг» и «жаргон». И отечественные и зарубежные ученые придерживаются точки зрения, согласно которой жаргон употребляется в определенной социальной группе, которая может определяться как профессией, так и возрастом людей, входящих в нее. Это можно проследить в следующих определениях:

«Жаргон – разновидность речи, используемой преимущественно в устном общении отдельной социальной группой, объединяющей людей по признаку профессии, положения в обществе или возраста» [1, с. 151]; «Жаргоном называется язык какой-либо более или менее замкнутой социальной группы» [3, с. 45].

Очевидно, что авторы имеют четкое представление о термине «жаргон» и о его определении, что нельзя сказать о термине «сленг», который носит несколько размытый характер в этом отношении, так как используется для обозначения понятий, не обладающих какой-либо особой спецификой.

Традиционно термин «сленг» отождествляют с термином «жаргон». Так, в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» термин «сленг» в первом его значении определяется как синоним термина «жаргон», а во втором значении как группа жаргонизмов, представляющих собой слой нелитературной лексики, которая выражает гру-

бовато-фамильярное или даже юмористическое отношение к называемому предмету или явлению [1, с. 461].

Причиной отождествления данных терминов может служить употребление различных понятий, а именно «сленг» и «жаргон», национальными лингвистическими школами для наименования субстандартной лексики. Становится ясно, что термины «сленг» и «жаргон» отождествляются в значении языка, который характерен для определенной группы людей и употребляется только теми людьми, которые входят в данную группу.

Некоторые лингвисты в своих работах все же разграничивают «сленг» и «жаргон». Например, С.Б. Флекснер определяет «сленг» как общий, а «жаргон» как специальный [6, с. 6-15]. Исследователь подчеркивает узкий характер использования слов, относящихся к жаргону.

В.А. Хомяков также пытался разграничить данные понятия. Он выделял «специальный сленг» и «общий сленг». Первый включает в себя лексику, относящуюся к профессиональным жаргонам, а второй – лексику, которая сначала появилась в специальном сленге, имея узкий характер употребления, но затем увеличила сферу своего использования [7, с. 11].

Рассматривая же термины «сленг» и «арго», можно отметить то, что тенденция отождествления данных понятий также является следствием их употребления лингвистическими школами для обозначения одного и того же явления – нестандартной лексики. Однако данные термины не стоит считать синонимичными.

Безусловно, и «сленг» и «арго» употребляются на наименования социально маркированной лексики, но здесь следует отметить искусственную природу «арго». Многие исследователи указывают на то, что «арго» является искусственным и тайным языком, что отличает его от «сленга» и «жаргона». Немаловажным отличием «арго» от «сленга» и «жаргона» является и то, что функция конспирации у него стоит на первом месте и является самой главной, в то время как у «сленга» и «жаргона» эта функция является не самой важной и основной. Данная функция конспирации, или иначе именуемая криптолалическая функция, является следствием того, что носители арго придерживаются таких взглядов, которые отличаются от взглядов традиционного социума, отсюда – необходимость сокрытия информации от «чужих», в данном случае посредством языка [2, с. 584-596].

Если же говорить о различии терминов «жаргон» и «арго», то здесь следует упомянуть то, что некоторые исследователи придерживаются мнения о том, что термин «арго» лишен пейоративного характера в отличие от термина «жаргон». Так, М.В. Арапов говорит о наличии пейоративного значения у термина «жаргон», подчеркивая, что иногда данный термин используется для обозначения некорректной, искаженной речи, по этой причине его часто

заменяют термином «арго» [1, с. 151].

Е.А. Редкозубова также обратилась к проблеме разграничения понятий «сленг», «жаргон», «арго», предложив лингвосомиотическую методику разграничения арго, жаргона и сленга, состоящую из нескольких этапов и опирающуюся на теорию кодированной коммуникации [4, с. 99-105].

Подводя итог, можно сказать, что термин «сленг» является наиболее приемлемым для обозначения субстандартной лексики в целом, так как термин «жаргон» характеризуется как имеющий пейоративный оттенок, но целесообразно утверждать то, что весь субстандартный вокабуляр несет в себе уничижительное значение. Термин «арго», в свою очередь, часто употребляется для характеристики лексики, которая выполняет функцию конспирации и предназначена для сокрытия информации людьми от остального общества по причине того, что они придерживаются взглядов, отличных от взглядов традиционного социума.

Что касается сленга, то данное явление – это признак перемен в обществе: не зависимо от рассматриваемого периода истории любого социума, можно обнаружить большое количество сленгизмов, которые отражают моменты истории. Изменения в жизни общества сопровождаются изменениями в лингвосомиотике, что ведет к «обильному росту нетривиального смыслоизвлечения, то есть к сленгу» [5, с. 29].

Список литературы

1. Арапов М.В. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М.: Советская энциклопедия, 1998. – 688 с.
2. Елистратов В.С. Словарь русского арго. М.: Русские словари, 2000. – 694 с.
3. Мусорин А.Ю. Основы науки о языке: учеб. пособие. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 2004. – 196 с.
4. Редкозубова Е.А. Терминологическое и сущностное разграничение арго, жаргона и сленга как феноменов кодированной коммуникации // Науч. мысль Кавказа. Ростов н/Д: Северо-Кавказский научный центр высшей школы ЮФУ, 2008. – с. 99 – 105.
5. Редкозубова Е.А. Сленг в современном коммуникативном пространстве. Ростов н/Д: АкадемЛит, 2012. – 312 с.
6. Флекснер С.Б. Dictionary of American Slang. New York: Thomas Y. Crowell. 1975. – 766 с.
7. Хомяков В.А. Нестандартная лексика в структуре английского национального периода: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1979. – 394 с.

ЕВРОЦЕНТРИЗМ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ОСНОВА СОВРЕМЕННОГО ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Шадрин Виктор Иванович,

Докт. филол. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург

Западноевропейская традиция науки о переводе, существовавшая в течение многих веков в неизменном виде, становится все менее и менее значимой в современном бурно развивающемся мире. Дело в том, что переводоведение Западной Европы, как и любая другая наука,

формировалось в условиях доминирующей идеологической перспективы – распространения цивилизации западных стран по всему миру. Крах идеологии позитивизма, имевший место в XX столетии, привел исследователей пе-

ревода к выводу о том, что евроцентрическое переводоведение идеально соответствовало требованиям исторического развития западных стран, но не может более соответствовать изменениям, происходящим в современном глобализованном мире.

Действительно, перечитывая труды латинских мыслителей, таких как Цицерон или Св. Иероним, ранние работы немецких теоретиков перевода, в частности, Мартина Лютера или Фридриха Шлейермахера, британских исследователей того времени, таких как Александр Тайтлер или Матью Арнольд, можно констатировать, что все они творили в рамках своего времени и определенных исторических обстоятельств, при этом ни один из перечисленных мыслителей не задумывался о каких-либо альтернативных подходах к выдвигаемым им теориям, и тем более не предполагал ограниченности своих умозаключений с точки зрения их исторической перспективы. В результате, сложившаяся в Европе система концептов переводоведения представляет собой устоявшуюся доктрину, адресованную переводчикам всех времен и народов, при этом весьма ограниченную с точки зрения учёта культурологических факторов перевода.

Ограниченность западных теорий в сфере переводоведения вполне очевидна. Возьмем, к примеру, тот факт, что большинство этих теорий было сформулировано применительно к анализу канонических текстов, включающих тексты Священного Писания и классических произведений художественной литературы. Вследствие этого, западные теории, созданные исключительно на основе изучения письменного слова, не могли быть универсальными и всеобъемлющими. Даже сама терминология переводоведения не свободна от указанной ограниченности: термин «перевод» (translation) ассоциируется у читателей с переносом священных реликвий (слов) в неизменном виде из одного языка в другой.

В современном переводоведении возникает острая необходимость выработки более гибкого и глубокого понимания процесса перевода, поэтому в настоящее время особую важность приобретает освоение опыта незападных народов в области изучения этого центрального явления человеческой деятельности. При этом следует иметь в виду, что для развития существующих западных теорий далеко не достаточно просто инкорпорировать в них достижения не-западных теоретиков и практиков перевода. Существует необходимость полного обновления базовых постулатов западных теорий перевода, осуществлённого на основе учёта достижений не-западных цивилизаций.

В частности, любая теория базируется на тех или иных пресуппозициях (или аксиомах, как в математике). В случае переводоведения современные пресуппозиции носят ярко выраженный евроцентрический характер. Действительно, все они восходят к весьма ограниченному набору европейских культурных контекстов, основанных на греко-римских текстуальных традициях, к христианским ценностям, националистическим взглядам на соотношение языка и культурной идентичности, а также к идее безусловной грамотности и переводческого мастерства, развиваемой высшими классами общества. Все эти пресуппозиции следует внимательно изучить и пересмотреть, если мы стремимся создать более универсальные и всеобъемлющие теории перевода.

В качестве иллюстрации приведённых выше рассуждений рассмотрим несколько «аксиом» современного

переводоведения и укажем некоторые пути их переосмысления в условиях жизни языковых сообществ 21 века.

Аксиома 1. Переводчики необходимы в ситуациях межъязыкового и межкультурного общения; они являются посредниками между двумя языковыми и культурными группами населения.

Это базовое положение научной дисциплины «переводоведение», вместе с тем, все, кто изучает перевод, подсознательно признают, что существует множество ситуаций, к которым данная аксиома неприменима. Исторически монолингвизм всегда считался нормой, он до сих пор остается нормой в сознании переводоведов, несмотря на тот факт, что мультилингвизм становится все более широко распространенным явлением в мире.

Для более полного понимания функционирования перевода в сообществах с многоязычным населением (например, в бывших колониях европейских стран) необходимо получить и переработать больше информации по языковому поведению и языковому посредничеству, свойственной таким культурам. Так, например, совершенно не изучены случаи, когда перевод, являясь важным элементом многоязычной культуры, не используется для целей коммуникации между языковыми группами. Билингвы - жители Гавайских островов, для которых английский язык является первым языком, настаивают на использовании гавайского языка в официальных контекстах правительства США (особенно в юридических). Они требуют услуг государственных переводчиков для работы с гавайским и английским языками. В данном случае цель билингвов – добиться признания существования на островах доанглийской культуры.

Аксиома 2. Перевод имеет дело с письменными текстами. Второй постулат теории перевода отодвигает на второй план исследования по устному переводу (interpretation)/ Верным признаком данного положения вещей является тот очевидный факт, что даже исследования процесса устного перевода направлены преимущественно на изучение «перевода на конференциях» (conference interpreting), т. е. переводческой деятельности, которая изначально опирается на фиксированный письменный текст.

Очевидно, что это очень серьезный недостаток существующей теории перевода, поскольку большинство культур, существующих на Земле веками, имеют лишь устную природу. Эта традиция сохранилась по настоящее время в большом количестве мировых культур не-западной ориентации. Из сказанного следует, что перевод как человеческая деятельность имеет по преимуществу многовековую устную традицию во всем мире.

Таким образом, развивая современную теорию перевода в направлении исследования не-западного опыта переводческой деятельности, следует изменить постулат о приоритете письменных или фиксированных текстов как основных объектов изучения. Поскольку большинство народонаселения нашей планеты по-прежнему проживает в культурах, где грамотность играет очень ограниченную роль, ученым-переводоведам следует скорректировать свои приоритеты в направлении инкорпорирования в свои изыскания богатого опыта устной (бесписьменной) переводческой деятельности народов мира. Действительно, в первичных устных культурах народов мы встречаемся с многими отличиями по сравнению с культурами письмен-

ными: бесписьменные носители языка по-другому изучают и создают тексты, их память также специфична, они по-своему трактуют традицию и вариативность и т. д.

Аксиома 3. Основные типы текстов, с которыми работают переводчики, строго определены и классифицированы.

Большинство западных исследователей полагают, что они знают, используют и изучают базовые типы текстов, созданные человеческой цивилизацией: эпическая, драматическая и лирическая поэзия, роман, учебная лекция, деловое письмо и т. п. В действительности типы текстов в различных культурах разительно отличаются друг от друга и определение репертуара первичных форм и типов текстов, свойственных той или иной культуре, представляет собой довольно сложную проблему для исследователя. Теоретики перевода почти не исследовали проблему типологии текстов, в то же время её решение является настоятельно необходимым, особенно при анализе переводческой деятельности в бесписьменных культурах. Совершенно очевидно, что «устные» культуры имеют свою типологию текстов и особенное семиотическое структурирование речевых произведений, отличное от культур с развитой письменной традицией.

Так, например, утверждение о том, что литература на кельтском языке не имеет природных драматических форм, соответствующих драматическим произведениям, существующим в европейской традиции, не подтверждается фактическим материалом. Кельтские тексты, определяемые в существующей научной традиции как изящные примеры европейской лирической поэзии – эмоциональные поэмы от первого лица, приписываемые известным историческим персонажам, – возможно, следует рассматривать как примеры в жанре перформанс (performed genre). Декламируемые (performed), как правило, известными в стране профессиональными поэтами (пророками), эти поэмы могут рассматриваться как аналог драматических произведений, существующих в других средневековых культурах Европы и якобы отсутствующих в литературах Ирландии и Уэльса.

Аксиома 4. Процесс перевода происходит в «чёрном ящике»: переводчик-индивидуал кодирует переводимый отрезок текста и декодирует его на языке перевода.

Несмотря на многочисленные критические высказывания исследователей, указанная модель имплицитно присутствует в формулировках большинства теоретических исследований процесса перевода. Процесс перевода, понимаемый таким образом, очень индивидуализирован и непосредственно связан с философией западного индивидуализма и западной теоретической базой перевода. При кросскультурном рассмотрении переводческой практики становится очевидно, что такая модель перевода отнюдь не является всеобъемлющей, более того, она не является доминирующей в умах исследователей. Так, например, её следует соотносить с переводческой практикой, имеющей место в КНР, которую можно проследить за период, составляющий более двух тысяч лет. В рамках китайской переводческой традиции в переводе текста обычно участвует целая группа специалистов, при этом каждый участник процесса решает свою собственную задачу. Очевидно, что примеры, подобные этому, противоречат базовым принципам евроцентрической теории перевода и требуют дополнительных исследований.

Так, следует инвентаризировать весь репертуар приемов, существующих в мировой переводческой практике. Модель «чёрного ящика» с переводчиком-индивидуалом в её центре следует заменить уточненными данными применения других моделей процесса перевода как с точки зрения объемов переведенных материалов, так и с точки зрения частотности применения тех или иных методик. Совершенно естественно, что исследование инноваций в практике перевода должно осуществляться с учётом применения бурно развивающихся информационных технологий. Подобные исследования несомненно расширят горизонты современного переводоведения.

Аксиома 5. В настоящее время перевод входит в совершенно новую фазу своего развития, принимает неизвестные ранее формы ввиду культурного смешения народов, связанного с глобализацией и гибридизацией культурологических конфигураций.

Эта гипотеза, благополучно существующая в мире европейского переводоведения более двадцати лет, отнюдь не выдерживает элементарной критики с исторических позиций. Даже хорошо описанная история стран Запада изобилует документальными свидетельствами миграции народов с незапамятных времен. Так, например, Римская Империя, охватывавшая огромные территории Африки, Азии и Европы, представляла собой пространство, на котором происходило постоянное взаимодействие различных языков и культур, а, следовательно, имели место интенсивные межкультурные и межъязыковые контакты. Изменения языка и культуры мигрирующего населения всегда было в центре политической жизни Римской Империи. Точно так же древняя Китайская Империя объединяла в своем составе множество народов, языков и культур, которые постоянно взаимодействовали не только друг с другом, но даже со странами Запада благодаря наличию Великого Шелкового Пути. Результаты взаимного влияния народов с точки зрения языков и культур детально описаны китайскими учёными с древнейших времен до наших дней. Открытие Северной и Южной Америк в 15-м столетии и его влияние на активизацию взаимодействия языков и культур народов-иммигрантов также получило подробное освещение в письменных памятниках той эпохи и в трудах современных исследователей.

Таким образом, аксиома 5 должна быть кардинально переформулирована с учётом не только западных, но и мировых данных, только после этого она будет иметь право на использование в трудах современных теоретиков перевода. Лучшим способом совершенствования теории и практики перевода в этом отношении является углубленное изучение исторических данных о культурных диаспорах и миграционных процессах языковых групп населения, а также о проблемах гибридизации культур и развитии переводческой деятельности в различные исторические эпохи.

В заключение следует сказать, что в данной статье я пытался показать неадекватность сугубо евроцентрической теории перевода применительно к описанию языков незападного ареала. По моему глубокому убеждению, современная теория перевода должна базироваться на подлинно интернациональном характере переводоведения. Она призвана разрабатывать новые способы перевода и методические принципы подготовки переводчиков, которые позволят обеспечить современные процессы взаимодействия языков и культур всех народов мира.

ИГРА СЛОВ В ТЕКСТЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАТЬИ

Шустова Ирина Николаевна

Канд. филолог. наук, доцент каф. англ.яз., ВГПУ, г.Воронеж

Основная функция любого текста политического характера – это привлечение внимания читателей, формирование у них определённого мнения и оказание влияния на политические убеждения реципиентов. Для успешного выполнения этих задач текст политической статьи должен быть не только высокоинформативным и хорошо аргументированным, но и отличаться своей оригинальностью и выразительностью. Существует множество способов повышения экспрессивности политического текста. Одним из таких способов выступает игра слов или каламбур.

Каламбур – фигура речи, состоящая в юмористическом (пародийном) использовании разных значений одного и того же слова или двух сходно звучащих слов [1, с.188].

Многие лингвисты отмечают развлекательный характер игры слов. Э.Митчел, Б.Мейсон, Й.Хэйзинга считают игру слов потребностью в самовыражении. Однако игра слов в политическом дискурсе преследует несколько иные цели. В частности С.К.Лохова отмечает, что “играя словом, автор текста не только обращает внимание на звуковую форму и семантику слова, на его этимологию, на наличие синонимичных слов, но и усиливает эмоциональное воздействие на реципиента” [3, с.3].

А.П.Бабушкин, исследуя игру слов с позиций когнитивной лингвистики и гештальтпсихологии, объясняет восприятие каламбура с позиции такого инструментария, как фигура и фон, обозначающие когнитивную и психологическую структуру (гештальт), которая определяет человеческое восприятие и интерпретацию действительности [2, с.188].

Проводя анализ языкового материала, В.А.Маслова пришла к выводу, что “на современном этапе на политический язык оказывают большое влияние экстралингвистические факторы, в особенности изменение мировой политической системы” [4, с.43-48]. В языке политики отмечается доминирование социально-политической лексики с негативным коннотационным ореолом. В связи с этой тенденцией оценочный потенциал каламбура в тексте статьи политической направленности, зачастую также, используется в целях пейоризации объекта оценки.

Мы проанализируем несколько отрывков из текстов политических статей, в которых было отмечено наличие каламбура.

Shoes thrown at President Bush in Iraq. As America prepares to give him the boot, President Bush was forced to do some atypical sole searching during a press conference in Iraq when an Iraqi television reporter flung both shoes at him. [www.spiderfarmer.com/tag/bush]

В данном тексте присутствуют два негативно оценочных словосочетания, построенных на языковой игре. В первом случае фразеологизм to give smb. the boot – прогнать кого-то, является прямой аллюзией на исторический факт – пресс конференцию в Ираке, где в американского президента Дж.Буша-младшего запустили ботинками. Продолжая развивать эту тему, журналист вводит ещё одно словосочетание, где языковая игра уже построена на омофонах. Слова sole (подошва) и soul (душа) схожи по звучанию, однако имеют разные значения. Выражение soul searching означает «разговор по душам», доверительная беседа. В вышеприведённом тексте журналист намеренно заменил один омофон другим, для создания комического эффекта. Получается, вместо не получившейся доверительной беседы американский президент занялся поиском подошвы от ботинка. Таким образом, эффектно

обыгрывается конфуз, случившийся с Бушем в Ираке.

Другой пример – Broken Reed – заголовок политической статьи, в которой приводится текст о поражении на выборах политика от Христианской коалиции, мистера Рида.

...on July 18th, Mr.Reed – who, as the former head of the Christian Coalition, had drummed up millions of evangelical votes for the Republican Party in the 1990s – lost his primary race to a little-known Republican challenger [The Economist, July 22nd, 2006, p.51].

В основе игры слов лежит буквальный перевод фамилии политика. Reed – музыкальный инструмент, свирель. Дословно, “сломанная свирель”. Так метафорически посредством каламбура преподносится данное событие. Далее, в тексте статьи журналист, продолжая тему “музыки”, характеризует действия политика глаголом to drum up – созывать на помощь (при помощи барабанной дроби). Подобные комментарии ещё больше компрометируют политика, проигравшего на выборах, так как создают ему имидж человека, склонного к показным эффектам, пусто-словию и не обладающего политическим влиянием в обществе.

Следующий пример – The running man [The Economist, Aug.9th, 2003, p.39] – заголовок статьи, посвящённой участию А.Шварценеггера в предвыборной борьбе за пост губернатора штата Калифорния, наоборот, носит мелиоративный характер, так как используется с целью представить данного кандидата в выгодном ракурсе. Во-первых, присутствует аллюзия на фильм с участием А.Шварценеггера (Бегущий человек). По сюжету фильма, главный герой, несмотря на невероятные препятствия, всё же выживает и побеждает. Во-вторых, предвыборная гонка – это всегда соперничество, в котором выигрывает сильнейший. И, в-третьих, обыгрывается одно из значений слова to run – баллотироваться. С одной стороны в прямом смысле данный заголовок можно интерпретировать, как “бегущий человек”, а с другой стороны, в переносном смысле – “человек баллотирующийся”. В итоге получается интересная и оригинальная игра слов, объединяющая разные значения используемых слов, и отражающая все смыслы, включая экстралингвистический фактор и политический контекст.

Подводя некоторые итоги, отметим, что игра слов в политическом тексте построена не только на омофонах и омофонах. Она затрагивает такие стилистические явления, как метафора и аллюзия, позволяя автору текста свободно варьировать в политическом пространстве, создавая эффектные образы, запоминающиеся читателям своей оригинальностью и позволяющие декодировать смысл, заложенный в той или иной лексической единице. Игра слов – это ещё и манипуляция сознанием реципиента, поскольку она нацелена на создание благоприятного или, наоборот негативного впечатления о центральной фигуре, представленной в политической статье. Это эффективный способ влияния на политические мнения избирателей, так как под воздействием силы меткого слова человек способен изменить свою точку зрения, а это является основной задачей автора политической статьи.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., «Советская энциклопедия», 1966. – 608 с.
2. Бабушкин А.П. Два подхода к пониманию каламбура, Известия Воронежского государственного педагогического университета №2 (261). – Воронеж, 2013. – С. 187-188
3. Лохова С.К. Игра слов в политическом дискурсе (компьютерный анализ политической метафоры). – Автореф. дисс. к.ф.н. – Москва, 2007
4. Маслова В.А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? Политическая лингвистика. – Вып. 1 (24). – Екатеринбург, 2008. – С.43-48

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ЭПИСТОЛЯРНОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ПИСЕМ-ПРОШЕНИЙ XIX ВЕКА)

Сибирякова Светлана Николаевна

Канд. фил. наук, доцент кафедры ин. языков ИФ АлтГУ, г. Барнаул

Создание любого текста, в том числе и эпистолярного, не является самоцелью. Каждый текст рассчитан на своего читателя или слушателя. Становясь единицей коммуникации, эпистолярный текст, как собственно, и любой другой текст, уже нельзя рассматривать как чисто лингвистическую категорию – нечто оторванное от реальности, его необходимо изучать в процессе его функционирования в речи и воспринимать как некое социальное явление, т.е. предлагается изучать тексты не отдельно от человека, а как одну из составляющих его деятельности, так как не может быть таких текстов, которые не фиксировали бы какой-либо фрагмент человеческого опыта и его осмысления. Исходя из вышесказанного, мы можем говорить о существовании такого сложного коммуникативного явления как эпистолярный дискурс, включающего помимо речевого действия, социальный контекст, представление об участниках коммуникации и их характеристиках, а также процессы восприятия и интерпретации сообщения его получателем. Освещение вопросов организации и динамического развертывания эпистолярного дискурса было бы неполным без раскрытия его функциональной направленности.

Поскольку язык является средством общения, сообщения, познания, самовыражения, воздействия, а также средством накопления и передачи социального опыта, следовательно, к числу важнейших функций языка относятся коммуникативную функцию, фатическую, информативную, когнитивную, апеллятивную, референциальную, кумулятивно-трансляционную. Проанализируем, как данные функции сочетаются и взаимодействуют в продукте речевой деятельности, рассматриваемом в настоящей статье.

По мнению О.Е. Филимоновой, коммуникативная функция является над-функцией и непосредственным условием существования языка. Она проявляется во всех случаях употребления языка [4, с. 19]. Результатом ее действия является «установление контакта автора с адресатом с целью последующей передачи ему сообщения и воздействия на него» [2, с. 146]. Ведущей функцией эпистолярного текста, по утверждению О.Ю. Подъяпольской, является коммуникативная функция, в рамках которой реализуются фатическая функция, информативная и апеллятивная. На каждую из перечисленных функций, как утверждает автор, в свою очередь могут «наслаиваться» эмоциональная (функция выражения чувств говорящего), оценочная (функция оценки), эстетическая (функция обращения к эстетическому чувству), этикетная (функция отражения и реализации речевого этикета). Иными словами, объясняет О.Ю. Подъяпольская, любое речевое действие, обладающее той или иной целеустановкой (например, сообщение какой-либо информации), может сопровождаться оценкой (явно или неявно выраженной,

эмоциональной или рациональной) через обращение к эстетическому чувству адресата, а также путем следования определенным правилам оформления высказывания [3, с. 67].

Мы не отрицаем, что главной функцией эпистолярного дискурса является функция общения, это касается, однако, в первую очередь, частной дружеской переписки. В рамках исследуемых нами писем фатическая и апеллятивная функции приобретают особую значимость. Для любого письма вообще и для письма-прошения в частности, направленного, прежде всего, на поддержание речевого письменного общения, контактная функция является обязательной и находит формальное выражение в определенной архитектонике письма. Обращение к адресату и приветствие представляют собой контактоустанавливающие речевые акты: *Hochlöbliche General Bergwerks Verwaltung!* [8, с. 67]. Благодарность за полученное ранее письмо, а также объяснение намерения написания данного письма относятся к контактоподтверждающим речевым актам: *Die Nothwendigkeit drängt mich zu einer Hochlöblichen General Bergwerks Verwaltung zu wenden, und derselben folgendes unterthänigst vorzustellen* [8, с. 67]. Фразы прощания, подпись адресанта представляют собой контактозавершающие речевые акты: *In tiefster Ehrfurch verharrend Euer Hochlöblichen General Berg Verwaltung unterthanigster Diener* [gez.] *Wilhelm Reiser* [8, с. 68]. Все вышеперечисленные эпистолярные элементы задают формат письма и определяют его границы. Как правило, единицами фатической коммуникации являются неинформативные высказывания, которыми собеседники обмениваются из уважения, из вежливости, для того, чтобы нарушить молчание, т.е. для поддержания контакта. Однако, что касается исследуемого материала, то этикетные единицы этих писем при соблюдении их формальных признаков отличает специфическое лексико-семантическое наполнение, которое переводит нас из области установления, поддержания и завершения контакта в область воздействия путем использования титульного обращения к адресату, социально маркированных лексических единиц, намеренно подчеркивающих социальное неравенство корреспондентов. В этом случае маркированные единицы могут рассматриваться в составе средств, активно способствующих реализации стратегии побуждения адресата к ответному письму и/или действию.

Функция сообщения представлена в каждом письме. Ее суть заключается в том, что отправитель передает получателю определенное знание, сообщает ему какую-то информацию. Как правило, адресант информирует адресата о той ситуации, о тех обстоятельствах, которые вынудили его обратиться за помощью, сообщает необходимые факты своей биографии. Специфика передачи информации от автора к адресату в рамках эпистолярного дискурса

заклучается в большей, чем в других сферах коммуникации, обусловленности этой информации личностным фактором. С одной стороны, наблюдается закономерная ориентация автора на собеседника, с другой – происходит авторская «обработка» информации. «Адресант пропускает весь материал через призму собственного восприятия, осуществляя его отбор в соответствии с системой своих ценностных параметров. В эпистолярной, таким образом, не существует четкого соотношения между объективными и субъективными смыслами содержащейся информации, что отражается на уровне лексических форм презентации авторской установки в виде использования «прагматически заряженных» лексических единиц, становящихся языковыми маркерами авторского целеполагания информативного свойства. [2, с. 147].

Когнитивная функция, которая в текстах исследуемых писем находит свою специфическую реализацию, представляет собой не столько целенаправленное теоретическое познание, сколько приобретение самого простого человеческого жизненного опыта, поскольку письма-прошения есть результат взаимодействия адресанта с окружающим миром. Написание письма связано с рефлексией адресата на внешний мир, его наблюдениями, мышлением, воображением и т.д., а чтение и восприятие письма связаны с получением информации, определенных знаний, их преобразованием, запоминанием, дальнейшим извлечением из памяти и использованием. Все вышесказанное свидетельствует об определенной репрезентативности данной функции в исследуемых письмах.

Суть оценочной функции состоит в выражении отношения субъекта речи к предметно-логическому содержанию высказывания. Функция оценки реализуется в эпистолярном тексте с помощью разнообразных лексических, синтаксических средств. Это различные предикаты мнения, оценочные прилагательные и причастия, так называемые лексические суперлативы, т.е. лексика, выражающая высшую степень отрицательной или положительной оценки, слова и морфемы-интенсификаторы, усиливающие уже названное другим словом качество, а также подчеркивающие эмоциональный аспект оценочного отношения субъекта речи к содержанию своего высказывания. Так, например, в одном из писем-прошений автор употребляет такие оценочные прилагательные как: *In diesen elende Zustand...*, *in diese bedrängten Umständen...* [7, с. 35], посредством которых автор в первом случае оценивает физическое состояние своей жены, а во втором – обстоятельства, которые вынудили его обратиться за помощью к представителям вышестоящей инстанции. Наречие *gantz* в контексте *Ich sitze gantz geschlagen mit den Kindern* также выступает оценочным маркером той ситуации, в которой оказался автор письма, подчеркивая крайнюю степень ее безысходности.

Эмотивная функция в эпистолярном тексте связана с отражением в тексте чувств и эмоций адресанта. Указанная функция реализуется при помощи междометий и междометных слов: *Wir haben zwey Schweine und eine Ziege angezogen, und freüten uns schon, aus dem Verkauf dieser Thiere dereinst unsere Gläubiger zum Theil befriedigen zu können, aber Ach! Auch diese müssen uns alle drey serpiieren...* [7, с. 35–36]; эмоционально-окрашенной лексики: *... da ihr selbst die geringste Bewegung ohne fremde Hülfe unsägliche Schmerzen verursacht, in dieser unbeschreiblich traurigen Lage...* [7, с. 29]; синтаксических средств отражения эмоциональности высказывания: коротких, напряженных эмоциональных предложений; риторических вопросов и восклицаний, эмоциональных повторов, синтаксически выраженных эмфазой, повество-

вательно-восклицательных предложений.

Об эмотивной функции языка убедительно пишет В.И. Шаховский: «Эмотивность является важнейшим компонентом прагматики языка, так как наиболее ярко воплощает в себе воздействующую функцию: словесные и несловесные эмоциональные реакции наиболее чутки к эмоциональным стимулам, в роли которых могут выступать и эмотивы – специальные средства всех «этажей» языка» [6, с. 5].

Эстетическая функция, заключающаяся в обращении автора к эстетическому чувству адресата, наименее представлена в текстах исследуемых нами писем. Данная функция проявляется наиболее ярко, например, в эпистолярном тексте какого-либо выдающегося писателя, что связано с высокой культурой владения словом, а также творческой натурой адресанта.

Рассматривая этикетную функцию, мы видим ее тесную взаимосвязь с фатической функцией, а также оценочной в смысле характеристики социально-ролевого статуса адресата посредством отбора стереотипных, устойчивых речевых формул. О существовании этой связи говорит известный исследователь речевого этикета Н.И. Формановская: «Речевой этикет – социально заданные и национально-специфичные регулирующие правила речевого поведения в ситуациях установления, поддержания и размыкания контакта коммуникантов в соответствии с их статусно-ролевыми и личностными отношениями в официальной и неофициальной обстановке общения» [5, с. 240–241].

Этикетная функция эпистолярного текста реализуется посредством, как традиционного композиционного построения эпистолярного текста, так и посредством выбора определенных устойчивых речевых формул, при помощи которых организуется и оформляется эпистолярная коммуникация: в этикетных адресных формулах, в формулах приветствия, в обращениях к адресату в своеобразных скрепах-клише, сигнализирующих о переходе от одной темы к другой, в этикетных формулах выражения просьбы, совета, благодарности, извинения, пожелания, поздравления, комплимента, в формулах прощания, подписи адресанта и т.д., отбираемых адресантом в соответствии с коммуникативным статусом адресата, а также ситуацией общения.

Референциальная функция выражается в способности эпистолярного дискурса обозначать ситуации или объекты реального мира. Исследуя данную функцию эпистолярного дискурса, Н.А. Ковалева предложила использовать ее в качестве критерия разграничения двух разновидностей эпистолярных текстов: частного эпистолярного и литературного эпистолярного (квазиписьма) [1, с. 176]. В связи с этим референциальная характеристика письма может быть «реальной» или «квазиреальной». В первом случае речь идет о предметной соотносительности (прямо-референтном статусе письма) с действительностью. В «квазиписьме» наблюдается нереперентное употребление имени.

Реальная референциальная природа писем-прошений XIX столетия обуславливает еще одну функциональную возможность исследуемого нами типа дискурса, а именно выполнение им кумулятивно-трансляционной функции. Указанная функция эпистолярного дискурса сводится к накоплению и передаче информации, значимой для индивида, социальной группы или целого этноса. Большую роль здесь играет способ распространения информации – письменный текст: именно эта форма речи способствует обобщению и передаче человеческого опыта. Письма прошения дают представление не только о

состоянии системы письма XIX века, письменно-речевой и текстовой компетентности в целом, в них находят отражение специфические черты определенной исторической эпохи и национального менталитета.

Однако доминирующей функцией при написании писем-прошений выступает, по нашему мнению, апеллятивная функция. Автор письма не столько сообщает что-либо получателю письма, сколько дает получателю понять, что он хочет сформировать у него определенную точку зрения относительно какого-либо вопроса, стимулировать его к совершению какого-либо вербального или невербального действия или запросить какую-либо информацию. К основным средствам апелляции в эпистолярном тексте относятся глаголы в форме повелительного наклонения: *Bitte lieber guter Kaiser diesen meinen sehnlichen Wunsch erfülle doch*; конструкции с модальными глаголами: *...Wollte... Demüthigst bitten...* [7, с. 39], *...gehorsamst bitten muß* [7, с. 34]; перформативными глаголами *ersuchen, bitten, anflehen*; глагольные конструкции с семантикой побуждения: *...nimmt die Dreistigkeit... zu bitten* [7, с. 42]; вопросительные и побудительные предложения, а также несобственно-побудительные высказывания, апеллятивный характер, которых восстанавливается из контекста: *Dann habe ich noch ein Töchterchen von 12 Jahren, die ich Majestät als Lehrerin ausbilden möchte, könnte es nicht thunlich sein... daß mir aus dem Fonds der Kaiser Wilhelm stiftung so lange, eine Beihilfe gestattet wird... dadurch wäre eine arme Wittwe geholfen* [7, с. 53]. Необходимо отметить, что апеллятивная функция в эпистолярном тексте также включает апеллирование к эмоциональной сфере адресата посредством оценочных и эмоционально-оценочных высказываний адресанта об адресате. Демонстрируя свое оценочное отношение, чувства, адресант стремится создать доброжелательную атмосферу общения, вызвать адресата на ответные чувства и действия, т.е. автор эпистолярного текста апеллирует не только к воле, но и к чувствам адресата.

Выделение функций, выполняемых эпистолярным дискурсом, позволяет более четко осветить его специфические особенности и создать целостное представление о нем как особой форме коммуникативно-речевой практики. Многие функции эпистолярного дискурса тесно переплетены друг с другом и реализуются в письме «кооперативно», что демонстрирует отличительное качество

данной разновидности дискурса, а именно – его полифункциональность. Что касается просительных писем XIX века, то, как мы доказали выше, они также выполняют все указанные функции, однако апеллятивная функция – функция воздействия на партнера по коммуникации, занимает среди прочих приоритетное место, что связано с ведущей интенцией авторов исследуемых писем, а именно побуждением адресата и с их выраженной ориентацией на перлокутивный эффект в виде ответного письма и/или действия адресата.

Список литературы

1. Ковалева Н.А. Русское частное письмо XIX века. Коммуникация. Жанр. Речевая структура. М.: СпортАкадемПресс, 2001. – 284 с.
2. Курьянович А.В. Функциональные возможности эпистолярного дискурса как особой формы межличностной коммуникации // Вестник ТГПУ, 2009. – Вып. 9 (87). – С. 146–150.
3. Подъяпольская О.Ю. Типология адресованности в текстах эпистолярного жанра (на материале писем Ф. Кафки): дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2004. – 193 с.
4. Филимонова О.Е. Язык эмоций в английском тексте. Когнитивные и коммуникативные аспекты: монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. Герцена, 2001. – 259 с.
5. Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М., 1998. – 292 с.
6. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. – 192 с.
7. Karweick J. „Tiefgebeugt von Nahrungssorgen und Gram“ Schreiben an Behörden // „Denn das Schreiben gehört nicht zu meiner täglichen Beschäftigung“ Der Alltag kleiner Leute in Bittschriften, Briefen und Berichten aus dem 19. Jahrhundert. Bonn: Dietz, 1989. – S. 17–88.
8. Bis vor die Stufen des Throns. Bittschriften und Beschwerden von Bergleuten im Zeitalter der Industrialisierung / K. Tenfelde, H. Trischler. München: Verlag C.H. Beck, 1986. – 533 s.

ПРОБЛЕМАТИКА, СИСТЕМА ОБРАЗОВ В РОМАНАХ ОКСАНЫ РОБСКИ

Сигова Кристина Валерьевна

ассистент кафедры филологических дисциплин и методик их преподавания, Евпаторийский институт социальных наук, РВУЗ «Крымский гуманитарный университет» (г. Ялта),

Творчество Оксаны Робски заполнило пустующую нишу в российском литературном процессе начала XXI века, заняв ее гламурной литературой и дав тем самым толчок гламуру в российской литературе. Проблематика и система образов современной писательницы исследованы не в полной мере, равно как и степень значимости творчества Оксаны Робски в целом, романов, в частности. Выше-сказанное обусловило выбор темы исследования и составило его актуальность.

Цель статьи – выявить проблематику, систему образов в романах Оксаны Робски.

Главенствующим жанром творчества Оксаны Ро-

бски является роман, в котором герой – в основном, гламурная дива – стремится к воплощению своих планов в жизнь. Поскольку „... всякий романский образ строится в широкой зоне противоречивого единства отношений дистанции и контакта, эстетических и нравственных оценок. Это и создает то внутреннее напряжение, которое является неотъемлемой чертой самой эстетической атмосферы романа и которое возникает независимо от фабульного драматизма“ [11, с. 89], можно считать, что главным компонентом романа выступает образ героя, передаваемый автором с определенной позиции, выполняющий некую задачу в конструировании целостного каркаса

произведения. При определении функциональной нагрузки женских образов О. Робски необходимо учитывать степень отражения в них гендерных стереотипов массовой литературы.

Специфика женских образов О. Робски заключается в уникальности ее подхода к изображению жителей Рублево-Успенского шоссе, а именно, в реализации понятия „гламур” в русской литературе. Если гламур, с точки зрения О. Робски, подразумевает собой нечто пустое [12], то, собирательный образ ее главных героинь может быть представлен как одинокая гламурная женщина, стремящаяся к счастью, зачастую не прилагающая при этом никаких усилий. Однако гендерное поведение, регулируемое социумом, диктует определенные функции, нормы, что в свою очередь отражено в романе О. Робски „Про любовь/он” [7].

Главной героиней этого произведения выступает Даша – преподаватель ораторской речи, аспирант, скромный и надежный человек, в отличие от главного героя Влада и его жены Лады. Это девушка, которая четко следует неписанным нормам общества, не вступает в конфликтные ситуации, плавно следует течению своей жизни. В образе Даши воплотился образ молодой женщины среднего класса, что является довольно нетипичным для творчества О. Робски. Образ Даши противопоставлен образу Лады, в первую очередь, по интеллектуальным способностям: „... странно, что еще встречаются девушки, которые думают головой, а не всем остальным” [7, с. 233]. Лада представляет собой одинокую женщину, запирающую свою боль и одиночество. Тем самым О. Робски показывает латентную сторону богемной жизни, чувство неудовлетворенности ее представителей в связи с отсутствием теплых человеческих отношений.

Владимир Викторович (Влад) нацелен на решение актуальных задач, что свойственно сильному полу. Поведение главного героя показывает, что его жизнь – это засасывающая рутина, из которой нет выхода, и единственной радостью выступают власть и деньги. С одной стороны, он говорит, что „... деньги – отнюдь не главное в жизни” [7, с. 206], однако, с другой стороны, это противоречит поступкам и помыслам героя. Впрочем, Влад ведет некую игру, манипулируя людьми, играя в человека, которого нет в действительности, поскольку за яркой внешностью героя скрывается цинизм, гедонизм и властолюбие. Следовательно, Влад относится к людям как к вещам, не рассматривая человека сквозь призму духовных качеств: „Брюнетка, с пробегом. Лет сорок. Такая уродина, мне аж пред охраной стыдно стало” [7, с. 198], „женский ум – это интуиция. На уровне подсознания. Потому что в сознании женщины бывают редко” [7, с. 258]. Таким образом, главным поведенческим стимулом героя являются материальные ценности, а для Даши, напротив, ценности моральные, проявляемые в счастье, любви, семейном очаге. Необходимо отметить, что О. Робски передает мужскую точку зрения на женщин в критической интерпретации женщины. Образ Даши в романе реализует архетип семейной женщины, хранительницы домашнего очага и является полной противоположностью образу главного героя.

Писательница проводит своих героев – представителей среднего и высшего классов – через разнообразные жизненные перипетии, используя их поведение в различных ситуациях как средство раскрытия черт характеров ярких и типичных представителей элиты. Поднимая проблемы человеческого общения, власти, денег, одиночества, О. Робски воплощает в образах своих персонажей специфические гендерные отношения, стереотипы,

посредством которых выявляются архетипы, узнаваемые читателями.

Интересно, что некоторые персонажи писательницы остаются безмянными, как, например, в романах „День счастья – завтра” [3, с. 21-23; 6], „Casual” [10]. Возможно, О. Робски подчеркивает тем самым обобщающий, архетипический аспект таких образов.

В романах О. Робски прослеживается тенденция женской эмансипации, проявляющаяся в стремлении к ограничению роли мужчин в первостепенных делах общества и в критике мужской позиции [13, с. 78-79].

Главная героиня романа „Casual” – вдова, имени которой автор не упоминает, – желает найти убийцу своего мужа. О. Робски показывает героиню с разных сторон: как сильную женщину-львицу, стремящуюся защитить все и всех, что ей дорого, и как одинокую женщину, ищущую помощи и защиты. Несмотря на случившиеся события: убийство мужа, поиски убийцы, продажа ее бизнеса, обнаружение истинного отцовства Светланиного ребенка – в конечном итоге, она приобретает свое женское счастье. Таким образом, рассматривая романы О. Робски в гендерном аспекте, можно отметить отсутствие главенствующей позиции мужского персонажа и акцентуализацию внимания на женском протагонисте.

Ольга Никитина из романа „День счастья – завтра” [6] – это гендерное воплощение архетипа бизнес-леди в современном гламурном обществе. При этом героиня отчасти олицетворяет несчастную женщину, лишенную всякого интереса к своему ближайшему окружению, что проявляется в эмоциональной инертности по отношению к близким и активности по отношению к друзьям и тому образу жизни, который она ведет. Таким образом, основными проблемами, затрагиваемыми в данном произведении, выступают эскапизм и рефлексия относительно своего „Я”.

Согласно мнению А. Архангельского, в целом герои О. Робски – это представители современной эпохи, не способные здраво размышлять и прислушиваться к внутреннему голосу, находящиеся в плену современных технологий. Критик отмечает, что достоинством О. Робски как писательницы является умение чувствовать внутреннюю силу произведения, тенденции современной литературы [2, с. 54-55]. Так, в ее первом произведении „Casual” „... каждая страница буквально проникнута неподдельной любовью автора / героини к самой себе – любовью искренней, сильной, жизнеутверждающей” [5]. Этот роман, считает А. Архангельский, является своего рода первой и постулирующей попыткой рассмотрения российской жизни во всех спектрах и подробностях за последние 15 лет [1, с. 54-57].

О. Робски вскрывает основную причину внутреннего конфликта ее женских образов. С одной стороны, героини ее произведений – обычные женщины, стремящиеся к человеческому теплу и простому женскому счастью. С другой стороны, над ними довлеет стереотипное сознание своего социального статуса „светских львиц”, который они стремятся всячески поддержать и сохранить. Подмена семейного счастья тщеславием и меркантильными интересами может привести к потере морального облика героев. В романах О. Робски тема любви занимает подчиненное положение по отношению к темам денег, друзей, шопинга, предметно-бытовых отношений супругов [4]. Исключение составляет роман „Эта Тета” [9], где целью героев, по замыслу автора, является поиск любви, а главной темой произведения выступает сама любовь. Тем не менее, и в этом произведении тема любви за-

тушевана сложными сюжетными перипетиями, описанными с применением богатого арсенала стилистических и художественных приемов [4].

Роман „Устрицы под дождем” [8] отличается от других произведений О. Робски главным местом действия – психиатрической больницей. Писательница показывает этим произведением, что круг ее интересов не ограничивается богатой Рублевкой. Главное действующее лицо романа – главный врач психиатрической больницы Ангелина Петровна, женщина почти бальзаковского возраста, представительница элитной интеллигенции. Она хорошо обеспечена, имеет на содержании любовника, к которому испытывает неразделенные теплые чувства. Еще одну представительницу гламурной интеллигенции писательница характеризует как несчастную женщину, стремящуюся к взаимной любви. Несмотря на профессиональные, образовательные, возрастные отличия этого образа от большинства предыдущих, он служит раскрытию все тех же тривиальных проблем, с которыми сталкивается в своей жизни каждый человек. Следовательно, сущностной характеристикой, объединяющей всех героинь О. Робски вопреки их внешним отличиям, выступают их одиночество и поиск счастья.

Таким образом, проблематика романов О. Робски включает проблемы поиска истинных жизненных приоритетов, счастья, искренних взаимоотношений, решаемые в контексте гламурной социальной среды. Собирательным образом ее романов выступает одинокая женщина с маскулинными и феминными чертами, стремящаяся достичь поставленной цели и страдающая от внутреннего конфликта между стремлением к женскому счастью и статусными стереотипами самовосприятия и поведения.

Список литературы

1. Архангельский А. Книги про тебя / А. Архангельский // Огонек. – 2005. – № 24. – С. 54-57.

2. Архангельский А. Робская сущность / А. Архангельский // Огонек. – 2006. – № 4. – С. 54-55.
3. Бестселлеры художественной прозы XXI века: рек.библиогр. указ. / сост. Э. М. Аманкулова. – Ульяновск: УлГТУ, 2006. – 66 с.
4. Варган С. Оксана Робски: рублевописательница [Электронный ресурс] / С. Варган. 2009. URL: <http://www.luxemag.ru/high-society/5611.html> (дата обращения 05.12.2014).
5. Метелица К. Любовь, смерть и недвижимость [Электронный ресурс] / К. Метелица // Независимая газета. 2005. URL: http://www.ng.ru/style/2005-02-03/8_book.html (дата обращения 05.12.2014).
6. Робски О. День счастья – завтра / О. Робски. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 416 с.
7. Робски О. Про любовь/ on: [роман] / О. Робски. – М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2011. – 314 с.
8. Робски О. Устрицы под дождем / О. Робски. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 317 с.
9. Робски О. Эта-тета: [роман] / О. Робски. – М.: Астрель: АСТ, 2010. – 316 с.
10. Робски О. Casual: [роман] / О. Робски. – М.: Астрель: АСТ, 2010. – 320 с.
11. Рымарь Н. Т. Введение в теорию романа / Н. Т. Рымарь. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1989. – 268 с.
12. Флоринская М. Оксана Робски: Гламур – это бизнес, а не смысл жизни [Электронный ресурс] / М. Флоринская // Энциклопедия шоу-бизнеса. – 2008. URL: <http://www.dailyshow.ru/articles/2008-09-23/robsci/14701> (дата обращения 05.12.2014).
13. Shelton J. The Russian Woman’s Guide to Surviving the Post-Soviet Era: From Detective Fiction to glamurnoechtenie / J. Shelton // eSharp, Special Issue: Reaction and Reinvention: Changing Times in Central and Eastern Europe (2008). – PP. 78-79.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЗАИЧЕСКОГО РИТМА В НЕСЮЖЕТНОМ ПОВЕСТВОВАНИИ

Силантьева Вероника Георгиевна

аспирант, ст. преподаватель каф. английского языка СПбГУ, Санкт-Петербург

В прозе ритм моделируется с помощью повторов. В классическом нарративе, основанном на категории сюжета, повторы замедляют ход повествуемых событий. В несюжетном тексте модернистской прозы повторы не являются досадной заминкой на пути раскрытия авторского замысла, но обладают структурирующим потенциалом.

«Новый» нарратив представляет собой некоторое количество референциальных рамок [5, P.54], субтекстов, внутри которых с помощью повторов единиц разного синтаксического уровня обыгрывается заданная тема. При этом параллельные структуры могут воспроизводиться частично, их элементы перераспределяться, дополняться новыми.

Благодаря актуализации темы становится возможным преодоление ограниченной оперативной памяти адресата и поддержание целостностного восприятия фрагментарного произведения. Сложноорганизованные референциальные рамки удерживают внимание реципиента, заставляя его искать сходства и различия между ее элементами. Более того, тематизируя определенные фрагменты повествования, авторы «новой» прозы определяют

ход интерпретации текста, вовлекая читателя в языковую игру.

Тематизации могут подвергаться единицы разного объема и уровня. Наиболее традиционными для литературы являются лексические повторы и стилистические синонимы. Повторы лексем широко применялись в житиях святых для описания личных качеств святого и воздаяния ему похвалы. Этот прием нацелен на то, чтобы внушить реципиенту определенное представление, например, уважение.

В «новой» прозе лексические повторы создают эффект невротического письма, при котором автор зацикливается на некоторых словах и воспроизводит их несколько раз, чтобы быть услышанным и верифицировать сказанное. Таким образом, текст принуждает читателя верить в реальность описываемых событий.

Ярким примером такой зацикленности повествования является поток сознания слабоумного персонажа из одноименного романа Сэмюэля Беккета «Моллой».

...I know, I know [...] I know that when I thought I knew[...]and that when I know that I know nothing, am only

crying out as I have always cried out[...]Let me cry out then[...]Yes, let me cry out, this time, then another time perhaps, then perhaps a last time. Cry out that the declining sun fell full on the white wall of the barracks. [2, P.25]

I don't know. Not to want to say, not to know what you want to say, not to be able to say what you think you want to say, and never stop saying, or hardly ever, that is the thing to keep in mind, even in the heat of composition. That night was not like other night, if it had been I would have known. [2, P.28]

В двух приведенных фрагментах повторяются не только отдельные лексемы (know, cry out, then, time, say, night), но и фразы (let me, not to, want to say). Интересно, что параллельные структуры как будто набегают одна на другую: продолжается воспроизводство одного элемента и в то же время вводится новая цепочка повторяющихся единиц. При этом композиция завершается единичным употреблением самой частотной лексемы (cry out, known).

В модернистском тексте могут повторяться более комплексных с точки зрения их синтаксической роли единицы. Референциальные рамки, усложняющиеся к качеству рекурсивной структуры не отдельные лексемы, а предложения и фразы, позволяют организовывать пространственные участки текста.

В романе Джона Барта «Химера» фраза «the key to the treasure is the treasure» воспроизводится на протяжении 16 страниц.

'I've read a thousand tales about treasures that nobody can find the key to,' she told me; 'we have the key and can't find the treasure.' [1, PP7-8]

And the treasure, too, if we can only get our hands on it! It's as if-as if the key to the treasure is the treasure!' [1, P.8]
...a man who comes somehow to realize that the key to the treasure he's searching for is the treasure. [1, P.11]

...for the instant he set on paper the words The key to the treasure is the treasure... [1, P.11]

'We're both storytellers: you must sense as strongly as I that it has something to do with the key to the treasure's being the treasure.' [1, P.12]

The only tale I ever invented myself was this key-to-the-treasure one just now, which I scarcely understand... [1, P.12]

If the key to the treasure is the treasure, we don't have it in our hands yet, [1, P.14]

Apparently, then, he and Sherry could conjure the phenomenon at will by imagining simultaneously that the key to the treasure was the treasure... [1, P.15]

I imagine you expect what every man expects who has the key to any treasure a woman needs. [1, P.15]

His experience of love gone sour only made him treasure more highly the notion of a love that time would season and improve [1, P.17]

...his young friend and he ceased to treasure each other... [1, P.17]

...he meant the treasury of art... [1, P.17]

...and surely such boons were rare as treasure keys... [1, P.18]

...were he a bedpartner she could treasure as our Genie treasured his... [1, P.22]

...in that literary treasure-house... [1, P.24]

Основным элементом данной референциальной рамки является фраза «the key to the treasure is the treasure», которая повторяется трижды в неизменном виде. Один раз высказывание снабжается уточняющим членом, придаточным-определятельным: «the key to the treasure he's searching for is the treasure». В двух примерах изменено грамматическое время: «the key to the treasure's being the

treasure», «the key to the treasure was the treasure». В первых двух употреблениях фраза купированна и ее элементы перераспределены: treasures that nobody can find the key to, we have the key and can't find the treasure. В последних шести примерах рекурсивная структура сворачивается, превращаясь в лексические повторы (treasure, treasure, treasury of art, treasure keys, treasure, treasured, treasure-house).

Тематизация отдельных лексем или целых фраз используется «новым» нарративом для структурирования фрагментарного, несюжетного текста, а так же для создания невротического, заикленного типа письма. Однако такой способ ритмизации прозы не является принципиально новым для литературы. По-настоящему новаторской стала тематизация микроэлементов.

К этому виду тематизации относится звуковая симметрия, при которой слова в фрагменте текста скрепляются рифмованными созвучиями. При этом рифмованные повторы могут не учитывать формальных признаков цельности слова. Тематизируются «фонестемы» [3, PP.83-84], под которыми понимается некоторое звукосочетание – начальное консонантное или конечное силлабическое, которое, не подпадая под определение морфемы, тем не менее, проявляет определенные семантические свойства. От морфемы фонестеме отличает, во-первых, меньшая продуктивность и регулярность, во-вторых, большая расплывчатость значения.

В романе Джеймса Джойса «Поминки по Финнегану» встречаются примеры рифмического словопроизводства:

Jute. – Yutah!

Mutt. – Mukk's pleasard.

Jute. – Are you jeff?

Mutt. – Somehards.

Jute. – But you are not jeffmute?

Mutt. – Noho. Only an utterer.

Jute. – Whoa? Whaot is the mutter with you?

Mutt. – I became a stun a stummer.

Jute. – What a hauhauhahaudibble thing, to be cause!

How, Mutt?

Mutt. – Aput the buttle, surd.

Jute. – Whose poddle? Wherein?

Mutt. – The Inns of Dungtarf where Used awe to be he.

Jute. – You that side your voise are almost inedible to me. Become a bitskin more wiseable, as if I were you.

Mutt. – Has? Has af? Hasatency? Urp, Boohooru! Booru Usurp! I trumple from rath in mine mines when I rimimirim! [4, 28]

В данном примере наблюдается синтаксическое и интонационное чередование вопросов и ответов с увеличением длины реплик, а так же рифмовка строчек через одну. В отрывке присутствуют простые рифмы (ard/ards, jeff/jeffmute, wherein/bitskin, he/me, ibble/ible/able, Has/Has af/Hasatency, Urp/Usurp, Boohooru/Booru) и ассонансные чередования (utterer/mutter/stun stummer, uttl/oddle/umple), с нарастанием либо длинны слова, либо долготы гласных звуков по мере продвижения от строчки к строчке. Тоновый рисунок прерывается в последних двух репликах, что указывает на границы данной референциальной рамки.

В тексте «Поминок» так же довольно часто встречаются рифмованные ряды слов с градуальным повышением подъема или продвижением рядности:

Runalittle, dealalittle, preealittle, [а краткое, i долгое, i долгое, качественно-количественное чередование, от более открытого ненапряженного краткого к закрытому напряженному долготому]; pouralittle, wipealittle, kickalittle [о

долгое, аі краткий дифтонг, і краткое, качественно-количественное чередование, от более закрытого напряженного долгого к открытому ненапряженному i]; severalittle, eatalittle, whinalittle [количественное чередование от долгого к краткому]; kenalittle, helfalittle, pelfalittlegnarlybird [количественное чередование согласных и увеличение размера слов].

Для текста Джойса также характерны фонетические параллели с богатыми рифмами (incurable welleslays/uncarable wellasdays, cremoaning/cronauning).

Звуковая симметрия, используемая в «новом» нарративе, вывела идею прозаического ритма на новый уровень. Благодаря рифмическому слововоспроизводству в тексте не только реализуется идея ритма за счет повторов, но ритм становится ощутимым, музыкальным. Традиционные способы ритмизации прозы так же приобретают новое прочтение в «новом» нарративе и начинают использоваться для поддержания целостности повествования и

создания невротического дискурса.

1. Barth J. Chimera. Mariner Books. 2001. 308
2. Beckett S. Three Novels: Molloy, Malone Dies, the Unnamable. Grove Press. 2009. 407
3. Householder, Fred W. 1946. On the Problem of Sound and Meaning, an English Phonestheme // Word 2: 83-84
4. Joyce J. Finnegans Wake Wordsworth Classics. 2012. 656
5. Riffaterre M. Fictional Truth. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1990
6. Whitson J. A., Galinsky A. D. (2008). Lacking Control Increases Illusory Pattern Perception Science, 322 (5898), 115-117
7. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы // Лихачев Д.С. Избранные работы. Т-1, Л.1987 с.386

ИННОВАЦИОННО-АССОЦИАТИВНЫЙ МЕТОД ПОТОКОГРАМ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Сиреканян Вачаган Вагинакович,

кандидат филологических наук, доцент, Южно-Уральский государственный университет, г. Миасс, Челябинская обл., Россия

KEY WORDS: HIERARCHICAL PYRAMID, SELF-ACTUALIZATION, FLOWSCAPE, PATTERN, "TOPOGRAPHIC" MAP.

Sirekanyan Vachagan Vaghinakovich, Ph.D., Associate Professor, South Ural State University branch in Miass, Chelyabinsk region, Russia

АННОТАЦИЯ.

В данной статье рассматривается суть инновационно-ассоциативного метода и его применение на примере анализа восприятия проблемы при обучении английскому языку. Одной из интересных разработок по определению особенностей восприятия и анализа проблем является предложенный известным британским психологом и писателем, экспертом в области творческого мышления Э. де Боно ассоциативно-эвристического метода графических потокограмм - эффективного способа мышления, позволяющего решать практические задачи. Этот метод и предлагаемое ниже его применение представляют практический интерес для использования при рациональном выборе методики обучения иностранному языку с учетом выявленных особенностей обучаемых.

Ключевые слова: иерархическая пирамида, самоактуализация, потокограмма, паттерн, «топографическая» карта.

Innovative-associative method of «flowscape» for foreign language teaching
ABSTRACT.

The article considers the essence of innovation-associative method and its application the assay of perception problems in English language teaching. One of the interesting developments by definition perception features and problem analysis is proposed by the famous British psychologist, writer and an expert in the field of creative thinking E. de Bono. His associative heuristic graphic flowscape of effective way thinking allows to solve practical problems. This method and its application proposed below are of practical interest for use in rational choice the methods for foreign language teaching based on identified features of trainees.

Расширение деловых и культурных контактов с представителями других стран, успешная реализации человека в профессии и улучшение качества его жизни нередко зависят от владения иностранным языком. Поэтому эффективное обучение иностранным языкам - проблема актуальная.

Для процесса обучения иностранным языкам характерно не только растущее количество обучающихся, но и их существенное разнообразие: это и студенты, и школьники, и слушатели профильных специальных курсов, и выбирающие индивидуальное обучение у специалиста; причем, их побуждения к освоению нового языка также могут сильно отличаться. С другой стороны, известны многочисленные методики обучения иностранным языкам, что, в принципе, позволяет учесть различия

в уровне подготовке обучаемых, в их целях, задачах, предпочтениях, возможностях и условиях. Однако и для опытных преподавателей весьма непростой проблемой является оптимальный выбор технологии обучения, которая наиболее соответствовала бы той или иной группе обучаемых, а тем более - каждому из них.

В психологии известно немало методов выявления и учета стимулов, мотивов и других побудительных факторов, влияющих на поведение людей. Это и широко известная иерархическая пирамида потребностей Д. Маслоу, и теории самоактуализации, и методы когнитивной психологии и копинга, и интенсивно развивающиеся в последние годы технологии коучинга, и различные методы НЛП. Одной из новейших разработок по определению особенностей восприятия и анализа проблем является

предложенный широко известным исследователем творческих процессов Э. де Боно ассоциативно-эвристический метод потокограмм. Потокограмма нужна для изучения потоков человеческой мысли. Таким образом, нам удастся с помощью потокограммы «увидеть» собственное мышление, то есть творческий процесс создания мысли. ["Водная логика" стр. 83]. Этот метод и предлагаемое ниже его развитие представляют практический интерес для использования при рациональном выборе методики обучения иностранному языку с учетом выявленных

A.....	Интересные занятия	F
B.....	Временные формы	A
C.....	Словарный запас	J
D.....	Разговорная речь	E
E.....	Диалоги с иностранцами	D
F.....	Хороший преподаватель	I
G.....	Дальнейшее обучение в англоязычной стране	E
H.....	Деловые контакты с иностранцами	E
I.....	Фильмы на английском языке	F
J.....	Книги на английском языке	F

Рис. 1

Вошедшие в данный список словосочетания являются далее «строительными элементами» потокограммы, которая будет служить субъективным образцом, паттерном восприятия проблемной ситуации данным человеком. Процесс (алгоритм) построения потокограммы следующий. Исходные ключевые слова выписывают в столбик и обозначают (маркируют) каждое своей заглавной латинской буквой слева от слова (см. рис. 1). Далее для каждого

особенностей обучаемых.

Рассмотрим суть указанного метода и его применение на примере анализа восприятия проблемы обучения английскому языку. По Боно, вначале решатель проблемы формирует список ключевых слов (ориентировочно их может быть от 10 до 15), ассоциируемых им с данной проблемной ситуацией. В частности, рассмотрим следующий список:

слова выбирают из списка одно из других – из условия, чтобы выбираемое слово было ассоциативно наиболее близко к данному, чтобы реализовать свободное «течение» от одного элемента к другому. Таким образом в списке слов появляется столбец обозначений справа от них. В результате можно графически представить потокограмму, отмечая в ней стрелками маркирующие буквы слева и справа от каждого слова (см. рис. 2).

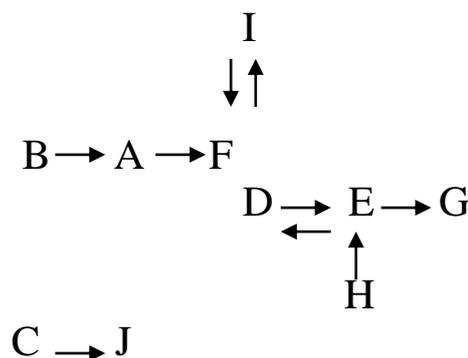

Рис. 2

Э. де Боно выделяет в возможных видах структуры потокограмм следующие типовые особенности:

- «коллекторы» («стоки») – элементы, в которые входит более одной стрелки (в нашем примере это факторы F и E);
- замкнутые циклы («петли»), образуемые несколькими элементами (в рассматриваемом примере сформированы два таких цикла I-F и D-E).

Эти два вида образований выделяют из всего исходного списка наиболее значимые факторы - в отношении которых, прежде всего, следует предпринимать действия по

решению проблемы. В рассматриваемом конкретном случае, отражающем восприятие проблемы обучения английского языка студентом 1 курса, занимающимся английским языком в университете и дополнительно, со специалистом самыми значимыми факторами оказались: интересные занятия, разговорная речь, фильмы на английском языке, диалоги с иностранцами.

Для сравнения ниже (рис.3) приведена потокограмма, полученная из тех же исходных факторов, но студентом 4-го курса университета;

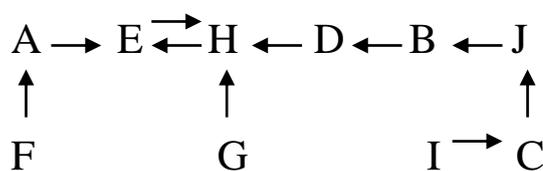

Рис. 3

откуда следует, что в данном случае наиболее значимо воспринимаемыми элементами проблемной ситуации являются разговорная практика с иностранцами и деловые контакты с ними. Интересно отметить, что среди обучаемых иностранному языку, которые строили свои индивидуальные потокограммы, нередко в список исходных ключевых слов вводится фактор «лень» как один из труднопреодолимых барьеров на пути освоения нового языка.

Можно отметить такую странную особенность практически всех публикаций Э. де Боно как отсутствие в них ссылок на научные результаты предшественников (что затрудняет объективную оценку и его работ). Например, известны предложенные Э. де Боно такие эффективные модели восприятия, родственные потокограммам, как логико-ассоциативные «топографические» карты Т.Бьюзена, логико-эвристические методы изобретательства, в частности, метод фокальных объектов (метод поиска новых идей путем присоединения к исходному объекту свойств или признаков случайных объектов).

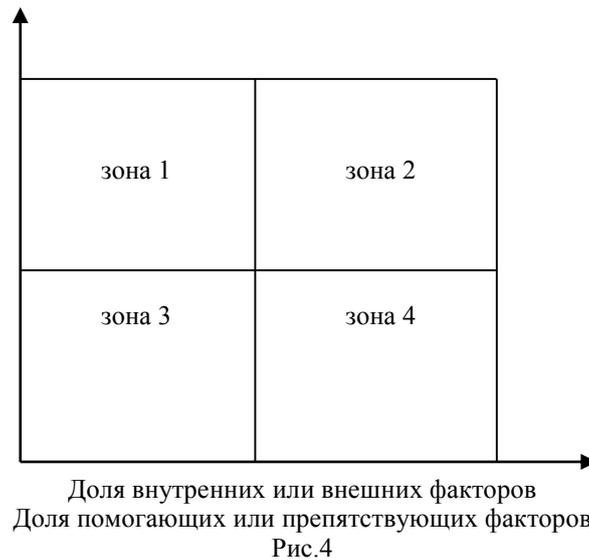
В развитие методики построения и применения потокограмм можно предложить следующее.

Во-первых, применительно к задачам обучения иностранному языку представляет практический интерес формирование для различных групп обучаемых (и для каждого в группе), а также для преподавателей не только индивидуальных списков слов, но и единого для всех списка ключевых слов, оставляя за каждым «тестируемым» индивидуальный выбор ассоциативно-логических связей (стрелок) между заданными элементами. При этом открывается возможность сравнительного анализа структур потокограмм и, прежде всего, получаемых «стоков» и

«циклов», что позволит выявить особенности восприятия проблемы обучения разными группами обучаемых и при необходимости ввести коррективы в это восприятие с целью совершенствования учебного процесса (в том числе с учетом рекомендаций той или иной методики, отражаемых в потокограммах преподавателей). Технологии таких управляющих воздействий можно осуществлять, используя не только способы из арсенала методистов преподавателей иностранного языка, но и из других прикладных наук, в частности, эффективны приемы рефрейминга из НЛП [5], модель SWOT – анализа из маркетинга, программно-целевой подход и функционально-ресурсный анализ.

Во-вторых, представляется целесообразным при построении потокограмм формировать ассоциативные связи каждого слова не только с одним, но и с двумя из списка; это позволит более адекватно отразить восприятие проблемной ситуации.

В-третьих, при анализе индивидуальных потокограмм предлагается выделять (группировать) в исходных элементах факторы, относящиеся к препятствующим или помогающим решению данной проблемы; другой принцип их деления - относятся ли они к внешней среде или характеризуют внутренние ресурсы и другие особенности решателя проблемы. При групповой диагностике восприятия проблемы обучения полезна также классификация по четырем комбинациям этих двух признаков; ее результаты можно представить в виде следующей таблицы, содержащей четыре зоны, в каждой из которых соответствующая доля всех исходных факторов (см. рис.4).

- Зона 1- помогающие внешние факторы
- Зона 2- помогающие внутренние факторы
- Зона 3- препятствующие внешние факторы
- Зона 4- препятствующие внутренние факторы

В-четвертых, метод потокограмм, названный его автором «водной логикой», По-существу является «предлогикой», ибо позволяет оценивать лишь восприятие проблемы (да и то только одним из возможных способов). Но и эта, начальная стадия жизненного цикла комплексного процесса постановки, анализа и решения проблем является весьма значимой, ибо неадекватное восприятие проблемной ситуации обуславливает нерациональное (а возможно, искаженное, неудовлетворительное и даже неприемлемое по последствиям) решение. И это обстоятельство

является еще одним доводом в пользу предлагаемой корректировки индивидуальных потокограмм.

Подводя итог проведенному предварительному анализу возможного применения и развития метода потокограмм при обучении иностранному языку, можно сделать вывод о целесообразности проведения системного исследования, с предлагаемым выделением обучаемых по группам, с выявлением соответствующих им особенностей восприятия проблем (как общей проблемы обучения иностранному языку, так и частных – например, проблемы

эффективного освоения разговорной речи), а также возможных способов их учета и корректировки в процессе обучения.

Литература

1. Боно Э., Водная логика. Water Logic – Минск, 2006.
2. Хэгболдт П., Изучение иностранных языков. – М, 1995.
3. Будащевский В.Г., Сиреканян В.В., Проблемы обучения иностранному языку и поиск рациональных технологий их решения. - Екатеринбург, 2004.
4. Маслоу А., Мотивация и личность. – С-Пб: «Питер», 2006.

5. НЛП-рефрейминг, или как изменить реальность в свою пользу. Вектор, С-Пб, 2006.
6. Будащевский В.Г., Сиреканян В.В., Применение новой технологии «Ментальных карт» Бьюзена с целью повышения эффективности обучения иностранному языку. - Екатеринбург, 2009. - с.146-149
7. Сиреканян В.В., Возможные типовые ошибки при обучении иностранному языку и способы их преодоления В сборнике: НАУКА ЮУрГУ материалы 66-й научной конференции (Электронный ресурс). 2014. с. 1545-1548.

РАЗВИТИЕ УНИВЕРСАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ У ШКОЛЬНИКОВ ПРИ ОБОБЩЕНИИ ЛИТЕРАТУРНОГО МАТЕРИАЛА

Смирнова Ирина Львовна

Заслуженный учитель России русского языка и литературы, МБОУ СОШ №7 Г.Дзержинск

С введением новых образовательных стандартов в образовании начались активные поиски рационального преподавания литературы. В системе начального, среднего и старшего образования Российской Федерации обучение литературе ведется по различным учебным комплексам, где возможно применение развивающих подходов, авторских и индивидуальных программ. В федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования введено понятие «универсальные учебные действия», формирование которых начинается в начальной школе. Современный урок должен соответствовать требованиям ФГОСа – нацеленность деятельности на усвоение универсальных учебных действий (УУД).

При работе с литературными произведениями развиваются все универсальные учебные действия (личностные, регулятивные, познавательные, коммуникативные), направленные на успешность обучения и развитие литературной компетентности.

Личностные УУД обеспечивают ценностно-смысловую ориентацию обучающихся (умение соотносить поступки и события с принятыми этическими нормами) и ориентацию в межличностных отношениях.

Регулятивные УУД помогают определить целеполагание, планирование, прогнозирование, оценку (осознание качества и уровня усвоения) материала.

Познавательные УУД обеспечивают самостоятельное формулирование познавательной цели, поиск и выделение необходимой информации (основной и второстепенной), умение осознанно строить речевое высказывание в устной и письменной речи, соблюдая нормы построения текста; установление причинно-следственных связей, построение логической цепи рассуждений, доказательства.

Коммуникативные УУД обеспечивают постановку вопросов – инициативное сотрудничество в поиске и сборе информации, владение монологической и диалогической формами речи в соответствии с грамматическими и синтаксическими нормами русского языка.

Рассмотрим элементы обобщающего урока по циклу стихотворений А.Блока, связанные с развитием универсальных учебных действий старшеклассников.

Ведущая идея изучения творчества А.Блока – постижение личности поэта и его трагедии через лирику. Концепция – изучение поэзии не отдельными стихами, а стихотворными циклами («Стихи о Прекрасной Даме»,

«Ямбы», «Возмездие», «Родина» и как итог поэма «Двенадцать»). Прослеживаем Образ Прекрасной Дамы и его видоизменения, в частности, образ Родины - исключительно женский образ у Блока и его отношение к Родине очень личное: невеста, жена, мать. В цикле «Родина», завершающем лирический путь поэта, сошлись все темы его предыдущих сборников, а в символическом образе ветра – намёк на будущую поэму «Двенадцать» - последний всплеск творческого гения поэта. Анализируя цикл «Ямбы», обращаем внимание на пушкинские, лермонтовские, некрасовские, тютчевские традиции в осмыслении поэтом своего назначения.

Идея урока – цикл «Родина» - потрясающий сборник, в котором лирика поэта достигла вершины и аккумулировала в себе лучшие страницы русской поэзии.

1 этап – проблемный вопрос «Почему цикл открывается 5-частным стихотворением «На поле Куликовом»? К какому произведению отсылают нас «крики лебедей», «степная даль», «ночная мгла», «тучи чёрные» врагов, зарницы, «стерегущие князя», мила друга помнящая «светлая жена»?

Вспомним идею «Слова о полку Игореве» - «врозь бьются княжеские стяги» - идею единения.

Сейчас 1908 год, а мысль та же «Да, ночные пути, роковые, развели нас и вновь свели, и опять мы к тебе, Россия, добрались из чужой земли». И впереди Первая мировая, и гражданская, которая вновь разделит на друзей и врагов.

2 этап – рисуем образ России строчками одноимённого стихотворения.

Нищая Россия, серые избы, расхлябанные колеи, лес да поле, долгая дорога - тютчевские бедные селенья, скудная природа, смиренная нагота, край родной долготерпенья. У Тютчева родную землю царь небесный благословляет - у Блока «невозможное возможно».

Плат узорный до бровей, мгновенный взор из-под платка, разбойная краса – героиня «На железной дороге», безусловно, заставляет вспомнить некрасовскую «Тройку» («чернобровая дикарка с алой лентой»). Размышления Некрасова о трудной доле русской женщины, красота которой гибнет в подневольном труде, продолжают описание судьбы блоковской девушки, раздавленной колёсами поезда. Вопрос о судьбе России остаётся открытым.

Тютчевская тема продолжается блоковским стихотворением «Осенний день». Вспомним прекрасный осенний пейзаж в стихотворении «Есть в осени первоначальной» - лёгкая грусть по ушедшему лету – тоскливая журавлиная песня и думы автора о судьбе своей страны «О, нищая моя страна, что ты для сердца значишь? О, бедная моя жена, о чём так горько плачешь?»

Пронзительным продолжением этого стихотворения звучит следующее

Там неба осветлённый край
Средь дымных пятен.
Там разговор гусиных стай
Так внятн.
Свободен, светел и силён,
В дали любимой
Я слышу непомерный звон
Неуследимый.
Там осень сумрачным пером
Широко реет,
Там старый лес под топором
Редеет.

Давайте вспомним, зачем и кому понадобился топор? Раскольников желал кровью утвердить власть избранного человека над другим человеком (тварью дрожащей), а Лопухин – построить новую богатую жизнь на месте уничтоженного прекрасного сада. Что это? Очередная попытка заглянуть в будущее, предостережение, пророчество???

Облик новой России нарисован в стихотворении «Новая Америка» - «гарь горячая», «фабричные трубы», «заводские гудки», «многорусный корпус завода», «чёрный уголь – царь и жених», «каменные песни»

Попробуем соединить «нищую Россию», молодую девушку, погибшую под колёсами поезда, редущий под топором лес и каменные песни новой Америки – России. Ваше ощущение (не забудем: Блок – символист).

3 этап – обращаемся к последним стихам сборника. Одно из них датировано 1 сентября 1914 года.

О чём напоминает эта дата? Давайте вспомним самые пронзительные строки русской литературы о войне и перечитаем их (лермонтовский «Валерик»)

Уже затихло всё; тела
Стащили в кучу; кровь текла
Струёю дымной по камням,
Её тяжёлым испареньем
Был полон воздух.
... Жалкий человек.
Чего он хочет!... Небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно

Один враждует он – зачем?

и толстовское описание Бородинского поля после сражения: «Над всем полем ... стояла мгла сырости и дыма и пахло странною кислотой селитры и крови. Собрались тучки и стал накрапывать дождик... как будто говорил: Довольно, довольно, люди! Перестаньте... Опомнитесь, что вы делаете?»

«Петроградское небо мутилось дождём» - в этом ряду. Почему? Какую традицию русской литературы продолжает Блок? Когда в 1905 он напишет «Девушку, певшую в церковном хоре» и закончит словами «И только высоко у царских врат, причастный тайнам, плакал ребёнок о тех, кто уже не придёт назад», ещё не будет ни 14, ни 17 года с их страшными событиями, которые способны уловить лишь чуткое ухо поэта.

Финальный аккорд – стихотворение «Коршун» В чём символический смысл картинки: мать в избушке поёт колыбельную сыночку, коршун круг за кругом (у автора 3 раза повторяется слово) кружит над ними? Как называются вопросы, завершающие стихотворение и сборник? Почему? И почему они стали для русской литературы традиционными?

В страшные времена входит Россия. В этом сборнике мы найдём много свидетельств тому « Долго будет Родина больна», и творческая судьба А.Блока тоже закончилась, он скажет о «своём обугленном лице», о душе, «ослепшей для видений».

Таким образом, одним из важных проблемных вопросов для учащихся будет следующий: что делает образ Родины в стихотворениях Блока таким необычным?

Овладение процедурами смыслового и эстетического анализа текста способность критически оценивать и интерпретировать прочитанное, осознание коммуникативно-эстетических возможностей родного языка на основе изучения выдающихся произведений российской культуры помогает воспитать квалифицированного читателя со сформированным эстетическим вкусом, способного осознать значимость чтения и изучения литературы для своего дальнейшего развития.

Литература

1. Андреев Д. Роза мира. Книга Х. К метаистории русской культуры. - Москва: "Руссико", 1991г.
2. Блок А. Избранное. –Москва: АСТ, Олимп, 1996
3. Быков Б. Вечный Блок. –СПб: Амфора, 2005
4. Концепция федеральных государственных образовательных стандартов общего образования: проект/ РАО; под ред. А.М. Кондакова, А.А. Кузнецова. – М.: Просвещение, 2010

СКИФСКАЯ ТЕМА В ТВОРЧЕСТВЕ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

Созина Елена Михайловна

соискатель по кафедре литературы и русского языка, МГТУ имени Шолохова, учитель МАОУ СОШ №69 ЦРО, г. Рязань

Тема скифов стала необычайно популярной в русской культуре XIX - начала XX вв. Интерес к ней вырос после сенсационных открытий археологических памятников в Северном Причерноморье. Скифами интересовались видные историки и филологи (А.С. Лаппо-Данилевский, М.И. Ростовцев и др.). Ими были увлечены

художники («Битва славян со скифами» В. Васнецова, книжная графика К. Петрова-Водкина и П. Хентовой) и музыканты («Скифская сюита» С. Прокофьева). Большим успехом пользовался перевод на русский язык книги немецкого ученого О. Шрадера «Индоевропейцы» (1913), в которой родословная славян возводилась к скифам. Не

раз к этой теме обращались и поэты Серебряного века [см. 2,3,4,7,8,9 и др.].

Интересно и своеобразно представлена скифская тема в творчестве Вячеслава Иванова: в его стихах актуализировалась генетическая связь «дионисийского» жизненного ощущения и скифства. В наследии поэта можно условно выделить целый ряд произведений, связанных с разными гранями «скифского» мифа.

Так, мотивом стихии, вырывающейся на поверхность культуры, объединены стихотворения Вяч. Иванова «Скиф пляшет» (из цикла «Парижские эпиграммы» (1891)) и «Полет» (1899).

В стихотворении «Скиф пляшет» (1891) полностью раскрывается то увлечение дионисийством, которое было так характерно для раннего творчества Вяч. Иванова [подробнее о дионисийстве Вяч. Иванова см. 1, С.443 – 461]. Стихотворение представляет собой поэтическое описание национальных черт русского характера – говоря о скифах, автор подразумевает себя и своих сограждан-современников. В стихотворении звучит мотив противостояния «вольного» Востока и «ограниченного» условностями и барьерами разного рода, окосневшего Запада: «Нам, нестройным – своеволье! / Нам – кочевье! Нам – простор! / Нам – безмежье! Нам – раздолье! / Грани – вам, и граней спор» [5, т.1, с.627].

И, как частный момент в этой дихотомии «своего» и «чужого» возникает противопоставление Закона и Хаоса, где дионисийский Хаос оказывается частью «своего» пространства: «Стены Вольности и Прав / Диким скифам не по нраву. / Guillotin учил вас праву... / Хаос – волен! Хаос – прав!» [5, т.1, с.627]

«Скифская» стихия не признает ограничений, но за ней чувствуется созидательный потенциал, в котором поэт отказывает мнимой европейской гармонии: «В нас заложена алчба / Вам неведомой свободы. / Ваши веки – только годы, / Где заносят непогоды / Безыменные гроба» [5, т.1, с.627].

В итоге стихотворение оказывается проникнуто антизападническим пафосом и становится наиболее полным выражением «скифской» идеи в творчестве Вяч. Иванова.

Вновь мотив не признающей ограничения стихии возникает в сонете Вяч. Иванова «Полет» (1899). И снова он оказывается связан с темой творчества, созидания, из-за чего поэт переосмысливает традиционный образ вдохновения – Музу. Она предстает всадницей, несущей в мир очистительную огненную бурю: «Ты, Муза вещая! Мчит по громам созвучий / Крылатый конь тебя! По грядам облаков, / Чрез ночь немых судеб и звездный сон веков, / Твой факел кажет путь и сеет след горячий» [5, т.1, с.609]. Музу сопровождает «музыка, обвита бурной тучей», «гул бездн» и «звон подков». Сам «надвременный брег», куда «певец» переносится вместе с музой, описывается как средоточие полного живительных сил хаоса: «Где я?.. Вкруг туч пожар – мрак бездн, – и крыльев снег, / И мышцы гордые напрягшихся титанов» [5, т.1, с.609]. Следует отметить, что в сонете также присутствует номадический мотив: движение здесь предстает как состояние духа, а не тела. Поэт и Муза в своей скачке устремляются от «ничтожества, сует, страстей, самообманов» к неизвестному.

Мотив скитальчества снова появляется, но уже как один из ведущих, в таких стихотворениях Вяч. Иванова, как «Кочевники красоты» (1904) и «Пришлец» (1904). Характерно, что в первом из них этот мотив снова оказывается связан с темой творчества: в стихотворении «Кочевники красоты» Вяч. Иванов создает образ художников-кочевников, пасущих «табуны грез». Поэт обращается к ним с призывом разрушать «ветхий» мир: «И с вашего

раздолья / Низриньтесь вихрем орд / На нивы подневоля, / Где раб упрягом горд» [5, т.1, с.778].

Он предрекает появление мира «нового»: «Топчи их рай, Аттила, - / И новью пустоты / Взойдут твои светила, / Твоих степей цветы» [5, т.1, с.778]. Примечательно, что образом нового мира становится степь. Это находит свое объяснение в рамках «скифского» мифа, в котором степь воспринимается как пространство свободы.

Другой вариант развития номадического мотива наблюдается в стихотворении «Пришлец» (1904). В нем скитальчество также осмысливается как особое, «иное» состояние духа, но теперь скитальцем, пришельцем оказывается не художник или Муза, а бог: «Предреченный утешитель, / Где ж он, где, Сивилла?» – «Оглянись: / За тобой вершитель, разрешитель». / – «Кто ты, чуждый?» – «Дионис!» [5, т.1, с.753].

Теперь мотив кочевья оказывается тесно связан с мотивом «исправления» исторического христианства: в христианской традиции пророчество Тибуртинской сивиллы о рождении Утешителя трактуется как пророчество о Рождестве Христа (существует даже православная икона «Сивилла Тибуртина пророчесует императору Августу о рождении Христа») [10], здесь же поэт его рассматривает как пророчество о рождении Диониса. Однако замены фигуры Христа не происходит, поэт явно пытается синтезировать язычество и христианство в одно целое: свирель его Диониса поет вместе с «благовестом молитвы». Следует отметить и ту характеристику, которую дает себе ивановский Дионис – «В чреве Я взыгравший Бог». Здесь чувствуется отсылка к евангельскому эпизоду встречи матери Иоанна Предтечи святой Елизаветы и Богородицы: «Встав же Мария во дни сии, с поспешностью пошла в нагорную страну, в город Иудин, и вошла в дом Захарии, и приветствовала Елисавету. Когда Елисавета услышала приветствие Марии, взыграл младенец во чреве ее; и Елисавета исполнилась Святаго Духа, и воскликнула громким голосом, и сказала: благословенна Ты между женами, и благословен плод чрева Твоего!» (Лк., 1:39-42) Обычно это событие понимается, как первое предсказание Иоанна Предтечи о Мессии. Следовательно, можно предположить, что в стихотворении Вяч. Иванова возникает образ Диониса как своего рода языческого предтечи Иисуса Христа, предтечи, реабилитирующего человеческую страстность, стихийное начало.

Размышлениям над тайной стихии и ее оправданию посвящено и стихотворение Вяч. Иванова «Хмель» (1904), которое следует рассматривать в другом мотивном контексте. В нем появляется мотив опьянения, который оказывается связан с темой сотворения мира, что задается уже словами эпитафии «Хмель, это – тайная душа нашей жизни. Мир – хмель божества» («Пламенники»). Поэт видит основу бытия как стихию, но стихию антиномичную: ее выражением становятся не только «разгул пиров предмирных, / Первых волн слепой разбег», но и «тихое похмелье» современности: «Но и древле распрей мир, и ныне / Мир разлук, – семи разлук свирель, / Пьяный сон луча в его пустыне, – / Вечного прозрачный хмель» [5, т.1, с.753].

В этом стихотворении звучит та же мысль о многоликости стихии, что и в статье Вяч. Иванова «Ницше и Дионис» (1904): «Равно дионисийны пляски дубравных сатиров и недвижимое безмолвие потерявшейся во внутреннем созерцании и ощущении бога мэнады» [5, т.1, с.719]. По мысли автора, именно это и придает смысл стихийному началу: «оргийное самозабвение», «ужас и возторг потери себя в хаосе» должны быть прологом «нового обретения себя в Боге». Таким образом, в своем стихотворении поэт вновь утверждает творческий потенциал

«Дионисовых энергий».

Однако не все так однозначно. Вяч. Иванов видит и разрушительный потенциал дионисийского буйства. Мотив разрушительной стихии возникает в его стихах, так или иначе затрагивающих тему будущего России. Их объединяют апокалипсические мотивы «скифского» мотивного комплекса.

Впервые эти мотивы возникают в стихотворении Вяч. Иванова «Астролог» (1905). Прежде всего в тексте звучит мотив эсхатологических предчувствий. Лирический герой стихотворения, астролог, утверждает: «Чредой уставленной созвездья / На землю сводят меч и мир: / Их вечное ярмо склонит живущий мир / Под знак Безумья и Возмездья. / Дохнет Неистовство из бездны темных сил» [5, т.2, с.252].

Здесь слышится отсылка к Откровению Иоанна Богослова: «Он взял дракона, змия древнего, который есть диавол и сатана, и сковал его на тысячу лет, и низверг его в бездну, и заключил его, и положил над ним печать, дабы не прельщал уже народы, доколе не окончится тысяча лет; после же сего ему должно быть освобожденным на малое время» (Откр., 20:2,3). Следовательно, в стихотворении появляется тема растворения адских врат и освобождения антихриста. В пространстве текста эта тема связана с мотивом стихии, взрывающей на своем пути все ограничения: «И вы воспляшете, все обезумев разом / На свежих рывтинах могил. / И страсть вас ослепит, и гнева от любви / Не различите вы в их ярмом искаженье; / Вы будете плясать – и, пав в изнеможенье, / Все захлебнуться вдруг возжаждете в крови» [5, т.2, с.252]. Также ее поддерживает мотив опынания: «Блажен безумьем жрец! И, чья душа пьяна, - / Пусть будет палачом!..» [5, т.2, с.252]. Перед читателем предстает картина воистину дикарского буйства, как будто иллюстрирующая тезис самого Вяч. Иванова, позже высказанный им в статье «О Дионисе и культуре» (1908): «Дионис в России опасен: ему легко явиться у нас гибельною силою, неистовством только разрушительным» [5, т.3, с.126].

Еще более отчетливо апокалипсические мотивы звучат в стихотворении Вяч. Иванова «Язвы гвоздиные» (1906). В первых же его строках оказывается заявлен мотив эсхатологических предчувствий: «Сатана свои крылья раскрыл, Сатана / Над тобой, о родная страна!» [5, т.2, с.256] Позже возникает мотив русского мессианства, духовного избранничества. В стихотворении звучит мысль, что Россия была «Христовой звана» и именно этого высокого звания, на радость дьяволу, лишается теперь, утратив способность различать добро и зло: «И Христос твой – сором: вот идут на погром – / И несут Его стяг с топором» [5, т.2, с.256]. Характерно, что для описания отступления России от Бога поэт использует библейский образ: Россия предстает неверной невестой Господа: «И ликует, лобзая тебя, Сатана, – / Вот, лежишь ты, красна и черна; / Что гвоздиные свежие раны – красна, / Что гвоздиные язвы – черна» [5, т.2, с.256]. Этот отрывок вполне сопоставим со стихами пророка Иезекииля: «За твой разврат и за твои мерзости терпишь ты, – говорит Господь. Ибо так говорит Господь Бог. Я поступлю с тобой, как поступила ты, презрев клятву нарушением союза» (Иезек. 16:58,59). Таким образом, поэт дает здесь свою вариацию мотива русского мессианства – у него появляется Россия как недостойная Божья избранница, подобная Иерусалиму древности.

Вновь этот вариант мессианского мотива появляется в стихотворении «Недугующим» (1914). Превознося «Совесь русскую», способную противостоять самой Судьбе, поэт отмечает, что она потеряла свои нравственные ориентиры: «Ты блуждаешь во Христе / И соблазняешься

любовью». Но в стихах звучит надежда на то, что Россия еще способна восстановить свой союз с Богом, поэт прямо призывает ее к этому: «О Совесь русская! Пора / Тебе, переболевшей ложью / Уединенного добра, / Беглянке овчего двора, / Войти с народом в Правду Божью!» [5, т.4, с.25]

Полным надежд оказывается и стихотворение Вяч. Иванова «Бу/ди, бу/ди» (1916), навеянное событиями Первой мировой войны. В нем настойчиво звучит мотив перемещения мессианского центра на Восток: «В годы крестного труда / Помни, Русь, обет пророка: “Воссияет от востока / Царства Божия звезда”» [5, т.4, с.51]. Общий тон стихотворения отличается приподнятостью.

Пытаясь осмыслить революционные события 1917 года, поэт создает свой цикл «Песни смутного времени», в котором приходит к выводу, что теперь он и его современники являются свидетелями той эры очищения мира, которую предчувствовали ранее: «Может быть, это смутное время / Очищает распутное племя; / Может быть, эти лютые дни – / Человечней пред Богом они, / Чем былое с его благочинной/ И нечестья, и злобы личиной» («Может быть, это смутное время...») [5, т.4, с.73].

Поэт надеется, что за гибелью знакомого мира грянет его возрождение в новом, лучшем виде, и вопрошает: «Не весна ли в подполье пахнула? / Не Судьи ль разомкнула труба / Замурованных душ погребца?» [5, т.4, с.73].

Мотив спасения через гибель звучит и в другом стихотворении того же года «Да, сей пожар мы поджигали...». Оглядываясь в прошлое, поэт приходит к выводу о коллективной ответственности всех, кто «призывал Диониса», за то, что происходит с Родиной: «Да, сей пожар мы поджигали, // И совесь правду говорит, // Хотя предчувствия не лгали, // Что сердце наше в нем стогрит» [6, с.236].

Он готов со смирением принять последствия этого шага («Гори ж, истлей на самозданном, / О сердце-Феникс, очаге» [6, с.236]) и полон надежды на то, что разгоревшийся пламень окажется очистительным, а предпринимаемые действия – спасительными: «Кто развязал Эолов мех, / Бурь не кори, не фарисействуй» [6, с.236].

Отдельно следует говорить о поздних стихотворениях Вяч. Иванова, часть из которых также связана со «скифским» текстом русской литературы. Эмигрировавший в Италию поэт заново осмысляет тему скитальчества. Она звучит в стихах «Повсюду гость и чужанин...» (1928), «Сверстнику» (1928), но с точки зрения темы нашего исследования наибольший интерес представляет стихотворение «Идти, куда глядят глаза...» (1944). В структуре этого стихотворения огромное место занимает мотив кочевья как особого состояния духа. Однако поэт его реинтерпретирует: в первой части стихотворения предстает описание вечного движения, характерное для «скифского» текста Серебряного века («Простор – предощущенье Бога»), но во второй перед читателем предстает лирический герой стихотворения – «заточник вольный», который дорожит «теснотой укромной» и полностью отвергает такое отношение к скитальчеству: «Исхожены тропы сухие, / И сказку опровергла быть. / Дорога – бег ползучий змия, / С высот низринутого в пыль» [6, с.188].

Таким образом, мы можем рассматривать это стихотворение как своего рода свидетельство отказа Вяч. Иванова от поэтизации страстного состояния, переосмысления роли «скифских» энергий в собственной судьбе. В целом же в творчестве Вяч. Иванова явление «скифства» предстает в концептуально отточенном, художественно завершенном виде.

Список литературы

1. Буева, Л.П. Дионисийство как культурно-антропологическая проблема (вариации на темы Вяч. Иванова) // Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. – М.: Русские словари, 1999. – 488с.
2. Бражников, И.Л. Русская литература XIX – XX веков: историософский текст: Монография. – М.: МПГУ, 2011. – 240 с.
3. Бобринская, Е. «Скифство» в русской культуре начала XX века и скифская тема у русских футуристов // Искусствознание – 1998. - №1 - 445 — 467 с.
4. Воронова, О.Е. Сергей Есенин и русская духовная культура: Научное издание. - Рязань: Узорочье, 2002. - 520 с.
5. Иванов, В.И. Собрание сочинений: в 4 т. - Брюссель: «Foyer Oriental Chrétien», 1971 - 1987. – Т. 1. 872 с., Т.2. 851 с., Т.3. 896 с., т.4, 800 с.
6. Иванов, Вячеслав. Стихотворения, поэмы, трагедии: в 2-х книгах. - СПб. Академический проект, 1995г. – Книга 2-ая. – 432 с.
7. Серёгина, С.А. «Скифы»: рецепция символистского жнзнетворчества (Иванов-Разумник, Андрей Белый, Есенин, Клоев) // Поэтика и проблематика творчества С.А. Есенина в контексте Есенинской энциклопедии. – М.: «Лазурь», 2009. – 496 с. С.281 – 299.
8. Созина Е.М. «Скифский текст» в творчестве поэтов Серебряного века // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». - №5. – 2010. – М.: Изд-во МГОУ. – 124 с. С.104-109.
9. Солнцева Н. М. «Скифы и скифство в русской литературе» [Электронный ресурс] //Интернет-энциклопедия «Стефанос: Русская литература и культурная жизнь. XX век», Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова [сайт] [2008] – Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~modern/main.php?page=948> (дата обращений: 11.01.2014)
10. Спафарий Николай. Книга о сивиллах, сколько их было и каковы их имена и о предсказаниях их [Электронный ресурс]/Николай Спафарий // Ленинка.ру. Прошлое... Настоящее... Будущее... [сайт] Режим доступа: <http://leninka.ru/index.php?doc=2955> (дата обращения: 29.09.2013). – Загл. с экрана.

ЗАИМСТВОВАНИЕ КАК ЯЗЫКОВОЙ МЕХАНИЗМ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА

Строкова Вероника Игоревна

Магистр филологии 1 курса, КубГУ, г. Краснодар

Исследование рекламы как социокультурного феномена показывает, что важнейшим языковым механизмом и средством её создания является заимствование. В. В. Зирка в статье «Заимствования в рекламе: мода и информативность» характеризует информацию как гиперобъект всех наук, которая определяет «универсальную философскую категорию, именуемую в каждой из сфер деятельности человека свои особенности проявления» [3, с.1].

По нашим наблюдениям, информативность в рекламных текстах имеет свои специфические аспекты проявления и подразумевает не только способность участия в акте коммуникации, но и методы передачи и принятия сообщения, сущность самого передаваемого текста. Как отмечает В. В. Зирка, «рекламное обращение носит интегративный характер. Ему присуща семиотическая осложненность. Кроме лингвального компонента, в тексте рекламы присутствуют невербальные компоненты – иконические, шрифтовые, цветовые, пространственно-композиционные – все это также несет в себе информационную нагрузку» [3, с.1].

По мнению многих исследователей, одним из способов и средств языкового формирования рекламного текста является заимствование. С помощью иностранной лексики копирайтеры привлекают внимание потребителя к рекламируемому товару, создают эффект престижности и реализуют суггестивную сторону рекламного обращения. Ведь иноязычное слово «способно привлечь внимание читателя своей необычностью, экзотичностью, «модностью», «авторитетностью», заставить реципиента вчитаться в рекламный текст, хотя бы для того, чтобы попытаться понять смысл слова-зацепки» [3, с.3]. Например, реклама из модного журнала «Glamours»: «Суперзвезда одевается просто – джинсы, футболка, кашемировый свитер. Туфли на плоской подошве. Каблуки не любит.

Любит все так, как полагается it-girls». Английское словосочетание «it-girls» понимается как образец поведения молодой девушки из очень обеспеченной семьи, которая посещает популярные вечеринки и разбирается в моде. Таким образом, при помощи заимствования происходит не только привлечение внимания к рекламному сообщению, но и навязывание читателю журнала образа модной жизни, воспринимаемой как идеальной.

По наблюдениям многих исследователей, последние 20 лет отмечается тенденция активного заимствования слов из иностранных языков, в основном из английского, французского, реже немецкого. Это можно объяснить тем, что в условиях глобализации усилились самые разнообразные контакты между странами мира, в том числе в области моды, бизнеса, культуры, и Россия стремится стать похожей на страны Западной Европы, перенимая у неё как некоторые формы и элементы массовой культуры (трансляция различных сериалов, ток-шоу и т.д.), так и многие слова, и выражения, используемые в средствах массовой информации и в рекламной сфере. По мнению Т. А. Будановой, «наибольшее количество рекламного материала с англоязычными заимствованиями содержат такие глянцевики журналы, как «Я покупаю», «Лиза», «Mini», «Glamours», «Cosmopolitan», «Elle», «Gloria» и др. В данных источниках было обнаружено 680 лексических заимствованных единиц, причем самыми часто употребляемыми оказались такие слова, как SPA, wellness, нейл-арт, бодибилдинг, имидж-мейкинг, гламур, фитнес, стайлинг, брашинг, пилинг, шейпинг и др.» [1, с.2]. Необходимо отметить, что эти иноязычные слова используются в основном в рекламных текстах, которые размещены на страницах перечисленных глянцевых журналов.

Как отмечает Т. А. Будановой, рекламный текст «содержит огромное количество англоязычных заимствований, так как английский язык, ставший в конце XX

века ведущим средством международного общения, хранения и передачи информации, оказывает значительное влияние на русский язык» [1, с.2].

По нашим наблюдениям, в настоящее время отмечается рост интереса не только к западной культуре и английскому языку, но и к культуре дореволюционной России, отраженной в текстах рекламных сообщений. В области лексики прослеживается возвращение в активный словарь слов, ушедших в пассив после революции 1917 года. Например, такие слова, как «акционер», «губернатор», «атаман» и многие другие, активно используются в рекламных текстах наравне с иноязычными словами «фитнес», «менеджер», «шопинг», «визажист», «сэндвич» и др.

Как было ранее отмечено, главной функцией рекламы является информирование ее реципиента. Из этого следует, что использование иноязычного слова, которое включают в рекламный текст, может затруднить процесс восприятия новой информации о товаре, если потребитель не компетентен в этой языковой области. Например, реклама нижнего белья, содержащая в себе следующую фразу из английского языка: «Чтобы приподнять небольшую грудь и сделать декольте более соблазнительным, выберите специальные модели push up» (журнал «Лиза») Многие потребители знают перевод слова «push up» – «увеличивать», «приподнимать», что затрудняет процесс понимания предназначения специальных моделей нижнего белья.

По мнению учёных, «нередко иноязычное слово, особенно в тексте коммерческой рекламы, например, о новых медицинских препаратах, процедурах косметической хирургии и т.д. или о технических характеристиках устройств, представляет собой термин» [3, с.3]. Примером может служить следующая реклама мобильного телефона: «Модель поставляется с ПО Microsoft Windows Mobile 3.0 – поэтому слушать музыку можно при помощи стандартного медиаплеера для смартфонов». Слово «медиаплеер» происходит от английского «mediaplayer» и переводится как «звукоспроизводящее устройство, встроенное в мобильный телефон» [6, с.201]. Слово «смартфон» также англоязычного происхождения и переводится как «разновидность мобильного телефона, совмещающего функции телефона, органайзера и компьютера» [6, с.189]. Таким образом, слова «медиаплеер» и «смартфон» в этом рекламном сообщении являются словами-терминами, в которых зафиксирован ключевой признак понятия, содержащий основную терминологическую информацию, доступную специалисту или покупателю, который владеет английским языком. Для потребителей, которые не владеют иностранным языком, восприятие информации о технической стороне товара представляется затруднительной. В. В. Зирка отмечает, что такая аудитория может «воспринять только какую-то часть семантической информации, передаваемой иноязычным словом, по крайней мере, понять, что смартфон по аналогии с телефоном относится к устройствам для передачи звука, медиаплеер, исходя из сравнительно известного понятия плеер (плеер), предназначен для проигрывания и прослушивания» [3, с.7]. Таким образом, использование иностранных слов-терминов без их перевода в тексте не позволяет рекламному сообщению полностью достичь своей основной цели – информировать о функциях и свойствах предлагаемого товара. С другой стороны, иногда использование непонятных терминов, по мнению рекламистов, придаёт рекламе большую научную убедительность, вызывает у потребителя доверие к ней как к проверенной, научно обоснованной информации, особенно в рекламе лекарственных средств

и препаратов.

На наш взгляд, заимствование выступает не только языковым механизмом формирования рекламного текста, с помощью которого достигается суггестивность рекламного сообщения, но и служит своеобразным культурно-речевым маркером для потенциальной аудитории.

Реклама, безусловно, является двигателем прогресса и требует постоянного обновления, предлагая потребителю новые виды товаров и услуг. Следовательно, рекламные тексты также должны быть конкурентноспособными; они должны уметь представлять одни и те же товары под новыми, все более оригинальными и запоминающимися названиями. Таким образом, по словам В.И. Карасик, реализацию обновления рекламных сообщений выполняют «инновации иноязычного происхождения», в результате которых в русскоязычный лексикон, посредством рекламных текстов, проникает все больше иноязычных слов, по масштабам своим названный исследователем «иноязычным потоком» [4, с.13].

Как отмечает В. В. Зирка «специфической особенностью рекламного потока иноязычных инноваций является его четкая тематическая дифференциация, соответствующая основным тематическим направлениям русскоязычной рекламы (реклама высоких технологий, реклама международного туризма, престижных видов спорта, финансово-промышленная реклама, реклама новик сферы искусства и арт-бизнеса)» [3, с.5] (курсив наш. – В. Строкова).

Необходимо отметить тот факт, что «наименование товара, вызвавшего покупательский интерес, ускоренно проходит этапы приспособления к русским грамматическим нормам» (там же). Примером этому может служить появление словообразовательных гнезд иноязычных слов: гламурный – антигламурный, треш-гламурный, спортивно-гламурный, гламурность; тренд – трендовый (по отношению к коллекции), тренд-коллекции, бренд – брендовый, монобрендовый, мультибрендовый, бренд-ориентированный, авиабренд, мультибренд, бренд-технолог; гранжевый – нон-гранжевый; рэп – рэповый, рэп-стайл, рэп-зона. Существуют также случаи онимизации, когда заимствованное слово становится псевдонимом для писателя или журналиста, как, например, псевдоним журналистки Жени Гламурной, создателя книг «Шиканутые девочки» (2006), «Тертый шоколад» (2007). Таким образом, происходит не только переход иноязычного слова из одной лексической системы в другую, но и процесс становления нарицательного имени собственным.

Исследователями отмечается тот факт, что скорость освоения новых заимствований проявляется и в том, что многие из новых образований употребляются в языке рекламы не только в прямом, но и в переносных смыслах, метафорично. Иллюстрацией может стать следующий рекламный текст: «Самые смелые аксессуары – стеганная сумочка-клатч и перчатки без пальцев из глянцевого кожи. Линдсей получает десять баллов за такой неожиданный «хард-роковый» акцент» [3, с.8].

На наш взгляд, интересным является процесс «языковой акклиматизации» заимствованного слова в использовании его в уменьшительной форме и в приемах языковой игры. Примером такого процесса может служить следующее рекламное сообщение мобильного телефона: «В бизнесе только смартфончики. Бизнес-модель Nokia E50» (журнал «Караван историй»). Слово «смартфончики», созданное на основе иноязычного слова «смартфон» с помощью русского суффикса –чик, демонстрирует грамматическую и лексическую освоенность русскоязычной лексикой английской языковой единицы.

Иллюстрацией языковой игры является следующий рекламный текст: «SPA койствие, только SPA койствие! Внутренняя гармония и красота так необходимы каждой из нас! Чтобы продлить лето и насладиться осенью. YOJ предлагает тебе путеводитель из 12 маршрутов по лучшим спа-курортам мира» (журнал «Gloria»). Языковая игра в этом рекламном сообщении имеет функцию не столько информирования, сколько привлечения внимания потенциальной аудитории.

Подводя итог выше сказанному, необходимо отметить, что заимствование является важным языковым механизмом и средством создания и формирования рекламного текста. Особенно часто заимствования используются при создании рекламных сообщений, касающихся сферы моды, предоставления различных услуг, распространения технических новинок. С целью привлечения внимания потребителя, создания атмосферы престижа и авторитетности, копирайтеры используют англоязычные слова, которые в дальнейшем входят в русскую лексическую систему. С одной стороны, процесс заимствования способствует обогащению современного русского языка, демонстрирует его гибкость и способность преобразовать любую иноязычную единицу по грамматическим, лексическим и фонетическим принципам русского языка. В то же время, на наш взгляд, неограниченное и ненормированное использование англицизмов и других заимствований

в текстах рекламных сообщений приводит к проявлению языковой агрессии, которая иногда влечет за собой изменение речевого поведения и стилистической «чистоты» русского литературного языка. На наш взгляд, необходимо активизировать работу по проведению различных мероприятий в сфере языковой политики в России, что позволило бы сделать русский «рекламный» язык более нормативным во всех отношениях.

Список использованной литературы

1. Буданова Т.А. Современные тенденции в системе функциональных стилей русского языка // Социолингвистические проблемы в разных регионах мира. М.: Наука, 1996. – 96 с.
2. Булыгина Т.В., Шмелева А.Д. Языковая концептуализация мира. М.: Наука, 1996. – 80 с.
3. Зирка В.В. Заимствование в рекламе: мода и информативность. М.: Наука, 2012. – 130 с.
4. Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002. – 333 с.
5. Карасик В.И. Тенденции развития общения в современной массовой культуре. М.: Наука, 2010. – 250 с.
6. Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира и межкультурная коммуникация. М.: Дрофа, 2004. – 308 с.

ОСНОВНЫЕ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ГРАММАТИЧЕСКОГО ПРОСТОРЕЧИЯ

Суворова Наталья Леонидовна

Доцент, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков ЧГУ, г. Череповец

Разговорная речь характеризуется максимальной формой вариативности функционирования языковых средств. Естественный спонтанный разговор часто обладает качествами невнятности, алогичности, неорганизованности, изобилует повторениями и грамматическими нарушениями.

Однако, как справедливо указывает М.М. Маковский, возможности использования и комбинаторики различных грамматических средств на каком-либо участке языковой системы неизменно сочетаются с ограничениями в реализации и комбинаторике других языковых единиц или процессов. Это, по его мнению, ведет к определенной стабилизации, выравниванию основных устоев организации языковой системы, к сохранению определенного системного равновесия. Благодаря этому, устный язык отличается наибольшим постоянством и стройностью своей структуры по сравнению с другими формами языка, хотя именно здесь правильности речи уделяется минимум внимания [9, с. 57].

Что касается художественной литературы, одни из наиболее часто встречающихся в ней и наиболее знаменательных элементов английского просторечия – это грамматические и фонетические неправильности. Под грамматическими неправильностями подразумевается неверное образование грамматических категорий английского языка [8, с. 24].

Однако, как справедливо писал А.М. Пешковский, само деление на «правильное» и «неправильное» в языке условно, так как не существует объективных критериев для суждения о том, что «правильно» и что «неправильно». То, что вчера было «правильным», сегодня может

оказаться «неправильным» и наоборот» [10].

Трактовка термина «правильность» речи неодинакова на разных этапах развития лингвистики. Можно говорить о правильности как формы, так и содержания высказывания. Нас интересуют проблемы правильности языковой формы. В лингвистике выделяется несколько концепций, приверженцы которых по-разному трактуют понятие правильности (correct / incorrect English).

Хронологически более ранней является доктрина правил (doctrine of rules), берущая свои истоки в XVIII веке. Согласно данной концепции в языке существует набор непреложных грамматических правил, позволяющих точно отграничить «правильное» от «неправильного». Эти правила выводились на основе законов формальной логики [12].

Грамматисты начала XX века (О. Есперсен, Г. Суит) отходят от изложенной выше концепции; они в меньшей степени, чем их предшественники, склонны считать неправильными языковые формы, которые не соответствуют сформулированным правилам. С начала XX века довольно прочное место в лингвистике занимает доктрина реального языкового употребления (doctrine of usage) [14].

Вплоть до 20-х годов XX века при определении статуса той или иной языковой единицы в основном использовалась дихотомия «правильно / неправильно», «приемлемо / неприемлемо» без каких-либо промежуточных ступеней и без учета реально существующей неоднородности нормы.

Положение изменилось, когда в лингвистической литературе была сформулирована новая концепция –

доктрина уровней (doctrine of levels). Ее авторы [15] сделали попытку отразить расслоение нормы на разные уровни (levels). Они полагали, что лексические и грамматические формы английского языка можно классифицировать в соответствии с предлагаемой ими иерархией уровней языкового употребления, число которых в разных источниках варьируется.

Данная концепция иногда именуется доктриной уместного употребления (doctrine of appropriateness) [12], согласно которой правильность не является абсолютной категорией: правильным следует считать такое употребление языковых средств, которое соответствует каждой конкретной ситуации общения.

Эта точка зрения в настоящее время разделяется практически всеми лингвистами. Многие исследователи, представители разных направлений, призывая учитывать “определенную задачу и ситуацию, определяющую характер общения”, предлагают критерий «коммуникативной целесообразности» [7, с. 3–4].

Однако с этим общепризнанным подходом в известном противоречии находится тенденция к интерпретации лексических и грамматических особенностей разговорного стиля как отступлений от литературной нормы и, соответственно, трактовка разговорного стиля как менее правильного по сравнению с книжным стилем, не допускающим этих отклонений.

Просторечие свободно и сознательно вводится писателями в художественную литературу и таким образом приобретает свойства эстетически значимой категории. Просторечие как особое явление языка осознается не только лингвистами, но и всеми носителями языка. Его влиянию подвержены все социальные слои общества: в речи одних носителей языка просторечные элементы могут встречаться спорадически, инкрустироваться в нее, другие же используют просторечие как преимущественную форму общения [4, с. 24–25].

Среди дифференциальных признаков просторечия наиболее значимыми являются следующие: (1) Определенная нормированность речи. Если рассматривать норму очень узко, как “основной признак литературного языка” [3, с. 11], то нужно признать, что в просторечии нормы нет. Мы придерживаемся мнения, что просторечие, как и разговорная речь и диалекты, имеет норму, однако, в отличие от нормы литературного языка, она более размыта и неоднородна, отличается меньшей степенью обязательности и однозначности, обусловленной тем, что “просторечие никто не опекает, не кодифицирует, не защищает от чужеродных влияний” [5, с. 69]. Таким образом, имеет смысл говорить о менее строгой обязательности употребления того или иного элемента по сравнению с литературным языком. (2) Бесписьменность. Вопрос о бесписьменности просторечия является наиболее сложным. Естественно, в большинстве своем носители просторечия умеют писать, обладают элементарными навыками письма. Однако считается, что нельзя говорить о каком-то новом виде просторечия, так как на письме не появляются новые синтаксические конструкции и специфические формы речи, неизвестные устной традиции. (3) Монофункциональность. Принято считать, что просторечие имеет узкую сферу функционирования — обиходно-бытовое общение [5, с. 69]. Однако вовлечение носителей просторечия в разнообразные сферы деятельности (общественную, официально-деловую) [11, с. 232] сказывается на их речи, и они вынуждены прибегать к средствам литературного

языка, но, по мнению исследователей, это не приводит к формированию нового «языкового единства», поскольку просторечная основа отчетливо проступает и в официальных ситуациях в речи носителей просторечия [6, с. 223]. Тем не менее, как представляется, носители просторечия осознают, что для каждой роли существуют нормы поведения [2, с. 137].

Представляется, что рассмотренные признаки просторечия в равной степени могут быть отнесены и к его подвиду — внелитературному просторечию, которое, в свою очередь, включает в себя грамматическое просторечие, являющееся предметом нашего исследования.

Под грамматическим просторечием мы понимаем определенный срез фрагмента национального состава языка, то есть известным образом упорядоченного и обладающего общей структурой иерархического целого, представляющий собой особую форму речи, содержащую грамматические неправильности, отклонения от нормы в сфере морфологии и синтаксиса, которая, однако, в своем функционировании не ограничена четко от других форм существования языка (литературного языка, диалектов, жаргонов, профессиональных арго и т.д.) [1, с. 41].

Список литературы

1. Адыева Н.Л. Грамматическое просторечие в английском языке (на материале художественной литературы): дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04. — Череповец, 2009.
2. Белл Р.Т. Социоллингвистика. Цели, методы, проблемы. — М., 1980. — С. 131.
3. Горбачевич К.С. Нормы современного русского литературного языка. — М., 1981. — С. 11.
4. Земская Е.А. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. — М., 1981. — С. 24 – 25.
5. Земская Е.А. Наблюдения над просторечной морфологией // Городское просторечие: проблемы изучения / Отв. ред. Е.А. Земская, Д.Н. Шмелев. — М., 1984. — С. 66 – 102.
6. Китайгородская М.В. Носитель городского просторечия как языковая личность // Problems of sociolinguistics. — I. Sofia, 1990. — P. 222 – 228.
7. Костомаров В.Р. Некоторые теоретические вопросы культуры речи // Вопросы языкознания, 1966. — № 5. — С. 3 – 15.
8. Котова В.А. К вопросу о просторечии в современном английском языке. — Ташкент, 1967. — С. 24.
9. Маковский, М.М. Английская диалектология / М.М. Маковский. — М., 1980.
10. Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык. Избранные труды. — М., 1959. — С. 109 – 121.
11. Прияткина А.Ф. Просторечные новообразования: их основа и судьба (К определению внутренних свойств просторечия) // Русский язык сегодня. — Вып. 1. Сб. статей / Отв. ред. Л.П. Крысин. — М., 2000. — С. 231 – 239.
12. Фаенова М.О. Обучение культуре речи на английском языке: науч. теорет. Пособие. — М., 1991.
13. Химик В.В. Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен. — СПб., 2000. — С. 10.
14. Jespersen O. A Modern English grammar on historical principles, p. III. — Heidelberg, 1927.
15. Krapp G.Ph. Modern English. — New York, 1909.

ПРИРОДА РЕАЛЬНОСТИ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Т. МАККАРТИ «КОГДА Я БЫЛ НАСТОЯЩИМ»)

*Тауснева Александра Сергеевна
Аспирант, БФУ им. И. Канта, г. Калининград*

Постмодернизм – это, с одной стороны, новая культурная парадигма, нацеленная на пересмотр исторического наследия искусства, на инициацию культуры в новое качество. С другой стороны, постмодернизм – новая форма пост-культурного декаданса. Полифоничность и многоплановость постмодернизма, смелость его творческих установок, стремление к захвату нового пространства для самовыражения – суть ситуация некой творческой паники, назревающей из-за ощущения исчерпанности и высказанности искусства. Смерть автора, провозглашенная в XX веке, обрекает текст на «сиротское» положение: теряется его значимость, множатся его смыслы, размываются границы его художественного мира, и, наконец, подвергается сомнению его существование в целом.

В данной статье освещается одна из важнейших особенностей постмодернистского дискурса – стремление к нивелированию действительности. Согласно постмодернистскому мироощущению, реальный мир хаотичен, иррационален, поэтому его бытие не представляет собой ценность. Ж. Деррида подчеркивал, что современный человек западного мира живет в действительности, которая полна неразрешимостей при ее внешнем благополучии. Художник-постмодернист не доверяет миру, постоянно совершая подмену понятий «реальность» и «вымысел». По определению Р. Тарнаса «эпоха постмодернизма — это эпоха полной неясности и несогласия относительно природы реальности» [4, с. 347].

Искусственная реальность становится для героя постмодернистского произведения новой действительностью. Согласно этой установке, мир нуждается в моделировании, в пересоздании, во вмешательстве средств иной реальности – кинематографической, компьютерной, виртуальной. Симулякры наводняют мир и позиционируются как первичная реальность.

Замена художественной среды виртуальной – одна из основных черт уже постпостмодернистской эпохи XXI века, на заре которой и был написан роман Т. Маккарти «Когда я был настоящим» (оригинальное название «Remainder»). Остановимся подробнее на анализе соотношения искусства и реальности в данном романе.

Безымянному герою романа Маккарти, пережившему травму и прошедшему долгий курс реабилитации, не удается воссоздать цельную и подлинную картину своей жизни, своей личности. В сознании героя то и дело всплывают образы вторичной реальности: сцены из фильмов, фрагменты опыта реконструкций, которые, однако, он предпринимает в надежде уловить момент «подлинности» жизни.

Главный герой, намеревающийся склеить окружающие его обломки мироздания, не случайно вспоминает уроки искусства в школе, в частности, процесс валяния скульптуры из куса необработанного материала. В романе «Когда я был настоящим» важную роль играет тема искусства и творца, так как согласно постмодернистской установке, творец – фанатичный игрок, для которого художественное пространство уподобляется игровой площадке. Игра в постмодернизме – новый вид искусства. Главный герой в своих реконструкциях выступает как творец, чье сознание конструирует свои пространства (дом,

автоматерская, банк), где нет ограничений для воображения. Более того его фантазия склонна дорисовывать некий визуальный ряд, закрытый для глаз. Например, при разговоре по телефону с незнакомым человеком, герой часто описывает интерьер своего собеседника, опираясь на складывающийся в его голове психотипический образ: “I couldn’t quite picture his office, but I saw his desktop clearly: it was white and very tidy” [7, p. 31]; “I pictured his office: the plywood shelves with files and ledgers full of fiddled numbers, then in the yard outside the workmen in their jeans stained white with sandstone and cement discussing politics or football” [Там же, p. 30]

В постмодернистском романе граница между искусством и жизнью довольно условна, так как искусство нередко приравнивается к жизни, а жизнь к искусству. Действия и реакции героя фильма выглядят для главного героя естественнее, чем у живого человека: “how perfect De Niro was. Every move he made, each gesture was perfect, seamless[...] he seemed to execute the action perfectly, to live it, to merge with it until he was it and it was him and there was nothing in between” [Там же, p. 8].

Данное взаимопроникновение жизни и искусства – важнейшая черта постмодернистской эстетики. Как замечает исследовательница Н. Б. Маньковская, миметическое изображение заменяется изображением изображения: «Постмодернистское письмо строится на асимметрии читаемого и видимого, оно пронизано лучами живописи, фильм — его рентгеновский снимок» [3, с. 28].

Целесообразно также провести параллели с эстетизмом, направлением английской литературы рубежа XIX и XX вв. Однако эстетизм в романе «Когда я был настоящим» совсем иного рода. Жизнь в нем полностью подменяется не жизнью искусства, а жизнью искусственной, механизированной, подчиненной общей идее отдельной личности, поэтому возникают оппозиции: “re-enactor – real person”, “not friends but staff” (“Performers isn’t the right word,” I said. “Staff. Participants. Re-enactors.”) [7, p. 34]. Герой соотносит себя не с живыми реальными людьми, а с героями иной, искусственной реальности: “I’d still be thinking: Here I am, walking down the street, smoking a cigarette, like someone in a film” [Там же, p. 9].

Более того, наблюдается процесс компьютеризации всей системы, которую привел в действие герой. К концу романа реконструкции, репетиции реконструкций напоминают работу сетевого коммуникатора с его функцией соединения нескольких узлов. Автор также активно использует слова и лексико-семиотические единицы компьютерной терминологии: «Layer 1», «Layer 2», «Layer 3», «Version A», «Route 7» и т.д.

Особым приемом романа является отсутствие кинематографических маркеров в виде камер и иных приспособлений для съемки. Автор сознательно избегал в своем произведении прямых аллюзий на Ж. Бодрийера, на рассуждения о моделировании образов. Однако поведение героя полностью основано на кинематографической логике, на принципе смены кадра, серий: “When most of my past had eventually returned, in instalments, like back episodes of some mundane soap opera” [7, p. 2].

Что касается еще одного аспекта соотношения жизни и искусства в романе, то, по мнению российского

эссеиста и прозаика К. Кобрина, Том Маккарти своим романом завершает историю европейского ситуационизма – течения, которое рассматривает искусство как часть повседневной жизни, а не как специфическую, претендующую на оригинальность творческую деятельность. Также страсть героя романа Маккарти – наблюдать за ежедневными рутинными моментами городской жизни, по мнению К. Кобрина, свидетельствует о заимствовании автором идей французского писателя Ж. Перека. Стоит заметить, что «описанная Переком повседневность почти одновременно оказывается материалом произведений его современников — Маргерит Дюрас, Анни Эрно, Жака Реда» [9]. Перека – создатель термина “инфраобыденность” (“*infraordinaire*”), как свойства литературы. И действительно, можно провести знаковую параллель между исследуемым нами романом и романом Ж. Перека «Я вспоминаю» (“*Je me souviens*”, 1978): «“Я вспоминаю”, в точном смысле слова, есть не воспоминания, но маленькие фрагменты повседневности» [Там же.].

Стоит также отметить тот факт, что писатель-постмодернист склонен отрицать не только реальность как таковую, но и реальность созданного им текста, совершая на нарративном уровне тонкую и запутанную игру с читателем.

В исследуемом нами романе есть фрагмент текста, в котором описанное рассказчиком событие получает статус «несостоявшегося», «вымышленного». Несмотря на это, данный отрывок выполняет роль метатекста и представляет собой ключ к пониманию сознания персонажа-повествователя и в целом нарративной стратегии текста. Приведем в пример часть данного отрывка: «“What do you want to know?” my homeless person asked. “I want to know...” I started, but the waiter leant across me as he took the tablecloth away. She took the table away too. There wasn't any table. The truth is, I've been making all this up-the stuff about the homeless person...” [7, p. 22-23].

Данный фрагмент заставляет читателя усомниться в надежности нарратора и рождает вопрос: не являются ли последующие события вымыслом по отношению к так называемому «реальному миру» текста, осознанной повествовательной стратегией рассказчика, подобной фантазийным разделам «Сатанинских стихов» С. Рушди? Также в романе присутствует вымышленный персонаж – «коротышка-советник» (“*short councilor*”), являющийся отчасти продуктом раздробленного сознания героя.

В нарративных структурах постмодернистского текста зачастую преобладает «паратаксис» – «перечень вариантов многообразия явления» [5, с. 143], заключающийся в ответвлениях в виде ненужной информации, которые ведут к «выпадению» из логики дискурса. Рассказчик в постмодернистской литературе «играет» с читателем в «художественный текст», стирая границы между реальным фактом и вымыслом: “The truth is, I've been making all this up” [7, p. 23]. Литература этой эпохи ставит вопрос: имеет ли место правда в художественном тексте, который, по своей сути, представляет собой вымысел, и возможно ли вообще доверие к тексту: “The day came, finally. Then again, perhaps it didn't” [7, p. 108].

Пространство текста в романе «Когда я был настоящим» разомкнуто. Герой-повествователь не является всеведущей инстанцией. Более того он нередко намекает читателю, что текст и его события еще не закончены, что они могут продолжаться в иной, не доступной для наших глаз плоскости: “I don't know how it turned out. Perhaps the case is still running today, who knows.” [7, p. 46]

Пересечение нескольких нарративных стратегий нередко может приводить к смысловому коллапсу, к нарушению конвенции между автором и читателем, согласно которой, текст не может отрицать сам себя. Однако постмодернизм отвергает идею непреложной истинности текста и допускает возможность его мошенничества по отношению к чувствам, и, самое главное, к знаниям и ожиданиям читателя.

Текст в постмодернизме часто осложнен многослойной структурой и множественностью смыслов. Особенно наглядно эту тенденцию выражает понятие палимпсест, весьма актуальное для постмодернистского дискурса, представляющее собой многослойную взаимодействующую композицию, произвольное пересечение текстов, многовариантное прочтение которых порождает затайливую игру смыслов. Английский писатель Томас де Квинси посвятил данному явлению много внимания в его знаменитой «Исповеди англичанина, употреблявшего опиум», где он говорит о палимпсесте человеческого сознания, о проблеме гармонизации разнородных явлений.

Таким образом, подытоживая вышесказанное, можно заметить, что в романе Т. Маккарти «Когда я был настоящим» представлена традиционная для постмодернизма игровая стратегия с ее образными и мультилингвистическими аллюзиями: «С приходом постмодернизма наступает эпоха, когда в отношениях между искусством и смыслом исчезает какая-либо однозначность: теперь это отношение чисто игровое. Уравнивая в правах действительное и вымышленное, игра приводит к ситуации неограниченного числа значений произведения: ведь его смысл уже никак не связан с предсуществовавшей реальностью...» [2, с. 7-8]. Реальность, в свою очередь, заменяется, по определению Ж. Бодрийера, гиперреальностью, симулякрами, никак не соотносимыми с действительностью.

Таким образом, можно заключить, что процесс разрушения сознания главного героя симптоматичен с точки зрения заданного вектора постмодернистской культуры, рассматривающего мир как дезорганизованное и децентрированное пространство, «поле иерархически неупорядоченных фрагментов» [1, с. 205]. Герой романа инфицирован идеей современной цивилизационной гиперреальности, с ее неспособностью разграничить реальность и фантазию, с ее тягой к внедрению новых симулякров и кажимостей.

Список литературы

1. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996. 210 с.
2. Исаев С. А. Как всегда об авангарде: Антология франц. театр. Авангарда / Сост., вступит. ст., пер. с франц., коммент. С. А. Исаева. М.: ТПФ «Союзтеатр», издательство «Гитис», 1992. 228 с.
3. Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя, 2000. 237 с.
4. Тарнас Р. История западного мышления. М.: Крон-Пресс, 1995. 448 с.
5. Яценко В. М. История зарубежной литературы второй половины XX века: учебник. М.: Флинта, 2012. 312 с.
6. Roth I. Remainder by T. McCarthy / The University of Nottingham. Volume 3. Nottingham, 2012. P. 270-276.

Интернет-источники

1. McCarthy T. Remainder. NY.: Knopf Doubleday Publishing Group, 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://ebookoninternet.com/40524/remainder-tom-mccarthy.htm> (дата обращения: 10.12.2014).
2. Orwell R. What's Left Behind: An Interview with Tom McCarthy. L.: London Consortium, 2008. 5 p. [Электронный ресурс]. URL: http://static.londonconsortium.com/issue07/09_McCarthy_interview.pdf (дата обращения: 11.12.2014).
3. Дмитриева Е. Е. Удовольствие от ограничения: загадочный писатель Жорж Перек / Независимый Филологический Журнал «НЛО», №106, 2010. [Электронный ресурс] URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/106/dm25.html>.
4. (дата обращения: 11.12.2014).

ПЕЩЕРНАЯ ОБРАЗНОСТЬ В РОМАНЕ А. МЕРДОК «ЧЕРНЫЙ ПРИНЦ»

Тимонина Татьяна Юрьевна

аспирант кафедры исторического языкознания, зарубежной филологии и документоведения БФУ им. И. Канта, г. Калининград

Не подлежит сомнению, что одним из ведущих оснований философской мотивики романа А. Мердок «Черный принц», нашедшей свое отражение как в системе художественных образов, так и в композиции, является философская система Платона. Центральное место в последней занимает знаменитый миф о пещере, образность которого нашла широкое художественное выражение в романе Мердок. Уже само описание квартиры протагониста «Черного принца» Брэдли Пирсона поражает своим детальным совпадением с образом пещеры, рисуемым Платоном.

“I lived then and had long lived in a ground-floor flat in a small shabby pretty court of terrace houses in North Soho, not far from the Post Office Tower, an area of perpetual seedy brouhaha. I preferred this genteel metropolitan poverty to the styleless suburban affluence favoured by the Baffins. My “rooms” were all at the back. My bedroom looked on to dustbins and a fire escape. My sitting-room on to a plain brick wall caked with muck” [7, с. 22] (курсив наш. – Т.Т.).

По Платону, «люди как бы находятся в подземном жилище наподобие пещеры, где во всю ее длину тянется широкий просвет» [5, с. 321]. Они отяжелены оковами, не позволяющими им сдвинуться с места или хотя бы повернуть голову, и могут видеть только стену пещеры, расположенную перед ними. Брэдли Пирсон живет на первом этаже в одном из старых домов Северного Сохо. Английское “ground-floor” еще более явно отражает его максимальную приближенность к земле, еще сильнее передает специфику этого подземного существования. Все окна квартиры выходят во внутренний двор. Из спальни видны только мусорные баки и пожарная лестница, а из гостиной (самая важная в событийном и идейном плане комната) – глухая кирпичная стена стоящего напротив дома.

“This place I had crammed with too much furniture, with Victorian and oriental bric-a-brac, with tiny heterogeneous objects d’art, little cushions, inlaid trays, velvet cloths, antimacassars even, lace even. I amass rather than collect. I am also meticulously tidy though resigned to dust” [7, с. 22]; “Upon the chimney piece and in the red, black and gold lacquered display cabinet stood the little items, china cups and figures, snuff boxes, ivories, small oriental bronzes, modest stuff...” [7, с. 61].

Итак, Брэдли до отказа набивает свою квартиру разнообразными “objects d’art” – фигурками, статуэтками, табакерками, инкрустированными подносами, фарфоровыми чашками, крошечными картинами, бархатными скатертями, кружевами, салфеточками, подушечками – огромным количеством непонятно зачем здесь собранных безделушек. “I amass rather than collect”, – комментирует Брэдли. Все эти вещи снова отсылают нас к платоновской

пещере, где за стеной, подобной театральной ширме, «люди несут различную утварь, держа ее так, что она видна поверх стены; проносят они и статуи, и всяческие изображения живых существ, сделанные из камня и дерева» [5, с. 321]. Эта стена отделяет узников от огня, горящего в пещере. «Разве ты думаешь, что, находясь в таком положении, люди что-нибудь видят, свое или чужое, кроме теней, отбрасываемых огнем на расположенную перед ними стену пещеры?» [5, с. 321], – пишет Платон.

Брэдли сравнивает свою квартиру с бессолнечным уютным чревом (“A sunless and cosy womb my flat was” [7, с. 22]), что сознательно или бессознательно решается переводчиком как «темное уютное логово» [4, с. 25] (курсив наш. – Т.Т.). При этом Брэдли конкретизирует: “with a highly wrought interior and no outside” [7, с. 22], а затем, уже во втором эпизоде, называет квартиру «любимым логовом» [4, с. 89] (курсив наш. – Т.Т.), или «норой» (“my darling burrow” [7, с. 62]).

Общую картину остается дополнить еще одним предложением из «текста» Брэдли: “Only from the front door of the house, which was not my front door, could one squint up at sky over tall buildings and see above the serene austere erection of the Post Office Tower” [7, с. 22] (курсив наш. – Т.Т.). Таким образом, мы видим, что Брэдли совершенно сокрыт от внешнего мира в своей квартире-пещере, а мир сокрыт от него. Кусочек неба можно увидеть, только выйдя из дома, за порог парадного, которое, что примечательно, еще не является входом в саму квартиру Брэдли: “A sunless and cosy womb my flat was, with a highly wrought interior and no outside” [7, с. 22].

Что же представляет собой пещера Платона? Как пишет В.Ф. Асмус, миф о пещере является, по большому счету, изложением учения объективного идеализма, на котором базирована философия Платона [См.: 1, с. 583]. Платон проводит различие между миром умопостижимого и миром чувственного и уподобляет человеческое земное бытие жизни узника в пещере. Согласно Платону, пещера – это мир вещей, чувственный мир нашей телесности, который есть тюрьма души. Все, что кажется нам реальным, на самом деле – иллюзия, не поддающаяся познанию, лишь смутные тени истинного мира – мира эйдосов (εἶδος), или идей – вечных, неизменных, абсолютных сущностей, высшей из которых, согласно платоновской иерархии, является идея Блага (τὸ ἀγαθόν) – «причина знания и познаваемости истины» [5, с. 316]. С миром эйдосов неизменно связана и душа – самодвижущееся и бессмертное начало. «Будучи совершенной и окрыленной, она парит в вышине» [6, с. 802], в сфере «чистого бытия», созерцающая чистые эйдосы. Однако потеряв крылья, душа падает

вниз, в «пещеру» чувственного мира, в темницу телесности, вырваться из которой она может только путем сложного восхождения, благодаря своей сохранившейся памяти (анамнесис), пробуждаемой истинной калокагатической любовью, в область умопостигаемого.

Важнейшим моментом платоновского учения об эйдосах является пронизанность эйдетического мира светом, источником которого является Благо. В образной символике пещеры Благо уподобляется Платоном божественному Солнцу, о существовании которого не ведают узники. Поэтому важнейшее значение для характеристики «пещерной» жизни Брэдли Пирсона имеет эпитет “sunless” – не просто «темный», а именно «бессолнечный», лишенный солнечного света, поскольку тьма в романе Мердок воспринимается не просто как антитеза свету, а именно в своей острой и трагической отсеченности от света, то есть тьма как сущностное отсутствие света, что очень четко передает английская суффиксация (-less).

Квартира Брэдли Пирсона, повторяющая в своей образности пещеру Платона, по нашему мнению, является метафорой души и разума Брэдли, метафорой внутреннего хронотопа пещеры, в котором пребывает герой.

Еще одним эпизодом, насыщенным пещерной образностью и символикой, является эпизод в Патаре, являющийся своеобразной кульминационной точкой «Черного принца». Это сцена поиска Брэдли покинувшей его возлюбленной Джулиан Баффин.

“I awoke to a grey awful spotty early morning light which made the unfamiliar room present in a ghastly way. The furniture was humped shapelessly about me like sleeping animals. Everything seemed to be covered with soiled dust sheets. The slits in the chumsily drawn curtains revealed a dawn sky, pale and murky, without colour, the sun not yet risen” [7, с. 341] (курсив наш. – Т.Т.).

Итак, картина снова напоминает образ пещеры. В целом, так оно и есть, поскольку Патара, равно как и лондонская квартира Брэдли, метафорически означает собой хронотоп пещеры, в котором пребывает герой. Однако принципиальное отличие этих двух хронотопов заключается в том, что если квартира Брэдли в Лондоне является хронотопом одного человека, его личным пространством, то Патара – это уже совсем другой топос, имеющий отношение не только к нему, но и к ней. Название домика на берегу моря, который приобретает Брэдли, чтобы работать там «во тьме, одиночестве и чистоте» над своей книгой, символично. Патара является одной из многочисленных деталей-символов, присутствующих в романе Мердок, и аллюзивно отсылает нас к мифологеме Аполлона – античного бога искусств [См.: 2, с. 441]. Однако Патара наполняется новым содержанием, отличным от того, которое назначил ей Брэдли. Патара становится особым топосом – топосом любви. Поэтому когда Джулиан уходит, пространство Патары становится чужим, неузнаваемым (“unfamiliar”). Кроме того, специфику чуждости, неузнаваемости топоса передает эпитет “ghastly” – «страшно», «ужасно». Обратим внимание на цепь эпитетов, характеризующих утренний свет, в особенности на позицию слова “awful”. Именно этот свет “made the unfamiliar room present in a ghastly way”. Абзац завершается следующим предложением: “The slits in the chumsily drawn curtains revealed a dawn sky, pale and murky, without colour, the sun not yet risen”. Появляется неоднократно встречаемый на страницах романа эпитет “pale”, который теперь переносится с “sun” на “sky”: “a dawn sky, pale and murky, without colour...” И далее: “the sun not yet risen”.

Следующий абзац начинается с очень сильного

предложения: “I experienced horror, then memory” [7, с. 341]. Первое чувство, которое испытывает Брэдли – чувство ужаса, приходящее вместе с осознанием чуждости топоса. “It was hard to see in the room: the granular dawn light, with the texture of a bad newspaper picture, seemed to obscure rather than promote vision” [7, с. 341]. Снова синавгический (синавгия – с греч. «со-светие», «со-очие» - теория света Платона) мотив отстраненности от естественного света: солнечный свет мешает видеть. Кроме того, в этом «крапчатом» (“granular”) предрассветном свете возникает зрительная иллюзия: “The bed was in some sort of chaos. I thought I could discern Julian. Then I saw that there were only tossed sheets” [7, с. 341]. Наконец, Брэдли удается увидеть истину: “The bed, the room was empty” [7, с. 341]. Возникает очень важный для данного эпизода мотив пустоты.

Далее повествование становится предельно динамичным – начинается отчаянный поиск Джулиан: “I went outside on to the porch and ran all round the house and then out on to the level of the stony courtyard, and down to the dunes, calling her name, shouting now, yelling as loudly as I could. I came back and hooted the horn of the car again and again, making a ghastly tocsin in the empty absolutely quiet twilight scene” [7, с. 341] (курсив наш. – Т.Т.). Мотив пустоты расширяется за счет сближения концепта «пустоты» с важным в общем философско-художественном контексте «Черного принца» концептом «покоя» (“quietness”, “quiet”). “There was no doubt of it. She had gone” [7, с. 341].

Далее следует наиважнейший момент. Испуганный и отчаявшийся Брэдли возвращается в дом и включает электрический (то есть искусственный) свет: “I went back into the house, turning on all the lights, a doom-stricken illumination in the gathering day” [7, с. 342]. Важнейшее значение у Платона имеет концептуальное разграничение света на естественный (= эйдетический = объективный) и искусственный (= субъективный), на которое опирается и Мердок в своем творчестве. Идея естественного и искусственного света здесь, как и у Платона, символически передается через образы солнца и огня соответственно. Брэдли все еще не верит естественному свету, продолжая упрямо цепляться за его пещерную копию, за искусственный свет огня, «на который так легко глядеть и рядом с которым так уютно сидеть» [3, с. 135]. А между тем “outside the still sunless sky had become a clear radiant hazy blue, hung with the huge light of the morning star” [7, с. 342]. Особый интерес представляет образ утренней звезды. По нашему мнению, звезда как источник естественного света является предтечей солнца, знаком надежды, предвещающим рассвет истины: “Now the sun was rising” [7, с. 342].

“I got to the road and doubled back towards the railway station. At the little toy station the platforms were empty. A railway man walking along the tracks told me that no train had stopped there during the night hours. I drove on to the main road and along it in the direction of London. The sun was shining coldly and brightly and a few cars were already about. But the grassy verges of the road were empty” [7, с. 342] (курсив наш. – Т.Т.). Продолжает развиваться мотив пустоты: восходящее солнце, которое все еще воспринимается Брэдли отчужденно, постепенно освещает пустоту пещерного хронотопа. И, наконец: “I drove back and ran into the cottage with a desperate feigned hope that she might have returned while I was away. The little place with its open door and its ransacked air and all its lights on stood obscenely void in the bright sunshine” [7, с. 342] (курсив наш. – Т.Т.) Здесь достигает кульминации прослеживаемая через весь роман оппозиция искусственного света свету естественному. Естественный свет освещает теперь не просто пустоту, он освещает «бесстыдство» [4, с. 511] этой пустоты, а также

бессмысленность, абсурдность искусственного света. Возникает поразительный по силе художественного воздействия контраст: "the little place" с одной стороны и, с другой стороны, "obscenely void". "Void" является одним из сквозных мотивов «Черного принца». Так, например: "I loved, and the joy of love made a void in me where my self had been" [7, с. 232]. Таким образом, сама пещера для Брэдли становится маленькой, однако ощущение пустоты в ней огромно.

Таким образом, весь эпизод в Патаре, по нашему мнению, можно рассматривать как метафорическое воплощение идеи выхода из пещеры. Объективный, естественный свет, который, ворвавшись в жизнь Брэдли, приносит с собой Джулиан, освещает и бессилие горящего в пещере огня – «издревле господствующей в своих заблуждениях души» [3, с. 135], и ложность, «бесстыдство» всего пещерного хронотопа, замкнутого на своей собственной ограниченности и темноте. Однако осознание этого приходит к Брэдли не сразу. Джулиан только приоткрыла дверь в пещеру ("the little place with its open door and its ransacked air"), и обожженный солнечным светом

Брэдли стоит на пороге выхода, вспоминая об истинной природе своей души.

Список литературы

1. Асмус В.Ф. Ввод. ст. к диалогу «Государство» // Платон. Диалоги. Книга вторая. М., 2008. 1360 с.
2. Демурова Н. Метафоры «Черного принца» // Мердок А. Черный принц / Пер. с англ. И. Бернштейн и А. Поливановой. М., 1977. 444 с.
3. Мердок А. Суверенность Блага / Пер. с англ. Е. Востриковой и Ю. Кульгавчук // Логос. 2008. № 1. С. 117-137. URL: <http://www.hse.ru/data/811/533/1238/Merdoc.pdf> (дата обращения: 15.12.2014).
4. Мердок А. Черный принц / Пер. с англ. И. Бернштейн и А. Поливановой. М.; СПб., 2009. 624 с.
5. Платон. Государство // Платон. Диалоги. Книга вторая. М., 2008. 1360 с.
6. Платон. Федр // Платон. Диалоги. Книга вторая. М., 2008. 1360 с.
7. Murdoch I. The Black Prince: Introduction by Candia McWilliam. L., 2006. 416 p.

ЯРКОСТЬ ИКОНЫ – ЕСЕНИНСКИЙ "ЭСТЕТИЧЕСКИЙ КАМЕРТОН"

*Ульяненко Алёна Витальевна
Студентка 5 курса ОГПУ г. Оренбург*

Для ранней лирики С. Есенина характерно такое важное понятие как духовность. Ведь духовность в целом – преобладающая, характерная черта сознания русского народа. Поэтому вполне естественно обращение С. Есенина, как человека, чье детство прошло в глубоко верующей семье, именно к святым образам, молитвам. И помимо слов, одним из средств познания Бога, одним из путей к объединению с Ним, является икона.

А.М. Марченко в своей книге "Поэтический мир Есенина" говорит о том, что "сверкающая яркость иконы служит Есенину как бы эстетическим камертоном" [4, с.12] В любом религиозном сюжете силен именно этот эстетический элемент, потому что мир русской православной жизни поэт воспринял под углом искусства. Вполне естественно поэтому, что образы русских икон, знакомые поэту с детства, вошли в художественное полотно его ранних произведений. Особенно ярко запечатлелись в них традиции православной иконографии Богоматери с младенцем.

О том, что С. Есенин знал и ценил древнерусскую живопись, интересовался ею, говорят его неоднократные обращения в стихах и прозе к древнерусским художникам и иконописным изображениям.

Что означает само понятие «икона»? В словаре Русской философии дается такое определение: «Икона – один из главных феноменов православной культуры в целом и русской в частности; важная категория православного религиозно-эстетического сознания. <...> Принципы и художественные средства создания иконы, формируясь в течение веков, утвердились в качестве канонических норм. В соответствии с ними, целью иконы является изобразить истинную реальность мира. Символизация цвета и света также служила воплощению извечного, постоянного, "вечной сущности явлений"». [5, с.47] Именно это воплощение незыблемого, стабильного мы сможем увидеть и в поэзии С. Есенина.

Валерий Лепахин точно замечает, что в лирике Есенина сосуществуют не только язычество и христианство, но и два других мира: Божественный и человеческий. Икона в данном случае является неким связующим звеном для этих миров. В одном из ранних стихотворений "Гой ты, Русь, моя родная..." поэт, описывая русскую избу, акцентирует внимание на важнейшую ее примету:

Гой ты, Русь, моя родная,

Хаты – в ризах образа...

(Гой ты, Русь, моя родная... 1914)

"Божница в красном углу, иконы в серебряных, золоченых или даже медных, начищенных до блеска окладах, ризах – бесспорное украшение избы, но, главное, иконы – святыня избы, её защита, место молитвы и духовное окно в небо", - пишет В. Лепахин в статье "Иконичность двуединого мира в лирике Сергея Есенина". [3, с.185] Если же обратимся к более поздним стихотворениям поэта, увидим своеобразную просьбу:

Чтоб за все грехи мои тяжкие,

За неверие в благодать

Положили меня в русской рубашке

Под иконами умирать.

(Мне осталась одна забава... 1923)

Таким образом, иконы пребывают на границе двух миров: провожают умирающего здесь, и встречают его там. Именно икона выступает помощником в преодолении страха смерти, вечного одиночества.

Валерий Лепахин говорит о том, что "иконы – не бесстрастные наблюдатели "избных" событий и дел, они живут жизнью хозяев дома, вместе с ними радуются и плачут, одобряют их действия и тогда помогают или, наоборот, предостерегают, если приходит опасность" [3, с.190]. И такое видение, такое трепетное отношение к иконе, как к члену семьи, как к части всей жизни в доме, мы можем увидеть только у С. Есенина.

В лунном кружеве украдкой
 Ловит призраки долина.
 На божнице за лампадкой
 Улыбнулась Магдалина.
 Смерть в потемках точит бритву...
 Вон уж плачет Магдалина.
 Помяни мою молитву
 Тот, кто ходит по долинам.
 (В лунном кружеве украдкой, 1915)

Ситуации, когда иконы "вмешиваются" в жизнь обычных людей, становятся многообразны. К примеру, нет у внука способностей к учению (мотив, который часто встречается в житиях, вспоминается преподобный Сергей Радонежский), бабушка его молится преподобному Иоанну Дамаскину, взывает о помощи.

Выпала бабке удача,
 Только одно невдомек:
 Плохо решает задачи
 Выпитый ветром умок.
 И за глухие поклоны
 С лика упавших седин
 Пишет им числа с иконы
 Божий слуга — Дамаскин.
 (Снег, словно мед ноздреватый, 1917)
 Для поэзии Есенина характерно взаимопроникно-

вание Божественной и "избяной" жизни. С не меньшей силой их взаимодействие выразил только Н. Клюев. Сам С. Есенин писал в "Ключах Марии": "Изба простолоудина — это символ понятий и отношений к миру. <...> Красный угол, например, в избе есть уподобление заре, потолок — небесному своду, а матица — Млечному пути". [1, с.196]

Таким образом, икона для поэта всегда была живой. Она является неким божественным чудом, которое принимает непосредственное участие в жизни земной. Икона для С.Есенина — радужный мост, соединяющий человека с Богом.

Список литературы

1. Есенин С. А. Ключи Марии // Есенин С. А. Полное собрание сочинений: В 7 т. — М.: Наука; Голос, 1995—2002. Т. 5. Проза. — 1997. — С. 186—213.
2. Есенин, С.А. Собрание сочинений: В 3 т. — М.: Правда, 1977. Т. 1, С.279- 282.
3. Лепехин В. Иконичность двуединого мира в лирике Сергея Есенина // Алексеев С.А. С. А. Есенин и православие, М.: 2011. — С. 508
4. Марченко А. Поэтический мир Есенина / А. Марченко. — М.: Советский писатель, 1989. — С. 303
5. Русская философия: словарь / Под общ. ред. М. А. Маслина / В. В. Сапов. — М.: Республика, 1995. — С. 47

ЭВОЛЮЦИЯ ЦИФРОВОГО ТВ В МУЛЬТИМЕДИЙНОЙ СРЕДЕ

Уразова Светлана Леонидовна,

докт.филол.наук, доцент, зав. научно-исследовательским сектором, Академии медиаиндустрии, Москва

EVOLUTION OF DIGITAL TV IN THE MULTIMEDIA ENVIRONMENT

Urazova Svetlana Leonidovna, PhD in Linguistics, assistant professor, Head of the Research Section, Academy of Media Industry, Moscow

АННОТАЦИЯ:

Интенсивное развитие интернета как нового вида медийного ресурса не снимает с повестки научного дискурса вопрос об эволюции ТВ, сохраняющего лидерские позиции в информационном пространстве цифрового времени. Напротив, обращение разных социальных групп к виртуальному пространству, популярность интернет-СМИ, социальных сетей и их востребованность переводят проблему стратегического развития цифрового многопрограммного интерактивного ТВ, чья технологическая платформа ныне формируется во всех странах, в иную плоскость. В условиях мультимедийной среды актуальность и научную новизну приобретает вопрос об анализе матрицы цифрового ТВ, детализации ее системообразующих векторов развития, обеспечивающих функционирование этого средства экранной коммуникации. В статье приводится категориальная решетка системообразующих направлений матрицы ТВ, формулируется алгоритм их взаимодействия, что позволяет выявить динамику эволюции отдельных ее составляющих, прояснить лакуны в функционировании данной институциональной системы.

Ключевые слова: телевидение; институциональная система; матрица; векторы трансформаций; мультимедийная среда

ABSTRACT:

The intensive development of the Internet as a new type of information resource does not remove from the agenda of the scientific discourse question about the evolution of television, still retains the leading position in the information space of the digital time. On the contrary, the treatment of different social groups to the virtual space, the popularity of the Internet media, social networks and their relevance interpret the issue of strategic development of multi-program digital interactive TV, whose technology platform is now being formed in all countries to a new level. In conditions of a multimedia environment relevance and scientific novelty becomes a problem of the analysis of the matrix of digital TV, detailing its strategic vectors of development, and to provide the functioning of this tool on-screen communication. The article contains a categorical grating pillars of development matrix TV, the algorithm is formulated their interaction that allows to reveal how the dynamics of the evolution of individual components and clarify gaps in the functioning of this institutional system.

Keywords: TV, institutional system; matrix; transformation vectors; multimedia environment

Стремительная адаптация интернета в социальном пространстве вызвала множество революционных преобразований, оказавших существенное воздействие на представления о журналистской деятельности в контексте ее социальной значимости, включая организационно-творческо-производственные процессы в функционировании всех видов СМИ. Реконфигурация медийной среды цифровой эпохи проявилась не только и не столько в росте информационных потоков и медийных ресурсов, в появлении *new media* (интернет-СМИ, IPTV, интернет-вещание и т.д.), сколько в процессах конвергенции и интеграции СМИ, что обусловило организационно-структурное и концептуальное реформирование субъектов медиарынка, ныне тяготеющих к укрупнению в глобальном и глокальном масштабе. При этом приоритет отдается телевидению как наиболее эффективному средству экранной коммуникации.

Несмотря на исторически сложившееся репутационное отношение к этому ведущему массмедиа, в медийном сообществе сформировалось немало тематических дискурсов о конкурентоспособности ТВ, функционирующего в новых цифровых условиях. Одной из актуальных тем стало, в частности, обсуждение в конце 1990-х – начале 2000-х годов вопроса о конкурировании технико-технологических возможностей телевизионного и компьютерного экранов. Предпочтение отдавалось компьютеру как наиболее востребованному средству передачи информации, обладающему множеством автоматизированных функций, обеспечивающих, с одной стороны, индивидуально-массовую коммуникацию в режиме реального времени, с другой – позволяющих активному медиапользователю развивать свои творческие способности.

Время, тем не менее, все расставило по своим местам. К началу второго десятилетия XXI века вопрос о конкурентоспособности двух экранов утратил свое значение в результате конвергенции новейших технологий. Современный телеэкран [2, с.4-10] обладает не только входом/выходом в интернет, но и может работать как компьютер. Кроме этого, все современные технические средства больших и малых форм, будь то мобильные телефоны, планшеты разных видов, телеэкраны и особенно видеоинформационные системы (ВИС) нового поколения, предназначенные для телетрансляций в открытом пространстве [2, с.4-10], ориентированы на воспроизводство экранного продукта, который позволяет массам быстро воспринимать трансформации реальной действительности, оперативно принимать жизненно важные решения. Это обусловлено тем, что 80% информации человек усваивает благодаря зрению. Таким образом, в цифровую эпоху экран предстает как символ современности, обеспечивая нашему современнику значимый «эффект социализации», по Э. Тоффлеру, мотивируя индивида к рефлексии и самоидентификации в постоянно изменяющемся и усложняющемся окружающем мире.

Избыточность информационных потоков, прежде всего экранных, выводит на повестку профессионального дискурса и новую проблему – формулирование требований к экранной культуре как особо значимой парадигме, где содержанию и ценностным смыслам отводится приоритетная роль. Данная проблема обращена именно к ТВ, поскольку телевизионная «картинка», распространяемая с помощью разного рода мобильных средств массовой коммуникации, репрезентуемая в интернет-пространстве, а теперь и на улицах городов, населенных пунктов [8], приумножает долю распространения экранной продукции телеканалов.

Усугубляют важность требований к экранному продукту и процессы социокультурной глобализации, породившей наряду с другими факторами «глобальные культурные потоки, чей размах, интенсивность, разнообразие и быстрое распространение превзошли все, происходившее ранее» [11, с.389]. Исследователи справедливо фокусируют внимание на превалирующей роли ТВ. Столь пристальное внимание оправдано, так как одним из важнейших признаков современных социальных процессов является фактор интерессубъективности, априори содержащийся в телевизионной «картинке». Интерессубъективность следует понимать как проникновение индивидуального сознания в опыт другого «Я» и через это – к универсальному горизонту опыта. Как понятие и сущностное явление интерессубъективность анализировалась многими философами (И. Фихте, Э. Гуссерль, Ж.-П. Сартр, М. Мерло-Понти, К. Юнг, А. Шюц) задолго до появления цифровых технологий. Но в цифровой век, когда социальной адаптации способствуют массовые коммуникации, прежде всего экранные, интерессубъективность предстает как базис социального взаимодействия, мотивируя индивида на поиск типических, взаимосогласованных структур сознания, новых моделей поведения, приводящих к смене социальных ролей. В этом контексте рассмотрения проблемы телеэкран позволяет индивиду приобрести наглядный эмпирический опыт и реализовать устремления к публичности, коррелируясь с интерессубъективностью, выраженной в форме зрительно-звукового восприятия.

Об эволюции и потенциальных возможностях ТВ свидетельствует и перевод ТВ-вещания на цифровую многопрограммную интерактивную платформу – проект Международного союза электросвязи (МСЭ), реализуемый ныне во всех странах. Сформулирована всемирно известным ученым в области ТВ-вещания профессором М.И. Кривошеевым и перспективная модель развития ТВ на несколько десятилетий вперед, названная автором «Спираль развития цифрового ТВ вещания на пути к новому компоненту информационного общества», где конвергенции подлежат инновационные технологии, ныне активно развивающиеся (Интегрированные вещательно-широкополосные системы (IBV); Всемирный вещательный роуминг; Телевидение УВЧ (UHDTV); Видеоинформационные системы) [6, с. 37-41]. Все эти разработки характеризуют начальный этап реформирования как телевидения, так и всего медийного рынка, за которым последуют и другие трансформации, более фундаментальные, нацеленные на формирование гармонизированной среды медийного и социального пространства. В этом контексте эволюционных преобразований существенным становится вопрос о матрице телевидения, рассматриваемого как институциональная система, которая тяготеет к освоению глобального информационного пространства.

Переход СМИ в цифровую среду, в первую очередь ТВ, в значительной степени обострил проблему отношения элиты массмедиа к пониманию своего профессионального предназначения. В настоящее время социальная роль массмедиа скорректирована в пользу понятия «медиабизнес», что в принципе изменяет подход к созданию информационного продукта, в том числе экранного, отношение к его содержанию, поиску новых смыслов в процессе информирования, нивелируя основные цели и задачи. Перекос СМИ в сторону коммерциализации нарушает, кроме того, имманентную связь с аудиторией. Деятельность любого медийного ресурса невозможна без связи с аудиторией, так как именно она является базисом статуса СМИ как особого социального института, предназначенного для информирования социальных групп,

слоев, субкультур. Необходимо подчеркнуть: массмедиа, ТВ в том числе, работают в сложнейшем сегменте рынка – духовно-интеллектуальном, производя информационно-интеллектуальную продукцию в различных формах, ориентированную на прирост и обеспечение новых знаний в социальной среде. Данный аспект свидетельствует о природе СМИ и их первородной значимости. И в цифровом медиапространстве имманентная связь с аудиторией остается неизменной, хотя качество и степень ее сцепления с учетом нелинейного развития медийных и социальных систем подлежат флуктуации (случайные колебания).

Определение статуса СМИ и выделение потенциала сегмента рынка, где работают массмедиа, позволяет подойти к формулированию основных компонент медиаматрицы [3], в рамках которой развивается организационно-творческо-производственная деятельность как СМИ, так и ТВ как наиболее массового и влиятельного ресурса общественной коммуникации. С точки зрения И.М. Дзялошинского, автора нового термина, медиаматрица работает в условиях жестких правил и норм, но подвержена разветвлению на несколько видов в целях обеспечения массовой коммуникации (журналистика, реклама, пропаганда, PR) [3, с.126]. Данная концепция стремится глубоко проникнуть в процессы функционирования СМИ, ТВ в частно-

сти, однако, не до конца раскрывает протекающие в современном медиапространстве процессы, включая совокупное взаимодействие системообразующих направлений данного социального института. Наиболее структурированным в этом плане представляется метод анализа английского социолога Ф. Уэбстера, предложившего оценивать степень вхождения современной цивилизации в информационное общество по совокупности пяти основополагающих векторов развития – технологический, экономический, пространственный, профессиональный (связанный со сферой занятости) и культурный [2, с.15]. Данный метод обосновывает подходы к анализу процессов становления информационного общества, но применим и к СМИ, поскольку раскрывает системообразующие направления медиаматрицы, позволяет расчленить их и проследить интеграционное взаимодействие, проекцию развития. Наглядное обоснование функционирования всех пяти направлений, применимых, в частности, к телевидению как многосложной институциональной системе можно сформулировать, прибегнув к модели матрично-позиционного построения исследования, предложенной российским ученым А.С. Борисовым

[1], исследовавшего экономические процессы функционирования организаций.

Таблица 1

Телевидение как институциональная система в XXI веке (Этап глобального персонально-индивидуализированного ТВ-вещания)

ЧТО (Ситуация)	Для ЧЕГО? (Цель/ценность)	ИЗ ЧЕГО? (Ресурс)	В ЧЕМ? (Форма)	КАК? (Норма)
Технологи-ческий	Обеспечение многопрограммного цифрового интерактивного ТВ-вещания (базисная платформа) в целях социокультурного развития, создания разных видов информационных услуг (вещательные технологии отличает - гибкость, интерактивность, гипермассовость, всеохватность)	Цифровые технологии, интеграция разных видов технологических нововведений, конвергенция технологий (расширение информационного пространства, формирование сетевого общества)	Цифровая платформа ТВ как основа производства экранного контента с целью охвата массовой и гипермассовой аудитории (производящая функция, обеспечение разных форм досуга как познания нового)	Ликвидация цифрового разрыва и информационного неравенства, обеспечение массовых коммуникаций, услуги, социальное развитие (обеспечение социальных потребностей)
Экономи-ческий	Капитализация инфраструктуры как социального института (стратегия и тактика развития в целях взаимодействия с аудиторией, расширение финансовых активов, преобразование человеческих ресурсов в человеческий капитал, доход, прибыль, репутация бренда)	Производство/ привлечение контента (товар, услуга), рекламного продукта, дополнительные интеллектуальные услуги (технологические ресурсы, творческий потенциал, креативный акт, бизнес-план, медиа-планирование, освоение новых информационных ресурсов и рынков)	Экранный продукт, распространяемый в разных медиасредах – ТВ-вещание, интернет, мобильные устройства, ВИС (ТВ-программа, видеопродукция, водкаст, подкаст, сериалы, кинофильмы, трансляции в реальном времени, DVD, кросс-промоушн экранного продукта через сетевые показы партнеров по бизнесу, рекламный кросс-промоушн и т.д.)	Менеджмент, маркетинг, управление финансовым и человеческим капиталом (создание команды профессионалов, конкуренция, рост активов, расширение охвата аудитории, вхождение в глобальный рынок, использование IPO для роста активов, вовлечение масс в производство экранной продукции)

ЧТО (Ситуация)	Для ЧЕГО? (Цель/ценность)	ИЗ ЧЕГО? (Ресурс)	В ЧЕМ? (Форма)	КАК? (Норма)
Простран-ственный	В целях персонализированного взаимодействия с массовой аудиторией, охвата наибольшего количества сегментов аудитории, расширение пространства для функционирования экранного продукта, привлечения внимания аудитории к продукции бренда, вовлечение масс в сотрудничество (технологическое усовершенствование, персонализированная и массовая коммуникация, сокращение цифрового и интеллектуального неравенства)	Цифровая техно-платформа вещания, ее расширение за счет кабельных и спутниковых сетей, интернета, ШПД и т.д., использование современной техники для производства экранного продукта, оперативное распространение продукта в различных медиасредах с учетом экранных мобильных устройств (оперативное внедрение инновационных возможностей, адаптация технологической платформы под социальные нужды и потребности)	Многопрограммное цифровое интерактивное ТВ-вещание (трансляции ТВ-программ в эфире, кабеле, через спутник); адаптация экранного продукта в виртуальном пространстве (IPTV, интернет-вещание, ВИС); функционирование экрана сайта как информресурса; внедрение продукта в социальные сети (использование мультимедийных средств, PR и маркетинговых акций в целях брендинга, привлечения внимания, создания интереса к экранному продукту, стимулирования к социальному развитию)	Бесперебойное предоставление информационных и иных (образовательных) услуг потребителю, простота в употреблении, досуговое теле-смотрение, оперативное информирование, интерактивное общение как с профессионалами, так и индивидами разных социальных групп, расширенная массовая коммуникация в реальном времени (доступность, оперативность, всеохватность, интерактивность, простота использования)
Профессио-нальный	Формирование интеллектуального потенциала системы, создание команды (творческие и технические специалисты), где универсальный журналист как креативная личность имеет приоритетные позиции, а творческо-производственная деятельность направлена на охват национальной и гипермассовой аудитории (рост и обновление знаний, их адаптация к потребностям масс, формирование представлений социума о реалиях происходящего в мире)	Специалисты в области гуманитарных практик и вещательных технологий, креативных методик, социокультурных инноваций, работающие во имя социального развития, качественных цивилизационных изменений (профессионализм, любознательность, активность, коммуникативность, мотивация к познанию нового, потребность в саморазвитии и обучении)	Штатный персонал, внештатные человеческие ресурсы как профессиональные, так и непрофессиональные, привлеченные из социальных групп – зритель-субъект, зритель-творец (взаимопонимание, взаимозаменяемость, стремление к общению, умение воспринимать, адекватно оценивать ситуацию, потребность к творчеству, рефлексии)	Создание качественного, познавательного, оригинального экранного продукта в целях социокультурного развития (широкий кругозор, навыки мастерства, ответственность за производимый продукт, ориентация на ценностные категории и социокультурные нормы, потенциал знаний в соответствии с цифровым временем)
Культур-ный	Формирование познавательной информационно-коммуникативной среды, где получает развитие экранная культура, семантика смыслов экранного продукта доминирует; развитие социальных потребностей, адекватных цифровому столетию, развитие	Творческий коллектив как интеллектуальный потенциал системы, использующий профессиональные навыки и креативный акт с целью формирования процессов познания в социальной	Телепрограммы с учетом их жанрово-типологического разнообразия, кино- и видеопродукция, мультимедийные продукты, тематически нацеленные на процессы познания нового, виртуальные	Тематическое и жанровое разнообразие экранного продукта, обеспечение формирования экранной культуры, становление культуры личности, стиму-

ЧТО (Ситуация)	Для ЧЕГО? (Цель/ценность)	ИЗ ЧЕГО? (Ресурс)	В ЧЕМ? (Форма)	КАК? (Норма)
	индивидуального и коллективного рефлексированного мышления, формирование информационного человека как типа личности	среде, расширения знаний среди массовой и гипермассовой аудитории	игры, моделирование новых экранных форм в рамках репрезентации аудиовизуальной интеллектуально-познавательной коммуникации с медиапользователями, различного рода аудиовизуальные формы общения	лирование создания нового типа личности – информационного человека, способного оценить социальную эволюцию в цифровое время, как прообраз многомерного человека

Источник: [9, с.58-60]

Таким образом, из Таблицы 1 видно, что медиаматрица функционирует на основе взаимодействия ряда системообразующих направлений, каждое из которых, имея собственное целеполагание и совершенствование, нацелено на гармонизацию взаимодействия с другими векторами во имя целостности функционирования всей системы. На примере современного ТВ, входящего в этап зрелости своего развития, это отчетливо прослеживается [9]. В условиях реформирования медиарынка на каждом из этих направлений идут самостоятельные и весьма глубокие процессы преобразований, но лишь совокупность взаимодействия этих векторов олицетворяет функционирование ТВ как целостного организма, позволяя ему работать органично, целенаправленно, продуктивно. Такое понимание организационно-структурной, экономической, профессиональной и творческо-производственной деятельности ТВ позволяет выявить лакуны в функционировании этой институциональной системы, спроецировать новые типы экранной продукции, соответствующей социальным потребностям. Если технологический, пространственный и отчасти экономический векторы в целом отвечают требованиям становления информационного общества, то профессиональное и культурное направления находятся в состоянии стагнации и не соответствуют в полной мере социальным запросам новейшего времени.

Список литературы

1. Борисов А.С. Инструментарное обеспечение логико-аналитических моделирования экономических процессов. – М.: Информационно-издательская фирма «Триада», 1999.
2. Вартанова Е.Л. Медиаэкономика зарубежных стран. Уч. пособие. – М.: Аспект-Пресс, 2003.
3. Дзялошинский И.М. Российское телевидение: противостояние матриц// Вестник ВГИК, 2011, №№ 8,9. С.110-122; 122-130.
4. Кривошеев М.И. Экран в новом времени// Вестник ВГИК, январь 2010, № 2. С.4-10.
5. Кривошеев М.И. Международная стандартизация цифрового телевизионного вещания. – М.: НИИР, 2006.
6. Кривошеев М.И. Доклад «Новый международный виток развития цифрового вещания на XVI Международном конгрессе Национальной ассоциации телерадиовещателей//Информационный бюллетень НАТ. Материалы конгресса, № 36 (706) от 09.11.2012. – М.: НАТ, 2012. С.37-41.
7. Новая философская энциклопедия//URL: <http://iph.ras.ru/elib/1258.html> (дата обращения 25.07.2013).
8. Уразова С.Л. О площадной экранной культуре и принципах ее формообразования. Возвращение к истокам// URL:
9. <http://mediascope.ru/node/816> (дата обращения 15.06.2014).
10. Уразова С.Л. От «зеркала Нацисса» к экранной реальности. ТВ в контексте трансформаций цифрового времени. Монография/Литература по культуре и искусству. – М.: Изд-во «Русника», 2013.
11. 10. Уэбстер Ф. Теории информационного общества/Фрэнк Уэбстер; пер.с англ. М.В. Арапова, Н.В. Малыхиной; Под ред. Е.Л. Вартановой. – М.: Аспект Пресс, 2004.
12. Хелд Д. и др. Глобальные трансформации: политика, экономика, культура/пер.с англ. В.В.Сапова и др. – М.: Практикс, 2004.

К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ СЕТЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Вишнякова Елизавета Александровна

Канд. филологических наук, доцент кафедры английского языка ТГПУ им. Л.Н.Толстого, г. Тула

Обухова Лидия Сергеевна

ассистент кафедры английского языка ТГПУ им. Л.Н.Толстого, г. Тула

Электронное письмо как речевое произведение особого рода, обладающее своей спецификой, являющееся составной частью процесса сетевого общения, заслуживает рассмотрения с точки зрения решения определенных

коммуникативных задач, которые ставит перед собой автор, и тех возможностей, которые открываются перед получателем сообщения с точки зрения его адекватного восприятия и понимания [3; 4; 6; 9].

Большинство продуктов электронной переписки относятся к разряду межличностной коммуникации, хотя в ряде случаев электронное сообщение, направленное по нескольким адресам сразу, выступает как единица внутригрупповой коммуникации. Коммуникация, рассматриваемая и как процесс, и как действие, и как система, представляет собой в данном случае взаимодействие пользователей ПК в рамках традиционного жанра - жанра письма, вместе с тем, сопровождаемого целым рядом новых структурно-содержательных особенностей. Процесс языкового взаимодействия сопровождается особым видом деятельности и наличием инструмента действия - компьютера, без которого он был бы просто невозможен.

Изучение сетевого общения с точки зрения теории коммуникации предполагает учет принципа диалогичности, т.е. возможности рассмотрения отдельного речевого произведения как части реального или предполагаемого диалога. Именно этот момент является исключительно важным в связи с выбором того репертуара языковых средств, который осуществляется отправителем письма, для достижения успешности коммуникации [10, с. 117-124]. Дискурсивные характеристики письменного сообщения, помимо определенного набора знаний о мире, включают в себя знание языка, т.е. знание лингвистических сущностей, и знание о том, как пользоваться конкретным (в данном случае - английским) языком [1, с. 86-88]. Работа в сети предполагает также участие в этом процессе совершенно конкретного блока знаний - как пользоваться ПК с точки зрения создания и отправки электронного письма. В отличие от структурно-организационной стороны, сопровождающей создание любого традиционного текста на бумажном носителе (за исключением черновика, поддающегося корректурке и другой обработке), создание электронного письма может сопровождаться произвольным изменением алгоритма повествования, перенесением частей текста, перемену мест составляющих и т. д. (что может осуществляться на основании смыслового, синтаксического, логического, ритмико-мелодического, эмоционального и других принципов). Наиболее частым изменениям в этом случае подвергается порядок следования абзацев (сверхфразовых единств).

Язык электронного письма на английском языке ("email writing style") выступает как самостоятельная разновидность человеческого языка, изучение которой требует обращения к наиболее адекватным лингвистическим явлениям и моделям, обуславливающим его наиболее оптимальную реализацию [7; 8; 11; о лингвистическом моделировании см.: 2; 5]. Стилистика электронного письма, как и письма на бумажном носителе, обусловлена, в первую очередь, ситуацией общения, взаимоотношениями партнеров по коммуникации, индивидуальными особенностями адресата и адресанта, целевыми установками общающихся, социокультурными факторами, а также спецификой самого жанра.

В результате проведенных исследований в данном направлении следует выделить такие свойства электронного письма, как наличие особого лексикона, обусловленного в том числе и необходимостью общения на темы, диктуемые условиями существования сетевого текста; наличие огромного количества неологизмов; продуктивную реализацию словообразовательных моделей; словосложения; образование новых слов посредством соединения частей слова и элементов других семиотических систем (буквенных обозначений, пунктуационных и других графических знаков, смайликов, рисунков, геометрических фигур, символов и т.д.); реализацию жаргонных

слов, в первую очередь, употребляемых хакерами; аббревиатур различного типа (состоящих из заглавных, строчных букв, включающих цифровые обозначения, различные значки клавиатуры, знаки препинания), заменяющих не только слова и словосочетания, но и целые фразы, предложения (акронимы типа AYSOS - "Are you stupid or something?").

На графическом уровне отмечается специфика реализации заглавных и строчных букв (где предпочтение отдается замене заглавных на строчные во всех нормативно закрепленных за ними в традиционной письменной речи позициях, в то время как использование заглавных букв чрезвычайно активно реализуется в сокращениях). Следует также выделить графические способы проявления эмоциональных реакций, например, звукоподражание типа "aaaiieee". Орфография (спеллинг) также претерпевает нарушения в направлении упрощения написания в соответствии с произношением, что в ряде случаев может привести к нечеткости способов выражения содержания намерения, двойственности понимания, затуманенному характеру передаваемой информации. Пунктуация характеризуется ярко выраженной тенденцией к минимализму, что также не всегда оказывается оправданным с точки зрения когерентности текста, а также его когезии, а это, в свою очередь, снижает успешность коммуникативного взаимодействия. В ряде случаев пунктуационные знаки используются для обозначения не связанных с пунктуацией характеристик, переходя в разряд знаков-символов других семиотических систем.

Важнейшей особенностью электронного письма является его когезия, реализуемая на уровне связи его частей: корректное название темы письма (Subject), определяющее в ряде случаев его судьбу (будет ли оно прочитано адресатом сразу, позже или вообще не удостоится его внимания), обращение и приветствие, позволяющие определить степень близости адресата и адресанта, характер взаимоотношений между ними, основное содержание письма, которое по своей тональности должно быть связано с обращением, приветствием, словами прощания, подписью, а также просьбой ответить адресанту ("Reply to Author"). Когезия электронной переписки обусловлена ее диалогическим характером, процессом обмена информацией, взаимопониманием коммуникантов, которое на уровне языкового выражения реализуется посредством широко распространенных эллиптических и анафорических конструкций, повторения содержащихся в предыдущих письмах положений в квадратных скобках, а иногда и приведения целых цитат. Специфика электронного общения, рассматриваемого в терминах диалогических единств, может быть продемонстрирована и тем фактом, что во многих случаях ответ на письмо помещается в его же границах, как правило (что обеспечивает удобство прочтения для получателя), перед текстом предыдущего письма.

В тексте основной части письма особая роль принадлежит делению на абзацы (сверхфразовые единства), поскольку этот его аспект определяет, как уже упоминалось выше, степень достижения поставленной отправителем цели - адекватного понимания содержания-намерения адресатом вследствие четкого и логичного расположения информации, репрезентируемой в соответствии с поставленными коммуникативными задачами.

Все указанные составляющие в своем единстве реализуют важнейшие коммуникативно-прагматические особенности сетевой переписки. Вместе с тем, важно отметить, что многие из названных черт электронных писем реализуются далеко не всеми пользователями. Целый ряд

авторов соблюдает основные правила английской орфографии и пунктуации, не обращая (или обращаясь в минимальной степени) к различного рода дополнительным семиотическим приемам. Вместе с тем, существуют пользователи Интернет, которые видят в нем, помимо средства передачи и получения информации, совершенно иной потенциал. Это касается тех, чьи индивидуальные предпочтения состоят в неумеренном использовании возможностей нового вида общения по репрезентации своих мыслей путем нарушения всех норм употребления языковых средств, в склонности к неумеренному экспериментированию с естественным языком, - что, как уже говорилось, в ряде случаев может привести к снижению уровня успешности коммуникации или к реальным коммуникативным неудачам, хотя во многих ситуациях, как известно, эти процессы не нарушают общения как такового. В этой связи следует подчеркнуть, что, как и в случае традиционных писем, а также различных устных форм коммуникации, необходимо ориентироваться на культурную специфику участников коммуникативного процесса, их национальную, социальную, профессиональную, гендерную принадлежность, возраст, уровень интеллектуального развития и т.п.

Интерактивный характер электронного письма, его в некотором отношении промежуточное положение между устной и письменной речью не исключает (особенно в сфере межличностной коммуникации обиходно-бытового характера) появления в нем особых элементов, не соответствующих нормированному речепотреблению в традиционном эпистолярном жанре, с учетом того, что язык Интернет-сообщений находится в стадии становления и динамичного развития [7, с. 97-99]. В то же время эти характеристики не должны нарушать общности кода коммуникантов, обуславливающей адекватность процесса передачи и получения информации.

Таким образом, язык электронной переписки может

рассматриваться как особая форма существования английского языка, находящаяся в процессе динамического развития, сочетающая в себе свойства устных и письменных видов общения и обладающая особыми лингвистическими характеристиками.

Литература

1. Александрова О.В. (ред.) Введение в функциональную англистику. – М.: 1998.
2. Ахманова О.С., Магидова И.М. Прагматическая лингвистика, прагмалингвистика и лингвистическая прагматика // Вопр. языкознания. 1978. № 3. С. 43 – 48.
3. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопр. языкознания. - М., 1994. № 4. С. 17– 33.
4. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: 1996.
5. Магидова И.М. Теория и практика прагмалингвистического регистра английской речи. Дисс....докт. филол. наук. - М.: 1989.
6. Назарова Т.Б. Филология и семиотика. – М.: 1994.
7. Crystal D. Language and the Internet. – Cambridge University press, 2001.
8. Emmerson P. Email English. - Macmillan Publishers Limited, 2004.
9. Leech G., Short M. Style in fiction: A linguistic introduction to English fictional prose. - L.:1981.
10. Quirk R., Stein G. English in Use. - UK Longman, 1990.
11. Roddick H. Business Writing Makeovers. - Avon, Massachusetts: Adams Media Corporation, 2003.
12. Trask R.L. How to Write Effective Emails. - Penguin Books, 2005.

ЭРГОНИМЫ ГОРОДА АРХАНГЕЛЬСКА В АСПЕКТЕ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Юдина Татьяна Михайловна

Канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и речевой культуры, Северного (Арктического) федерального университета, имени М.В. Ломоносова, г. Архангельск

Павловская Маргарита Александровна

Студентка 4 курса бакалавриата Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, г. Архангельск

ERGONYMS OF THE CITY OF ARKHANGELSK IN THE ASPECT OF LANGUAGE CULTURE

Yudina Tatiana Mikhailovna, Candidate of Philological Sciences, associate professor, Department of Russian language and speech culture, NARFU named after M.V. Lomonossov, Arkhangelsk

Pavlovskaya Margarita Aleksandrovna, 4th year bachelor program student of the, NARFU named after M.V. Lomonossov, Arkhangelsk

В статье рассмотрены процессы номинации архангельских эргонимов, выявлен их графико-орфографический облик, освещены негативные и положительные тенденции языковой культуры эргонимов, раскрыты принципы языковой политики в современной городской среде.

Ключевые слова: урбаноним, эргоним, языковая политика

The article describes the processes of nomination of Arkhangelsk city ergonyms, shows their graphic and orthographic aspect, analyses positive and negative tendencies of the language culture of ergonyms, reveals the principles of the language politics in the modern urban environment.

Key words: urbanonym, ergonym, language politics

Лингвистическое градоведение связано с осмыслением городской среды как сложного лингвокультурного феномена. Исследование языка города и формирование языковой политики перспективно: городская эпиграфика

и урбанонимия Архангельска фактически не изучены, чем определяются актуальность и новизна нашей работы.

В начале XX в. в русской лингвистике функционировал термин урбанонимия – совокупность урбанонимов

(лат. *urbanus* «городской») – топонимических обозначений внутригородских объектов. К урбанонимам относятся названия улиц, площадей, кварталов, отдельных домов, магазинов, предприятий бытового обслуживания. В современной топонимике к урбанонимам относят названия улиц, которые представляются основным структурирующим фактором города. А для названия заводов, фабрик, аудиторских, строительных, торговых и туристических фирм, рекламных агентств, кинотеатров, аптек, ресторанов, кафе, магазинов и предприятий бытового обслуживания стал использоваться термин эргоним – «собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации» [10, с.166]. Все наименования выполняют информативную и идентифицирующую функции, а также отражают культурные представления использующего их общества.

Вслед за лингвистом М.Ю. Шипановской считаем, что «внутригородские названия служат маркерами индивидуальной значимости соотношенного с ними географического, территориального или какого-либо точечного объекта, ... позволяя осмыслить пространство города, его культурную среду, прошлое и настоящее. Урбанонимное пространство, являясь незамкнутой лексической системой, определяется моделью мира, существующей в представлении конкретного народа в определенное время» [12, с.186]

Объектом нашего исследования являются современные эргонимы г. Архангельска, предметом изучения стали онимические процессы формирования эргонимов и их функционирование в городской среде.

В нашей статье мы попытаемся осветить процессы номинации архангельских эргонимов, выявить их графико-орфографический облик, рассмотреть эргонимы в аспекте языковой культуры, раскрыть принципы языковой политики в городской среде.

Обращаясь к истории, отметим, что после Октябрьской революции названия предприятий, как вид городских имен, практически были уничтожены (их заменили нумеративы). В советское время процесс номинации осуществлялся в основном способом аббревиации, например: ЗИЛ, КамАЗ. Аббревиатура представляет собой лаконичную форму кодирования развернутого понятия. Она включает в себя три компонента: указание на географическое положение предприятия, вид выпускаемой продукции и форму организации производства (магазин, завод). Руководителей не волновала проблема оригинальности названий городских объектов. В советском городе, где все было подчинено производству, даже названия районов дублировали названия крупных предприятий: АЦБК (Архангельский целлюлозно – бумажный комбинат), СЛДК (Соломбальский лесопильно – деревообрабатывающий комбинат), СМЗ и др. В то время сформировался аббревиатурный тип мышления.

После приватизации экономики изменилось мировосприятие людей. В условиях конкуренции появилась проблема удачно подобрать название фирмы. С 90-х гг. XX в. наблюдается тенденция к «поголовной» номинации городских объектов. Расширение ономастического пространства постсоветского периода исследователем Т. В. Шмелева назвала «онимическим взрывом» [14, с.41].

Однако процессы номинации осуществляют предприниматели в соответствии со своими языковыми вкусами, зачастую далеко не элитарными. Возникла проблема формирования языковой политики. Исследователь Л.К. Граудина освещает этот процесс: «В имидж-проектах «языковая» составляющая в выборе стиля, ономастика

города полностью отсутствуют. Между тем важно определить систему «ценностных ориентиров» в языковой политике. Система рекомендаций лингвистов должна опираться не только на правила словоупотребления, но и национальный этикет, хороший вкус, систему этических норм – весь склад традиционной отечественной культуры, которая воспринимается обществом как образцовая» [5, с.185].

Номинативные ономастические единицы (топонимы, урбанонимы) находят в лингвистике первичное осмысление. См., например, работы Гака К.Г. [2], Кубряковой Е.С. [7], М.Н. Морозовой [8], Серебренникова Б.А. [11], Янко – Триницкой Н. А. [15] и др. В последнее время появились наиболее полные исследования в этой области. См. работы Вайрах Ю.В. [1], Голомидовой М. А. [3,4], Емельяновой А. [6], Подберезкиной Л.З. [9], Шмелевой Т.В. [14], Шипановской М.Ю. [12], Широкова А.Г. [13] и др.

Эргонимы - систематически пополняющийся в русском языке класс онимов, которые могут быть описаны как результат искусственной номинации.

Первоначально назовем, на наш взгляд, некоторые негативные тенденции: преобладание в названиях иноязычных заимствований, использование аббревиатур, дублетных номинаций.

Чтобы подчеркнуть престижность предприятия, номинаторы привлекают логотипы фирм: «Philips», «Samsung», «Konica», «MAXIMUM», «LG», «Puma», «SELA», также многочисленные англицизмы: «Лайф», «Реал», «Самтекс», «Спайдер», «Хендер», «Сити Стайл», «Дакси Ленд», «Ю-Джи-Ком» и др. В названиях изображается оригинал – макет этих фирм. Все чаще это транслитерированные или транскрибированные названия: «Мобиленд» (англ. Mobilend), «Блэйд» (англ. Bleid), «Вэст Трэвел» (West Trevel) и др. Такая форма наименований с точки зрения русской орфографии – неудачна. В номинаторстве в основном используются англо – американские заимствования и отсутствуют германоязычные, типа GmbH, AG. В России англицизмы в номинации предприятий служат экспрессивным средством для придания иноязычного «шарма» названию. Такие названия с точки зрения русской языковой политики следует сократить.

«Модные» тенденции представлены наименованиями с компонентами – маркет («Супермаркет», «Пивмаркет», «Компьютермаркет»), элементами элит – («Элитстрой»), фуд («Фудмаркет»), а также использованием новых терминов – бутик, шоп, студия, галерея, люкс, сервис, плюс («Студия мебели», «Студия дизайнера», «Цветочная галерея», «Каскад Плюс», «Восток Сервис», «Чайка – люкс»). «Европоцентричность» проявляется в наличии элемента евро–: «Евростиль», «Европарк», «Мебель из Европы», «Европейская обувь», «Евроремонт», «Еврострой», «Дока Евроремонт» и др.

К негативным тенденциям можно отнести преобладание в названиях фирм иноязычных заимствований, а также объединение в одном названии англицизмов и русских слов («Насосы», «Натали – shop», «Мода De Espana»), факты транслитерации русских слов посредством латинских букв («Kazino»), широкое использование аббревиатур (ЗАО «Алвиз, РАЙПО, СпецТехСнаб, Спецторг, АСТК). Негативное влияние оказывает использование «дублетных» номинаций («Консул» и «Консул – 2», «Гарант» и «Гарант +» и др.). В последние годы мы констатируем факты негативного восприятия текстов городской среды архангелогородцами: «Мы живем в России, поэтому язык должен быть русский».

Назовем некоторые положительные тенденции.

При выборе названий фирм номинаторы стремятся сообщить информацию о себе: названия магазинов «Кристинина», «Петровский», кафе «Полина», «Аптека Попова», булочная «Корчагин и сын», юридическая фирма «Рябов и К», «Фотосалон Любви Чаусовой», «Адвокатский кабинет Мансура Бекарова», автотранспортные предприятия «Черноудов и Олышаков», «Поткин и К» и др. С точки зрения рекламы – это эффективный приём (номинация по фамилии владельцев). В таком названии присутствует осознание ответственности, узнаваемости имени фирмы, дань отечественным традициям. Однако такие названия в Архангельске пока единичны. В столичных городах они широко распространены. Генетивные конструкции наименований, такие, как «У Шурика», «У Ивана», «У Савиной», «У Лены», «У Нади» лингвистически неудачны, неинформативны.

В последнее время появились фирмы под вывесками, выполненными в старой дореволюционной орфографии: казино «Паратовъ», магазин «Троицкий пассажъ», юридические фирмы «Вердиктъ», «Юристъ», строительная фирма «Стройградъ», банк «Империаль». Такой графико – орфографический облик типичен для современных российских городов.

Возвратились в городскую среду русские слова: лавка, двор, ряд, слобода, подворье, посад: «Оружейная лавка», «Скобяная лавка», «Зеленый двор», «Соловецкое подворье», «Рыбацкая слобода» и др.

Положительно, что в Архангельске все более актуальным становится русский контекст, сохраняются названия, отражающие связь с Россией: «Русь», «Славянский магазин», «Российский магазин», «Российские двери», «Любятово», «Российские автомобили», «Славяне», «Народный» и др. Такие названия патриотичны.

Частотны номинации, построенные по «ансамблевому» принципу: близость к Северной Двине, отнесенность к Северу отражены в названиях «Северная Двина», «Двинское подворье», «Беломорские узоры», «Сполохи», «Краски Севера», «Север-Авто», «Арктика», «Арктический», «Беломорский», «Заполярный», «Полярный», «Северный», «Северная ягода», «Северный мех», «Северный город», «Огонек Севера», «Правовой Архангельск», «Белые ночи», «Развитие Севера», «Поморская» и др. Постепенно возвращаются утраченные в советскую эпоху понятия: «Успенский», «Никольский», «Малый Елисейский», остались и некоторые советизмы: магазины «Смольный», «Октябрьский», «Пионер».

В названиях предприятий сохраняется лексика флоры и фауны («Березка», «Багира», «Колосок»), а также «советская» традиция называния именами литературных героев («Феникс», «Прометей», «Скарлетт»). Появляются новые рекламные номинации магазинов: «Станем друзьями», «Все для дома», «Книги для вас», «Ваш малыш», «Ваш ломбард», «Ваша аптека» «Моя аптека», «Ваше семейное ателье», «Наша обувь», «Всё обо всём» и др. Модно давать в качестве наименований точный адрес или название района, где расположен объект (при этом могут использоваться как официальные, так и неофициальные наименования): магазин «Блеск» на Розочке (Розочка – неофициальное название ул. Розы Люксембург), «Троицкий пассажъ» (магазин на проспекте Троицком), аналогично «На Воскресенской», «Дом на Ленинградском», «Сауна на Московском», «Ателье на Вологодской», «На Окружной», «На Троицком», «У Двины», «На Речном». Некоторые имядатели предпочитают консерватизм, используя для новых объектов номинации советской эпохи: «Продукты», «Овощи – Фрукты». Таких названий много,

например: «Зернохлеб», «Семена», «Колесо», «Гвоздь», «Природа», «Охота», «Рыболов», «Рыбак», «Склад», «Печати, штампы» и др. Однако содержательные номинации не всегда оригинальны. Анкетирование показало, что горожане ждут название информативное, одновременно красивое, интригующее.

Вслед за Н. А. Янко – Триницкой [15, с. 95], распределим наименования на содержательные, поэтические и нейтральные. Содержательные могут прямо указывать или давать намек на содержание понятия, заключающегося в названии, например: юридические фирмы: «Арбитражная практика», «Юрист –Инфо», «Юрист Консалтинг», «Юристъ», «Юридические услуги» и др.; фирмы по изготовлению и продаже мебели: «Авторская мебель», «Севторгмебель», «Дом мебели» и др.; фирмы по установке пластиковых окон и дверей: «Окна-Лайн», «Окна для всех», «Мир дверей», «Пластикон» и др.; строительные фирмы: «Стройматериалы», «Стройсервис», «Монтаж», «Электромонтаж» (фирмы, предоставляющие монтажные и электромонтажные услуги); «Автомагистраль», «Дороги Поморья», «Лесные дороги» (фирмы, занимающиеся строительством дорог) и др.; туристические фирмы: «Интурист-Архангельск», «Вояж», «Вокруг Света», «Евротур» и др.

Поэтические названия не связаны непосредственно с содержанием понятия. В таких наименованиях используются слова, которые вызывают определенные образы, например: фирмы по изготовлению и продаже мебели: «Царица», «Лотос», «Луна», «Сан-Ремо», «Командор», «Олимп» и др.; торговые фирмы: «Адмирал», «Белый медведь», «Барс», «Сезон», «Снежинка», «Метелица»; охранные предприятия: «Айсберг», «Беркут», «Гепард» и др.; юридические фирмы: «Геката», «Догма», «Зевс», «Нерей», «Скиф», «Гарант», «Пилигрим» и др.; строительные фирмы: «Аэлита» (фирма по продаже строительных материалов), «Апогей», «Ассоль»; туристические фирмы: «Алмазный берег», «Заветный берег», «Глобус», «Свобода», «Меридиан», «Ветер перемен» и др.

Поэтические наименования часто перекликаются с содержательными. В результате контаминации происходит накладывание смыслов и усиливается ассоциативное восприятие названия, оно становится более информативным: название парикмахерского салона «Афродита» (Афродита – богиня красоты), спортклуб «Геракл» (Геракл – один из самых сильных мифологических героев). Нейтральные номинации ближе к нумерации: «Гастроном», «Продукты». Нейтральные номинации фирм не указывают на содержание понятия и не вызывают приятных ассоциаций. Они функционируют в форме аббревиатуры и ближе всего к нумерации: «АТМ- Авто», «БУМ», «ДиП», «ВАН», «ТИМ», «МКП №1», «СУ-301» и др.

Возникают новые наименования с установкой на языковую игру: «Хороший магазин», «Оранжевое настроение», «Ёлки – Палки», бар «Дрова», бар «У – ра!», бар «Оптимист», «Засада», «Три я», «Два пива», «Надо купить», «Плати меньше», «Клевое место», «Остатки сладки», «Есть колбасы», «Кушать подано», «Бурлаки», «Надежный переезд», «Сам грузу, сам вожу» и др.

С позиций теории номинации можно выделить структурные типы номинативных единиц: словные, синтагматические и фразовые. Наименования чаще выражаются словом, именем существительным или субстантиватором (527), например: названия фирм «Весна», «Барс», «Поморск», «Петровский» и др. Менее востребовано как номинатив словосочетание (81): «Красная кузница», «Сульфатские

бани», «Свой дом» и др. Немногочисленны эргонимы, построенные по модели предложения (35): «Окна для всех», «Ваш дом – Архангельск», «Есть колбасы», «Надо купить», «Арбис: прикладные решения» и др.

О способах номинации. Более 45 % анализируемых онимов образовано в результате лексико – семантической трансформации: отонимические наименования («Геракл», «Наташа») и отопеллятивные наименования («Турист», «Комфорт»). Активна морфолого-синтаксическая трансформация: «Морской», «Любимый». Способы синтаксической деривации реализуются в трансформации свободного сочетания слов (сочинительного и подчинительного типа) в оним: «Фруктовый сад», «Товары здоровья». Существуют модификации способов номинации, например: способ лексико – синтаксической трансформации сочетания агглютинативно – аналитического типа: «Эллада – Плюс», «Каскад – Плюс», «Чайка – Люкс» и др. Итак, наблюдается пестрота в эргонимах. Язык города отражает не только «языковой вкус эпохи», но и культурное сознание современного горожанина. Архангелогородцы по-разному воспринимают новые названия. Приведем, например, некоторые их высказывания: «На мой взгляд, название туристической фирмы «Диана» является неудачным. Оно подошло бы больше какому-нибудь салону красоты». «Мне не нравятся названия фирм с логотипами, наподобие таких, как «Дока», «Плюс», «Лайн», «Оптим», просто «+», какая-нибудь буква, например, К». «Ну, что за название «Двери Оптим»? Мне нравятся красивые названия: «Айсберг», «Афродита», «Карусель», «Изумруд» или информативные: «Каравай», «Фрукты», «Чайный дом» и др.»

Однако такой облик номинаций является типичным для современных российских городов: в названиях пока преобладают иноязычные заимствования, аббревиатуры, дублетные номинации, встречаются факты вульгаризации ономастического пространства.

Формирование языковой политики в городе должно основываться на исследованиях городского ономастикона и эпиграфики, основными направлениями которых должны стать лингвистическое и социокультурное описание «номинативной картины» города, выявление актуальных параметров оценки названий, тенденции урбонимической моды, разработка принципов номинативной политики с учетом лингвистического фактора.

Таким образом, проблемы изучения языка города и формирования языковой политики представляются важными и актуальными.

Список литературы

1. Вайрах Ю.В. Эргоурбонимия города Иркутска: структурно-семантический и лингвокультурологический аспекты исследования. Автореф...канд. дис. / Ю.В Вайрах. – Улан-Удэ, 2011. – 21 с.

2. Гак В. Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация: Общие вопросы. – М.: Наука, 1977. – Ч.1. – С. 230 – 293.
3. Голомидова М. А. Урбанонимы в контексте культуры современного города // Ежегодник научно-исследовательского института русской культуры. 1994. – Екатеринбург, 1995. – С. 76 – 86;
4. Голомидова М. В. Экспрессивные возможности эргонимов // Проблемы региональной русской филологии. – Вологда, 1995. – С. 115 –116.
5. Граудина Л. К. Проблемы нормирования русского языка: реальность и прогнозы // Культура русской речи и эффективность общения. – М., Наука, 1996. – С. 177 – 197.
6. Емельянова А.М. Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтничного города: на примере названий деловых, коммерческих, культурных, спортивных объектов г. Уфы.: Автореф ... канд. дис. / А.М. Емельянова. – Уфа, 2007. – 22 с.
7. Кубрякова Е. С. Теория номинации и словообразование // Языковая номинация: Виды наименований. – М.: Наука, 1977. – С. 222 – 304.
8. Морозова М.Н. Названия культурно – бытовых учреждений // Русская речь. – М.: Наука, 1973. – № 6. – С. 54 – 59.
9. Подберезкина Л.З. Языковой образ города в контексте культуры // Славянский мир на рубеже веков: Материалы междунар. симпозиума. – Красноярск, 1998. – С. 119 –121.
10. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1978. – 198 с.
11. Серебренников Б. А. Номинация и проблема выбора // Языковая номинация: Общие вопросы. – М.: Наука, 1977. – Ч.1. – С. 147 – 187.
12. Шипановская М.Ю. Национальная специфика урбанонимов г. Шэньяна (КНР) // Региональные варианты национального языка: материалы всероссийской (с международным участием) научной конференции 17 октября – 20 октября 2013 г. / науч. Ред. А.П.Майоров. – Улан – Уде: Издательство Бурятского госуниверситета, 2013. – С.186 – 189. "
13. Широков А.Г. Русская урбанонимия в диахроническом освещении: апеллятивно-онимические комплексы: Автореф ... канд. дис. / А.Г. Широков. – Волгоград, 2002. – 22 с.
14. Шмелева Т. В. Старое и новое в языковом облике современного города // Речь города: Тезисы докладов на Всероссийской науч. конф. Ч.1. – Омск, 1995. – С. 40 – 42.
15. Янко – Триницкая Н. А. Собственные наименования предметов // Русский язык в школе. – М.: Наука, 1977. – № 6. – С. 93 – 97.

СТРУКТУРНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ФЕ – КЛАССИФИКАЦИЯ ПО СООТНЕСЕННОСТИ С ЧАСТЯМИ РЕЧИ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Б.АН-СУОРТА «МОРАЛИТЕ»)

Зацепилов Антон Сергеевич

Аспирант Московского государственного областного, гуманитарного института г.Орехово-Зуево

В английском языке, так же как и в других языках широко используются устойчивые обороты, которые воспроизводятся в речи, как уже «готовые языковые образования» - это фразеологические обороты [3; с.7-8].

Фразеологизмы обладают различными эмоционально-экспрессивными оттенками, они очень разнообразны по своим стилистическим и грамматическим моделям

и признакам. «Существуют их классификации, основанные на семантических, грамматических, стилистических и других признаках» [2, с.94].

Фразеология предлагает различные типы классификаций фразеологического состава языка в зависимости от свойств фразеологизмов и методов их исследования. Традиционно английские фразеологизмы классифицируются с точки зрения семантики, происхождения и структуры.

Фразеологические единицы в структурной классификации соотносятся с определенной частью речи. Данной классификации придерживались такие ученые, как И.В. Арнольд, П.П. Литвинов. В структурной классификации предусматривается выделение основного слова фразеологической единицы и установление части речи данного слова. Номинативные фразеологизмы в целом эквивалентны части речи основного слова и в зависимости от принадлежности определенной части речи ФЕ подразделяются на следующие классы: субстантивные, адъективные, адвербиальные, глагольные ФЕ, а также модальные и междометные. «Например, субстантивные фразеологизмы передают предметность, глагольные выражают действие, адъективные - качество и т.д. Отнесенность к частям речи закрепляется синтаксическими функциями, в которых эти единицы употребляются» [1; с. 203].

В данной статье рассмотрим структурную классификацию ФЕ на примере произведения современного английского автора Барри Ансуорта «Моралите»

Барри Ансуорт – современный английский писатель, написал и опубликовал 17 романов, в основном на исторические темы. В 1992 году за роман «Священный голод» (англ. «Sacred Hunger») он получил одну из самых престижных наград в английской литературе - Букеровскую премию. На соискание "Букера" выдвигались еще три романа Барри Ансуорта, в том числе и роман «Моралите». В романе автор описывает события в Англии 14 века. Бродячая труппа комедиантов средневекового театра на колесах разыгрывает пьесу о свершившемся недавно преступлении. И каждое новое представление, шаг за шагом, приближает их и жителей города к истине.

Читая это произведение, мы обращаем внимание на то, как тонко и умело автор использует стилистические возможности фразеологизмов, чтобы разнообразить язык произведения.

Для анализа из данного произведения было выбрано 250 фразеологизмов различных по своей структуре.

1. Субстантивные фразеологические единицы.

Класс субстантивных ФЕ является самым многочисленным классом в английском языке. Субстантивные ФЕ – это фразеологизмы, стержневым компонентом которых являются существительные. Функционально они соотносятся с именем существительным.

«Наиболее характерным структурным типом субстантивных ФЕ являются предложно-именные образования» [5; с.132]. К этому классу относятся:

- ФЕ со структурой *n + prep. + n* (т.е. сочетание двух имен существительных, связанных предлогом)

В произведении Барри Ансуорта ФЕ с данной структурой представлены достаточно широко: *a gift of fortune* - дар судьбы; *voice of common sense* - голос здравого смысла; *within the will of the Creator* - по воле Творца; *a premonition of harm* - возникло предчувствие беды; *was a gleam of light* - лежал проблеск света;

prey to fear - легкая добыча страха; *a thing of nightmare* - порождение кошмара;

blows of fate - удары судьбы; *tenderness of feeling* -

нежность чувств; *the mark of wisdom* - знак мудрости [7; с.5-94].

Данная структура может быть расширена препозитивно при помощи прилагательного *n + prep + adj + n*: *each in his different way* - каждый на свой лад; *a streak of good luck* - полоса неудач; *a pearl of great price* - бесценное сокровище; *the shrug of sorrowful resignation* - скорбная покорность судьбе [7; с.15-58].

- ФЕ со структурой *adj + n* (сочетания: имя прилагательное + имя существительное). Оба компонента данной структуры взаимозаменяемы, что является характерным признаком данных ФЕ.

В романе «Моралите» данные фразеологизмы встречаются также достаточно часто: *swift justice* - торопливое правосудие; *cold arms* – холодное оружие, *hard labour* - тяжкий труд; *true reason* - истинная причина; *idle curiosity* - праздное любопытство; *reckless glance* - бесшабашный взгляд; *good soul* - добрая душа [7; с.12-45].

- ФЕ со структурой *N+N* (сочетание двух имен существительных), здесь имя существительное является как основным, стержневым компонентом, так и зависимым компонентом.

В романе Барри Ансуорта найдено всего 4 таких фразеологизма: *cobblestones* - булыжники; *grave-digger* - могильщик; *rope-walkers* - канатоходцы; *keeping house* - домоправительница. [7; с.23-44].

– ФЕ со структурой *pron + n* (сочетание: местоимение и имя существительное). Фразеологизмы с данной структурой в романе «Моралите» встречаются не так часто: *by going on your way* - иди своей дорогой; *to my shame* - к моему стыду; *by my reckoning* - по моей прикидке; *without any success* - без всякого успеха [7; с.8-16].

2. Адъективные ФЕ

Адъективные ФЕ функционально соотносятся с прилагательными, так как их стержневым компонентом выступает имя прилагательное. Среди адъективных ФЕ английского языка выделяются два основных структурных типа:

- Компаративные – ФЕ, имеющие в своем составе сравнивающий компонент *comparative* (*as*, *как*). Стержневым компонентом является прилагательное, зависимым компонентом - существительное (*as + adj + as + n*).

«Первый компонент адъективных сравнений обычно употребляется в своем основном буквальном значении. Функция второго компонента всегда

усилительная, так как он обозначает степень признака, выраженного первым

компонентом. Первый компонент называется основанием сравнения, а второй -

объектом сравнения. Союз *as* - связка. Субъект сравнения - переменный

элемент, находящийся в тексте.» [5; с.139].

В английском языке данный подкласс применяется очень широко, но в данном произведении автор компаративные ФЕ практически не использует: *as shining as satin* – блестящие, как атлас; *as far as time allows* - насколько позволит время [7; с.30].

Некомпаративные - фразеологизмы со структурой *Adj + prep + n* (сочетание прилагательного и существительного, связанных предлогом).

Роман «Моралите» включает достаточно большое число некомпаративных фразеологизмов: *ready of speech before* - боек на язык; *eyes round with fear* - с круглыми от страха глазами; *taken by surprise* - застигнуты врасплох [7; с.9-52].

Функции адъективных ФЕ совпадают с функциями прилагательного. Адъективные сравнения выступают в предложении в качестве определения, постпозитивного или обособленного, а также предикатов.

3. Адвербиальные ФЕ

«Адвербиальные ФЕ с точки зрения их семантических особенностей делятся на два класса: качественные и обстоятельственные» [5; с.145].

Оба класса фразеологизмов в произведении Барри Ансуорта представлены достаточно широко.

1) «Качественные адвербиальные ФЕ обозначают признаки процесса, т.е. характеризуют его с качественной стороны» [5; с.145]. Они подразделяются на:

- ФЕ образа действия: *on equal terms* - обсуждали на равных; *in turn* - в свою очередь; *each in his different way* - каждый на свой лад; *over again* - вновь и вновь; *one thing* - само по себе; *too sudden* - внезапно; *In the space of a moment* - в мгновение ока; [7; с.10-55].
- ФЕ меры, степени: *in sore need* - крайне нужен; *with full throats* - вовсю мочь; *tireless* - без усталости; *so much is certain* - это бесспорно; *certain too* - столь же верно; *fortunately* - к счастью; *sometime longer* - еще немного; *as best I could* - по мере сил; *in different ways* - по-разному; *useless* - бесполезно; *still* - по-прежнему; *a clever thing* - очень умно; *properly* - во всей полноте; *is full* - набит битком [7; с.10-55].

2) Обстоятельственные адвербиальные ФЕ обозначают обстоятельства, условия, в которых совершается действие, т.е. нечто внешнее по отношению к действию: *as best he could* - по мере возможности; *so far* - до сих пор; *without any success* - без всякого успеха; *at least* - во всяком случае; *on the other hand* - с другой стороны; *in the end* - в конце концов; *despite the cold* - несмотря на холод; *from the first* - с самого начала; *scarcely* - только-только; *beating about* - вокруг да около; *for the moment* - на мгновение; *too sudden* - внезапно; *at first* - на первый взгляд; *is exposed to view* - у всех на виду [7; с.16-55].

4. Глагольные ФЕ

Глагольные ФЕ в английском языке образуют наиболее многочисленную группу фразеологизмов. Глагольные структуры могут описывать конкретные действия в самых разных жизненных ситуациях.

В данных фразеологизмах глагол является основным компонентом, т.е. выступает в роли стержневого слова. Функционально глагольные ФЕ соотносятся с глаголом. Связь между стержневым и зависимым компонентами подчинительных ФЕ - объектная.

Произведение Барри Ансуорта «Моралите» включает огромное число глагольных фразеологизмов. Они могут иметь различную структуру:

- сочетания глагола с именем существительным *v + n*: *to stumble on a death* - столкнуться со смертью; *to perform the office* - совершать таинства; *to chill to the bone* - промерзнуть до мозга костей; *to look to it* - держать ухо востро; *to serve the time* - подчиняться времени; *to go home* - отправиться восвояси; *to shift of feet* - переминыться с ноги на ногу; *to become confidential* - разговоривать по душам; *to plunge into sleep almost at once* - погрузиться в сон; *to come up to Flint's expectations* - оправдывает надежды [7; с.7-111].
- а также глагола, вспомогательного местоимения и существительного
- *v + pron + n*: *crouched around him in a circle* - сгрудились вокруг него; *is written on his face* - написано у него на лице; *looked after them* - смотрел им вслед; *cast down my eyes* - потупил глаза; *brought us to*

danger of death - поставил под угрозу смерти; *sincerely repented his sins* - раскаивается в своих прегрешениях; *is written on his face* - написано у него на лице [7; с.10-103].

- часть глагольных фразеологизмов отличается более сложной структурой, включает несколько частей речи: *have a roof over his head* - обретет кров над своей головой; *to bring the pain* - ввергнуть в тяжкие страдания; *to fight for Christ in the Holy Land* - сражаться за Христа на Святой Земле; *gained in the general consideration* - снискала общее уважение; *were still standing in that close circle* - стояли тесным кругом; *sets all things right in the end* - расставит все по своим местам; *to have risked so much* - подверг себя такой опасности [7; с.15-115].

В предложении глагольные фразеологизмы выступают чаще всего в роли сказуемого.

5. Модальные ФЕ

Модальные фразеологизмы выражают «утверждения и отрицания, обозначение ими отношения к высказыванию с точки зрения его достоверности, желательности, предположительности, а также соотношенности ФЕ с модальными словами» [5; с.174].

Модальные фразеологизмы автор в данном произведении практически не использует, найдено всего два фразеологизма: *can last for ever* - могут длиться вечно; *can't say boh to a goose* - и мухи не обидит [7; с.15-52].

6. Междометные ФЕ

В английском языке также еще выделяют фразеологические единицы междометного характера, «выражающие разнообразные эмоции: удивление, восхищение, негодование, сожаление, гнев» [4; с.205]. В романе Барри Ансуорта «Моралите» междометные фразеологизмы представлены весьма скромно: *Good God!* - Боже мой!; *God's pity!* - Помилуй, Господи!; *'Oh cruel Fortune,'* - О, жестокая Фортуна! [7; с.24-78].

«Это фразеологизмы, служащие для выражения чувств и волевых побуждений.» [6; с.192].

7. Пословицы, поговорки.

К коммуникативным ФЕ, соответствующим целому предложению, относятся пословицы и поговорки.

Пословицы, поговорки и крылатые выражения также входят в группу ФЕ современного английского языка. Они всегда имеют форму законченного предложения, для них характерна устойчивость лексемного состава, неизменяемость порядка лексем, широкое использование выразительных средств языка.

Автор широко использует пословицы и поговорки, что делает произведение более красочным и насыщенным.

– Пословицы:

Sights that are momentary can last for ever. - Мгновенные зрелища могут длиться вечно. *'All earthly power from God doth come!* - Всякая земная власть от Бога! *When fear dies, daring is born* - Когда страх умирает, рождается дерзость. [7; с. 30-52].

- Поговорки и крылатые выражения: *God sends* - что Бог пошлет; *the answer is a lemon* - держи карман шире; *every cloud has its silver lining* - нет худа без добра. [7; с.13-56].

Данная классификация также имеет недостатки. В ней нет четких критериев выделения главного, стержневого слова.

Таким образом, при исследовании ФЕ в романе Б. Ансуорта «Моралите» выявлены все структурные типы фразеологических единиц. Самую многочисленную группу представляют глагольные фразеологизмы. Достаточно широко в его произведении представлены субстантивные и адвербиальные фразеологизмы. Адъективные

фразеологизмы в романе «Моралите» составляют незначительную группу. Междометные и модальные ФЕ практически не используются. Коммуникативные ФЕ (пословицы и поговорки) присутствуют достаточно широко.

Активное использование ФЕ более ярко отражает авторскую позицию, авторский замысел, выразительно представляет содержание художественного текста, черты характера, чувства и эмоции героев произведения.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка: учеб. пособие / И.В. Арнольд. - 2-е изд., перераб. - М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. - 376 с.
2. Виноградов В.В. Введение в переводоведение. - М., 2001. - 224с.
3. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: Избр. Тр. - М.: Наука, 1977. - 312с.
4. Иванова Е.В. Лексикология и фразеология современного английского языка: учеб. пособие для студ. Учреждений высш. проф. образования. М.: Издательский центр «Академия», 2011. - 352с.
5. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. - 2-е изд., перераб. - М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр "Феникс", 1996 - 381 с.
6. Харитончик З.А. Лексикология английского языка: Учеб. пособие. - Мн.: Выш. шк., 1992. - 229 с.
7. Unsworth Barry. Morality Play. W.W.Norton and Company. New York. London, 1996 - 188 pp.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ИСПАНСКИХ И АНГЛИЙСКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В НОВОАНГЛИЙСКИЙ И СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОДЫ

Жакупова Шолпан Серкеновна

Канд. филол. наук, и.о. доцента кафедры иностранных языков, г. Караганда

Сизов Дмитрий Владимирович

Канд. филол. наук, ст. преп. кафедры русского языка, г. Караганда

В последние годы проблемам словообразования уделяется все большее внимание. Знание законов, способов и средств словообразования, кроме теоретического, имеет и непосредственно практическое значение для овладения народным языком. При изучении английского языка во внимание обычно принимаются те слова, которые представлены в словаре. Однако язык находится в состоянии постоянного обновления и изменения. Язык – зеркало общества, и все языковые явления в английском языке отражают социальные, культурные и научные изменения, которые произошли в современном мире. Язык постоянно пополняется вновь образованными словами, т.к. говорящие должны ссылаться на новые понятия, объекты, идеи. Эволюция языков, как реальность, является неоспоримым явлением. Все области языка подвержены изменениям, что является характеристикой языка как развивающейся системы.

Язык находится в состоянии непрерывного развития, включающего определенные языковые процессы, в том числе и процесс создания новых лексических единиц. Этот процесс получил название «словообразование». По мнению известных лингвистов: словообразование – это процесс образования новых слов. Изменения в лексике обусловлены, прежде всего, сложными процессами в словообразовательной системе. Слово, как основная производная единица словообразования, представляет собой во многих языках структурно-семантическое единство, на которое могут оказывать влияние языковые факторы, как внутри, так и внеязыковые.

Имя существительное английского языка в словообразовательном процессе – самая богатая часть речи. Английские существительные имеют гораздо больше суффиксов, чем любая другая часть речи. Суффиксы являются одним из признаков существительного как части речи. Одновременно они относят существительные к определенным семантическим группам (существительные со значением лица, с орудийным значением, с абстрактным и собирательным значениями и т.п.), сужая тем

самым лексико-семантическую характеристику производного существительного. Суффиксы существительных английского языка разнообразны по происхождению. Имеются суффиксы, возникшие из самостоятельных слов в процессе словосложения, суффиксы исконные и заимствованные. Наряду с продуктивными суффиксами, при помощи которых словарный состав английского языка продолжает пополняться новыми лексическими единицами, существуют непродуктивные или малопродуктивные суффиксы, встречающиеся либо в одном или нескольких словах, либо, как морфологическая примета существительного. Все производные существительные подразделяются на образования с помощью агентивных суффиксов и на образования с помощью абстрактных суффиксов. Словообразовательные закономерности ярче всего могут проявляться у производных с исконными и наиболее продуктивными суффиксами.

Проведенный нами анализ испанско-английского словаря [1, с. 45-239], состоящего из 17000 слов (от а до z), позволил выявить 772 испанских и английских существительных с суффиксами – *cion* и – *tion* в современный период (таблица 1).

Также из 17 000 слов [2] были выявлены существительные с суффиксами в новоанглийский период:

англ.	– <i>tion</i> – 2
	– <i>or</i> – 3
исп.	– <i>cion</i> – 2
	– <i>or</i> – 3

Таким образом, наблюдается: 1) схожесть в обоих языках в фонетике и семантике; 2) количество существительных с суффиксами – *tion*, – *cion*, – *or*, – *er* в современный период больше чем в новоанглийский период; 3) источник возникновения суффикса – *er* в английском и испанском языках один – латинский язык; 4) суффикс – *or*, – *er* более характерен для научного стиля.

В испанском языке суффикс – *or* имеет и другие фо-

нетические варианты: –dor является заимствованным суффиксом существительных (лат.), частотным, в русском языке ему соответствует суффикс –or, также как и –er обозначает:

1. Лиц по роду занятий, а также по их действиям и свойствам (присоединяется к основам заимствованных существительных): Senador, Administrador, Aggresor, Agitador, Inspektor, Invador, Operador.
2. Технические устройства, приборы: Akkumulador, Karburador, Ventilador, Refrigerador, Microprocesador.

Наше исследование показало что, в испанском языке суффикс –or может употребляться для образования также и лиц, тогда как в английском он обладает научно-технической характеристикой.

Нами отмечено, что все испанские заимствования относятся к последним четырём столетиям, и в настоящее время закрепляемых в языке новых заимствований из испанского языка по сути дела не отмечается (ср. falange ‘фаланга’). Вряд ли можно считать таковым существительное caudillo ‘главарь’, которое в английском языке используется исключительно в применении к бывшему правителю

Испании – Франко.

Нередко в силу тех или иных причин происходит массовое усвоение данного языка населением, говорящим на другом языке. Это усвоение сопровождается массовыми нарушениями норм усваиваемого языка, причем они в каждом случае закономерно обусловлены влиянием родного языка соответствующего этнического коллектива.

Усваивая язык пришельцев, аборигены бессознательно, но регулярно вносят в него свои произносительные изменения, свои словообразовательные модели и синтаксические конструкции. Если аборигенов больше чем пришельцев, если они пользуются вновь усвоенным языком постоянно как основным, тысячекратно повторенное искажение становится нормой и язык получает новое, другое звучание и другой облик. В этих случаях имеет место развитие языка на базе субстрата, где язык коренного населения вытесняется из употребления языком пришельцев, но оставляет следы, как в виде материальных заимствований, так и в виде калек. Субституции (подмены) звуков латинского языка «иберийцами» на территории нынешней Испании, например субституция j через [x] (Латинское = i [j] в Julius и в испанском j=[x] в Julio [хулио] и т.п.).

Таблица 1

Испанские и английские существительные с суффиксами –cion, –tion	
Spanish	English
	«A»
Aberracion	aberration
Abnegacion	abnegation
Abolicion	abolition
	«B»
Bendicion	benediction
	«C»
Calificacion	qualification
Cancelacion	cancellation
Celebracion	celebration
Conmocion	commotion
	«D»
Declaracion	declaration
Deduccion	deduction
Definicion	definition
	«V»
Ventilador	Ventilator
	«T»
Tutor	Tutor
Trazador	Tracer
Tostador	Toaster
Transgresor	Transgressor
Transistor	Transistor
Transmisor	Transmitter
	«S»
Subscriptor	Suscriptor
Substraer	Sustraer
Sucesor	Successor
Silenciador	Silencer
Senador	Senator

Примером развития на базе субстрата могут служить романские языки. Их отличия друг от друга не в последнюю очередь объясняются тем, что народная латынь из которой они происходят, в разных покоренных Римом районах Европы усваивалась разными народами, т.е. накладывалась на разные субстраты. Нередко, однако,

бывает, что в борьбе между языком аборигенов и языком пришельцев победителем выходит местный язык. Но за время конкуренции двух языков этот местный язык успевает перенять какие-то черты из языка пришельцев. В этих случаях говорят о влиянии суперстрата [3, с. 248], т.е.

о наслоении чуждых черт на основу местного языка. Влияние вытесненного языка может быть разной силы. Иногда оно вполне ощутимо, как, например, суперстратные пласты нормандской лексики, главным образом книжной и отвлеченной, в английском языке. К утрате склонения в английском языке вели разные причины, и прежде всего внутренние: общегерманская тенденция к аналитизму, рост численности предлогов, ослабление различительной силы гласных [4, с. 175].

Наименьшую трудность в усвоении составляют родственные слова (cognates): слова сходные по форме и значению. В английском и испанском имеются тысячи слов, которые сходны по форме и по значению: hotel, hospital, calendar служат очевидными примерами [5, с. 226.].

В словарном составе английского языка имеются слова, созданные по принципу аффиксации и в древнеанглийский, и в среднеанглийский, и в новоанглийский периоды, и буквально в наши дни. Однако такое длительное существование самого принципа образования слов с помощью аффиксов вовсе не предполагает неизменности состава действующих аффиксов. Наоборот, наблюдая историческое развитие аффиксации, мы легко можем заметить замену одних аффиксов другими, архаизацию одних, появление других, активизацию третьих, изменение значения тех или иных аффиксов и т.п. Поэтому в современной лексике мы находим слова, некогда образованные с помощью ныне совершенно непродуктивных, даже полностью омертвевших аффиксов, наряду со словами, образованными в давние времена с помощью таких аффиксов, значение которых не утрачено и до сих пор; встречаем и слова, созданные в наши дни посредством ныне действующих продуктивных аффиксов, из которых одни дошли до современности из глубокой древности, а другие появи-

лись в языке сравнительно недавно. Таким образом, аффиксальное словообразование отмечается в английском языке в течение ряда веков [6, с. 55].

Английский лингвист Дж. Несфилд, например, без каких бы то ни было оговорок помещает в перечень английских суффиксов испанский суффикс –ado (представленный в заимствованиях desperado, bastinado, tornado, bravado), французский –ace (ср. menace, populace, terrace). Дэвидсон, издатель так называемого Словаря Чемберса, – итальянский суффикс –celli (множественное число), представленный лишь в заимствованном итальянском существительном vermicelli (ср. единственное число суффикс в слове violoncello), греческий уменьшительный суффикс –iskos (представленный в слове asterisk). Ясно, что для уяснения истинного удельного веса чужих аффиксов в английском языке подобные морфемы необходимо исключать из рассмотрения. Однако те аффиксы, которые после этого останутся в поле нашего зрения, также не могут быть все признаны действующими формантами в английском языке, ибо их роль, их удельный вес, сфера и исторические пределы их применения далеко не одинаковы.

В процессе словообразования английского языка также участвовали префиксы.

Нами выявлены и проанализированы 153 английских существительных с префиксом –de и 129 существительных с префиксом –dis англо–русского словаря [7] в современный период и 89 испанских существительных словаря [8] в новоанглийский период.

Слова с префиксом de – в основном относятся к книжной (технической) лексике и ограничены в употреблении в современном английском языке. В русском языке словам с этим префиксом соответствуют слова с приставкой «де–» (таблица 2).

Таблица 2

Испанские и английские существительные с префиксами –de, –des, –dis в новоанглийский период

Испанский	Английский
–de	
Deportista	Sportcman
Deposicion	Declaration
Depositario	Receiver
Deposito	Deposit
–des	
Desabrimiento	Tastelessness
Desacato	Disrespect
Desacuerdo	Error
Desacuerdo	Disagreement, Discord
Desagrado	Displeasure

Большинство глаголов с префиксом de проникло в английский язык из романских языков, уже имея при себе этот префикс: to derail (устроить крушение), to deflower (обрывать цветы), to deface (портить).

У тех глаголов, которые были образованы на английской почве, префикс de выражает следующие значения:

1. Значение обратного действия или уничтожения сделанного: to decode (раскодировать), to deforest (обезлесить), to detune (расстраивать).
2. Значение лишения, избавления, освобождения от чего – либо: to devocalize (лишать звонкости), to defrock (лишать духовного сана), to deoxidize (отнимать кислород).

По своей семантике глаголы, сочетающиеся с префиксом de, – в основном переходные: to denitrify (удалять

азот из соединений), to decarbonizes (удалять глазурь), to declutch (освободить от контроля).

Префикс de – (часто через фр. *dè-*) представляет собой лат. *de-*, который является предлогом de (прочь, от, в сторону), используется в составных глаголах: *decescere* – «decrease» (уменьшать), *defendere* – «defend» (защищать). Ранние заимствования в английском языке были взяты из французского, ст. – франц. *deceistre*, *defender*, позднее слова с этим префиксом заимствовались непосредственно из латинских инфинитивов причастий пр. времени. Префикс имеет значения: 1) «прочь» (от какого – либо места или состояния или к нему): *depend* (зависеть), *depress* (подавлять), 2) «от, прочь, в сторону»: *decline* (упадок), *deter* (отпугивать), 3) «вниз ко дну, в осадок, полностью, тщательно», как в лат.: *decoquere* – «decoction» (вываривание), иногда с усиливающим значением в глаголах: *declare*

(признавать), denude (обнажать), 4) уничтожения: deceive (обманывать), deride (осмеивать).

Префикс dis- происходит от лат. dis-, относится к греч. dia-. Префикс был редуцирован в di – перед некоторыми звонкими согласными: dirigere – “direct” (прямой), dividere – “divide” (делить), имеет форму dir – между гласными: dirimere – “diriment” (аннулирующий), ассимилируется перед f: differere – “differ” (различать), однако сохраняет свою полную форму перед p, t, s. В английском языке используется: а) в словах, заимствованных из латинского, б) в форме ст. – фр. des- (совр. des-): лат. dis-, в) в форме позднего лат. dis-, романского des-, заменившего собой лат. de-, г) в качестве префикса, присоединяемого к любым основам.

Префикс dis- используется: 1) со значением «по отдельности, порознь»: discuss (обсуждать), disperse (рассеивать), 2) с уничижительным, негативным или реверсивным значением: disaster (бедствие), dissuade (отговаривать), или усилительным значением: disturb (беспокоить), 3) для образования составных глаголов: disestablish (разрушать, отменять), disinter (отрывать, откапывать), disown (не признавать), 4) для образования глаголов от существительных со значением освобождения или лишения какого – либо качества или состояния: dischurch (отлучать от церкви), disrobe (разоблачать), 5) с прилагательными: disable (делать неспособным), 6) с существительными имеет значение обратного действия или нехватки чего – либо: disquiet (беспокойство), disservice (плохая услуга), 7) с прилагательными имеет негативное или противоположное значение: discourteous (невоспитанный), disreputable (пользующийся дурной репутацией), 8) для обозначения интенсивного действия: disannul (отменить).

Аналогично в случае с префиксом dis- мы имеем соответствующие группы существительных по данным характеристикам.

Заимствования отразились и на характере словообразования современного английского языка. Прежде всего, благодаря многочисленным лексическим заимствованиям, система морфем английского языка обогати-

лась целым рядом словообразовательных аффиксов–суффиксов и префиксов.

Самыми продуктивными суффиксами являются суффиксы –tion, –sion, –or, –er и префиксы de, dis, des в испанском и английском языках. В современный период количество существительных с суффиксами –tion, –sion, –or, –er выявлено больше, нежели в новоанглийский период. Это связано в основном с развитием науки и техники, а также культурных контактов.

Список литературы

1. Kenfield D. Spanish - English dictionary. - New York, 1987. - 475 p.
2. Hoad T.F. The concise Oxford dictionary of English. - Oxford, 1993. - 552 p.
3. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. - М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1956. - 259 с.
4. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. - М.: Аспект пресс, 2000. - 207с.
5. Нерознак В.П. Новое в зарубежной лингвистике. - М., 1989. - Вып.25.- 436 с.
6. Arnold I.V. The English Word. - М.: Высшая школа, 1986. - 295 с.
7. Кеслер Я.М. О языковом древе познания. - М., 1999. - 251 с.
8. Hoad T.F. The concise Oxford dictionary of English. - Oxford, 1993. - 552 p.

Ключевые слова: словообразование, заимствования, английские существительные, испанские существительные, суффиксы, префиксы

В статье проанализированы словообразовательные аффиксы испанских и английских существительных. Выявлены суффиксы и префиксы в новоанглийский и современный периоды.

In the article the word-formative affixes of Spanish and English nouns were analyzed. The suffixes and prefixes in new England and modern periods were revealed.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

СОВРЕМЕННЫЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ КОНЦЕПЦИИ МАКРОУРОВНЕВЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ЯВЛЕНИЙ И ДОЛГОВРЕМЕННЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

Алалыкин-Извеков Владимир Николаевич

Кандидат педагогических наук, представитель и координатор программ Международного общества сравнительного изучения цивилизаций (Россия, Европа), член совета директоров Международного общества сравнительного изучения цивилизаций, про-ректор Международного университета общественного развития, Вашингтон, Округ Колумбия, США

Вступление

Наука, как никогда, должна сегодня основываться на адекватной картине мира. Начало XXI века характеризуется крайним обострением многих проблем развития человеческой цивилизации. Несущий реальную угрозу её исчезновения стремительный процесс развёртывания демографического, ресурсного, климатического и других кризисов диктует настоятельную необходимость научного изучения феномена цивилизации с целью своевременного предсказания, идентификации, понимания, объяснения и адекватного разрешения нарастающих проблем глобализирующегося мира.

Научный анализ показывает, что с целью адекватного изучения наиболее общих свойств, характеристик и аспектов социокультурного, социоэкономического и социопсихологического развития человечества необходима разработка принципиально новых фундаментальных научных направлений.

В конце XX века В.Н. Алалыкин-Извеков предложил концепцию и разработал теоретико-методологические основания междисциплинарной научной области, которую он назвал «цивилизационикой» («civilizational science»). В рамках «цивилизационики» был предложен анализ и ряд научных решений, стоящих перед человечеством глобальных проблем. [1, 2].

Дальнейшие исследования показали, что с целью адекватного изучения наиболее общих свойств, характеристик и аспектов социокультурного, социоэкономического и социопсихологического развития человечества необходима новая фундаментальная научная область – «философия цивилизации».

«Цивилизационика» как наука

В рамках «цивилизационики» феномен цивилизации определяется как эмпирически, рационально либо интуитивно обоснованный конструкт макроуровневых пространственно-временных, социокультурных и психологических явлений и долговременных пространственно-временных, социокультурных и психологических процессов, оказывающих существенное влияние на эволюцию человечества.

«Цивилизационика» основывается на следующих фундаментальных подходах: 1) полипарадигмальный; 2) системный; 3) дополнительный; 4) междисциплинарный; 5) интегральный; 6) последовательный; 7) интерактивный. На основе данных подходов стало возможным, например,

предложить научную типологию цивилизационных парадигм, которые в рамках «цивилизационики» классифицируются следующим образом:

1. Тип: а) механистическая; б) органическая; в) географическая; г) биологическая; д) ноосферная; е) социологическая; ж) социоэкономическая; з) социобиологическая; и) культурологическая; к) психосоциальная; л) аксиологическая; м) религиозная; н) технологическая; о) экономическая; п) экуменическая; р) мир-системная и т.д.
2. Единицы: а) культуры; б) культурные системы (культурные суперсистемы); в) общества; г) этносы и т.д.
3. Количество единиц: а) единственная; б) двоичная; в) множественная.
4. Характер единиц: а) крупные, средние, малые; б) долговременные, средней протяжённости, краткосрочные; в) автономные/неавтономные; г) оригинальные/периферийные; д) влиятельные/малозначимые и т.д.
5. Движущая сила, механизм или фундаментальная основа: а) принцип; б) конфликт; в) закон; г) контракт; д) принуждение; е) правящая элита; ё) «волна прогресса»; ж) вера; з) свобода; и) логика; к) альтруизм; л) коммунитаризм; м) индивидуализм; н) либерализм; о) консерватизм; п) эмпирическое мировоззрение; р) рациональное мировоззрение; с) интуитивное мировоззрение и др.
6. Эволюционная динамика: а) линейная /многолинейная; б) циклическая/не-циклическая; в) спиральная/не-спиральная; г) периодическая/не-периодическая; д) прогрессивная/ регрессивная; е) постоянно повторяющаяся; ё) бесцельно колеблющаяся; ж) неизменная; з) телеологическая; и) эсхатологическая; к) апокалиптическая и т.д.
7. Стадии: а) эпоха; б) эра; в) период; г) цикл; д) династия и т.д.
8. Поколение: а) первое; б) второе; в) третье и т.д.
9. Основные характеристики: города, письменность, законодательство, развитое земледелие, ремёсла и торговля, искусство, монументальная архитектура, образование, архитектура, города, письменность, развитая религия, наука, классовое общество, государство, частная или тем или иным образом огосударствлённая собственность, деньги и др.

В ходе дальнейших исследований автор пришёл к выводу о том, что для адекватного анализа наиболее общих свойств, характеристик и аспектов социокультурного, социоэкономического и социопсихологического развития человечества необходима новая фундаментальная научная область - «философия цивилизации».

«Философия цивилизации» и её теоретико-методологические основания.

Попытки осмыслить наиболее общие свойства, характеристики и аспекты социокультурного, социоэкономического и социопсихологического развития человечества предпринимались ранее.

Такова, например, концепция философии цивилизации немецко-французского философа А. Швейцера, который определяет цивилизацию как «материальный и духовный прогресс». [3, с. 22; 4, с. 55] и выступает за гармоничное развитие всех сфер культуры при главенстве нравственной её стороны. В качестве универсального выражения своей концепции он отчеканивает фразу «Благоговение перед жизнью». Как справедливо указывает П. Сорокин, это ограниченная в основном этически-моральными рамками концепция философии цивилизации. [5, с. 176; 6, с. 355].

В условиях стремительно глобализирующегося мира необходима разработка фундаментальных воззрений на все аспекты развития человеческой цивилизации.

Следовательно, теоретико-методологическим фундаментом «философии цивилизации» должны явиться философия истории, науки, культуры и искусства; история философии, теория культуры, социологии, психологии и ряда других научных областей, а также целый спектр философско-теоретических и исторических представлений о структуре и динамике развития глобальных социокультурных явлений и процессов, в том числе: общая теория цивилизационного развития (Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, А.Дж. Тойнби, О. Шпенглер, К. Куигли, Ю.В. Яковец, М. Мелко, А. Тарговский и др.); концепции и теории математического моделирования эволюции цивилизации (Ибн Халдун, Дж. Голдстоун, Р. Коллинз, Дж. Комлос, С. Нефёдов, С. Капица, П. Турчин, А.Коротаев, Л. Гринин, В. Шолохов, С. Гринченко и др.); концепции и теории разума (древнеиндийские, древнекитайские и, позже, мусульманские мыслители, Платон, Аристотель, Парменид, Р. Декарт, Б. Спиноза, Г. Лейбниц, Дж. Локк, Д. Хьюм, И. Кант, Г. Гегель, М. Хайдеггер, З. Фрейд, У. Джеймс, Ж. Пиаже, И.М. Сеченов, И.П. Павлов, Л.С. Выготский, А.А. Ухтомский, А.Н. Леонтьев, П.К. Анохин и др.); интегральная философия и теория социокультурной динамики (П.А. Сорокин); теория ноосферного пути развития цивилизации (В.И.Вернадский, Э. Леруа, П. Теяр де Шарден, Н.Н. Моисеев, А. Тарговский и др.); теория «цивилизационных волн» (Э. Тоффлер); «мир-системный подход» (И. Валлерстайн, Д. Уилкинсон и др.); подход «long-duree» исторической школы «Анналов» (Ф. Бродель и др.); теория «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона; теория «конца истории» (Ф. Фукуяма); теория цикличности социокультурного развития (древнеиндийские и древнекитайские мыслители, Аристотель, Полибий, Ибн Хальдун, Дж. Вико, Г. Кернз, Р. Саркар, А. Шлесинджер и др.), теория дезинтеграции сложных обществ (Дж. Тэйлор, Дж. Даймонд и др.), теория этногенеза (Л. Н. Гумилёв и др.); психосоциальная цивилизационная парадигма (З. Фрейд, К. Юнг, М. Целинский и др.); идеи глобалистики, «Большой», универсальной и мировой истории.

В числе других, «философия цивилизации» призвана ответить на ряд фундаментальных вопросов, например: 1. Каково будущее науки и технологии, культуры и

искусства, образования и религии, семьи и государства, труда и отдыха, общества и окружающей его среды? 2. В каком направлении будут развиваться наука, религия, философия, искусство, юриспруденция, экономика, политика и другие глобальные культурные системы? 3. Каково будущее политических процессов, войны и мира? 4. Как будут выглядеть города, села и жилища будущего? 5. В каком направлении движется человечество? Каковы глобальные мега-тенденции будущего? 6. Должен ли материальный прогресс сопровождаться прогрессом духовным? 7. В каком направлении должна идти эволюция моральных и этических ценностей? 8. Возможна ли планетарная (глобальная, мировая) цивилизация? 9. Возможна ли универсальная религия? 10. К чему ведёт глобализация, развитие высоких технологий и биотехнологическая революция? 11. Каковы наилучшие формы правления и государственности? 12. Возможна ли экологически, социально, культурно и психологически устойчивая цивилизация? 13. Возможна ли гибель цивилизации? 14. Какие формы глобального международного управления разумны и моральны? 15. Как будут развиваться отношения человеческой цивилизации с другими носителями разума (искусственный интеллект, обитатели других планет и др.) 16. Каково будущее отношений между человечеством и Вселенной?

«Философия цивилизации», таким образом, представляет собой область философии, которая изучает сущность, природу, значение, структуру, границы, а также наиболее общие закономерности возникновения и динамики развития феномена цивилизации во всех его манифестациях.

Выводы

1. Современная наука должна основываться на адекватной картине мира. Начало XXI века характеризуется крайним обострением многих проблем развития человеческой цивилизации.
2. Основанная автором данной публикации фундаментальная научная область «цивиционика» способна предложить адекватный анализ и основанный на нём ряд решений проблем стремительно глобализирующегося мира.
3. С целью адекватного изучения наиболее общих свойств, характеристик и аспектов социокультурного, социоэкономического и социопсихологического развития человечества необходима новая фундаментальная научная область – «философия цивилизации».

Список литературы

1. Alalykin-Izvekov, V. Civilizational Science: The Evolution of a New Field / V. Alalykin-Izvekov // Comparative Civilizations Review. – 2011. - No. 64.
2. Alalykin-Izvekov, V. From Sorokin to Huntington and Beyond: Civilizations in Times of Change, Transition and Crisis // ISCSK Kalamazoo Conference Proceedings. – 2009. International Society for the Comparative Study of Civilizations, ISCSK Press.
3. Schweitzer, A. The Philosophy of Civilization. - Buffalo, New York: Prometheus Books, 1987.
4. Швейцер, А. Благоговение перед жизнью. – М.: Прогресс, 1992.
5. Sorokin, P. Modern Historical and Social Philosophies. New York: Dover Publications, 1963.
6. Sorokin, P. Sociological Theories of Today. New York: Harper & Row, Publishers, 1966.

СПОСОБЫ ИЗБЕЖАНИЯ ИСТИНЫ О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ СУЩЕСТВОВАНИИ

Челомбицкая Марина Петровна

Канд. филос. наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и биоэтики ПМФИ- филиала ВолГМУ

Осознание того, что человек живет лишь один раз, и смерть его неизбежна, со всей остротой выдвигает перед ним вопрос о смысле жизни. Жизнь в этом мире имеет смысл именно потому, что есть смерть.

Культурная установка любого общества должна быть искусно спланирована так, чтобы люди обманывались и отвлекались от мыслей о смерти, продолжая жить, работать и надеяться, что конец жизни будет для них сюрпризом. Большинство людей покупаются на обман, касающийся нашей человеческой природы. Они подавляют истину о смерти и продолжают заниматься ежедневными делами так, как будто будут жить вечно.

Ребенок не понимает, что такое смерть. Молодой человек думает, что это случится не сейчас. Старик убежден, что это произойдет сегодня не с ним. Мы бегаем от смерти, отказываясь понимать, что она и есть конечная точка любого побега.

Философы и социологи отмечают, что простые житейские и карьерные дела являются подсознательными попытками уклонения от страшной истины о смерти. Однако иногда структуры общественного обмана рушатся, и происходит ломка систем убеждения, подавляющих осознание смерти. Когда это случается, отчаяние охватывает умы всех, включая молодых людей.

Мы живем именно в такое время. Истина о смерти утверждена, и в обществе преобладает болезненное мышление. Подростки часто совершают самоубийства, признавая бессмысленность жизни. Молодежные направления в стиле «готика»; музыкальные альбомы с такими названиями, как «Вампирские песни», «Зловещие мертвецы», «Восставшие из ада»; художественные фильмы об убийцах, маньяках, мертвецах и вампирах; документальные фильмы о конце света, о тайнах и призраках; телепередачи и шоу о человеческих страданиях вызывают у людей страх, боль, незащищенность и неимение выхода из ужасов, подстерегающих их на каждом шагу.

Молодые люди узнают сегодня из СМИ слишком много и слишком рано. Когда общество больше не обеспечивает своих граждан средствами для подавления смерти, то люди должны искать свой путь спасения, свой собственный выход из недопустимой истины.

Самым примитивным, но и, пожалуй, самым распространенным выходом являются наркотики и алкоголь. Мы же рассмотрим те способы, которые представляют собой действительный интерес для изучения. Одни находят такой выход в умственных и душевных болезнях, другие – в религиозной преданности, третьи – в творчестве, четвертые в героизме. Каждый пытается найти основу жизни, отвлекающей его от мыслей о смерти.

1. Фантазия как защита. У многих людей есть скрытые фантазии, в которых выполняется невозможное, и свершаются великие дела. Например, любой игрок футбольной команды придумывал себе ситуации, в которых он забивает победный мяч. Почти каждый из нас мечтал о благородном поступке, который вызовет восхищение целого мира.

Для большинства из нас мания величия является лишь временным отвлечением и небольшим жизненным опытом. Фантазия редко становится действительностью, так как преимущества ее весьма ограничены. Все мы знаем людей разных профессий (актеров, спортсменов,

политиков и т.д.), которые однажды вызвали восхищение и аплодисменты, а затем потратил остальную часть жизни на попытки снова пережить этот успех. Они считают недопустимым, что люди быстро забыли об их славе, и проживают дальнейшую жизнь в положении «звезды». Некоторые из нас говорят с жалостью: «Они живут прошлым». А что было бы с этими людьми, если бы они никогда не испытали славы?

Забыть о смерти, благодаря мании величия, получается редко, исключение составляют шизофреники. Через шизофрению люди пытаются преодолеть двойственность человеческой природы, выпадая из реальности. Посещая выдуманный мир, они теряют часть своей природы и представляют себя сверхлюдьми, например, богами или мессиями. Другие становятся Наполеоном, Юлием Цезарем, Гитлером. Они принимают тождество тех, кто творил дела монументального значения, тем самым создавая себе иллюзию бессмертия. Шизофрения является экстремальным выходом. Вместо нее мы ищем другие пути, позволяющие найти временный выход из тяжелого бремени истины о смерти.

2. Перенесение как лечение. Одним из средств выхода сознания о смерти, согласно Э. Беккеру [1], является идентификация с личностью, создающей впечатление бессмертия. Многие люди солидаризируются с героем, который кажется им сверхчеловеком. Они растворяются в этом лидере, приобретая чувство силы и значение, которые могли бы быть и у них. Неофрейдисты, как например, Беккер, полагают, что в большинстве случаев людям просто необходима власть фюрера. Мы сами себя обманываем, полагая, что лидер, подобно Гитлеру, навязывает себя людям и заставляет подчиняться своей воле. Согласно Беккеру, люди сами пытаются быть подавленными всемогущим лидером в надежде разделить с ним его явное бессмертие. Такие психологические потребности рожают диктаторов.

Если верить неофрейдистам, то современный атеизм, делая акцент на временной природе человеческого существования, способствовал тоталитарному режиму двадцатого столетия. Теория Беккера облегчает объяснение того, почему немецкий народ охотно принял фашистскую диктатуру. Жизнь в обществе была настолько беспорядочной, что обычные методы подавления истины о человеческой природе потеряли эффективность, люди искали бессмертия через тождественность с тем, кто, как им казалось, был похож на Бога. Гитлер для них был больше, чем просто политический лидер. Он был их спасителем.

Не только известные люди могут служить в качестве объектов спасения от смерти. Например, З. Фрейд [6] признавал, что как психоаналитик он часто оказывался в этой роли. Его пациенты имели тенденцию идентифицироваться с ним во время лечения, и окончание сеанса часто оставляло их в глубоком отчаянии. Иногда пациентам психоаналитик кажется всемогущим и всеведущим. Фрейд понимал, что это может привести к субъективному перенесению. Есть ситуации, когда многие пытаются избежать экзистенциальных ограничений, идентифицируя себя с человеком, символизирующим бессмертие

3. Религия как спасение. Религия является одним из наиболее распространенных выходов из жизненных про-

блем. Например, Отто Ранк [5] говорил, что через религиозное перенесение каждый из нас ищет понимания того, что делает нас особенными; каждый из нас ищет открытия уникальных даров Бога, которые Он определил для всех нас. Вера – основное действие перенесения. Растворение во Христе – сущность веры христианина, и библейские послания полны призывами сделать это. Тем, кто утомлен бременем смерти, страхом смерти и виной, связанной с неудачей по реализации своего потенциала, Иисус говорит: «Придите ко мне все утруждающиеся и обремененные, и я успокою вас; возьмите иго мое на себя; и научитесь от меня, ибо я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго мое благо, и бремя мое легко» (Матфей 11:28-30).

Внимательное чтение Священного писания помогает нам увидеть, что растворение в делах Христа – единственный путь продолжать жить жизнью в изобилии. «Тогда Иисус сказал ученикам своим: если кто хочет идти за мною, отвергни себя и возьми крест свой, и следуй за мной; ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради меня, тот обретет ее» (Матфей 16:24-25).

Христиане – это люди, которые полностью идентифицируются с Христом, и через Него чувствуют единство с Богом. Они воодушевлены молитвой Христа: «Да будут все едино: как Ты, Отче, во мне, и я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, – да уверует мир, что Ты послал меня» (Иоанн 17:21). Через идентификацию с Христом страх и вина, связанные с нереализованным потенциалом, преодолеваются. Христиане могут сказать: «Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе» (Фил. 4:13) [2].

4. Романтика как выход.

В нашем мире многие люди не могут найти спасение через идентификацию с Христом, поскольку считают веру в Бога интеллектуально невозможной. Эти люди не нуждаются в религии, в страхе смерти, и у них нет необходимости в перенесении. Они жертвы современности. Но и такие люди нуждаются в спасении. Они ищут объекты для перенесения, несущие бремя, непосильное для этих людей.

Обычно объектом перенесения в обществе, где «Бог умер», является любимый человек – элемент из плоти и крови противоположного пола, обеспечивающий временное избавление от боли человеческого существования. В этом случае возлюбленному приписываются божественные качества. Когда возлюбленный становится объектом перенесения, он выполняет функции Бога. Вот почему в большинстве лирических стихов и песен нашей культуры используется словарь, по традиции принадлежащий религии: «Без тебя, без тебя, все ненужным стало сразу без тебя...», «Я тобой живу, тобой дышу и во сне, и наяву...», «...ты не ангел, но для меня сошла ты с небес...», «Только об одном я тебя молю: стань моею, жить без тебя не могу...»

В лирике желание и готовность жертвовать ради любимых настолько огромны, что они могут сравниться лишь с пожертвованиями Богу. Человек полностью растворяется в любимом и верит, что не сможет никогда жить без него. Процесс перенесения на возлюбленного может закончиться героическим поступком. Во все времена существовали истории о жертвах во имя любви. Для любимых убивали драконов, совершались самоубийства. Делая возлюбленных объектами перенесения, люди создают ряд проблем. Любимый человек, в конце концов, принесет разочарование, ведь он или она всего лишь человек. Рано или поздно совершенный образ исчезает. Ежедневно распадаются браки, поскольку жены жалуются, что

их мужья не те, что были вначале романа. Мужья разочаровываются, когда понимают, что их жены – простые смертные.

К сожалению, возлюбленные почти всегда предают наше идеальное представление о них. Трагедия Дон Жуана состоит не только в разбитых сердцах женщин, которых он использовал и бросал, а в его неудаче найти в любой из них спасение, которое он отчаянно искал. С каждой любовницей он надеялся найти то, что было достойно поклонения, способного дать ему бессмертие и то, что заслуживает великих жертв. К своему разочарованию он понимал, что все они земные, и он искал спасение там, где его не было.

5. Творчество как облегчение страданий.

Ницше [4] однажды сказал, что через искусство страдание может превратиться в нечто прекрасное, т.е. это возможный выход из деструктивной экзистенциальной истины. Художник способен «определить» агонию своей души на холсте, в музыкальном произведении или в рукописи. Художник выражает свою душу в искусстве и получает внешний вид своих страданий. Выполненные работы являются более чем просто «красивыми вещами», которые используют для украшения стен, ставят в прихожих или иным способом заставляют развлекать общество. Искусство в своем наилучшем проявлении – это терапия страха смерти.

Сальвадор Дали и Пабло Пикассо не желали продавать свои картины. Они, как и все настоящие художники, чувствовали, что в некоторой степени сами были воплощением того, что создали. У них не было желания выставлять напоказ свои души критикам, обсуждающим сбалансированность и сочетание цветов.

Многие из нас пытались хоть раз в жизни сочинить стихотворение или написать картину. Психологами отмечено, что это «творчество» почти всегда связано с трагедиями нашей жизни. Возможно, это неудачи, неудовлетворенность жизнью, смерть близкого человека, безответная любовь. Мы можем уложиться в считанные часы и написать стихотворение – дать отдушину своим чувствам. На нас «находит» творчество, и мы выражаем что-то важное. Не имеет значения, что мир не увидит того, что мы создали. Мы создали это для самих себя, или, возможно, для Бога, который является причиной всего истинного искусства.

Современные люди не любят картин, отображающих наши души. Они не признают музыку, несущую действительную истину о жизни и смерти. Они ищут в музыке, картинах отвлечения и не хотят задумываться о действительности.

6. Героизм как утверждение человеческой природы.

Эрнест Беккер считает, что самым лучшим способом преодоления дилеммы человеческого существования является героизм. Мы чувствуем, что сможем смело встретить смерть только в том случае, если свершим что-то героическое. Героизм удовлетворяет то, что необходимо для человеческого существования. Он обеспечивает каждому возможность реализации огромных возможностей, которые мы чувствуем в себе. Самые лучшие герои – это трагические герои, которые проигнорировали свои человеческие ограничения и попытались, подобно Икару, взлететь к солнцу.

В героизме проявляются наша человеческая природа и наша божественность. Здесь задействованы оба измерения нашей парадоксальной сущности. Мы утверждаем нашу божественность, делая то, что достойно богов, и мы утверждаем нашу человеческую природу, принимая

риск, доступный только смертным. Герои не сдаются пассивно своим слабостям и не заставляют свою мечту замолчать. Они предпринимая великие дела и решают задачи, которые кажутся им достойными.

7. Виртуальная реальность как уход от действительности.

Ж. Бодрийар [3] ввел в философию понятие гиперреальности, которая способна доминировать над подлинной реальностью и быть убедительнее ее. К примеру, пишет Бодрийар, посетитель виртуального музея может войти в «Завтрак на траве» Мане и усесться там сам. Современное постиндустриальное общество характеризуется как информационное. Задача информационных технологий – воспитание сознания, склонного к потреблению экранной культуры и не умеющего противостоять погружению в компьютерную реальность – в изолированный виртуальный мир. Массовое использование компьютеров оказывает влияние на сознание людей, разрушает представления о правильном и неправильном, добре и зле, делает возможным переход к так называемой компьютерной морали или культуре.

Компьютерная культура объединилась сегодня под названием «киберкультура», ценности, традиции, образ жизни, этические нормы, привилегии, формы наказания, стиль жизни, идеология и язык которой уже вполне сформировались. Киберкультура распространяет сама себя посредством компьютерной тусовки, вовлекая в свою орбиту представителей совершенно разных слоев.

Виртуальная реальность по определенным свойствам богаче и разнообразнее, чем реальный мир человека, именно в ней обнаруживается, прежде всего, то, что трудно реализуемо в реальном мире. Приобщение к киберкультуре – одна из попыток уйти от страшной истине человеческого существования.

Итак, наша жизнь есть постоянная борьба со смертью. Парадокс состоит в том, что смерть – самое страшное зло, но именно через это зло раскрывается выход к полноте и поиску смысла человеческой жизни. Выбор смысла жизни зависит от многих факторов – объективных и субъективных. К объективным факторам следует отнести социально-экономические условия, сложившиеся в обществе, функционирующую в нем политико-правовую систему, господствующее мировоззрение, политический режим, состояние войны и мира и т.д.

Значительную роль в определении смысла жизни играют и субъективные качества личности – воля, характер, рассудительность, практичность и т.д. Представления о смысле жизни зависят также от социального положения каждого человека, содержания решаемых им проблем, образа жизни, миропонимания. В связи с этим каждый человек выбирает способы, пути и выходы, отвлекающие его от истины человеческого существования и наполняющие его жизнь чем-то значимым и важным. Ведь худший из всех способов – это прожить пустую, бессодержательную жизнь.

Литература

1. Becker Ernest «The Denial of Death» (New York, Free Press, 1973).
2. Библия
3. Бодрийар Ж. Система вещей. – М.: Рудомино, 2001.
4. Ницше Ф. Избранные произведения. / Перевод. Сост. и авт. вступ. ст. Свасьян К.А. – М.: Просвещение, 1993.
5. Ранк О. Травма рождения и её значение для психоанализа. — М.: «Когито-Центр», 2009.
6. Фрейд З. Введение в психоанализ. М.: «Наука», 1991.

СПЕЦИФИКА ПРОБЛЕМ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА В ПЕРИОД РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Газгиреева Лариса Хасанбиевна

Доцент, канд. пед. наук, доцент кафедры, испанистики и межкультурной коммуникации, ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный, лингвистический университет», г. Пятигорск

Говоря о русской философской мысли как органической части мировой философии и культуры, отметим, что данная философия осуществила попытку глубоко осмыслить национальный характер духовно-нравственных проблем. В.В. Зеньковский отмечал, что русская философия нашла свой путь – «не чуждаясь Запада, даже участь у него постоянно и прилежно, но всё же живя своими вдохновениями, своими проблемами...». В XIX веке «Россия вышла на путь самостоятельной философской мысли» [1, с. 13].

Наличие проблем духовной жизни общества в период развития русской философии является следствием трагичности и раздвоенности личности, выражающейся в его истинной свободе и характере социальных установок должностования. В.В. Зеньковский замечает: «Русская философия не теоцентрична (хотя в ней сильно религиозное начало) и не космоцентрична (хотя и не чужда натурфилософским исканиям), а прежде всего антропоцентрична, историософична и отвержена социальной проблематике: она больше всего занята темой о человеке, о его судьбе и путях, о смысле и целях истории» [1, с. 16].

Духовность отечественными учёными рассматривается как нечто целое, где во взаимосвязи внутреннего и внешнего осознаётся всеобщность бытия. Это позволяло приобщать новое поколение к традициям народа, его обычаям, формировать основные положительные качества, характерные для характера русского человека.

Главным вопросом, волновавшим многие умы человечества, считался вопрос об особом историческом пути России, отличавшемся от западного. В поисках таких отличий в русской истории сложилось своего рода множество концепций о традиционных ценностях национальной культуры (самоидентичности), патриотизме много писали Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, Н.Н. Страхов, Д.С. Лихачёв, И.А. Ильин, Н.А. Бердяев, Н.Я. Данилевский и другие.

Ведь очевидно, что каждый народ, каждая страна отличается своей национальной духовностью. Такая духовность есть и у России. Россия, по мнению И.А. Ильина, имеет свой путь становления отечественного образования, свой духовный уклад жизни, где особое место отведено исследованию внутреннего мира человека, связанного с космическим и божественным бытием.

На наш взгляд, суть вопроса состоит в следующем: в выделении в русской национальной культуре того типического, оригинального, позволяющего анализировать суть проблем духовной жизни. Б.П. Вышеславцев писал: «Существует русский подход к мировым философским проблемам, русский способ их переживания и обсуждения. Разные нации замечают и ценят различные мысли и чувства в том богатстве содержания, которое даёт каждый великий философ» [2, с. 154].

Считается, что идеи о проблематике духовной жизни изложены не в достаточном объёме. Об этом могут лишь свидетельствовать некоторые литературные памятники.

Противоречивые взгляды иосифлян и нестяжателей создали предпосылку обоснования теоретических основ о «собрании Руси». Их идеи оказали прогрессивное влияние для последующего формирования единого русского государства. Нил Сорский считается основателем на Руси скитской жизни, средней между монастырями общежительского типа и одиночным пустынножительством. Цель иночества в нравственном самоусовершенствовании, которое через «умную молитву» открывает непосредственное общение с богом. Преображающая сила фаворского света представлялась достигаемой при максимальном удалении от забот внешних и предельной сосредоточенности на жизни внутренней. Идеалом «заволжских старцев» был бедный, затерянный в лесах монастырь, богатый лишь Духом Святым, каким был скит преподобного Нила на реке Соре, который и вошёл в историю не столько как мыслитель, сколько как «старец» – наставник в духовной жизни. Среди сочинений Нила Сорского важнейшее место принадлежит его посланиям единомышленникам: «Предании ученикам» и «Монастырскому уставу».

В споре «иосифлян» и «заволжцев» проявилось столкновение двух религиозных идеалов – идеала Святой Руси и идеала теократии. Мировоззренческое расхождение между иосифлянством и заволжским движением («нестяжателями») сводилось к противопоставлению: завоевание мира на путях внешней работы в нём или преодоление мира через становление новой личности. Ко второй половине XVI в. победил бытовой, или «социальный», идеал (ио-сифлянство), тогда как созерцательный (заволжцы) был отвергнут.

Моральным началом в создании нового общества Г.С. Сковорода, представитель русской философии, видел в сохранении её лучших традиций. Он посвятил свои идеи поиску вечных истин. Эти истины Г.С. Сковорода искал во внешнем и внутреннем мире бытия с целью понять его цель и смысл. «Три мира» – теория, созданная этим философом, включает в себя «макрокосм» (природу), «микрокосм» (человека) и «мир символов» (Библию), где каждый «мир» представляет собой две натуры – «внешнюю» (материальную) и «внутреннюю» (духовную). Он был убеждён в том, счастье необходимо искать не в материальных ценностях, а в самих себе, наслаждаясь поиском лучших духовных начал в течение всей жизни в согласии с волей Бога.

П.Я. Чаадаев первым среди русских мыслителей-западников поставил вопрос о месте России с позиций мировой масштабности.

Бурно обсуждаемые в то время «Философские письма» П.Я. Чаадаева создали идею о создании одного из течений – славянофильства, отставившего уникальность, неповторимость, самобытность пути развития духовной жизни общества. Их идеи были противоположны взглядам

западничества (В.Г. Белинский, А.И. Герцен, И.А. Гончаров, Т.Н. Грановский, П.Н. Кудрявцев, С.М. Соловьёв, И.С. Тургенев и другие).

Славянофилами было введено особое понятие, имеющее актуальность и в наши дни, – «соборность». А.С. Хомяков писал: «Внутренняя задача Российской земли есть проявление общества христианского, православного, скреплённого в своей вершине законом живого единства» [3, с. 224].

Ф.М. Достоевский, ровно как и славянофилы, полагал, что у России должен быть свой, особый исторический путь, отличный от западноевропейского, что «особый мир человека» должен зиждиться на высоких истинах – добре, вере в Бога, любви к своему народу. Дух русского народа, считает Ф.М. Достоевский, – это такая сила, которой никто в мире ещё не осознал. «Чтоб судить о нравственной силе народа и о том, к чему он способен в будущем, – продолжает размышлять Ф.М. Достоевский, – надо брать в соображение не ту степень безобразия, до которого он временно и даже хотя бы и в большинстве своем может унизиться, а надо брать в соображение лишь ту высоту духа, на которую он может подняться, когда придет тому срок. Ибо безобразие есть несчастье временное, всегда почти зависящее от обстоятельств, предшествовавших и преходящих, от рабства, от векового гнета, от загробелости, а дар великодушия есть дар вечный, стихийный дар, родившийся вместе с народом и тем более чтимый, если и в продолжение веков рабства, тяготы и нищеты он все-таки уцелеет неповрежденный, в сердце этого народа» [4].

Творчество Н.Ф. Фёдорова в настоящее время привлекает внимание многих исследователей русской культуры, так как именно оно имеет точку отсчёта создания философского направления общечеловеческого значения: русского космизма, представителями которого стали К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский.

Чувство людской разобщённости и отсутствия между ними братских отношений постоянно мучило мыслителя. По сути, вся философия Н.Ф. Фёдорова концентрируется вокруг главной для него идеи – победы над смертью, воскрешении мёртвых. Н.Ф. Фёдоров – философ нравственности. Высшим смыслом сущего для него является жизнь, а наивысшей нравственностью – деятельность ради самой жизни. Величайшей несправедливостью он считал ограничение жизни определённым временем, тот предел, который устанавливает для неё смерть. По мысли Н.Ф. Фёдорова, главной целью деятельности человечества должна стать борьба за человеческое бессмертие. Причём за бессмертие не личное и не для избранных, а для всего человеческого рода, в том числе для давно умерших предков («отцов»). Он полагал нравственным долгом потомков вернуть жизнь тем поколениям, на плечах которых они стоят. «Нужно жить не для себя (эгоизм) и не для других (альтруизм), – говорил Н.Ф. Фёдоров, – а с каждым и для каждого; Это союз живущих (сыновей) для воскрешения мертвых (отцов)» [5, с. 166].

Н.Ф. Фёдоров настаивал на необходимости сознательного управления эволюцией природы. Человечество должно перед собой поставить задачу переделать природу согласно нравственным нормам, установить господство над природой. Покорив её, человечество будет в состоянии победить и смерть. Именно поэтому мыслитель говорит не о воскресении, а о воскрешении. Речь у него идёт о будущей вечной посю-(а не поту)-сторонней жизни.

Философия «всеединства» была создана благодаря трудам В.С. Соловьёва. А также основу его философии составили актуализированные им понятия добра и софии. Добро В.С. Соловьёвым трактуется как «категорический

императив» (И. Кант), как «некая высшая сущность, получающая воплощение в различных формах: в индивидуальном бытии человека, в религии и церкви, в истории человечества» [6, с. 296].

Идея всеединства породила мысль о единстве трёх разновидностей христианства – католичества, православия и протестантизма. Так, по мнению философа, будет достигнута «истинная жизнь» человечества (от природного состояния к духовному).

Н.А. Бердяев, например, сумел гениально выразить в своей философии духовный драматизм эпохи того времени: старые формы культуры не имели уже таких широких границ для выражения духа. В его труде «Душа России» он писал: «...прежде всего, человек должен любить свою землю, любить во всех её противоречиях, с её грехами и недостатками. Без любви к своей земле человек бессилён что-нибудь сотворить, бессилён овладеть землёй... Раскрытие мужественного духа в России не может быть прививкой к ней серединной западной культуры. Русская культура может быть лишь конечной, лишь выходом за грани культуры. Мужественный дух потенциально заключён в России пророческой, в русском странничестве и в русском искании правды» [7, с. 311-312].

Основу философского мировоззрения Н.А. Бердяева составляют идеи о том, что необходимо создать все условия для развития мира подлинного, где бы царствовали любовь, свобода. Задача человека – освободить дух из «призрачного плена», дать волю его творческому началу. По его мнению, «духовность есть высшее качество, ценность, высшее достижение в человеке. Дух даёт смысл действительности, а не есть другая действительность» [8, с. 366]. Этические проблемы занимают особое место в творчестве Н.А. Бердяева. Именно поэтому его философию иногда называют философией панморализма.

В истории отечественной философской мысли особое место принадлежит одному из основателей славянофильства, гуманисту и мыслителю А.С. Хомякову, который через проблему войны и мира исследовал развитие человеческой цивилизации. А.С. Хомяков исходит из положения о вечной борьбе духовного и материального начал в жизни людей. Именно она и представляет собой истинное начало общественной жизни. Философией духовности выступала основной надежды русского мыслителя «увидеть весь мир под одним знаменем истинны».

Замечая проникновение негативных явлений в жизнь российского общества, И.А. Ильин не впадал в пессимизм относительно судеб страны. Он верил в мирную и созидательную жизнь будущей России и её народов. При этом философ выступал против копирования Российским государством модели развития западной цивилизации. И.А. Ильин отмечал, что российская почва не приемлет западного опыта. Вот почему ни Запад, ни США не принесут России образцы гражданского общества. В свою очередь учёный подчёркивал, что новую мирную жизнь и благополучие людей в новой России нужно искать через культуру и духовность её граждан, их верность традициям Отечества.

В.В. Зеньковский намечал три направления формирования духовности: развитие творческих сил ребёнка, прежде всего творческой основы души; пробуждение и стимулирование его эмоциональной сферы; и, наконец, религиозное воспитание – «путь, на котором может раскрыться духовная жизнь нашей молодёжи».

Философско-педагогическая концепция С.И. Гёссена, будучи личностно-ориентированной, ставит в центр мотивационно-деятельностное начало. Важней-

шими категориями концепции поэтому являются дисциплина, свобода, долг как ценности личности и общества, их антиподы – дрессура, произвол, анархия. С.И. Гёссен раскрыл механизм «вырождения» первых, когда свобода, например, обретает личину произвола. Вот почему одной из главных целей-заданий является образование личности «к свободе», личности, способной и готовой жить в демократическом обществе.

В этой связи центральная идея концепции С.И. Гёссена – вовлечение личности в творческий поиск, самореализация через творчество. Он отмечал, что подлинное образование заключается не в передаче новому поколению готового культурного содержания. Ценным в этом он видел идею о том, что человечество должно создать свою систему общечеловеческих координат, наполнить культуру новым смыслом, найти свои пути движения в будущее. Особой ценностью выступают и убеждения, и мировоззрение личности, которые С.И. Гёссен противопоставлял идеологии, пропаганде, тоталитаризму.

Оценивая вклад С.И. Гёссена в российскую гуманистическую философию, следует подчеркнуть, что он дал теоретическое обоснование тех ценностных ориентаций, которые призваны возвысить личность в духовном и нравственном отношении, помочь ей преодолеть низменные, сиюминутные и узкопрагматические интересы. Не менее значимы и выдвинутые С.И. Гёссеном ценностные ориентации, связанные с целями и методами овладения научными знаниями и культурой, без которых не может быть духовно богатой личности.

По С.Л. Франку, сам человек есть ценность социального бытия: «Движущей силой исторической жизни не могут быть ни идеи, ни материальные потребности, а только сам человек во всей целостности своего духовно-душевного существа, вмещающего в себе сразу и идеи, и материальные потребности» [9, с. 12]. Все размышления С.Л. Франка концентрируются на духовности как основе человеческого бытия. Он, как многие другие русские философы, рассматривает духовную жизнь *Homo Sapiens* не просто как уникальную сферу мира явлений и событий, область субъективного или как эпифеномен внешней социальной реальности. Напротив, они всегда видели в ней некий своеобразный мир, который связан с божественным и космическим бытием.

Итак, целью нашего исследования не являлось проанализировать многие концепции отечественных философов, учёных о сущности духовной жизни общества. Важно увидеть главное в общем, субъективное в объективном с целью понять специфику духовно-нравственных проблем в жизни общества в её историческом развитии, которая позволила бы решить эти проблемы на современном этапе развития социума с позиции «экзистенциального равновесия» и экзистенциально-ценностных отношений, в результате чего удалось определить те противоречия, которые являются вечными и неуничтожимыми антиномическими положениями. Суть этих противоречий заключается в следующем:

- В отличие от других существ, населяющих планету Земля, человек способен изменить свой внутренний мир, своё собственное «Я». Только для человека, как в своё время писал И.В. Гёте, «всё невозможное может стать возможным, именно *Homo Sapiens* способен совершенствовать окружающий его мир и даже изменять собственную природу. Это «Я борется как с внешним миром (некой косной материей), так и с тем окружением (человеческим сообществом), которое он сам создаёт. Такой дуализм духовной жизни человека может проявляться, как

мы видим, во всех её сферах, включая нравственные аспекты этой жизни.

- Нравственная позиция индивида, безусловно, вытекает из его внутреннего мироощущения, его отношения к социальной действительности. И в процессе таких выстраиваемых им отношений возникает противоречие, заключающееся в борьбе между «долженствованием», необходимостью и «желаемым», когда личность в своём сознании чётко представляет определённые действия и предопределяет результат этих действий, превращая свои мысли и чувства в определённые понятия, которые истолковываются ею как добро или зло, совесть или бесчестие.
- Противоречие, связанное с категориями абсолютного и относительного.
- Непреодолимые противоречия между основаниями и определёнными целями; между средствами и мотивами; между человеческими страстями и разумом; между законами и намерениями; между идеалами и идеями и т. п.
- Противоречие, построенное по принципу «гегелевской пары взаимоисключающих сторон», т. е. наличию и выявлению множества полярных свойств, тенденций и качеств, реального многоцветья мира, включающего как внутреннюю противоречивость самого индивида: как природного и социального, безрассудного и разумного, рационального и чувственного, привлекательного и отталкивающего существа. Ведь гармония и красота познаются на фоне безобразного и беспринципного.

Поэтому понять специфику духовной жизни общества как феномена можно лишь только в процессе постоянного выявления множества противоречий в отношении

Homo Sapiens к социальной реальности и соответственно к самому себе.

Таким образом, исследование проблем духовной жизни общества на этом не заканчивается. Они нашли своё дальнейшее отражение в концепциях современных отечественных философов, положениях гуманитарных дисциплин и других областях социогуманитарного знания.

Список литературы

1. Зеньковский В.В. История русской философии. В 2 т. Т. 1. Ч. 1. Л.: Эго, 1991. 324 с.
2. Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии // Этика преображённого эроса. М., 1994. 346 с.
3. Хомяков А.С. Об общественном воспитании в России // Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979. 228 с.
4. Достоевский Ф.М. О русском народе [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://maxpark.com/community/5134/content/1987557> (дата обращения: 20.12.2014).
5. Федоров Н.Ф. Сочинения. М., 1982. 316 с.
6. Соловьёв В.С. Оправдание добра. Собр. соч. Т. 8. СПб., 1913. 412 с.
7. Русская идея: антология / Сост. и автор вступительной статьи М.А. Маслин. М.: Республика, 1992. 476 с.
8. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. 388 с.
9. Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. 512 с.

ИСЧЕРПАН ЛИ ПОСТМОДЕРН?

Ирицян Гурген Эдмондович

д. филос. н., доцент, зав. кафедрой «Философия, история и право» Новороссийского филиала Финансового университета при Правительстве России, Новороссийск

Все чаще научный мир говорит о том, что время постмодерна уже уходит, возникает ситуация очередной смены культурных и научных парадигм и начинается эпоха после постмодерна. Для обозначения вновь нарождающейся культурной реальности используются самые разные термины, такие как постпостмодерн, трансмодерн, псевдомодерн, метамодерн, AFTER-POSTMODERNISM и т. д. Но такое терминологическое разнообразие и паллиативность не должно уводить нас от самой сути проблемы, то есть, якобы от ситуации изживания постмодернистских оснований в обществе и культуре и выходу в новое духовно-эстетическое состояние обещающее решение задач непосильных для постмодерна с его плюралистическим и ацентрическим началом. Прежде чем обратиться к анализу особенностей нарождающегося постпостмодерна (если таковой вообще есть) необходимо в очередной, быть может раз остановиться на основных чертах постмодерна, а после сделать попытку сравнить первый с последним, с тем, чтобы уяснить, действительно ли постмодерн изжил себя и наступает нечто принципиально отличное от эпохи смерти метанарраций.

Когда речь заходит о постмодерне, то его по сложившейся традиции сравнивают с модерном, и существует целый ряд интерпретаций на тему взаимоотношений модерн – постмодерн. Например, отечественный исследователь А.Е.

Чучин-Русов определяет модерн как культурную модель Нового времени, а постмодерн – как ситуацию кризиса этой классической модели культуры [См.: 1]. Уместно так же привести точку зрения на эту проблему современного итальянского критика, литератора и общепризнанного гуру постмодернизма У. Эко, который полагает, что постмодернизм есть не «фиксированное хронологическое явление, а некое духовное состояние», поэтому, может быть, у любой эпохи есть свой постмодернизм. Это духовное состояние Эко связывает с кризисным состоянием эпохи, и в данном случае постмодернизм, по его убеждению, есть кризисное состояние модернизма [См.: 2]. Ю. Хабермас в своем проекте по спасению модерна, придерживается той точки зрения, согласно которой постмодерн есть временный кризис проекта модерна базирующегося на идеалах Просвещения и, что необходимо всеобщими усилиями выходить из подобного состояния вытаскивая «забуксовавший» модерн. [См. 3]. Интересна точка зрения на соотношение модерна и постмодерна отечественного философа и культуролога П.К. Гречко который считает, что постмодернизм выступает по отношению к модерну в качестве социально-исторической фронды, т. е. опровержения, критики, иронии и насмешки. Такого рода опровержение, прежде всего, относится к духовным основам модерна, состоящим из трех базовых идей – Разума,

Прогресса и Эмансипации. Все три базовые идеи критикуются постмодерном не сами по себе, а за их просвещенческую заданность, считает профессор Гречко. [См. 4]. И.П. Ильин в одной из своих программных работ [См. 5] рассматривает постмодернизм как вариант мифологизированного научно-художественного самосознания эпохи, которая в свою очередь понимается как некая химера. Как и в химере в постмодернизме соединяются несоединимые, противоречивые явления. А в целом речь идет о преобладании в последние 30 лет художественного способа мышления, когда любой научный анализ начинается оформляться по законам художественного творчества, как "нарратив", т. е. рассказ со всеми его свойствами и признаками беллетризованного повествования. Сам же постмодернизм по Ильину превращается в своеобразную «философию культурного сознания» и в качестве теоретического обоснования обращается к постструктурализму и деконструктивизму. А.Г. Дугин, определяя постмодерн и приводя точки зрения целого ряда зарубежных мыслителей, делает вывод о том, что существует пассивный и активный постмодерн. Пассивный является частью или точнее придатком постиндустриального общества эпохи истории и по сути своей сохраняет status quo современной мировой капиталистической системы. Активный же постмодерн с его позитивным ацентрическим началом не представляет собой серьезной силы и существует только лишь как ««призрак», тень, мерцающая на грани проявления, не способную воплотиться в субъекта истории»[См. 6]. В целом активный постмодерн в политической и идеологической плоскости представляется Дугиным как перспективный и продуктивный проект основанный «новыми правыми» и «новыми левыми». Но подхода к рассмотрению ситуации предельно честно Дугин соглашается с пессимистической точкой зрения Ж. Бодрийера, согласно которой постмодерн является, всего лишь стилем постиндустриального общества и не имеет самостоятельного влияния способного изменить мир к лучшему.

В общем и целом если резюмировать интерпретации сущности постмодерна, то мы приходим к пониманию того, что последний начинает свое доминирование с отрицания основ так называемой классической модели культуры, то есть модерна. Здесь речь идет, прежде всего, о рационализме, гуманизме, логицизме и прогрессизме и это, в общем-то признается абсолютным большинством исследователей. Необходимо сфокусировать внимание и на других важнейших особенностях постмодернистского дискурса - это отрицание онтологических оснований бытия (религиозных, философских, этических и любых других); иррационализм; плюрализм концепций и мнений; конец веры в великие повествования (метанарративы); сомнение в реальности исторического прогресса; предпочтение искусства перед наукой, художника перед ученым; смешение жанров; эссеистика и моделирование текстов вместо философских и научных трактатов; прагматистская концепция истины.

Кроме того, в современной гуманитаристике считается практически доказанным фактом то, что «прорыв» в постмодернистскую культуру одним из первых совершил еще в XIX веке Фридрих Ницше. Конечно, в этом деле Ницше не был одинок - рядом с ним можно поставить имена и других мыслителей иррационалистов (прежде всего немецких романтиков, С. Кьеркегора и А. Шопенгауэра). И это связано с их философской критикой культа Разума и вариантами поисков выхода за его пределы. Но Ницше здесь первый среди равных. Как иррационалист он был наиболее радикальным, последовательным и поэтому он предвосхитил в своем творчестве некоторые важнейшие особенности постмодернизма и примерные ориентиры. Тезис о наследо-

вании идеологами постмодернизма творчества Ницше может быть подтвержден путем обращения к текстам их работ. Достаточно упомянуть некоторые из них, посвященные осмыслению творческого наследия немецкого мыслителя. Например, статья Ж. Делеза «Тайна Ариадны» и его же работы «Ницше и философия», «Ницше», труды Ж. Деррида «Шпоры: стили Ницше» и «О грамматологии», произведения М. Фуко «Ницше, Фрейд, Маркс» и «Ницше, генеалогия, история», «Слова и вещи», «О трансгрессии», книга П. Кlossовски «Ницше и порочный круг» и так далее. В этих и во многих других философско-культурологических произведениях европейские и американские мыслители второй половины XX века, творчески осмысливая идеи немецкого философа, вырабатывают свое собственное осознание феномена постмодернистской культуры. В частности об этом мы пишем в своей монографии «Критика философии культуры: Ф. Ницше и дискурсы постмодерна» [См. 7]. Отсюда следует, что преодолевая дух постмодерна необходимо преодолеть и философию Ницше, а происходит ли на данный момент нечто подобное, мы в этом сомневаемся.

Далее обращаясь собственно к анализу постмодерна, надо отметить тот факт, что в отечественной научной периодике еще не так много серьезных работ посвященных данной тематике. В энциклопедической литературе есть небольшие статьи о постмодернизме. Например, в Новейшем философском словаре 1998 года, изданного в Минске говорится о том, что постмодернизм или «AFTER-POSTMODERNISM» – это современная (поздняя) версия развития постмодернистской философии характерная некоторым возвратом к культурному классицизму в понимании концепции знака и означаемого, а также коммуникационным вектором, смещающим акцент с текстологической реальности на реальность коммуникативную [См. 8]. В Энциклопедии культурологии к постмодернизму подходят как к новым тенденциям в искусстве, как к выдвижению некоторых новых эстетических и художественных канонов, которые выражаются в переходе от постмодернистской интертекстуальности к постмодернистскому стиранию границ между текстом и реальностью. Особенностью постмодернизма определяется так называемая новая искренность и аутентичность, новый гуманизм и утопизм, сочетание интереса к прошлому с открытостью будущему, «мягкие» эстетические ценности. В качестве иллюстрации этих тезисов даются ссылки на творчество Д. Пригова, роман американца П. Остера «Стеклянный город», новый русский сентиментализм в поп-музыке и некоторые др. [См. 9].

В научной периодике также данная проблематика еще не достаточно проработана, есть ряд статей у таких авторов как Н. Маньковская, В. Курицин, А. Бузгалин, О.П. Беспалая, О. Митрошенков и др. Так, например В. Курицин осмысливает постмодернизм как завершение воинственного, героического этапа постмодернизма и переход к мирному и спокойному существованию. Постмодернизм, с его точки зрения, в определенной степени успел исчерпать свой плюралистический, иронический запал, а в его недрах возникают новые веяния, проявляющиеся в литературе или в популярных отечественных телепроектах таких как «Старые песни о главном». [См. 10]. Н. Маньковская рассматривая постмодернизм с искусствоведческой точки зрения обращает внимание на такие его характеристики как интерактивность и виртуалистику. Зрители из простых пассивных наблюдателей в процессе создания художественного произведения становятся со авторами, творческий процесс больше не является неким таинством, а становится максимально открытым и доступным. Виртуальные формы все шире ис-

пользуются в художественном творчестве, и хотя виртуальная эстетика представляется как более широкое явление, чем постпостмодернизм, но она становится, тем не менее, одним из важных признаков последнего. Постпостмодернизм, по мнению Н. Маньковской «...стремится создать принципиально новую художественную среду. В этом плане мы разделяем концепцию «технообразов» французской исследовательницы А.Коклен, видящей их сущностное отличие от традиционных «текстообразов» в замене интерпретации «деланием», интерактивностью, требующими знания «способа применения» художественно-эстетического инструментария, «инструкции» [11. с. 22]. У данного автора в конечном итоге речь идет о слоистости, эквилибристичности постпостмодернизма, его неоднозначном и противоречивом воздействии на мир эстетического.

А. Бузгалин рассматривает постмодерн как производную от неолиберализма, уводя свой анализ в экономическую и политическую плоскость. Такой подход сближает его позиции с рассмотрением постмодерна у А. Дугина, о концепции которого речь шла несколько выше. Бузгалин утверждает, что постмодерн постепенно уходит вместе с исчерпавшим себя неолиберализмом, который в свою очередь является основой современного финансово-корпоративного капитализма. Этот капитализм в лице крупнейших транснациональных корпораций вкупе с США преодолевая своего прародителя (неолиберализм) движется к созданию новой империи гегемония, которой формируется на наших глазах. Современный капитализм, чтобы развиваться дальше в указанном направлении больше уже не нуждается в неолиберальных ценностях, а, следовательно, в плюралистическом посыле постмодерна. Таким образом, постепенно деактуализируется неолиберализм и не за горами конец постмодерна. Мир стоит на пороге нового тоталитаризма или ультраимпериализма, который выдвинет такие теоретические обоснования своих антигуманных действий какие будут иметь мало общего с постмодернизмом. Все же одновременно с этим возможна реализация и других, альтернативных проектов, таких как антиглобализм, но и они выходят за рамки постмодернистской методологии в своей попытке всерьез конкурировать с новой империей – делает вывод Бузгалин [См. 12].

О. Митрошенков опубликовал программную статью «Что придет на смену постмодернизму?», в которой проанализировал основные аспекты нарождающейся эпохи постпостмодерна. Он пишет о том, что постмодерн исчерпал свой импульс уже к середине 90-х годов прошлого века, и на его место приходит постпостмодерн, основные черты которого можно фиксировать с достаточной определенностью. К таковым относятся следующие: 1) развитие и распространение виртуальных форм общения посредством интернета, 2) создание технообразов, 3) «глокализация» в рамках глобализации, 4) транссентиментализм. Человек эпохи постпостмодерна будет жить в ситуации когда общая духовность будет апеллировать к «вечным ценностям», «светлому будущему» и всеобщему счастью, и все это будет снижать ощущение риска в повседневности, а сами эти идеи будут распространяться и насаждаться с широчайшим использованием новейших интерактивных информационных технологий [См. 13]. По мнению данного автора постпостмодерн проявится и в области политических технологий через мягкие формы осуществления власти с использованием не прямого принуждения, а посредством влияния культурного авторитета, формированием особых стереотипов, идеалов и ценностей позволяющих прийти к всеобщему согласию и консенсусу. Тем самым надо отметить то, что социальные прогнозы Митрошенкова более оптимистичны, чем у Бузга-

лина так как первый пророчит мягкие формы управления обществом в эпоху после постмодерна против гипотезы нового тоталитаризма у второго. Какой прогноз окажется верным покажет уже ближайшее будущее, нам же важно подытожить данный небольшой анализ проблемы устаревания постмодерна и прихода чего-то нового – того чье название еще не определено, но есть рабочие варианты такие как постпостмодерн, трансмодерн, альтермодерн, метамодерн, псефдомодерн, AFTER-POSTMODERNISM.

Для ответа на поставленный в начале статьи вопрос о реальности постпостмодерна мы будем опираться на основные черты его в интерпретации О. Митрошенкова. Первое – это развитие виртуальных форм социальной коммуникации. На наш взгляд данная черта современной культуры не является чем-то, что преодолевает постмодерн, как раз наоборот виртуальная реальность с её ацентризмом и плюрализмом, сложностью контроля и цензуры есть дальнейшее развитие постмодерна. Второе вытекает из первого, то есть создание так называемых «технообразов», в частности об этом подробно говорится в работах Н. Маньковской. Мы допускаем, что это нечто новое, но не как не преодоление духа постмодерна, а опять таки наоборот, ведь коллективное авторство, в процессе которого теряется само понятие авторства и есть атрибут постмодернистского искусства и культуры. Технообразы делают искусство ещё более доступным и демократичным, а это в целом соответствует парадигме именно постмодерна. Третья черта – «глокализация» представляет собой попытку совмещения процессов глобализации с локальными особенностями отдельных народов и культур. Данное явление относится большей частью к области маркетинга и представляет собой дальнейшее развитие экономических стратегий постиндустриального, глобального мира. Вряд ли стоит считать глокализацию вариантом преодоления самой глобализации, а значит, глокализация не является такой особенностью современности, которая преодолевает дух постмодерна. Наконец четвертое – транссентиментализм, интерпретируемый как усталость от постмодернистской иронии и пародий, от ее принципиального релятивизма. Транссентиментализм – есть попытка возврата к традиционным ценностям и традиционным образцам в искусстве, стремление возродить былое и великое, говорить о серьезном серьезно без цинизма и издевки. Это, например, определенный рост патриотизма и в России, особенно в связи с последними геополитическими и экономическими событиями в мире. Надо признать, что определенные ростки данного культурного и политического явления просматриваются, но не следует пока преувеличивать их масштаб и значение.

Вероятно, что мы действительно живем на пороге каких-то значительных событий, фундаментальных сдвигов в культурной сфере, так как Западный либерально-демократический проект, частью которого является постмодерн, находится в системном кризисе. Есть определенная опасность сваливания в ситуацию жесткой конфронтации Запада со странами и народами других регионов. Наступление метапостмодерна должно сопровождаться явлениями обновленного модернизма, когда системе одних ценностей будут жестко противопоставляться другие, истинность которых народы и их лидеры будут готовы отстаивать в самых разных формах. Глобальное человечество пока что не достигло «конца истории» и есть еще пространство для серьезных дискуссий о судьбах настоящего и будущего. Но, в общем и целом если отвлечься от политики, то утверждать о завершении проекта постмодерна еще рано как бы нам этого не хотелось, и импульс последнего еще не исчерпан.

Список литературы

1. Чучин-Русов, А.Е. Конвергенция культур. М., 1997.

2. Эко, У. Заметки на полях «Имени розы». // Иностранная литература. - М., 1988. - № 10. - С. 193-230.
3. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне. Пер. с нем. - М.: Издательство «Весь Мир» - 2003.
4. Гречко П. К. Концептуальные модели истории. М., 1995.
5. Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. - М.: Интрада. 1998. – 256 с.
6. Дугин А.Г. <http://postmodern.in.ua/?p=1294> [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://postmodern.in.ua/?p=1294>
7. Ирицян Г.Э. Критика философии культуры: Ф. Ницше и дискурсы постмодерна. Пятигорск-Новороссийск: Изд-во Пятигорского государственного лингвистического университета, 2010.
8. Новейший философский словарь. Сост. Грицанов А.А. Минск, 1998.
9. Энциклопедия культурологии [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_culture/.
10. Курицын В. Русский литературный постмодернизм. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.guelman.ru/slava/postmod/9.html>
12. Маньковская Н. От модернизма к постмодернизму via постмодернизм. - Коллаж-2. М.: ИФ РАН, 1999
13. Бузгалин А.В. Постмодернизм устарел. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fanread.ru/book/8774150/?page=1>
14. Митрошенков О. А. Что придет на смену постмодернизму? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.svom.info/entry/355-chto-pridet-na-smenu-postmodernizmu/>

ФИЛОСОФСКО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ПОЗНАНИЯ ТЕОРИИ ЦВЕТА

Исаев Александр Аркадьевич

Канд. философ. наук, профессор, кафедры академического рисунка и живописи, Магнитогорский государственный технический университет, г. Магнитогорск

В данной статье, во-первых, мы обращаемся к цвету как феномену субъективного восприятия человека, цветуперцепту, чувственному образу; во-вторых, трактуем цвет как феномен, наделенный определенным смыслом, значением для человеческого бытия.

Вслед за И. Иттенем [13], можно определить, что в общем виде цвет в современной философско-искусствоведческой практике рассматривается в трех различных, но тесно взаимосвязанных семиотически-функциональных аспектах: импрессивном (воздействие цвета на человека), экспрессивном (выражение человеком посредством цвета своего внутреннего мира) и символическом (ценностно-смысловая наполненность феномена цвета в культуре).

К вопросу об истории смены различных научных обоснований направленных на изучение природы цвета: если основателем естественнонаучной теории познания цвета является И. Ньютон, то основоположником гуманитарной теории постижения цвета может быть назван Й. В. Гёте. Великий немецкий поэт был не согласен с теорией света и цвета Ньютона и в противовес создал свою собственную, в центре которой поставил идею «чувственно-нравственного действия цвета». Гёте считал, что цвет «независимо от строения и формы материала оказывает известное воздействие... на душевное настроение» [2]. Тем самым, впечатление, вызываемое цветом, определяется, прежде всего, им самим, а не его предметными ассоциациями. Согласно этим положениям, Гёте ставит в соответствие определенным цветам определенные психологические состояния человека

Своим учением о чувственно-нравственном действии цвета Й. В. Гёте заложил основу для понимания и исследования импрессивной функции цвета – эффектов разнообразного воздействия цвета на человека. Основная идея, «красной нитью» прослеживаемая здесь у разных исследователей – это интерпретация цвета в качестве субъекта воздействия, т.е. как активного, воздействующего начала, обладающего собственной силой, энергетикой, некой «волей», независимой от сознания человека. «Цвет, излучаемая им сила, энергия, действуют на нас положительно или отрицательно, независимо от того, соз-

наем мы это или нет», – говорит И. Иттен [5, с. 17]. Видимые цвета, по мнению Н. В. Серова, «воздействуют на нас, нередко минуя зрение. Воздействуют так, что порой мы и не догадываемся об этом» [9, с. 8]. «Что же в Цвете, – задает П. В. Яньшин вопросы, очерчивающие область познания психосемантики цвета, – обращено к нашему пониманию? На каком языке и о чем он нам сообщает? К чему побуждает? Что нас объединяет с Цветом?» [12].

Интерпретация импрессивного значения цветов в гуманитарной теории в целом происходит в двух взаимосвязанных контекстах: физиологическом (телесном) и психологическом (эмоционально-душевном).

В психофизиологическом контексте значение цвета интерпретируется в «терминах» физиологических реакций организма человека на цветовое воздействие; здесь происходит выявление закономерных связей между восприятием цвета и неосознаваемой физиологической реакцией нервной системы организма. «Вопрос о цветах, – пишут современные исследователи В. Ю. Ирхин и М. И. Кацнельсон, – далеко выходит за пределы естественнонаучной тематики. Даже физиологическое действие цветов гораздо сложнее тривиальных физических предсказаний, основанных на вычислении длины волны и энергии световых квантов. Желто-оранжевые цвета кажутся теплыми, а фиолетово-синие – холодными; зеленый цвет успокаивает, а красный возбуждает» [4, с. 364]. В психологическом (эмоционально-душевном) контексте исследуется «аффективная ценность» или «коннотативная значимость» цвета, закономерности воздействия различных цветов на эмоциональное состояние человека. В зависимости от этих характеристик цвета могут «нравиться» либо «не нравиться»: еще Платон отводил цветам и краскам почетное место в учении о несмешанном, беспримесном источнике наслаждения [8, с. 51]. Феномен эмоционального предпочтения цветов относится к одному из центральных в области цветовой психосемантики. Факт эмоционального отношения людей к цветам настолько очевиден, что не нуждается в доказательствах, и столь же загадочен.

В большинстве исследований, основными психологическими характеристиками, влияющими на эмоциональное отношение (предпочтения) человека к цветовому воздействию называются традиционные характеристики цветоразличия: тон, насыщенность и светлота (яркость) являющиеся основными параметрами цветоразличия. Вместе с тем, в многочисленных экспериментальных исследованиях «аффективной ценности» цвета по традиционным параметрам цветоразличия были обнаружены различные, порой несовместимые, зависимости в системе «цвет – эмоциональный аффект» [12, с. 24], что свидетельствует о том, что эмоциональное отношение к цвету является следствием разных психологических факторов и не исчерпывается только тремя классическими психологическими характеристиками цветового восприятия.

Важным аспектом гуманитарных исследований цвета является экспрессивная функция цвета в жизни человека – использование цветов как средств выражения отношения и самоотношения, т.е. как отображения, «визуализации», опредмечивания эмоций в сознании. Основная идея экспрессивной функции цвета состоит в том, что предпочитаемые человеком цвета могут свидетельствовать о его внутреннем душевном мире, отражают поведение и сущность человека, свидетельствуют о психоэмоциональном состоянии человека.

Обращая внимание на экспрессивную функцию цвета, Н. В. Серов говорит о том, что «в нашем стремлении лучше приспособиться (к партнеру, к семье, к коллективу) цвет играет роль опредмеченных эмоций. То есть Словами можно передать «осознанное, цветами – неосознаваемое» [9, с. 22]. Н. В. Серов говорит о внутреннем цвете души или «хромопортрете» человека. По мнению И. Итгена, «субъективная предрасположенность к цвету говорит о внутреннем мире человека, ... одновременно с этим и о способе его мышления, чувствах и поступках. Внутренний склад человека, его внутренняя структура отражаются в его персональном цветовосприятии... Тот, кто хочет интерпретировать субъективные цветовые проявления, не должен останавливаться на оценке только различных цветовых характеристик и их самостоятельной выразительности» [5, с. 23].

Экспрессивная функция цвета лежит в основе знаменитой методики цветовой психодиагностики М. Люшера [14], «функцией» профессор Люшер обозначил «субъективную позицию относительно цвета» [7, с. 19], которая различна у различных людей (по принципу, «приятный – отвратительный»).

Особое значение импрессивная и экспрессивная функции цвета занимают в искусстве живописи, где цвет рассматривается в аспекте создания художественного образа произведения, в котором «опредмечиваются» переживания художника-творца. В импрессивно-экспрессивном аспекте художественный подход к феномену цвета направлен на постижение эстетической стороны воздействия цвета, определенных сочетаний цветов – цветовых гармоний – для раскрытия создаваемого художественного образа. Наибольшее значение для создания художественного образа имеют отношения между цветовой реальностью и цветовым воздействием, между тем, что воспринимается глазом, и тем, что возникает в душе человека. Оптические, душевно-эмоциональные и духовные проявления цвета в искусстве живописи неразрывно взаимосвязаны.

Вопрос о существовании у цветов значений и смыслов наиболее ярко обнаруживается в символической функции цвета.; происхождение цветового символа, его содержание, отношение к тем или иным явлениям и событиям

в жизни людей, межкультурные различия в цветовой символике – вот одни из главных вопросов этой проблемы.

Является общепризнанным, что цвета выполняют важную символическую функцию в самых различных мифологических системах. Пожалуй, именно символическая функция – первая «профессия» цвета, если судить по наскальным росписям и ритуальным захоронениям каменного века. Наиболее ранние способы использования цветов были связаны с их символической функцией – в ритуальной практике [3]. Со временем цвета стали символизировать абстрактные понятия и целые сегменты реальности. Наивысшим достижением в овладении Цветом является изобразительное искусство, использующее экспрессивные, импрессивные и символические свойства цвета [6].

Цветовая символика имеет древнейшее происхождение, возникнув в те времена, когда человек научился добывать, и использовать природные краски. С момента своего возникновения цветовой символизм самым тесным образом был связан с магией и религией. Цвет рассматривался как атрибут магических, сакральных, божественных сил, а в определенных случаях и как само божество. Само деление магии на «белую» и «черную» свидетельствует о важнейшей роли цвета в магических ритуалах. Роль цвета в религиозном сознании людей, особенно древних, трудно переоценить. Как показывают археологические, исторические и этнографические исследования мистические представления человека и цветовая символика были тесно взаимосвязаны. С тех пор цветовой символизм прошел большой путь. Традиции цветовой символики сейчас, во многом, утеряны особенно в индустриальных странах, в которых преобладает утилитарное отношение к цвету.

Количество цветовых символов достаточно ограничено. Наиболее часто в этом качестве используются т.н. «основные цвета», к которым, обычно, относят белый, черный, красный, синий, зеленый, желтый и фиолетовый. Этот список может меняться в зависимости от конкретной культуры. Попытки ввести жесткие критерии, позволяющие отнести тот или иной цвет к «основным», либо нет, не увенчались успехом. Содержание понятия «основной цвет» далеко не однозначно. Более подробно с этой проблемой можно ознакомиться в работе Р. М. Фрумкиной «Цвет, смысл, сходство» [11].

Б. А. Базыма выделяет три основных типа цветовой символики [1]. Цвет сам по себе (т.е. изолированно от других цветов и форм) представляет собой первый тип цветового символа, отличающийся многозначностью и противоречивостью. Вторым типом цветового символа является цветовое сочетание, содержащее два и большее число цветов, составляющих символическое целое, смысл которого не сводится к сумме значений отдельно взятых цветов. Соединение цвета и формы представляет собой третий тип цветового символа – символика цветных форм, причем, как абстрактных геометрических фигур (круг, квадрат, треугольник), так и конкретных физических предметов, например, символика драгоценных камней.

В изобразительном искусстве используются наглядно-чувственные, визуальные формы цветового символа.

В культурологии предметом специального исследования становятся символические формы, наделенные цветом, который несет определенную смысловую нагрузку, поскольку чтобы проникнуть в другую культуру, понять ее, надо научиться правильно интерпретировать значения, заложенные в символических формах и цветовых гаммах. «Цвет, – пишет М. О. Сурина, – является формой (естественного) языка, с помощью которого народы выражают философские и религиозные доктрины... Сведения о цветовой символике различных культур весьма важны для бо-

лее глубокого понимания произведений искусства, которые, безусловно, отражают идеалы и символические конструкции общества определенной эпохи» [10, с. 8].

Разработанные в рамках гуманитарной теории методики цветового анализа и конструирования цвета, открыли возможность создания множества гармоничных цветовых сочетаний и контроля за правильностью того или иного цветового выбора. Особо активно гуманитарные знания о цвете стали использоваться в дизайне, рекламе, архитектуре, в экспериментах с новыми материалами, технологиями, несомненно, повлияв на цветовую культуру современного телевидения, компьютерной графики и полиграфии. Цветовые гармонии широко используются как в искусстве, так и при организации производственных процессов, обеспечивающих увеличение производительности труда и, способствующих активному и наиболее полноценному отдыху.

Список литературы

1. Базыма, Б. А. Цветовая символика и психодиагностика / Б. А. Базыма // Вестник Харьковского университета. – Серия «Психология». – 2002. – № 576. – С. 21-25.
2. Гёте И. В. Трактат о цвете / Избранные сочинения по естествознанию. – М., 1957. – С. 112-185.
3. Заан, Д. Белый, красный и черный: цветной символизм в черной Африке / Д. Заан // Психология цвета. М.: Рефл-бук, Ваклер, 1996. – С. 47-78.

4. Ирхин, В. Ю. Уставы Небес. 16 глав о науке и вере / В. Ю. Ирхин, М. И. Кацнельсон. – Екатеринбург: Изд-во У-Фактория, 2000. – 516 с.
5. Иттен, И. Искусство цвета / И. Иттен; пер. с немец. – 2-е изд.; предисловие Л. Монаховой – М.: Издатель Д. Аронов, 2001. – 96 с.
6. Кандинский, В. О духовном в искусстве / В. Кандинский. – Л.: Фонд «Ленинградская галерея», 1990. – 65 с.
7. Люшер, М. Цветовой тест Люшера / М. Люшер. – М.: АСТ; СПб.: Сова, 2005. – 192 с.
8. Платон. Филеб // Собр. соч.: в 4 т.; пер. Н. В. Самсонова – М.: Мысль, 1994. – Т. 3. – С. 11–72.
9. Серов, Н. В. Светоцветовая терапия. Смысл и значение цвета: информация – интеллект / Н. В. Серов. – СПб.: Речь, 2001. – 256 с.
10. Сурина, М. О. Цвет и символ в искусстве, дизайне и архитектуре / М. О. Сурина. – М.: ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д.: Изд. центр «МарТ», 2003. – 288 с.
11. Фрумкина, Р. М. Цвет. Смысл. Сходство / Р. М. Фрумкина. – М.: Наука, 1984. – 175 с.
12. Яньшин, П. В. Введение в психосемантику цвета / П. В. Яньшин. – Самара: СамГПУ, 2001. – 277 с.
13. Itten, J. The elements of color / J. Itten. – N.Y., 1970. – 95 p.
14. Luscher, M. Colour test / M. Luscher. – London, 1969. – 268 p.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ТРЕНДЫ В ДОСУГЕ, КУЛЬТУРЕ, ИСКУССТВЕ

Калимуллин Диловар Диловарович

Канд. пед наук, Казанский государственный университет культуры и искусств, доцент кафедры социально-культурной деятельности, Казань

Досуг интегрирует множество разрозненных аспектов жизни человека в единое целое, формируя у него представления о полноте своего существования. В свободное время человек стремится реализовать множество неугилярных потребностей, испытать специфические состояния, мало связанные с повседневностью, пережить благотворный эффект оздоровительных эмоций, возвышенных состояний, утонченных чувств. Без досуга жизнь современного человека была бы не только ущербной, она лишилась бы одного из своих базовых стержней, стала бы труднопереносимой.

Однако, с другой стороны, увеличение количества свободного времени в структуре социального бытия и развитие научно-технического прогресса задали новый вектор развития досуга, при котором главной его функцией стала развлекательная, а сам он стал ассоциироваться исключительно с ничегонеделанием, развлечением, расслаблением, наслаждением, самореализация личности отошла на задний план¹. Эта ситуация является губительной и требует усилий со стороны личности для ее преломле-

ния в лучшую сторону. Мы полагаем утверждение приоритета самореализации личности в рамках досуга, восстановление его полифункциональности, а также возвращение ему всей полноты и разнообразия должны стать первоочередными задачами современного общества [2].

Дело в том, что идеал досуга — это отражение общественно акцентированных форм отношений, а реальный современный досуг довольно часто расходится с ним. Приведённые доводы приводят нас к пониманию того, что досуг — это не чётко определяемое и отграниченное от других сфер понятие, а то пространство жизнедеятельности, в котором наиболее ярко проявляются последствия трансформаций, происходящих в современном обществе, и которое позволяет представить совокупность факторов, определяющих объём, содержание и структуру досуга.

Индустрию досуга относят к основным составляющим массовой культуры. В свою очередь компонентами индустрии досуга являются фильмы, развлекательная литература, эстрадный юмор с максимально упрощённым содержанием, поп-музыка и т.д.

¹ Ценностное воздействие массовой культуры на современный досуг происходит через массификацию последнего. Это процесс, на который ориентируются профессионалы массовой культуры и досуга, доносящие определенные культурные коды до повседневных структур. В процессе массификации досуга трансформируются в сторону упрощения его функциональные характеристики. Под влиянием массовой культуры в досуговой сфере, несмотря на ее многофункциональность, в большей мере реализуются такие функции как рекреационная и адаптационная, что негативно отражается на ценностном

потенциале досуговой сферы (А.С. Двуреченская); Как выяснили специалисты ФОМ, для большей части населения время – ресурс не особо дефицитный. На вопрос: «чего больше не хватает – денег или свободного времени?» 50% ответили – денег. 11% заявили о катастрофической нехватке времени, 27% – ни времени, ни денег, 10% - хватает всего, 2% ответить затруднились (2007 г.) Режим доступа: http://statistika.ru/russiainprices/2007/12/14/russiainprices_9968.html.

В конце XX — начале XXI в. массовая культура начала играть важную роль в идеологии и экономике. Однако эта роль неоднозначна. С одной стороны, массовая культура позволила охватить широкие слои населения и приобщить их к достижениям культуры (виртуальные музеи, Ночь музеев, Велоночь, электронные библиотеки), представив последние в простых, демократичных и понятных всем образах и понятиях, но с другой — она создала мощные механизмы манипуляции общественным мнением и формирования усредненного вкуса.

Исследователи выявили три уровня массовой культуры: кич, мид, арт. Мид-культура — один из трех уровней массовой культуры, обладающий некоторыми чертами традиционной культуры, но в то же время включающий в себя черты массовой культуры. По отношению к кичу эта форма массовой культуры считается более высокой. Можно сказать, что она задает тон, на ее стандарты ориентируется массовая культура в целом. В последнее время массовая культура все более ориентируется на мид-культуру — культуру среднего уровня, в рамках которой экранизируются классические литературные произведения, вводится мода на образцы подлинно художественного творчества, популярную науку, классическую музыку. Безусловно, благодаря этому общий уровень современной массовой культуры, продвигаемый индустрией досуга, возрастает. Такой вывод можно сделать, если сравнить произведения, которые были созданы в начале XX в. и в его конце. Например, можно заметить тенденцию к этизации этой культуры, что ведет к некоторому подъему ее морального уровня [7]. Сейчас поменялись полюса — мейнстримом стали вещи, изготовленные «по чертежам инженеров», вещи воспевающие успех промышленности и мощь человеческого разума. Разум — не в моде (в моде — чувства), промышленность, как выяснилось, только загрязняет нам окружающую среду. А вот модной пикантной новинкой, указывающей на твою прогрессивность, стал как раз-таки тренд хендмейд — сделанные вручную, кустарным способом изделия.

Необходимо здесь оговориться, на базе новых информационных технологий начался новый виток развития мировой экономики, в т.ч. образования.

Среди основных направлений массовой культуры нашего времени исследователи выделяют:

- индустрию детства — производство товаров и игрушек для детей, детские клубы и лагеря, коллективное воспитание детей;
- массовую общеобразовательную школу, которая приобщает детей к основам научных знаний, формирует картину мира, основанную на ценностных ориентациях данного общества, а также одинаковые стереотипы;
- средства массовой информации, сообщающие широким слоям населения текущую информацию, дающие ее оценку, формируя общественное мнение и манипулируя сознанием людей;
- систему национальной (государственной) идеологии и пропаганды, формирующую политическую благонадежность основной массы населения;
- массовые политические движения и партии, использующиеся представителями политической и государственной элиты для достижения их целей за счет нагнетания политического, националистического или религиозного психоза;
- мировую социальную мифологию — квазирелигиозные течения и секты, лженаучные учения, сотворение кумиров, формирование сплетен и слухов,

которые дают простые объяснения всех современных проблем. Именно так появились мифы о мировом заговоре тайной организации, инопланетянах и проч.;

- индустрию развлекательного досуга, в частности массовую художественную культуру (все виды литературы и искусства), развлекательные представления, профессиональный спорт как зрелище, клубы, дискотеки и т.д., что способствует психической разрядке;
- индустрию оздоровительного досуга — курорты, спортивный туризм, массовую физкультуру, косметические фирмы и услуги;
- индустрию интеллектуального и эстетического досуга — «культурный» туризм, художественную самодетельность, коллекционирование, кружки и общества по интересам, научно-просветительские учреждения, что продолжает сохранившуюся с XVIII в. просветительскую тенденцию;
- рекламу, моду, которые формируют в общественном сознании стандарты престижного образа жизни, стимулируют и управляют потребительским спросом на вещи, услуги, идеи;
- игровые комплексы, развивающие быстроту реакции, приучая человека к современному темпу и ритму жизни;
- словари, справочники, энциклопедии, электронные банки информации, библиотеки, рассчитанные на массового потребителя и популяризирующие современные знания.

Как видим, массовая культура представляет собой новую, более развитую форму культурной компетентности современного человека, новые механизмы инкультурации и социализации, новую систему управления и манипулирования его сознанием, интересами и потребностями. Как видим, это — способ существования современной культуры и в таком качестве она пересекается с популярной культурой.

Безусловно, трансформации, произошедшие в досуговой сфере жизнедеятельности молодежи детерминированы: во-первых, изменениями, произошедшими в стране; во-вторых, технологическими и культурными изменениями, произошедшими в постиндустриальном обществе глобального масштаба, например: появление глобальной сети Интернет; в-третьих, трансформацией ценностного сознания молодежи.

Проведенные социологические исследования [3, 6, 9, 10, 11] позволяют говорить о том, что трансформации в сфере досуга молодежи произошли на содержательном уровне и в этом особенность молодежного досуга.

Как показывает социальная практика, время досуга используется, как правило, в рамках молодежных компаний и неформальных групп сверстников и, реже, отдельной личности как таковой в этом так же проявляется специфика молодежного досуга. Отсюда возникает проблема исследования молодежных компаний и групп досугового общения, где формируется субкультура досуга молодежи.

Необходимо отметить, что занятия, которым посвящают свой досуг современные молодые люди, формируют у них определенный тип досугового поведения, складывается определенная культура проведения досуга, которая в свою очередь является одной из детерминант, формирования молодежных субкультур носящих досуговый характер [1]. В XX веке происходила трансформация произведений искусства как физических и эстетических объектов в контексте развития техники и технологии. В эпоху технической воспроизводимости произведения искусства

лишаются своей аурой, своей уникальностью. Наступление «постиндустриальной», «информационной» эпохи существенно изменило весь контекст осмысления культурных индустрий. Главные черты этого контекста — многообразие субъектов и поиск путей коммуникации между ними — то, что всегда было в компетенции культуры. Более того, когда начался отток производств из экономически развитых стран, регионов, городов в развивающиеся страны и регионы с более дешевой рабочей силой, культурные индустрии выступили спасительным антикризисным средством.

Современная практика показывает, что опустевшие фабрики и заводы стали центрами современного искусства, музеями, галереями, дали приют независимым творческим компаниям. Вовлечение культуры и творческих ресурсов в программы городского развития преобразило облик европейских городов.

Данную тенденцию подтверждает и журнал «Business Week» где впервые было введено в оборот понятие «креативной экономики», а в 2001 году вышла книга Джона Хоукинса «Креативная экономика», возвестившая наступление постинформационной эпохи, для которой информация и знания — это ресурс, а движущей силой и главной ценностью выступает творчество.

Творческие люди сегодня — это не только художники, писатели, артисты — представители творческих профессий. Творчество и креативность востребовано в самых разных областях жизни — в промышленности, в бизнесе, в управлении. Современные бизнес-стратегии принимают во внимание не только материальные, но и нематериальные активы. Дело в том, что человеческий, творческий капитал любой компании становится важной частью ее финансовой состоятельности. Тем более творческий, креативный подход дает возможность найти новые, уникальные решения в стремительно меняющемся мире. Следовательно, основной урок, преподанный культурой производству и бизнесу на рубеже веков — урок творчества.

В начале XXI века стала популярна новая концепция «креативного класса»². Это понятие стало широко использоваться после появления бестселлера социолога Ричарда Флориды «Креативный класс: люди, которые меняют будущее» [8]. В книге говорится о том, как представители творческих профессий формируют сегодня, по сути, новый общественный класс, который начинает определять не только развитие отдельных организаций, рост и процветание целых городов и регионов, но и мощь держав на мировой геополитической карте.

В каждом регионе, например Германии, эксперты провели мониторинг креативных индустрий, по итогам которого были разработаны рекомендации для политиков и городских администраций. Обычно разработчики рекомендаций рассматривают три ключевых аспекта: сетевые взаимодействия, маркетинг и имидж региона, возможности институционализации и сотрудничества.

В частности, 2004 г. в отчете, посвященном креативным индустриям Лондона, креативность впервые была названа самым важным из факторов производства и необходимым условием городского развития. В свою очередь культура является почвой для рождения и роста креативности. Город с развитой культурой (логистикой) притягивает больше креативных людей. Таким образом, время дало свой ответ в многолетних спорах вокруг коммер-

циализации искусства и культуры. Раньше многие полагали, что сферы культуры и экономики несовместимы друг с другом. Теперь же, по мнению известного социолога Ричарда Флориды, они сближаются.

Сегодня можно сказать, в культуре, наполненной какофонией, все отчетливее ощущается потребность в молчании, которое порой определяется как то единственное, чего еще не хватает «для пополнения золотого фонда культурных ценностей человечества» [5]. Постепенно «молчание» приводит к успокоенности, восстанавливаются сожженные некогда мосты к традиционной культуре, вновь возникают в обогащенном современностью виде ценности, добытые, развитые культурами прежних эпох. Распавшаяся связь времен восстанавливается, и в который уже раз выявляется, что «рукописи не горят».

Современная постмодернистская культура — это культура, мучительно, но неуклонно преодолевающая пропасть между старым и новым, созданным и создаваемым. Ее ткань насыщена «знаками», символами культуры, в ней вырабатывается «консенсус» стремлений сбросить традицию и не отстать от времени.

Наконец, последняя из выделяемых тенденций эволюции культуры на современном этапе отражает процесс изменения личности как субъекта культуры. Многообразие культуры из внешнего личности становится внутренним, превращается в важнейшую характеристику ее внутренней жизни.

Мы полагаем, созидание личностью современной культуры предполагает удаленность ее как от попыток отказаться от стремления к целостности, так и от фальшивой имитации цельности. Внутреннее противоречие и стремление его разрешать — естественное состояние духовной жизни личности как субъекта культуры. На смену одномерному человеку приходит личность, воспринимающая противоречие не как трагедию, но как стимул для разворачивания творческого процесса.

Список литературы

1. Батнасунов А.С. Трансформации молодежного досуга в современном российском социуме [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=1863
2. Ермилов А.В. Современные социокультурные тенденции развития досуга [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/1701-2012-03-27-06-25-31>
3. Зборовский Социология досуга и социология культуры: поиск взаимосвязи // Социс.-2006.-№12.
4. Как мы отдыхаем? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://statistika.ru/russiainprices/2007/12/14/russiainprices_9968.html
5. Касатенко А.Н. История и теория реституции культурных ценностей // Вестник Таганрогского института управления и экономики. -2013.-№1.
6. Лисаускене М. В. Поколение next - прагматичные перфекционисты или романтики потребления /Социс. --2006.-№4.
7. Массовая культура [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/massovaya-kultura.html>
8. Ричард Флорида Креативный класс: люди, которые меняют будущее /пер. с англ.-М.: Изд. дом «Классика - XXI», 2007. -421с.

² В XIX веке Карл Маркс рассматривал в своих трудах всемирно-историческую роль пролетариата.

9. Седова Н. Досуговая активность граждан //Социс. - 2009.-№12.-с.56-68
10. Суровицкая А. Досуг провинциальной молодежи как аспект муниципальной молодежной политики //Власть.-2010.-№1.-С.70-73
11. Ядова М. А. Поведенческие установки постсо-ветского поколения //Социс. -2006.-№10

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ МУЗЫКАЛЬНОЙ ЗНАКОВОСТИ: ГЕНЕЗИС МУЗЫКАЛЬНОГО ЯЗЫКА ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Капичина Елена Алексеевна

Доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, истории, социологии Брянского государственного технического университета, г. Брянск.

Музыкальный язык представляет собой многогранное явление, эволюция которого неразрывно связана с эволюцией самого человека и его культуры. Поэтому философский анализ генезиса музыкального языка и его эволюции является важным шагом в формировании целостной системы философии музыки. Язык музыки – это особое пространство оформления музыкального, где происходит установление связей между музыкальными знаками и человеческими смысло-ценностями. В современной науке феномен музыкального языка рассматривается в различных направлениях. Это и музыковедческий анализ элементов музыкального языка, и эстетический анализ который чаще всего основывается на литературоведческом понимании языковой проблематики, и структуралистический, и т.д. Но, к сожалению, ни один из подходов не дает глубокого онтологического понимания феномена музыкального языка, не раскрывает сущностные основы и механизмы функционирования языка музыки. На наш взгляд, наиболее плодотворной является методология философии музыки, которая и позволяет проанализировать онтологические основания музыкальной знаковости, обуславливающей формирование музыкального языка западноевропейской культуры.

Данные истории, этнографии и антропологии указывают на то, что изначально музыка самым тесным образом была связана с осмыслением Космоса и его строения. Музыкальный порядок ощущался человеком как некое орудие или некий инструмент для познания космического порядка и даже более того: как средство поддержания этого порядка и преодоления хаоса. В разных культурах Древнего мира сформировались различные знаково-символические системы упорядочивающие Универсум, но их объединяет единство музыкального звуковысотного структурирования и человеческой эмоции. Иными словами, формирование музыкальной знаковости неразрывно связано с человеческой душой и эмоцией. Данные представления уже имеют место в древнегреческих трактатах философов (Пифагора, Платона, Аристотеля, Аристоксена, Птолемея и др.), а также в некоторых древневосточных памятниках культуры, например, в «Люйши чуньцю» (Китай) и «Сама-веда» (Индия).

Генезис западноевропейской системы звукоотношений уходит своими корнями вглубь родоплеменных отношений. Основные племена, населявшие древнюю Элладу, и их соседи выступали носителями своеобразного музыкального искусства, в котором были представлены популярные песнопения, характеризовавшиеся определенной тематикой, образами и способами исполнения музыки. Исторические данные свидетельствуют о том, что издавна греческие племена стояли на различных уровнях

развития. Некоторые из них достигли значительных успехов в области социально-экономических отношений и политического устройства, а у других — жизненный уклад продолжал оставаться архаичным и не способствовал прогрессу общества. Культурный уровень племен также был разным, и это, естественно, находило отражение в художественной жизни. Несхожесть сказывалась, прежде всего, на тематике песнопений. В быту ряда племен культивировались песни с ярко выраженной гражданской направленностью, воспевающие храбрость и благородство. Например, музыка дорийцев — племени, жившем на Пелопоннесе, Крите, южном побережье Малой Азии, Сицилии и на юге Италии — всегда ассоциировалась с мужественными и воинственными песнями. Наиболее типичным выражением дорийского «музыкального духа» была Спарта с ее эмбагериями и другими «военными жанрами». Ионийцы же, населявшие среднюю часть западного побережья Малой Азии, острова средней части Эгейского моря и Аттику, отличались свободой нравов и были известны как большие любители любовных и даже непристойных песен. Здесь всеобщим признанием пользовались создатели песен, тексты которых были весьма бесстыдными. В своей комедии «Женщины в народном собрании» Аристофан часто вспоминает сладострастные ионийские песни. Можно утверждать, что серьезная хорова лирика была у дорян, эолийцы отличались более страстным характером, рыцарством и углубленной монодической лирикой, а эпос и лирика были достоянием Ионии. Благодаря этому факту мы можем сегодня представить «музыкальный портрет» каждого народа.

Для осмысления генезиса музыкальной знаковости в рамках западноевропейской музыкальной традиции необходимо обратиться к тем философским понятиям, при помощи которых уже древние мыслители фиксировали сущностные моменты музыкального бытия и структуру музыкальной знаковости. Следует осуществить попытку систематизации специфических механизмов, обуславливающих бытийствование музыкального, структурирующих целостность музыкальной знаковости. В первую очередь следует обратить внимание на понятие «мелоса» и «этоса».

Философские размышления Пифагора, Платона, Аристотеля, теоретические попытки осмысления музыки Аристоксеном, Птолемеем, и особенно Бозцием (конец V – нач. VI вв.) показывают нам первые шаги философии музыки, в которой именно проблема единства музыкального и человеческого (мелоса и этоса) играет существенную роль. Греческие и римские философы, теоретики музыки приписывали важнейшим знаковым элементам музыкального языка - гармонии (родам мелоса, видам октавы и ла-

дам), ритмам и тембрам (конкретных музыкальных инструментов), - этические характеристики. У древних греков слово «этнос» носило помимо известного значения («нрав», «характер», «жилище») еще и специфически «музыкальное», характеризующее влияние музыки на душу человека с целью вызвать в ней то или иное переживание, создать эмоциональный настрой, повлиять на формирование характера человека через использование механизма мимесиса. Греческий этнос находился под мощным влиянием слоговой организации их речи с ее разнообразной модальностью, и структурой стиховой стопности, ритмически организующей эту модальность, умением более тонко различать особенности привычных для них эмоциональных интонаций. Открытый древними эмоциональный этнос музыки и механизм его образования из речевой интонации составляет, судя по всему, вечное и неизбывное свойство музыкального.

«Мелос» обозначал не столько «мелодию» с характерными интонациями, сколько более широкое понятие («песнопение» или даже комплекс песнопений и инструментальных наигрышей. Музыкальный мелос, помимо непосредственного воздействия на душу его ладовых сопряжений, представляет собой еще и универсальный вид артикуляционно-певческого членения интонации. Отсюда его неразрывная связь с этносом музыки. На древнем этапе развития античной музыкальной практики существовал продолжительный период, когда высотный регистр звучания образа воспринимался как одно из главнейших указаний на его эмоциональное содержание. Если, например, «лидийская гармония» подразумевала любовную и эротическую тематику, то, согласно существовавшим тогда нормам мышления, она требовала высокого регистра звучания. Аналогичным образом, широко распространенная военная музыка, столь характерная для «дорийской гармонии», ассоциировалась с низким регистром звучания. В результате получилось так, что если какое-то произведение обозначалось как «дорийское» (или звучащее «по-дорийски»), а другое — как «лидийское» (или исполненное «по-лидийски»), то это говорило не только об определенном его эмоционально-образном строе, но и о высотной сфере звучания. Таким образом, для древнейшего музыкального мышления зависимость между характером образов (этносом) и их звукорегистровым воплощением (мелосом) была совершенно очевидна. Единство мелоса и этноса составляет онтологическое основание музыкальной знаковости как системы музыкального языка.

При этом следует обратить внимание еще на одно понятие, довольно близкое по механизму бытования к «этносу», понятие «эстетизиса». Речь идет о чувственном восприятии красоты музыки и мира в целом, о переживании человеком упорядоченности и гармонии Космоса в звуках мелодии. Первоначально можно встретить упоминание об аффектах или эмоциях, воплощенных в определенных музыкальных интонациях. Древнегреческая философия музыки указывала на аффективно-эстетический момент бытийствования музыки. Чувственное восприятие музыкально-прекрасного неразрывно связано с этносно-мелосными механизмами музыкальной знаковости. Символика музыкального языка указывает на душевно-эмоциональную окраску музыкальных интонаций и звуковых соотношений. Красота как отражение числовой упорядоченности пронизывает музыкально-звуковое целое снизу доверху, обобщаясь сиянием прекрасного цельного образа. Чувственное восприятие и постижение красоты музыки, прежде всего, воспитывает у человека лучшие качества характера, отсюда — неразрывная взаимосвязь

эстетизиса, мелоса и этноса как единых онтологических оснований бытийствования музыкального, которые обуславливают всю культурно-родовую эволюцию музыкальной знаковости.

Следующий важный компонент в рассмотрении онтологических оснований музыкальной знаковости — «логос». Это достаточно многогранное понятие, которое имеет свою историю и особую философскую интерпретацию, но нас в данном контексте интересует именно музыкальный логос как онтологическая структура, закон, лежащий в основе музыкального построения. Логос может пониматься также и как слово, речь, и как смысл, суждение, выражающее определенную последовательность разворачивания музыкальной мысли. В свете философии Гераклитова космического Логоса, мир есть гармоничное единое целое. Внутри этого всеединства «всё течёт», вещи и даже субстанции перетекают друг в друга согласно ритму взаимоперехода и законсообразности. Но Логос остается равным себе. То есть картина мира, описанная Гераклитом, будучи динамичной, сохраняет стабильность и гармонию. И эта стабильность сохраняется в Логосе. Согласно А.Ф. Лосеву, логос рассматривается как абстрактный смысл, метод соединения отдельных моментов картины, некая логическая или даже математическая конструкция. Логос относится к сфере мысли, это метод сопряжения смыслов, говорит Лосев. «Логос никогда не может, по самой своей сущности, отражать цельную действительность. Он есть лишь способ рассмотрения цельной действительности, метод объединения ее смысловых элементов» [1, с. 438]. Логос есть постулируемый нашим сознанием метод связи смыслов внутри музыкального эйдоса. Другими словами, логос есть смысл чистого смысла вещи или, как говорит А.Ф. Лосев: «Если эйдос — сущность предмета, то логос — сущность эйдоса, абстрактное задание, воплощающееся в эйдосе» [Там же, с. 428]. Отсюда, логос может пониматься как логически упорядоченная, математически выразимая, строгая иерархия, которая в своем построении упорядочивает и составляет основу музыкальной структуры как смысл, как число.

Известно, что музыка представляет собой строго выверенную числовую структуру, смысл которой определяется гармоничным единством ее структурных элементов с этико-эстетическим характером переживаний человека. Специфика музыкального логоса состоит в его образной чувственно-звуковой форме выражения и соответственно в художественно-интуитивном методе адекватного его восприятия (передачи). Смысловая субстанция музыки предполагает, прежде всего, слаженность элементов (в сфере звуковысотности). Всеобщая слаженность и упорядоченность в музыке постигается как ее эстетическая истина. Однако как истина, так и логика музыки погружены в чувственное, и являются истиной и логикой красоты эстетического удовлетворения как одного из аспектов объективации духовного начала. Иными словами, музыкальный логос погружен в этнос и эстетизис, в неразрывной связи находится с мелосом и числом. Итак, о музыкальном логосе невозможно говорить, не опираясь на математические структуры, которые в музыке определяют ее структурно-логические характеристики, а значит - музыкальный язык. С числами связано проявление в музыке таких важнейших общеэстетических категорий, как мера, ритм, пропорциональность, симметрия. Можно говорить о том, что многие философы, занимавшиеся вопросами музыки, обращали внимание на близость музыкальных и математических структур, говорили о музыкальном логосе и числе в связи с временной организацией и структурным оформлением музыкального. Временная природа

музыкального наиболее явно представлена в метроритмическом выражении чистого числа, в аспекте его числовой единичности. Именно ритм определяет числовую структуру времени в музыке, обуславливает специфику музыкальной знаковости. Чистый ритм связан с человеческой природой движений и эмоций, ритм является самостоятельным носителем как «мелоса», «логоса» так и «этоса» и «эстетизиса».

Итак, выявляется неоспоримая генетическая взаимосвязь ритма с мелосом и этосом, которая, по сути, возвращает взаимосвязь всех ранее рассмотренных онтологических механизмов бытийствования музыкального, которые обуславливают формирование музыкальной знаковости и языка в целом. В музыке ритм управляет временем и является единственной возможностью актуализации временного эстетизиса как при создании, так и при восприятии музыкальных образов. Стимулированное и обобщенное ритмом время в музыке обретает способность чисто эстетического бытия и выступает как всеобщая ценность. Благодаря этому движущаяся система музыкальных образов воздействует на слушателей и вызывает у них ощущение власти над временем.

Рассмотрев генезис и эволюцию ритмо-временных, звуковысотных и этико-эстетических механизмов, обуславливающих формирование музыкального языка западноевропейской культуры, можно утверждать, что музыкальное бытие как онтологическое основание музыкального

языка структурируется целым комплексом взаимообуславливающих механизмов бытийствования музыкального. Поэтому основной способ бытийствования музыкального, определяющий генезис всей музыкальной знаковости, можно обозначить как *ontos* («реальность, которая есть»). *Ontos* есть специфический способ реального существования музыкального бытия, обуславливающий структурную целостность музыкальной знаковости. *Ontos* является связующим звеном бытия и человека, который через многообразные проявления своих знаково-символических комплексов раскрывает суть музыкального. Основными способами бытийствования музыкального можно считать: мелос, этос, логос, число, эстетизис, ритм. Это те онтологические основания бытийствования музыкального, которые обуславливают всю культурно-родовую эволюцию структуры музыкальной знаковости в ее развитии. *Ontos* в единстве с архетипической чувственностью, как основным механизмом бытийствования музыкального в человеческой психике, является онтологическим основанием музыкального языка как системы объединяющей знаковую символику музыки с экзистенциально-эмоциональной чувственностью человека.

Литература

1. Лосев А. Ф. Музыка как предмет логики / А. Ф. Лосев // Форма – Стиль – Выражение. – М.: Мысль, 1995. – 950 с.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ВНЕШНЕГО МИРА КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

Костецкий Степан Павлович

Канд. фил. наук, тьютор кафедры философии НИЯУ МИФИ, г. Москва

Доказательство внешнего мира в современной философии пользуется несколько курьезной репутацией. Сама проблема, как кажется, является центральной для философии, понятой как учение о познавательных возможностях человека. Кажется очевидным, что оценка когнитивного статуса познания будет зависеть от доказательства существования самого предмета науки. Тем более удивительно, что доказательство внешнего мира занимало внимание философов несколько бессистемно. Разумеется, философы обсуждают этот вопрос, однако признание к этой проблеме пришло только в двадцатом веке и в несколько скандальном ключе.

Речь идет о знаменитом выступлении Джорджа Эдварда Мура, в дальнейшем опубликованном в виде статьи под названием «Доказательство внешнего мира» [4, с. 66-84]. Мур демонстрирует аудитории свою руку, затем вторую, очевидно стараясь показать, что он «знает» о существовании как минимум этих двух вещей. Он приглашает своих слушателей обратить внимание на то, что при всей тривиальности утверждений «вот — одна рука», «а вот — другая», он самым исчерпывающим образом доказал существование внешних нашему восприятию объектов. Философы, склонные к классическому пониманию методов философии, видят в провокативном выступлении Мура попытку избавиться от вопроса, а сторонники лингвистической философии горячо приветствуют избранную стратегию как пример критики философии вообще с точки зрения обыденного языка. Нет необходимости пополнять океаны чернил, пролитых сторонами в этой тяжбе, потому что на обочине спора оказалась сама проблема.

Я хотел бы показать, что аргументация Мура гораздо ближе к классической манере доказательства, чем позволяет предположить необычная форма его представления. Размахивание руками может создать впечатление, что Мур уклоняется от традиционного способа философского доказательства, и можно понять попытки сторонников лингвистической философии расценить это как критику классических методов философии. Однако если не связывать себя принятием подходов школы лингвистического анализа, и не присоединяться к утверждению о «бессмысленности» философских проблем, то трудно согласиться с исторической оценкой аргументации Мура как принципиально новаторской. Тем не менее, оценка Мура как революционера в философии кажется понятной и современным исследователям, которые не могут быть скованы клятвой верности идеям позднего Витгенштейна: «Базовый прием муровского доказательства состоит в намеренном игнорировании принятых канонов философского рассуждения. Взамен предлагается другой канон, который не кажется иррациональным, но, несмотря на простоту, способен сбить с толку» [5, с. 77]. Представляется, что историк философии может секвестировать подобный соблазн сравнением доказательства Мура с классическим доказательством для того, чтобы убедиться, что Мур не утверждает ничего, что не укладывалось бы в традиционные методы решения этого вопроса.

Мур не пользуется слишком широким материалом для анализа истории проблемы в своем эксцентричном выступлении, — он обращается только к «Критике чистого разума» Иммануила Канта и его внимание привлекает примечание в предисловии ко второму изданию. Мур

повторяет слова Канта о том, что отсутствие доказательств существования «вещей вне нас» «нельзя не признать скандалом для философии» [2, с. 27]. Мур уделяет много места скрупулезному различению смыслов выражений, использованных Кантом, но само доказательство почему-то отбрасывается даже без уточнения, в чем же именно это доказательство состоит: «Но я никоим образом не считаю, что Кантово доказательство является правильным и что ему удалось покончить со «скандалом» для философии» [4, с. 67].

Тем не менее, если речь идет о доказательстве тезиса о существовании внешнего мира, то демонстрация рук не кажется сокрушительным аргументом. Говоря прямо, комментаторы иногда замечают, что линия рассуждений Мура оставляет ощущение так называемой «джонсоновской наивности». Знаменитый автор восемнадцатого века, составитель первого словаря английского языка, Сэмюэл Джонсон, прославил себя в философии благодаря сугубо английскому чувству юмора. Вот как описывает это событие биограф Джонсона, Джеймс Боуэлл: «Выйдя из церкви, мы стали беседовать об остроумной софистике епископа Беркли, который доказывает, что материи не существует, потому что каждая вещь не более чем идеи. Я заметил, что хотя мы все признаем эту доктрину ошибочной, все же невозможно ее опровергнуть. Я никогда не забуду, с какой горячностью Джонсон ответил, что есть силы пиная огромный камень: «Я опровергаю это так!» [6, с. 122].

Возможно, Мур как раз и вооружался джонсоновской наивностью, намереваясь опровергнуть скептицизм, но поступок мистера Джонсона находится за пределами каких-либо аргументов. Джонсон, очевидно, просто шутил, что совсем не входит в намерения Мура. Мур не говорит о бессмысленности самого вопроса о доказательстве внешнего мира, более того, он предлагает такое доказательство, настойчиво, возможно даже слишком настойчиво, повторяя, что демонстрация рук и есть такое «доказательство». В этой работе я хотел бы проанализировать историю проблемы и способы ее решения в истории философии, что, возможно, позволит лучше оценить усилия Мура в деле прояснения вопроса, чем же все-таки мы можем доказать бытие внешних для нашего сознания вещей.

Осмысленной проблема доказательства внешнего мира делается только с приходом Нового времени, и философы, как не странно, не изобрели эту проблему, а скорее осознали эту проблему как уже наличествующую. На это указывает хотя бы то, что проблема признается совершенно независимыми направлениями — рационализмом в лице Рене Декарта и эмпиризмом в лице Джона Локка. Поскольку до этого времени существование внешнего мира вовсе не ставилось под вопрос, доказательство внешнего мира казалось бы курьезным употреблением слова «доказательство».

Формально доказательство, которое предлагает Декарт, выглядит так: «Прежде всего внутренний опыт убеждает нас в том, что все ощущаемое нами проистекает от какой-то вещи, отличной от нашего мышления, ибо не в нашей власти ощущать одно предпочтительно перед другим: это зависит от вещи, действующей на наши чувства» [1, с. 347]. Чем бы ни оказалась эта внешняя причина, факт произвольности восприятия доказывает ее существование. Анализ этого доказательства заставляет обратить внимание на пропущенную посылку — никакие события не происходят без причины. Декарт охотно допо-

лняет эту явную энтимему учением о врожденной истинности причинно-следственного закона, которая, в конечном счете, обуславливает достоверность вывода.

Локк приводит аргумент, в котором восприятие свидетельствует о внешней причине не только само по себе, но, главным образом, благодаря произвольности своего содержания: «...таковы простые идеи, так как ум, согласно вышесказанному, сам никак не может образовать их, то они необходимо должны быть продуктом вещей, действующих на ум естественным путем и вызывающих в нем те восприятия, вызывая которые они предназначены и приспособлены мудростью и волей нашего творца» [3, с. 40]. В гораздо более энергичной манере, заставляющей вспомнить о поучительной атаке мистера Джонсона на камень, Локк дает ожесточенную отповедь тем, кому доказательство покажется недостаточным: «Кто видит горящую свечу и испытал силу ее пламени, сунув в него палец, тот не будет особенно сомневаться в том, что вне его существует нечто, причиняющее ему вред и сильную боль. <...> Эта очевидность велика настолько, насколько это желательно для нас: она так же достоверна для нас, как наше удовольствие или страдание, то есть наше счастье или несчастье. И дальше этого нам нет дела ни до познания, ни до бытия» [3, с. 112].

Доказательство внешнего мира, которым пользуется Кант, чтобы положить конец «скандалу для философии» встречается в «Критике чистого разума» в нескольких вариантах. Помимо фрагмента, помещенного в самом начале, который и привлек внимание Мура, развернутое обсуждение проблемы существования причин наших восприятий встречается в «Трансцендентальной диалектике», в главе «О паралагизмах чистого разума». Здесь Кант повторяет аргумент, весьма формально и безапелляционно приведенный в предисловии, в котором повторяется только ортодоксальная часть доказательства внешнего мира, связанная с произвольностью восприятия. Кант дополняет его разъяснениями и аналитическим материалом, которых так очевидно не хватило Муру в «Опровержении идеализма», размещенном в предисловии. Именно здесь доказательство внешнего мира располагает центр аргументации против скептицизма в первую очередь и против идеализма во вторую. И именно здесь Кант допускает путаницу, сводя воедино вопрос о доказуемости внешней причины наших восприятий с вопросом об установлении характера этой причины. Обозначая характер четвертого паралогизма Кант прямо называет учение о сомнительности существования предмета внешнего чувства идеализмом. Кант противопоставляет «идеализму» учение, согласно которому предмет внешнего чувства, а именно материальные вещи, доказуемо существуют и являются причиной восприятий. Нетрудно узнать в этом учении ортодоксию Декарта и Локка, которых мы сегодня бы обозначили как «реалистов». Кант называет учение, постулирующее внешнюю причину наших восприятий «дуализмом». Эта неудобная особенность использования термина «идеализм» для нас означает, что в поисках доказательства существования предмета внешнего восприятия Кант будет оспаривать то, что мы обозначаем как скептицизм в самом непосредственном смысле. Скептицизм не утверждает, что внешней причины для наших восприятий нет, но указывает, что у нашего познания просто нет средств узнать что-либо об их существовании. Основанием для выводов скептика служит модель знания, в которой предмет восприятия узнается нами не напрямую, а через посредничество впечатлений или идей. Кант совершенно справедливо указывает, что такая модель, которую мы сегодня называем репрезентативной теорией

восприятия, не просто уязвима для аргументации скептика, а именно не оставляет шансов защищающейся стороне доказать, что восприятия вызваны самой внешней вещью. Указания Юма целиком лишают доказательной силы аргументы «дуалистов» Декарта и Локка, и ничто не может спасти теорию реалистов от торжества «злобного демона», навязывающего нам иллюзорные восприятия. Если Кант прав, что скептицизм неустраним при принятии репрезентативной теории восприятия, то единственным выходом остается отказ от нее как от рабочей гипотезы.

Альтернативой может выступать учение, которое сегодня принято обозначать как «непосредственный реализм» (*direct realism*). В противоположность «репрезентативному реализму» Декарта и Локка директивный реализм предлагает рассматривать чувственное восприятие как непосредственное, непосредственное в обычных перцептивных условиях взаимодействие с самим внешним объектом. Для людей с философским образованием такой взгляд покажется обидной уступкой наивному здравому смыслу, но в исполнении Канта, можно не сомневаться, оттенок простоты решения не покажется слишком ярким.

Кант настаивает, что разница в степени достоверности между нашим знанием о собственном существовании и знанием внешних объектов только кажущаяся. Кант прямо называет внешнее чувство «непосредственным», подчеркивая, что знание о существовании внешних объектов не выводится нашим умом из непосредственных «внутренних» восприятий или впечатлений, как он предпочитает выражаться вслед за Юмом.

Парадокс заключается в том, что аргументация Мура оказывается настолько близка позиции Канта, что по существу, можно говорить об их тождестве. Если Мур выражает неудовлетворенность доказательством внешнего мира, предложенного Кантом, то бесчисленное количество доказательств, которые он готов предложить, отличаются только неожиданной подачей. Мур предлагает рассмотреть суждение «Вот одна рука, а вот — другая» как посылку для искомого доказательства, пример, который можно воспроизводить с равным правом в других сходных случаях. Кант утверждает, что знание о предметах чувственного восприятия так же непосредственно истинно, как знание о наших мыслях, и для его времени это настолько резкое и необычное утверждение, какое только можно себе вообразить. Позиция Канта по вопросу о доказательстве внешнего мира именно такая же, как и у Мура, — знание о существовании внешних вещей не

выводится из восприятий, а непосредственно переживается, и согласие с этим утверждением совсем не обязательно должно сопутствовать убеждению в том, что пространство как вместительница вещей всего лишь форма нашего восприятия: «если вы докажете существование двух растений, или существование растения и собаки, или собаки и тени и т. д. и т. п., то вы *ipso facto* докажете, что существуют вещи, встречающиеся в пространстве: вам не потребуется в придачу доказывать (курсив мой), что из суждения о существовании растений действительно следует суждение о существовании вещей, встречающихся в пространстве» [4, с. 74-75].

Мур оказывается в странном положении, отвергая доказательство внешнего мира Канта и повторяя его если и не слово в слово, то, во всяком случае, заимствуя сами термины «вещь, встречающаяся в пространстве» и «внешняя вещь». Отличие, пожалуй, только в том, что Кант толкует соответствующие понятия как синонимы, поэтому для него доказательство пространственных вещей аналитически подразумевает существование «вещей, внешних нашим сознаниям», тогда как для Мура эти понятия разные. Но даже в этом обремененном положении Мур вынужден повторять Канта, что непосредственность знания о «вещах, встречающихся в пространстве», действительно доказывает существование «вещей, внешних нашим сознаниям», но для него это следование не аналитическое, а синтетическое, и в этом отношении Мур оказывается даже более кантианцем, чем намеревается. Мур, утверждая непосредственный характер знания о внешнем мире, повторяет доказательство Канта, и, очевидно, лучшего доказательства нельзя предложить.

Список литературы

1. Декарт Р. Сочинения: В 2-х т. Т.1. — М.: Мысль, 1989.
2. Кант И. Критика чистого разума. — М.: Мысль, 1994.
3. Локк Дж. Сочинения: В 3-х т. Т.1-2. — М.: Мысль, 1985.
4. Мур Дж. Э. Доказательство внешнего мира // Аналитическая философия: Избранные тексты. — М., 1993. С. 66-84.
5. Суханова Е.Н. Смысл «Доказательства внешнего мира» Дж.Э. Мура. // Вестник Томского государственного университета. 2009, №3(7). — Томск, 2009.
6. Boswell J. Life of Samuel Johnson. — N. Y.: Penguin Classics, 1986.

ЕВРАЗИЙСТВО КАК СОЦИАЛЬНАЯ РЕФЛЕКСИЯ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Ковинов Евгений Михайлович

Доктор философских наук, профессор кафедры философии Самарского государственного технического университета, г. Самара

Социальная рефлексия представляет собой «способ осознания действия межличностных (в том числе межгрупповых) социокультурных механизмов любой целесообразной деятельности» [1, с.11]. В социальной деятельности в субъект-объектном взаимодействии акцент переносится на субъекта. Именно он оценивает специфику объекта, определяет то, что ему нужно от объекта, как его использовать в соответствии со своими интересами. Здесь объектом отражения становятся сущностные

родовые силы человека, воплощенные в процессах и результатах его духовной и практической деятельности. Благодаря такой «повышенной субъективности», у субъекта социальной деятельности происходит соединение истины с ценностью. Это означает, что не всякое имеющееся знание важно для отображения объекта с точки зрения определения важнейших практических целей, а также путей и средств их достижения.

Современное общество в своей основе приобретает рефлексивность как характерную черту, выражающую не

столько субъективно-личностный процесс, не рефлексивную деятельность сознания отдельного индивида, а как осознанное выражение субъект-объектной характеристики самого общества, общественных отношений. Формирование социальной концепции теперь становится не только результатом деятельности, но и процессом, постоянно изменяющимся, имеющим определенную форму, которая способствует осознанию его границ.

Сегодня особенно остро чувствуется необходимость решения проблемы мирного существования современного многокультурного общества. В этой связи «в современном социально-культурном, социально-политическом дискурсе наблюдается повышенный интерес к проблемам культурного многообразия, ... к условиям, создающим возможность сосуществования культур в едином социальном пространстве и времени» {Там же. С.4}.

Мультикультурность (здесь в смысле “многообразие культур”), как одна из характеристик внутренних процессов развития и существования современного социума, определенным образом влияет на формирование социальной действительности, вызывая у субъекта социальной деятельности понимание своего места в обществе, соответствующей стратегии и тактики взаимодействия субъектов различных культур. В теории такое понимание может быть выражено в концепциях ассимиляции, сегрегации, евразийства и мультикультурализма.

Формирование глобального мирового порядка обостряет проблему национальной и государственной российской идентичности. В условиях глобализирующегося мира весьма важным становится позитивное представление государства как внутри страны, так и на международной арене. В происходящей информационной войне очень важно выработать и представить отечественной и зарубежной общественности такие позитивные образы и возможности их воплощения, которые наиболее полно и реалистично показывают вклад России в современные процессы и мировую историю цивилизаций. Переосмысление и реконструкция исторического прошлого на пути обретения «созидающих смыслов» способствует восстановлению непрерывного временного измерения социальной памяти, исследованию динамики российской самоидентичности в качестве ресурса цивилизационной идентификации, позволяющего осознать значимость России как национально-цивилизационного образования.

Россия исторически сформировалась как многонациональное многокультурное общество и продолжает оставаться таким. В настоящее время вопросы о жизнеспособности многокультурного общества, роли и функций государства в целях достижения социальной гармонии, предупреждения распада, поиска автохтонных моделей общества, сочетающих выборы с сильным правительством и оптимальным политическим режимом, не только не устарели, но находятся в самом центре внимания современной социальной теории и практики. Принимая понимание философии как эпохи, схваченной в понятиях (Гегель), как рефлексии над духовной жизнью общества, возникновение данной концепции (евразийства) было обусловлено определенными социально-историческими предпосылками, сложившимися в истории русского народа. Онтологические основания данной концепции вызревали постепенно в процессе становления и развития российской государственности. Прежде всего, следует указать на многонациональный, поликультурный состав древнерусского государства - Киевской Руси уже в 11-12 в.в. н.э., в которое входили славянские, летто-литовские,

финно-угорские и тюркские племена [См.: 1. С.403], образуя единое общество на базе русского языка и православного христианства.

После свержения татаро-монгольского ига в процессе освоения Урала и Сибири в состав российского государства вошли (помимо татар) многие народности, находившиеся на уровне первобытного общества (ханты, манси, эвенки, тунгусы и др.), включение которых в состав России способствовало их развитию по пути цивилизации при сохранении своеобразия своих национальных культур. Ярким свидетельством сформировавшегося единства русского общества является организация народного ополчения в 1612 году для изгнания польских интервентов, в котором совместно участвовали русские, татары, мордва, черемисы, марийцы и др. В 18-19 в.в. о России можно говорить как уже о сформировавшемся евразийском пространстве и цивилизации.

Осмысление своеобразия сформировавшихся в культурно-историческом развитии реалий русского общества и привело к возникновению концепции евразийства в интеллектуальной среде русской эмиграции 20-30-х гг. XX в., сформулированной П.Н.Савицким, Н.С.Трубецким, Г.В.Вернадским и др. представителями русского зарубежья. Утверждение принятой идеологии, по мнению евразийцев, проводилось с помощью государства. Если сфера церкви трактовалась евразийцами как сфера свободы, то “сфера государства — сфера силы и принуждения” [2.С.42]. Характер государства, соответствующий особенностям евразийской культуры, они определяли как демократический или народный, противопоставляя его европейской демократии как формальной, основанной на трактовке государства, механически объединяющего атомизированных индивидов и выродившегося в современных условиях в диктатуру парламентариев.

Евразийцы же понимали государственный строй как результат конструирования органической связи между народом и вырастающим из него правящим слоем, формулирующим народное мирозерцание, выражающим и осуществляющим его волю. Они считали вполне приемлемой форму властных отношений, основанную на однопартийной системе большевистской диктатуры и построенную на многостепенных выборах системе Советов, которая должна наполниться новым идейным содержанием при крушении коммунистической идеологии. Они рассматривали себя как возможных преемников власти в России после коммунистов в новых исторических условиях.

В решении национальной проблемы обезличиванию наций в коммунистическом интернационале они противопоставляли истинный союз народов, который обеспечил бы их равноправное культурное развитие и в котором русский народ был бы первым среди равных. В этой связи евразийцы поддерживали культурный национализм и отвергали национализм политический. В отношении религии программа евразийцев предполагала утверждение нового православного христианства путем индивидуального религиозного перевоспитания. Новизна нарождающейся религиозности состояла в переходе от пассивности к активной реализации опыта, накопленного в веках созерцательного бытия. Возрождение религиозности невозможно без восстановления независимости церкви. Религиозное единство России-Евразии виделось идеологам движения как совместная жизнь различных великих религий на основе равноправия.

Во второй половине XX в. долгое время единственным мыслителем развивающим евразийские идеи был Л. Н. Гумилев. Интерпретируя взгляды Трубецкого, Гумилев

выделяет в евразийской концепции те положения, которые близки его собственным, и придает им свой смысл. По его мнению, употребляемое Трубецким слово “лик” можно заменить понятием “этнос”, а вместо “многонародная личность” использовать понятие “суперэтнос”. Главный вывод, к которому пришел Гумилев, заключается в признании того, что евразийская концепция этнокультурных регионов в маргинальных (окраинных) зонах оказалась пригодной для интерпретации всемирно-исторических процессов. В книге «От Руси к России» Л.Н.Гумилёв выявляет суперэтническую целостность — Россия, и показывает, что российский способ бытия включает в себя целый комплекс восприятий и образов: от «речного» и «лесного» до «степного», и только подобный комплекс позволяет осваивать территорию России наиболее полно. Органично соединяя в себе европейское и азиатское начала, Россия сама выступает как самобытная самостоятельная цивилизация.

Хотя Л. Н. Гумилев называл себя “последним евразийцем”, эстафету борьбы за развитие идей евразийства после его смерти в 1992 году подхватил А. С. Панарин[3]. Евразийство актуально для него прежде всего своими идеями, необходимыми для сохранения большой державы в XX веке. Если в начале века евразийцы выступили с антизападническими лозунгами, то Панарин направляет свою критику против атлантизма и американизма. Необходимо противостоять идеологии потребительства и связанной с ее утверждением в западных странах опасности экологической катастрофы. Он для разрешения создавшейся в посткоммунистической России ситуации полагал необходимым опираться на две позитивные идеи: а) утверждение духа жертвенной государственности, способной отстоять национальные интересы; б) идея аскезы, направленная на утверждение превосходства духовного развития над материальным благополучием и потреблением.

Евразийская проблематика в 2000-е гг. постепенно занимала все большее место в научном дискурсе: защищались диссертации по различным наукам, публиковались статьи, проводились конференции, издавались книги. В результате евразийство сформировалось в широкое направление социально-гуманитарных исследований и стало выдавать серьезную научную продукцию. Именно в этом ряду следует назвать и новую коллективную монографию сибирских ученых «Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация» / Под ред. Ю. В. Попкова. — Новосибирск: Параллель, 2010. Принципиально важно то, что авторы стремятся осмыслить евразийство не только как комплекс идей, но и как своеобразный социокультурный тип. В частности, «евразийство может рассматриваться как социокультурный тип деятельности, включающий различные исторические формы»; «евразийство — это не только историософская доктрина, но и способ цивилизационной самоорганизации, существующий не одно тысячелетие» [4. С. 5]. Авторы считают возможным подразумевать под евразийством «не мимолетное увлечение группы русских эмигрантов, а, скажем, объективно существующий и развивающийся на протяжении многих тысячелетий социокультурный тип» [Там же. С. 10]. Они исходят из представления о евразийском мире «как особой социокультурной реальности со своими ценностями, константами, самоорганизацией» [Там же]. По представлению Е. А. Тюгашева, «евразийский тип социокультурного синтеза имеет длительную историю и множество конкретных вариантов. Учение евразийцев стало рефлексией только одной из форм состоявшейся социокультурной практики». По его мнению, зарождение евразийского социокультурного типа относится к эпохе формирования

индоевропейской культуры и потому «индоевропейцы стали первыми евразийцами» [Там же. С. 107].

Современные «неоевразийцы» (А.Г.Дугин, А.С.Панарин, А.В.Рябов и др.), наследуя основные идеи предшественников, конструируют отечественную идентичность как особый культурно-цивилизационный феномен, как альтернативу глобальному атлантизму. Современное евразийство — это теория многополярного мира, это особая модель интеграции народов на постсоветском пространстве на добровольной основе (Н.Назарбаев, А.Дугин). В отличие от мультикультурализма, исходящего из принципа нивелирования этнических культур (кроме европейской или американской) и индивидуальной идентичности, евразийство призывает к диалогу традиционных для России культур и религий без умаления прав какой-либо из культурных общностей, отвергая модель этнического сепаратизма и тех или иных атрибутов политической независимости на территории РФ. Оценивая положительно признание мультикультурализмом равенства всех культур, евразийство выступает против европоцентризма и западничества, предлагая единое стратегическое управление российским обществом и полифонию отношений культур (А.Дугин). Содержание социальной рефлексии находится в зависимости от этического контекста ее осуществления. Для верующих людей решение этических проблем неразрывно связано с религиозными. Поэтому для России необходим равноправный диалог традиционных религий: христианства, ислама, иудаизма, буддизма. Не только планируется, а уже началось воссоздание Евразийского Союза на базе СНГ. Но концепция евразийства не ограничивается постсоветским пространством, а направлена на расширение самого представления об исторической необходимости развития интегративных процессов в отношениях между народами «во всеохватывающем культурном пространстве нашей планеты»[5, 299].

В.В. Путин в статье «Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое начинается сегодня» (газета «Известия», 2011.10.03) предлагает, как перспективу внешнеполитического развития «модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной связки между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом». Данное предложение было поддержано президентом Белоруссии А.Г. Лукашенко («Известия», 2011.10.07) и президентом Казахстана Н.Назарбаевым («Известия», 2011.10.25). Важными шагами в реализации евразийского проекта являются создание Таможенного союза Россией, Белоруссией и Казахстаном, а также подписание 18 ноября 2011г. Президентами Белоруссии, Казахстана и России в Кремле Декларации о Евразийской экономической интеграции и Договора о Евразийской экономической комиссии. Хочется верить и надеяться на расширение евразийского пространства не только в пределах бывшего Советского Союза, а (как полагает Н.Назарбаев) в перспективе как развитие экономических и культурных связей между Россией, Китаем и Мусульманским миром.

Список литературы

1. Ковшов Е.М. Евразийство и мультикультурализм как концепции межкультурных отношений: монография. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2013.
2. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII в.в. М.: Наука, 1982.
3. Евразийство: опыт систематического изложения. Париж, 1926.

4. Панарин А. С. Россия в Евразии: вызовы и ответы // Вестник Московского университета. Сер. 12, Социально-политические исследования. 1994. № 5. С. 25-35; его же. Россия в Евразии: геополитические вызовы и цивилизационные ответы // Вопросы философии. 1994. № 12. С. 19-31; его же. Евразийский проект в миросистемном контексте // Восток (Orient). 1995. № 2. С. 66-79.
5. 5.Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация» / Под ред. Ю. В. Попкова. — Новосибирск: Параллель, 2010.
6. Каган М.С. Введение в историю мировой культуры. Книга вторая. СПб, 2003.

ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ РЕЛИГИОЗНОСТИ

Лобазова Ольга Федоровна

доктор философских наук, профессор РГСУ г. Москва

Основные подходы, характерные для анализа явлений религиозной жизни, существующие в системе социально-философского знания, содержат некоторые общие черты, позволяющие объединить некоторые из них в условные группы. Критерием для их классификации может служить сравнение алгоритмов исследования явлений религиозной жизни, предлагаемого различными авторами. На основании сравнения алгоритмов исследования явлений религиозной жизни можно выделить три модели - «атрибутивную», «акцептивную» и «имплицативную».

«Атрибутивная» модель исследования характеризуется тем, что наличие религиозной веры у человека признается неотъемлемым, врожденным, дарованным свыше качеством (свойством) сознания, которое развивается и проявляется в зависимости от воздействия внешних условий существования человека и общества. Примером данной модели могут служить концепции происхождения и развития религии, характерные для субъективного идеализма, богословия, идеалистического экзистенциализма.

«Акцептивная» модель исследования характеризуется тем, что наличие религиозной веры у человека признается привнесенным качеством, приобретаемым человеком на определенном этапе его жизни и в связи с особыми условиями индивидуального и общественного существования. Примером данной модели могут служить концепции происхождения и развития религии, созданные в рамках материализма.

«Имплицативная» модель исследования характеризуется тем, что врожденной признается склонность каждого человека к выработке в индивидуальном сознании фантазийных, гипостазированных, мифологических и религиозных образов, но реализация этой склонности признается зависимой от наличия определенных внешних условий. Примерами данной модели могут служить концепции происхождения и развития религии, созданные в рамках феноменологического подхода.

Таким образом, мы видим, что способность верить в высшие силы, глубина религиозных переживаний личности, эмоциональная окрашенность религиозного чувства в рамках всех моделей отнесены к индивидуальным особенностям человека, будь они врожденными или приобретенными. Вместе с тем, в рамках всех моделей признаны в качестве существенных моментов в развитии форм религиозной жизни действия внешних по отношению к человеку условий социального, культурного, экономического, политического и иного развития общества на конкретном этапе его жизни. Основными принципами анализа на основе философии диалектического материализма являются принципы историзма и социального детерминизма, которые дают основание для применения концепции

детерминант религиозного сознания и поведения на уровне индивидов и социальных групп, позволяя рассматривать явления религиозной жизни как порождение социальной реальности.

В российской науке активно реализуется направление, сторонники которого воздерживаются от прямой пропаганды тех или иных мировоззренческих взглядов и последовательно исполняют принцип методологического атеизма (нейтрализма) – проводят анализ общественных явлений без критики или апологетики убеждений, их порождающих. Представляется, что именно данная позиция является наиболее продуктивной для анализа явлений, отражающих религиозные убеждения. К данному направлению принадлежат такие исследователи, как М.П. Мчедлов и Л.Н. Митрохин.

М.П. Мчедлов предлагал исходить из того, что понимание сути многообразных процессов, исторически свойственных России, ключевых характеристик полиэтнического и многоконфессионального российского социума как субъекта истории, коренных интересов этой веками сложившейся евразийской социокультурной общности, органической связи между её прошлым, настоящим и будущим – необходимая предпосылка для более глубокого осмысления особенностей религиозных составляющих российской цивилизации [2]. Л.Н. Митрохин утверждал, что пока светская культура доступно и эффективно не ответит на смысложизненные (экзистенциальные) проблемы, интимно переживаемые каждым, для значительной части человечества вера в бога или богов останется символом и основой надежды на торжество добра, на приобщенность к вечным истинам бытия. Но и тогда, когда светская культура предложит свой вариант ответа, то все равно каждый человек будет свободно определять место в полифоничном пространстве культуры в зависимости от своего неповторимого жизненного опыта. Так что едва ли даже в самом отдаленном будущем религия окажется вытесненной из сферы сознания и поведения – она останется важным социальным фактором, оказывающим воздействие на поведение человека во всех сферах его жизни [1].

Изучение характеристик внутреннего мира верующего человека и особенностей формирования религиозного сознания, осуществляемое на основании методологии, принятой в российской социальной философии и религиоведении, даёт основание полагать, что на степень вовлеченности человека в религиозную жизнь влияют, во-первых, общие для всех людей особенности мышления – способность к эмоциональному, творческому, образному и символическому осмыслению и преобразованию действительности (что может быть расценено как врожденная

предрасположенности к религиозности); во-вторых, особенные для каждого человека качества его физио-психологической организации, социализации и жизненного пути (что вносит объективную и субъективную вариативность во врождённую предрасположенность к религиозности, лишая её фатальности).

Реализация данной предрасположенности осуществляется тогда, когда индивидуальное сознание человека на всех этапах своего формирования и развития подвергается воздействию религиозных по сущности идей. С другой стороны, особенности массового сознания позволяют утверждать, что массовое сознание онтологически предрасположено к формированию идей и образов, отражающих зависимость людей от высших сил, а, следовательно, является потенциально религиозным.

Во всех определениях религиозности, которые можно встретить в научной литературе, прослеживается следующее: А) религиозность определяется как некое качество, особенность, сторона явления (а не явление в целом), и даже как степень качества некоего явления; Б) религиозность предстает как следствие (в частности, религиозной веры), если речь идёт о религиозности сознания; В) являясь следствием религиозной веры, религиозность сознания выступает как причина для явлений, которые обозначаются термином религиозность поведения (например, когда речь идёт о внешней, обрядовой религиозности).

Всё это позволяет выразить в термине «религиозность» зависимость между качеством религиозного сознания и качеством религиозного поведения. Поскольку качество религиозного сознания и религиозного поведения всегда, с одной стороны, индивидуально, а с другой стороны, типично, требуется множество наименований этого разнообразия явлений религиозной жизни. И все эти наименования используются в сочетании с термином «религиозность».

Следовательно, следующим логическим шагом должно стать интегративное понимание сущности «религиозности» как системы отношений, взаимосвязей между отдельными структурными элементами религиозного сознания и отдельными структурными элементами религиозного поведения. В этом случае мы имеем дело с «широким» пониманием религиозности, с религиозностью «вообще». В этом случае понятие «религиозность» может применяться для описания отношений, их степени и уровней взаимосвязи, в которых объективируется религиозная вера субъектов и приобретает субъектную форму социальная реальность.

Интегративное понимание религиозности даёт нам выход к «компаративной» модели типологии религиозности, что расширяет возможности научного анализа. Концепция «компаративной» модели типологии религиозности, предложенная автором данного текста, исходит из того положения, что связь и взаимозависимость между составными частями религиозности (религиозность сознания – религиозность поведения – религиозность специфического поведения) может быть прямой и непосредственной, может быть опосредованной и может полностью отсутствовать.

Прямая и непосредственная связь всех элементов религиозности существует и выявляется тогда, когда мы имеем дело с субъектом, стремящимся реализовать все возможные проявления своей религиозности и имеющим для этого необходимые условия (веротерпимость в общественном сознании и отношениях, наличие соответствующей организации и культовых сооружений, отсутствие

враждебного окружения, наличие достаточных нравственных, физических сил и материальных возможностей у самого субъекта). В тех случаях, когда одно или несколько этих условий не реализуется, связь между элементами религиозности нарушается. Например, во враждебном окружении, при отсутствии веротерпимости в обществе и других ограничениях, имеющих внешний по отношению к субъекту характер, человек не может свободно выполнять культовые предписания, хотя живёт и трудится в соответствии с требованиями своего идеала. Таким образом, религиозность сознания и поведения оказывается не связанной с той формой религиозности, которая лучше всего поддаётся описанию и изучению. Иллюстрацией подобной ситуации может служить обстановка в СССР периода 1937-1941 годов.

Другая ситуация складывается при отсутствии религиозного чувства – переживания образов и смыслов вероучения, когда человек соблюдает все обряды и ритуалы, организует семейный быт и трудовую деятельность по требованиям вероучения, но переживание ценностей и смыслов вероучения как сверх-ценностей собственного существования отсутствует. Формирование подобного типа отношения к религиозным символам рождается в результате комплексного негативного воздействия внешних условий.

Ещё одна ситуация, когда сознание человека насыщено религиозными идеями и образами, он проявляет верность своим принципам в обычном поведении, но сознательно отрицает культовую практику и правила религиозной организации того вероучения, к которому себя причисляет, критикует религиозную организацию и её руководителей. Подобный тип поведения можно увидеть на примере жизни и деятельности В.С. Соловьёва, Л.Н. Толстого и др.

Представив все возможные градации в содержании и формах религиозности сознания и религиозности поведения в качестве неких «кирпичиков», «модулей», мы можем из этих составных частей «составить» (лат. – *compositio* – состав) разнообразные варианты и определить возможные связи между ними, что даст нам представление о типах религиозности. «Компаративная» модель типологии религиозности предлагает выявлять и классифицировать связи (религиозность в «широком» смысле), существующие между структурными элементами религиозного сознания и религиозного поведения, каждый из которых обладает той или иной степенью (уровнем) религиозности в «узком» смысле. Определив в рамках этой модели типы религиозности, мы уходим от необходимости сравнивать (а значит, оценивать) вероисповедания, религии и их организации, поскольку такая типология религиозности основана на качествах и свойствах верующего субъекта, вне зависимости от его вероисповедной принадлежности. Типология религиозности в рамках «компаративной модели» даёт возможность соблюдать принцип нейтральности, абстрагируясь от содержания конкретных вероучений при анализе сознания и поведения верующего человека.

Список литературы

1. Митрохин Л.Н. Философские проблемы религиоведения. – СПб.: Изд-во РХГА, 2008. – 1046 с.
2. Мчедлов М.П. Религиоведческие очерки. Религия в духовной и общественно-политической жизни современной России. – М.: Изд-во «Научная книга», 2005. – 447 с.

ПРОСТРАНСТВО ФИЗИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ЕГО ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ОБОСНОВАНИЕ

Лолаев тотраз петрович

Доктор философских наук, профессор кафедры социальных наук, Северо-Осетинского государственного университета, г. Владикавказ

Чекоев Николай Георгиевич

Кандидат технических наук, доцент кафедры органической химии, Северо-Осетинского государственного университета, г. Владикавказ

В наши дни становится все более ясным, что дальнейшее продвижение в исследовании пространственно-временных свойств и отношений на обоих полюсах нашего проникновения в окружающий мир: в субэлементарные процессы, протекающие внутри элементарных частиц, и в области различных моделей пространственно-временных многообразий мегамира требует значительно более точного выяснения самого смысла пространства и времени.

Именно сказанное имеет в виду известный физик В.С. Барашенков, когда пишет: «Нельзя оставаться на том уровне рассуждений, когда без конца повторяют, что пространство и время – всеобщие формы бытия материи... В конкретном исследовании пространства и времени важен не только гносеологический, но и онтологический аспект» [2, с. 39].

А.М. Мостепаненко справедливо подчеркивал: «По сути дела, основная цель философской науки – обеспечить выход человеческого знания за пределы «модельной действительности» к действительности объективно-реальной» [5, с. 6].

Наконец, по мнению А.В. Солдатова: «В рамках... естественнонаучных теорий понятия пространства и времени, как правило, не определяются. Они вводятся либо с помощью абстрактных математических структур (таких, как евклидова геометрия в общей теории относительности и т.д.), либо посредством соответствующих операциональных определений протяженности и длительности. Но для понимания роли и места понятий пространства и времени внутри теорий этого явно недостаточно. Необходимо выйти за пределы данной теории и обратиться к содержательному рассмотрению этих категорий, к их философскому анализу» [7, с.193].

Таким образом, философы и естествоиспытатели вполне осознали необходимость выявления и использования новых подходов к исследованию проблемы пространства (и времени), целесообразность смещения интереса от гносеологических аспектов указанной проблемы к онтологическим.

Новые подходы к исследованию проблемы, например, пространства, по нашему мнению, могут в недалекой перспективе привести не только к решению научных, теоретических, но и практических задач. Дело в том, что, создавая материальную основу для нового решения проблемы пространства (и времени), научно-техническая революция сама будет испытывать благотворное влияние полученных теоретических результатов, которые непременно явятся для нее ускоряющим катализатором по всем направлениям, поскольку в природе отсутствуют какие-либо сферы, безразличные к фактору времени.

Указанные новые подходы к исследованию проблемы пространства (и времени), впервые в философии и науке позволили разработать концепцию объективно-реального, функционального пространства (и времени) [3, с.114]. Под функциональным пространством понимается

собственное пространство конкретных, конечных материальных вещей, явлений и процессов, образующееся в результате последовательной смены их состояний. Функциональное пространство существует с момента возникновения и до исчезновения материальных объектов, процессов как таковых в связи с воплощением их материального содержания в последующие объекты, процессы (каждый объект – процесс).

Пространство (и время) связано со становлением, поскольку материальные вещи и их состояния при своем возникновении образуют свое собственное пространство (и время). В этой связи мы не можем согласиться с В.И. Свидерским, по мнению которого, пространство, в отличие от времени, связанного с изменением, связано с сосуществованием. Объективно-реальное, функциональное пространство связано не с сосуществованием, не с рядомположенностью вещей и явлений, а с изменением, благодаря которому возникают и существуют материальные объекты, процессы до своего исчезновения как таковых.

Тем не менее, В.И. Свидерский писал: «Общее качественное различие пространства и времени имеет своим глубоким основанием качественные различия сторон сосуществования и изменения в бытии движущейся материи. Сосуществование, рядоположенность явлений и их изменение суть состояния, не сводимые друг к другу. Именно поэтому, несмотря на органическое единство, пространство и время не сводимы друг к другу» [6, с. 193].

Пространство и время, несмотря на наличие между ними неразрывной связи, действительно не сводимы друг к другу, но не по причине, высказанной В.И. Свидерским, а в связи с тем, что пространство представляет собой некоторого рода объем, тогда как время – некоторого рода длительность (слова «некоторого рода» указывают здесь на то, что несубстанциональные пространство и время своих собственных свойств не имеют, а только специфически отражают свойства образующих их объектов, процессов).

В связи со сказанным мы не можем согласиться и с тем, что основа различия пространства и времени... упирается в проблему причинности [5, с.88-89]. С нашей точки зрения, причинность, наоборот обуславливает сходство пространства и времени, поскольку в результате действия принципа причинности возникают и исчезают материальные объекты, процессы и их состояния, которые только и образуют свои собственные пространственные объемы и собственные временные длительности. Как уже было сказано, пространство и время возникают вместе с конкретными, конечными материальными объектами, их состояниями и исчезают в момент распада как таковых, когда их материальное содержание воплощается в другие, последующие объекты, которые образуют свои собственные пространственные объемы и временные длительности. Последовательно сменяются материальные объекты и их состояния, последовательно сменяются их пространст-

венные объемы и временные длительности. Причем, поскольку материальное содержание объектов, по причине их субстанциональности, при их исчезновении воплощается в другие, последующие объекты, образуемые ими несубстанциональные пространственные объемы и временные длительности, перестают существовать. Движение, изменения, являясь способом существования материи, способом ее сохранения вместе с тем – причина становления, обновления, возникновения и исчезновения конкретных материальных вещей, явлений и процессов, а следовательно – образования ими собственных пространственных объемов и временных длительностей.

Для правильного понимания природы объективно-реального, функционального пространства (и времени) следует иметь в виду, что оно образуется не конкретным видом движения, а движением, изменениями, в результате которых происходит становление. Причем, поскольку в философской литературе высказываются различные точки зрения на природу становления, считаем необходимым заметить, что и с нашей точки зрения движение понимается как «изменение вообще, притом не как простое перемещение, а как включающее в себя появление нового, процесса развития, субстанциональное изменение – становление... становление не там, где вещь остается сама собой, оно имеется лишь там, где возникает нечто «другое», нечто «новое». Нечто несуществующее ранее становится существующим» [1, с. 75].

Здесь следует подчеркнуть также, что не только материю и движение, но и пространство (и время) можно познать лишь путем изучения конкретных материальных вещей, явлений и процессов в их взаимодействии и развитии. В этой связи следует согласиться с Ю.Б. Молчановым, который констатировал, что «пространство и время не существуют сами по себе и поэтому содержание этих понятий нужно исследовать не вообще, а только изучая конкретные явления природы и их взаимосвязь между собой» [4, с. 95].

Именно материальные изменения определяют пространственно-временные характеристики материальных объектов, а не наоборот. Для того, чтобы изменить пространственно-временные характеристики материального объекта, необходимо воздействовать на сам объект, изменить характер протекающих в нем процессов, поскольку исключены какие-либо возможности непосредственного воздействия на пространство и время, не являющимися субстанциональными реальностями.

По мнению А.М. Мостепаненко, на пути решения проблемы пространства (и времени) стоит следующее основное затруднение: «Все реальные объекты существуют в пространстве и времени. Опыт показывает, что с удалением из пространства многих объектов пространство не исчезает и время не перестает течь. Такая ситуация приводит к мысли о «пустых» пространстве и времени, независимых от объектов. Но допущение такой мысли связано с допущением странного типа реальности, отличной от реальности телесных объектов: реальности – ничто, которая, несмотря на небытие, существует и необходима для помещения в ней телесных объектов, обычной реальности» [5, с. 95].

И с нашей точки зрения, все реальные объекты существуют в пространстве и времени, но не как в некотором вместилище. Они существуют в собственных пространствах и временах, образуемых ими самими. Пространство и время существуют лишь там, где имеются материальные объекты, поля. А не сами по себе, помимо них. С удалением из пространства многих объектов пространство не исчезает и время не перестает течь только с

точки зрения внешнего наблюдателя. Но пространство, которое будто бы окружает наблюдателя, время, якобы текущее и в отсутствие удаленных из пространства объектов – перцептуальные, психологические пространство и время, а не объективно-реальные, функциональные пространство и время.

Следует четко различать объективно-реальные, функциональные пространство и время от перцептуальных, реально не существующих (существующих только в сознании человека) пространства и времени. Только при этом условии станет ясно, что в основе всего лежат не «пустые» пространство и время – «два великих ничто, без которых невозможно понять никакой реальности» [5, с. 37], а вечно движущаяся материя, существующая в конкретных формах, каждая из которых образует свой собственный пространственный объем и свою собственную временную длительность.

В природе существует огромное множество примеров, убедительно свидетельствующих о наличии у каждого материального объекта (в том числе у элементарных частиц, атомов и молекул, ячеек кристаллов веществ) своего собственного функционального пространства (точнее, пространственного объема).

Так, если мы будем располагать кристаллом алмаза и куском графита, содержащих одинаковое количество атомов углерода, несмотря на это, будут иметь различные физические свойства: твердость алмаза составит 10 единиц по минералогической шкале, плотность – 3,5 г/см³, тогда как твердость графита достигнет лишь 1-2, а плотность – 2,2 г/см³ (графит является одним из самых мягких минералов, алмаз – самый твердый из всех известных веществ). Кроме того, графит черного цвета, непрозрачен, хорошо проводит электрический ток; алмаз прозрачен, электрического тока не проводит. Различна также температура плавления алмаза и графита.

Если же взять вещество с тем же количеством атомов углерода, находящегося в аморфном состоянии (то есть в твердом некристаллическом состоянии) оно будет характеризоваться изотропией свойств с отсутствием точки плавления. При повышении температуры аморфное вещество размягчается и переходит в жидкое состояние постепенно. По мнению исследователей, эти особенности обусловлены отсутствием в аморфном состоянии, в отличие от кристаллического состояния, так называемого дальнего порядка – строгой периодической повторяемости в пространстве одного и того же элемента структуры (атома, группы атомов, молекулы и т.п.).

С нашей же точки зрения, все физические свойства, указанных выше объектов обусловлены тем, насколько упорядоченно или неупорядоченно расположено в их пространственных структурах атомов углерода. Иными словами, эти свойства зависят от структуры собственного функционального пространства, от того, какое место занимают в нем атомы углерода по отношению друг к другу, от характера их взаимодействия. Вспомнив в этой связи способ получения синтетических алмазов. Как известно, искусственные алмазы получают, например, при действии динамически высокого давления и высокой температуры, которые необходимы для того, чтобы атомы углерода заняли, возможно, более упорядоченное положение.

Для обоснования факта существования объективно-реального, функционального пространства можно было бы сослаться и на труды Ренэ-Жюст Гаюи.

В заключение считаем особенно важным подчеркнуть, что, по нашему мнению, исследование процессов в различных сферах науки, исходя из того, что каждый материальный объект образует свое собственное пространство (точнее, свой собственный пространственный объем), позволит обнаруживать, скажем так, пространственные закономерности, использование которых на практике,

сможет дать значительный позитивный эффект, масштабы которого пока трудно предсказать, предвосхитить.

Список литературы

1. Аскин Я.Ф. Проблема времени. Ее философское истолкование. М., 1966. С. 75.
2. Барашенков В.С. Ленинская идея неисчерпаемости материи в современной физике // Вопросы философии. 1971. № 3. С.39.
3. Лолаев Т.П. Пространство и время, их связь с движением. Владикавказ, 1992. С. 114.
4. Молчанов Ю.Б. Четыре концепции времени в философии и физике. М., 1977. С. 95.
5. Мостепаненко А.М. Пространство, время и физическое познание. М., 1975. С.
6. Свидерский В.И. Пространство и время. М., 1958. С. 193.
7. Солдатов А.В. Понятие пространства и времени и структура естественнонаучной теории. Л., 1981. С. 193.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОРЯДКА И КОНФЛИКТНОСТИ

Любимов Геннадий Павлович.

Канд. филос. наук, доцент кафедры онтологии и теории познания Института философии СПбГУ

Философия стремится исследовать интересующее ее проблемное поле на предельных основаниях. Это относится и к аналитике конфликта. Поэтому, прежде всего, следует адресоваться к историко-философским моделям, так или иначе обращавшимся к уяснению онтологических оснований конфликта и порядка.

Но конфликт, в самом общем смысле, можно рассматривать, например, как противоборство различного рода сил при формировании порядка, или как столкновение различных сил порядков. В первом случае конфликт предстает как становление порядка, во-втором, как отклонение или радикальное противопоставление сложившемуся порядку, рассматриваемому в виде устойчивой связности. Само понятие "порядок" достойно специального рассмотрения. Порядок может трактоваться как "естественный", то есть проявление и уяснение объективной, прежде всего, природной сути дела и как "искусственный", то есть устанавливаемый по воле сверхприродных (нуминозных, трансцендентных) сил (хотя для теологии он будет естественным) или по воле преследующего свои цели человека. Но каков же смысл данного понятия? Чем порядок отличается от беспорядка или от не порядка? Пожалуй, самой представительной в истории культуры является модель, прочитывающая "порядок" с позиций строгого детерминизма, классическая форма которого складывается в контексте естествознания 17-18 веков. Как показывает исследование Пригожина и Стенгерс "Порядок из хаоса", в основании этой концепции лежит идея замкнутой системы и обратимости времени. Порядком здесь будет номинироваться все, что признается рациональным: законы, структура, цельность, причем, претендующие не на флуктуации во времени, а на вневременность, вечное повторение того же самого. Истоки этой концепции коренятся, видимо, в античной философии, но об этом чуть позже.

В открытых, нелинейных системах, на первое место выходит необратимость времени, и именно это обстоятельство оказывается источником порядка. Причем, относительно "искусственного порядка", нередко подчеркивается, что он есть строгое соблюдение, или следование установленным правилам.

Если приглядеться к понятиям "порядок", "структура", "система", "целое", то можно заметить, что они очень близки, а то и совпадают по смыслу. Например, Умберто Эко пишет: "... структура это некое целое, его части и их взаимоотношение между собой; это система, в которой все взаимосвязано, взаимоувязанное целое вкупе с системой увязок; но вот тут-то, собственно говоря, и встает вопрос, а что такое структура: это структурированный

объект или система отношений, структурирующих объект, но могущая рассматриваться обособленно" [5, с. 269]. Судя по этой цитате, для Эко "порядок", "целое" и "структура" семантически совпадают. В приведенном фрагменте автор поднимает и еще один важный вопрос, в моем прочтении он формулируется так: является ли порядок объективным процессом, складывающимся вне, до и независимо от человека, или только человек определяет одно состояние как порядок, а другое как отсутствие или отклонение от такового. Поэтому, на мой взгляд, рассмотрение порядка и конфликта в едином контексте представляется вполне оправданным.

Следует заметить, что порядок, как предмет теоретического и практического интереса, имеет солидную укорененность в культуре, его истоки обнаруживаются в космогонических мифах. Именно космогонические мифы дают первые варианты объяснения порядка бытия как Космоса. Если имеется универсальный порядок Космоса, тогда возможен и оправдан порядок социальный, как подражание этому всеобщему порядку. В качестве примера становления порядка Космоса рассмотрим "Теогонию" Гесиода. Исходная точка отсчета – Хаос, который прежде всего зародился во вселенной, а следом широкогрудая Гея, всеобщий приют безопасный. Что такое Хаос – вопрос достаточно сложный и однозначного ответа на него в мировой литературе нет. Велико желание истолковать его как некое всеобщее начало, но он не является источником всего, ибо Гея появляется "следом", она не есть порождение Хаоса. Достоянна внимания номинация Геи как "всеобщего приюта безопасного". Никакого намека об опасности во вселенной у Гесиода нет, но само появление этого "всеобщего приюта безопасного", как бы молча, указывает на эту существующую опасность и желание противостоять ей. Гея родила себе Урана – звездное небо над головой, ставшего затем ее мужем. Это первое поколение богов задает всю дальнейшую оппозицию и конфликтность. В качестве оснований становящегося порядка выступают Земля и Небо, женское и мужское начала, они же задают базовые противоположности в виде материального (женского) начала и духовного (мужского), а также оппозиции "верх" – "низ". От брака Геи и Урана рождается многочисленное потомство. Особое внимание привлекает рождение Крона – времени, как одного из оснований становящегося порядка, причем, по неясным причинам, ненавидящего своего отца. Далее у Геи с Ураном рождаются киклопы и гекатонхейры, которые "были ужасны и стали отцу своему ненавистны" и Уран "каждого в недрах Земли немедленно прятал". "С полной утробой тяжело стонала Земля-великанша", - сообщает рапсод. Из противостояния

духовного и материального начал возникает первый конфликт в рамках становящегося порядка бытия. Гея обращается к своим детям, дабы отомстить за злодейство Урана. На ее призыв откликнулся только Крон, который отсекает у родителя член детородный. И восстал сын на отца своего и лишил его трона. И это происходит не среди людей, а среди богов, представляющих собой основания и творцов порядка бытия. Это восстание Крона является санкционированием всех будущих революций, дворцовых переворотов и заговоров, ибо относится к онтологическим основаниям Космоса как образцовой модели. По авторитетному мнению Мирча Элиаде "Космогонический миф становится образцовой моделью для всего многообразия творческих проявлений" [6, с. 31. Разумеется, указанное санкционирование относится только к человеку мифическому, то есть такому, миф для которого не вздор и не вымысел, а "но наиболее яркая и самая подлинная действительность". [1, с. 396].

Совершен поступок, причем, кровавый и миф откликнется на него. Из капель крови изуродованного Урана, упавшей на землю рождаются Эриннии – богини мщения. Но это только одна сторона дела. Из частей оскопленного Урана, упавших в море, появляется "пенорожденная" Афродита – богиня любви и красоты. Миф стремится гармонизировать последствия поступка Крона – мщение и ужас уравниваются любовью и красотой.

Из этого первого конфликта следует еще один вывод. Уран не является предельным основанием порядка, ибо оказался свергнутым. Теогонический процесс начался, но может ли он остановиться, найти свои пределы? Крон знает, что можно силой или хитростью свергнуть властные начала, ибо он сделал это. Но где гарантии, что его сыновья не поступят с ним подобным же образом? Крон претендует на то, чтобы предстать предельным основанием порядка и поглощает своих детей, пытаясь остановить теогонический процесс. Но этому препятствует консервативное женское начало в виде Геи и Реи, которые обеспокоены возможным окончанием порождения новых поколений богов. Они прячут Зевса, а вместо него подсовывают Крону камень, завернутый в пеленку. Крон поглощает этот камень – "время и камень точит". Зевс спасен, собирает свою рать, начинается война между титанами и олимпийцами, в которой олимпийцы с помощью циклопов и гекатонхейров побеждают, а Зевс воцаряется. Тем самым оказывается, что и Крон не может претендовать на предельное основание порядка, а теогонический процесс как конфликт продолжается. Но и Зевс, претендуя на предельное основание порядка, не может быть в этом уверен, ибо знает судьбу Урана и Крона. В контексте нашего анализа любопытно обратиться к фигурам первых трех жен Зевса: Метиде (Метис), Фемиде и Мнемосине. Метис – первая жена Зевса и богиня вселенской мудрости. Этим браком инсталлируются новые ценности и порядок бытия. На место ничем не ограниченного произвола хтонических богов приходит мудрость в качестве "первой леди" нового мира. Но оказывается, что от брака с Метис рождается сын, который и сменил Зевса на престоле. Зевс не находит ничего лучшего, поступая подобно своему отцу Крону. Он поглощает Метис, "приватизирует" вселенский разум, делая его частью своей субстанции. Теперь уже он может являть собой эту мудрость. Но миф не позволяет Зевсу сделать это – у Зевса страшно разболелась голова и только кардинальное вмешательство Гекфеста с его ударом молотом по голове вседержителя прерывает эти боли. Из головы Зевса появляется Афина. Заметим, не мужчина, а женщина, что делает невозможным свержение Зевса, но женщина-воин, в доспехах и

копьем. В принципе теогонический процесс не завершен, нет никакого основания для его завершения. Гесиод чувствует это, но найти предельные основания все же необходимо и он просто своей волей рапсода завершает его, говоря об олимпийцах как о последнем поколении богов, претендуя, видимо, на конечные установления порядка.

Но, строго говоря, олимпийцами теогонический процесс не заканчивается. В орфико-пифагорейском союзе существовала "Священная сага", в которой появляется бог четвертого поколения – Дионис. Дионис сын Зевса и Персефоны (по версии орфиков) получил имя Загрея. Далее дается любопытная версия установления нового порядка власти. Зевс сам назвал Диониса своим преемником, отменяя прежние порядки свержения старых богов новыми. Против этого восстали титаны, не понимая и не принимая порядок наследования власти вместо ее завоевания силой или хитростью. Титаны вступают в конфликт с Зевсом. Они заманили юного Диониса в ловушку, растерзали на семь частей (семь титанов) и съели. Этот акт киднепинга и каннибализма не ускользнул от Аполлона и Артемиды, которые сообщили о нем Зевсу. Зевс испепелил титанов, собрал останки Диониса, зашил в бедро, выносил и Дионис оказался дважды рожденным. По версии орфиков-пифагорейцев, Зевс сотворил человека из пепла уничтоженных им титанов, а посему человек по своей природе существо дуальное – в нем изначально имеется доброе начало (от Диониса) и злое (от титанов). Этим объясняется вечный внутренний конфликт человека между добром и злом. Собственно говоря, и в данной концепции не дается обоснование прекращению теогонического процесса, а это значит, что проблема поиска предельных оснований порядков бытия остается открытой. Можно предположить, что европейская философия и появляется в результате разрешения внутреннего конфликта в самом мифе. Как стремления, с одной стороны, отыскать предельные основания порядка бытия и невозможностью этого достичь, пользуясь чувственно-эмоциональными средствами. На смену мифу постепенно приходит логос, вытесняя или переписывая непосредственную образность абстракциями различного уровня и логическим оперированием с ними.

Натурфилософские модели нового порядка бытия были хороши только в качестве первых шагов. Удавалось сводить все многообразие чувственного мира к одному или нескольким основаниям, но вывести это многообразие на понятийном уровне не удавалось. И вода, и земля, и воздух, и огонь при всем стремлении философов освободить их от чувственности, все же сохраняли эти черты, и приходилось говорить о "сгущении" и "разряжении" этих оснований, то есть применять язык физики вместо языка логики. Видимо, первым эту проблему уяснил Парменид, введя принцип тождества мышления и бытия. Это означает, что только на путях разума можно попасть в суть бытия и постараться удержаться в этом состоянии. Свобода, добро, справедливость, любовь – все обладает своей сущностью. И если мы в состоянии мыслью ухватить эту сущность и строить свое поведение согласно с ней, то никаких конфликтов быть не может. Но есть и мир не бытия (сравни с небытием), мир изменчивой чувственности, мир мнений. Вот в этом-то мире и могут возникать различного рода конфликты. Бытие едино, неделимо и неподвижно, но не в физическом смысле, а в смысле своей понятийной "схваченности". Если бытие едино, то может быть только одна истина, а если разум овладел ей, овладел сутью дела и выстроил вектор поведения в соответствии с ней, то, как уже говорилось выше, никакой конфликт невозможен. Нечто подобное будет утверждать и Сократ, по

мысли которого люди совершают плохие поступки не потому, что они злы по природе своей, а только от незнания сути дела, они не попали в подлинное бытие. Не случайно Парменид настаивал на том, что подлинное бытие не имеет ни прошлого, ни будущего, оно все в настоящем, ибо истина и есть это настоящее. Конечно, временность есть, но все изменения, связанные с ней, это удел мира чувственности, а не разума. М. К. Мамардашвили относительно особенностей античной философии пишет: "Философствование состоит в том, чтобы в пустяке увидеть не случай, который мог бы быть другим, третьим, четвертым... - а увидеть структуру, проявление чего-то" [3, с. 49]. Это "проявление чего-то" может быть только проявлением какого-то порядка, например, порядка судьбы или божественного Логоса. Да, скажет Гераклит, мир подвижен, изменчив, текуч, соткан из взаимодействующих противоположностей. Но за возможностью самой этой изменчивости скрывается неизменный и тождественный себе Логос, который "правит всем". Не случайно у Гераклита Космос не создан никем из богов и никем из людей, а был, есть и будет вечно живым огнем, мерами воспламеняющимся и мерами гаснущим. В этом космическом порядке есть некие внутренние силы, позволяющие самому порядку воспроизводиться, когда прежние силы исчерпают свою энергетику, а поэтому бытие вечно. Видимо, именно Гераклит первым сформулировал идею вечно возвращающегося, покоящегося на концепции обратимого и замкнутого времени. Понятно, что если разум адекватен Логосу, повинуются и следуют его законам, то есть законам бытия Космоса, то никакого конфликта не возможно. Когда указывают, что Гераклит был первым философом, заложившим основы конфликтологии, поскольку он утверждал, что все соткано из противоположностей и борьбы между ними, а также сказал, что "война есть отец всего, царь всего", то упускают из внимания несколько весьма важных и ключевых положений мыслителя.

Во-первых, кроме борьбы противоположных начал Гераклит писал и о состоянии гармонии между ними. Очень точно, объединив в одной фразе три основных начала Гераклита: огонь, логос и гармонию, выразился А.Ф. Лосев. "Это самопротивоборствующее совпадение всяких противоположностей есть настоящая гармония, которая держится огнем, началом и концом всего, и логосом ..., мировым законом, гармония, вселенского огненного Слова" [2, с. 391-398]. Это внутренне связанное триединство, может быть названо гармонией в смысле миропорядка Единого.

М.К. Мамардашвили интерпретирует гармонию как условие свободного поступка, который "не вернется к тебе в виде разрушения условий твоего собственного существования" [3, с. 89]. Интересное толкование. Однако следует заметить, что в этом случае усилия Я в состоянии превозмочь неумолимость распри как всеобщего закона и удержаться только в гармонии, что означало бы победу одной из сторон. Это исключает гераклитову идею вечно возвращающегося и, как возможное следствие, превращает его концепцию в версию исторического оптимизма, т.е. прогрессизма, чего у Гераклита не было. По его мнению, всякое исключительное самоутверждение, всякое обособление и отклонение будет непременно осуждено и наказано логосом. Получается, что сам полемос необходимо гармоничен, а гармония с необходимостью полемична. Это и есть предельные основания бытия или логос в его конструктивной деструктивности и, что тоже самое, деструктивной конструктивности. Бытие проступает в этом полемосе-гармонии как условие своего самоутверждения.

Во-вторых, борьбу противоположностей (polemos) в учении философа нельзя назвать конфликтом в строгом смысле этого слова. Дело в том, что конфликт, в отличие от борьбы и гармонии противоположностей, не есть нечто абсолютно неизбежное. Его можно предотвратить, избежать, остановить, просто спастись бегством от более сильного противника, сдаться на милость более могущественному и т.д. Борьба противоположностей и гармония у Гераклита есть условие вечности бытия, его несотворимости и неуничтожимости, они также вечны, как и само бытие Космоса. Конфликт в таком случае возможен только в мире доксы, но не в мире эпистемы.

Именно это положение вполне сознательно утверждали и развивали софисты. Несомненно, что появление этого философского учения тесно связано с феноменом античной демократии и так называемым "антропологическим поворотом" в греческой философии. В это время в культурной атмосфере Греции (прежде всего Афин) осознается, что человек может быть свободной, независимой и сильной личностью. Достаточно вспомнить ряд трагедий Эсхила, Софокла и Еврипида, в которых мы видим современного им грека, вступающего в конфликт с древними традициями и прежними религиозными установками. Политическое устройство Афин, после реформ Солона, Писистрата, Клисфена и, наконец, Перикла требовало от каждого гражданина безусловного участия в делах своего полиса, что давало гражданину чувство значимости и ответственности, кровной заинтересованности во всем, что происходило в его городе. В демократическом государстве, по словам Перикла, "не происхождение, не богатство должны давать право на всякие требования, а знание и умственное превосходство". В демократическом государстве любого исторического периода существенное значение имеет искусство владения словом. Софист Горгий в одноименном диалоге Платона определяет его как "величайшее благо", которому люди обязаны своей свободой, а равным образом и тою властью, которою каждый из нас обладает в своем городе. Это искусство есть "способность убеждать словом и судей в суде, и советников в Совете, и народ в Народном собрании, да и во всяком ином собрании граждан. Владея такой силой, ты и врача будешь держать в рабстве, и учителя гимнастики, а что да нашего дельца, окажется, что он не для себя наживает деньги, а для другого — для тебя, владеющего словом и умением убеждать толпу" [4, с. 494].

В связи с этим известный тезис Протагора "человек есть мера всех вещей, существующих, что они существуют, а не существующих, что они не существуют" может быть прочитан не как заявка на метафизический и вообще всякий произвол и тотальную релятивность, как это нередко можно прочитать в литературе, а в социальном и политическом контексте. В таком прочтении речь будет идти о совершенно простом, очевидном и повседневном для каждого гражданина явлении — о сфере его полисной свободы и ответственности. Ведь только гражданин (свободный мужчина старше 20 лет, имеющий собственность и прошедший строгую проверку на получение прав гражданства) мог участвовать в политических делах своего города. Это его слово в соответствующем полисном учреждении могло получить силу закона и повлиять на текущую жизнь, а то и на будущее. Это его умение вести себя в духе полисных ценностей, держать себя "бодрствующее и вертикально" и создавало условия для стабильности и процветания его родины. В этом смысле отнюдь не случайно, да и не вызывающе звучит известное определение Аристотеля, который называет человека существом государст-

венным, существом политическим. Из контекста этой дефиниции Стагирита вполне ясно, что речь идет опять-таки о гражданине.

Что же нового для понимания онтологических оснований конфликта дает опыт софистов? Прежде всего, речь может идти именно о "земных" конфликтах, ибо темы метафизические, темы божественные достаточно туманны и сложны, их следует, по мнению Протагора, избегать. Сама эта позиция достаточно любопытна, ибо предлагает установить зону молчания, равнодушия, экранироваться и дистанцироваться от того, что недоступно для тебя. Это позволяет блокировать конфликт с этими силами. Что же касается конфликтов земных, то их существование вполне понятно, ибо люди живут в мире мнений, каждый может иметь и высказывать свое суждение, а потому речь может идти о том, как уметь одержи-

вать победу в этом словесном поединке и влиять на тактику и стратегию политической жизни. Живя в демократическом обществе иначе и нельзя, если хочешь сделать карьеру и влиять на других.

Список литературы

1. Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. – 655 с.2
2. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. М.: Высшая школа, 1963. – 576 с.
3. Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. М.: Аграф. 1997, – 320 с.
4. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т.1. М.: Мысль, 1990. – 861.
5. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. ТОО ТК Петрополис, 1998. – 432 с.
6. Элиаде М. Аспекты мифа. Инвест- ППП, 1995. – 239 с.

МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ – ВЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Масалимов Ряз Ниязович

канд. ист. наук, доцент Отечественной и зарубежной истории, г. Бирск

Масалимов Ильдар Рязович

инженер, соискатель кафедры философии, г. Уфа

В современной науке (конец XX в. – начало XXI в.) произошло столько экстраординарных событий, что не знать о них, пройти мимо них никак невозможно. Обязанность современного интеллектуала – знать о достижениях учёных, о проводимых ими исследованиях в новейших областях знания. Будущим философам и историкам, обучающимся на социально-гуманитарных факультетах и вузах, особенно они полезны в процессе изучения математики и физики [1].

Тем не менее, гуманитариям трудно избежать смешения методологий естественно-математических и социально-гуманитарных наук. Во избежание мультидисциплинарной неразберихи необходимо помочь студентам разобраться с рассуждениями учёных, например, о физическом устройстве мироздания и о путях познания оно, прежде всего, о попытках построения единой теории, называемой сегодня «теорией всего» [4; 6].

Из истории науки можно перевести парадоксальные примеры «смешения методологий», которое характерно великим учёным. Так, например, не все лауреаты Нобелевской премии по химии были химиками. Эрнест Резерфорд (Нобелевская премия 1908 г.), например, был физиком. Но впервые расщепил атом, что оказало огромное влияние на философию химии. Конечно же, Э. Резерфорд был превосходным экспериментатором. Ему часто приходилось работать с примитивным оборудованием, но это его не смущало. «Я мог бы заниматься научной работой и на Северном полюсе», – как-то заявил он. По словам английского писателя и физика Чарльза Перси Сноу, «Резерфорд работал с допотопными, простыми приборами, но действительно выжимал из них всё, что они могли дать» [7, с. 65]. Трудно найти учёного, который за свою жизнь допустил бы так мало ошибок. Одну из них он сделал в 1933 г. во время выступления в Британской ассоциации содействия науке, когда сказал: «Эти превращения атомов представляют исключительный интерес для учёных, но мы не сможем управлять атомной энергией в такой степени, чтобы это имело какую-нибудь коммерческую ценность, и я считаю, что вряд ли мы когда-нибудь будем способны делать это... Об атомных превращениях

наговорили множество всякой чепухи. Наш интерес к этой проблеме чисто научный» [7, с. 65]. Это было сказано за шесть лет до открытия цепной реакции деления урана и за девять лет до того, как начал работать первый атомный реактор.

Науку вообще как специфический тип знания исследуют логика и методология науки. Главной проблемой здесь являются выявление и экспликация тех признаков, которые необходимы и достаточны для отличия научного знания от результатов других видов познания, от различных форм вненаучного знания. К последним относятся обыденное знание, искусство, религия (в т.ч. и религиозные тексты, Священные писания), философия (в значительной своей части), интуитивно-мистический опыт, экзистенциальные переживания и пр.). В общем и в целом, если под «знанием» понимать даже только текстовую (дискурсную) информацию, то очевидно, что научные тексты (даже в современную эпоху «глобальной науки») составляют лишь часть (и притом меньшую) всего объёма дискурса, который использует современное человечество в своём адаптивном выживании. Несмотря на огромные усилия представителей логического позитивизма и аналитической философии чётко задать и эксплицировать критерии научности, эта проблема по-прежнему далека от однозначного решения.

«Именно наука изменила наш мир. Была самой мощной силой, – писал известный математик и философ Р.И. Пименов. – Именно она была цитаделью логоцентризма. Учёный верит в значимость произносимых им слов. Слова в науке часто имеют вид уравнений, формул или чрезвычайно сложно связанных между собою логических построений» [5]. Другой пример удачной мультидисциплинарной интеграции математики и социально-политических наук – это работы американского (в прошлом – советского) специалиста по социальной психологии и математическому анализу Владимира Лефевра [2]. Согласно ему, математические расчёты подтверждают, что американская и российская системы ценностей похожи. Этические же системы, этические философии у них весьма разные. Такая

ситуация возникает, когда мы оперируем сразу несколькими ценностями (на практике чаще всего так!): “Я хочу, чтобы невиновный избежал тюрьмы, поэтому лгу”. В.А. Лефевр выделяет два правила оценки этих комбинаций. Компромисс между добром и злом можно оценить как зло, а можно как добро. В первой системе достойный человек поднимается в собственных глазах, если идёт на компромисс с другим человеком: “Вы мне глубоко неприятны, но я должен протянуть вам руку”. Во второй системе достойный человек, ищущий компромиссы, падает в собственных глазах: “Вообще-то, он хороший парень, но я не могу протянуть руку, поэтому сделаю-ка что-нибудь, чтобы избежать этого”.

Методологии математики и физики применяются в определении понятия “свободная воля”. Известный учёный Стивен Хокинг писал: “Конечно, можно утверждать, что свободная воля всё равно иллюзия. Если действительно существует всеобъемлющая физическая теория, которая управляет всем сущим, то следует полагать, что она детерминирует и наши действия. Однако она делает это так, что её следствия невозможно предвычислить для такого сложного организма, как человеческое существо, и, кроме того, она включает определённый элемент случайности, соответствующий квантово-механическим эффектам. Это позволяет говорить, что наши декларации о свободной воле человека проистекают из невозможности предсказать, что он будет делать” [3, с. 86].

Конечно, люди обладают свободой воли и поэтому должны отвечать за свои поступки. Однако аргументация С. Хокинга даёт представление о том, насколько трудно доказать это, казалось бы, очевидное утверждение. А вот ещё одно известное определение: “Свобода воли – это способность самостоятельно определять свои действия”. Непонятно только, что значит “самостоятельно”. Действия, предопределённые генетически или обусловленные внушением или случайностью, – самостоятельны? Действия ребёнка, копирующего взрослых, – самостоятельны? Вообще такого рода явные словесные определения свободы воли – привлекательные на первый взгляд – сильно напоминают порочный круг. Намного более надёжным могло быть определение обсуждаемого понятия через устойчивый, повторяющийся контекст.

А.А. Локшин, разбившийся в парадоксе Хокинга, считает, что одно из вполне надёжных мыслительных средств, которыми пользуются математики, прямо опирается на существование свободной воли. Это средство –

оператор свободного выбора (не путать с аксиомой выбора), действие которого определяется словами: пусть x – произвольно взятый элемент множества X . (*) Вместо термина “произвольно взятый” употребляются также его синонимы: “некоторый произвольный”, “какой-либо”, “какой-нибудь”). Далее, он приводит пример использования оператора (*) при доказательстве одной из школьных теорем [3, с. 87-88].

Сфера гуманитарного знания, сопротивляясь навязыванию унификации, генетически связанной с естественными науками, пытается выработать нечто подобное в своей области. Таковы попытки, например, структуралистской методологии или методов, связанных с синергетикой. В настоящее время подобные попытки выработки общей, единой методологии, стратегии организации единого знания в сфере гуманитарных наук дублируются ещё несколькими важными обстоятельствами, казалось бы, делающими вопрос о единстве методологии гуманитарного знания предрешённым. Это, прежде всего, общая тенденция к информатизации знания, т.е. общее стремление замены знания (не говоря уже о понимании этого знания) на информацию. Подобная тенденция вызывает унификацию средств носителя информации (электронные носители), а сами операциональные требования научного сообщества к знанию, заставляют это знание унифицироваться.

Литература

1. Баврин И.И. Математика для гуманитариев: Учебник для студ. учреждений высш. проф. образования гуманитарных направлений. – М.: Изд. Центр «Академия», 2011. – 320 с.
2. Лефевр В.А. Алгебра совести. – М.: Когито-Центр, 2002. – 426 с.
3. Локшин А. Свободная воля и математика // Знание – сила. – 2010. – № 3. – С. 86-90.
4. Мудрагей Н. Теория всего и теория познания (онтогносеологические заметки) // Вопросы философии. – 2011. – № 6. – С. 82-92.
5. Пименов Р. Логоцентричность // Истоки. – 2014. – 23 апреля. – № 16. – С. 6.
6. Терегулов Ф.Ш. Теория всего сущего. – Торонто (Канада): Altaspera Publishing, 2012. – 352 с.
7. Леенсон И.А. Эрнест Резерфорд: штрихи к портрету // Химия и жизнь – XXI век. – 2014. – № 2. – С. 64-65.

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Мельник Александр Викторович

Канд. филос. наук, доцент кафедры философии и культурологии, Уральского государственного горного университета, г. Екатеринбург

Протекающие в современных социальных системах информационные процессы характеризуются своей избыточностью. Этим признаком отмечено общество, в котором ключевой ценностью становится информация. Она является ресурсом, во многом определяющим развитие той или иной системы. В контексте усиления роли глобальной информационно-коммуникационной сети обостряется вопрос информационной безопасности социума, осмысление предпосылок которой требует философско-методологического анализа.

Выявление предельных оснований феномена безопасности имеет философский характер. Именно концептуальное мышление создает целостное видение социальных процессов, которое позволяет, в конечном счете, наиболее эффективно управлять последними. Соответственно, философское рассмотрение сущности безопасности и её проявления является не только востребованным, но и необходимым в контексте повышенной рискогенности современного общества.

Безопасность с точки зрения теоретического обоснования является сложным предметом для исследования. Это связано с многомерностью данного феномена, который имеет экологическое, национальное, экономическое, техногенное, военное, энергетическое, личностное измерения. Интегративной предпосылкой здесь выступает гуманистическое начало, определяющее человекообразный характер тематики безопасности. Она является фундаментальной ценностью бытия человека, его сущностной потребностью. В ситуации, когда риск в обществе становится его неотъемлемой частью, проявляющейся порою одновременно в ипостасях угрозы и возможности развития социальных систем, возникает вопрос об онтологическом горизонте безопасности. Выход на этот уровень позволяет осуществить понятийный анализ.

Истоки исследования сущности безопасности наблюдаются на ранних этапах развития философии. Лао-Цзы в своей работе «Дао Дэ Цзин» обращает внимание на значение меры, следование которой убергает человека от опасности. Эта идея восходит к концепции о Великом пределе, являющейся одной из центральных в китайской философии. Созвучной этому выглядит идея срединного пути как необходимого условия безопасности, предложенная Буддой и указывающая на то, что следует избегать, с одной стороны, крайностей аскетизма и необузданности - с другой. Мыслитель Древней Греции Аристотель усматривал сущность безопасности в стремлении к благу, которое невозможно вне государства. Философия стоиков во многом определялась выявлением оснований безопасной жизни. Её предпосылкой, по мнению стоиков, является освобождение от различного рода влияний внешнего мира, и, как следствие этого, возникает спокойное принятие своей судьбы, какой бы она ни была. Само же это освобождение, в свою очередь, происходит на путях духовного развития человека, его самосовершенствования.

В философии эпохи Просвещения нашла своё наиболее яркое проявление общая установка классической философии на обеспечение безопасности человека и общества за счет увеличения власти разума. Его развитие является залогом прогресса и сведения всех возможных рисков к их минимальному значению. В этом плане существует убежденность, что, преодолев собственное невежество через образование, человек станет самостоятельным, а значит, уже способным себя более эффективно защитить. Таким образом происходит формирование условий личной безопасности. Несмотря на то, что в настоящее время радиоцентрическая установка классической философии подвергается критике, всё же в контексте темы безопасности она остаётся определяющей.

Рационалистическим способом осмысления феномена безопасности является системный подход, обеспечивающий целостное её видение. «Безопасность - сложное социальное явление, многоплановое и многогранное в своих структурных составляющих и проявлениях, отражающее противоречивые интересы в отношениях различных социальных субъектов» [1, с. 5]. Онтологическая многоплановость этого феномена усложняется во многом субъективностью позиций оценивающих её субъектов. Множественность взглядов может быть конструктивна в том случае, когда имеется возможность осуществить их синтез на основе универсального подхода. В этом контексте роль философского анализа состоит в том, чтобы выработать такие универсальные позиции.

Понятие безопасности в различных интерпретациях имеет множество значений. К их числу можно отнести следующие: безопасность как защищенность, безопасность как отсутствие опасности, безопасность как

свойство системы, безопасность как деятельность, безопасность как состояние (Рыбалкин Н.Н.), кроме этого, безопасность может быть рассмотрена как ценность (Викторов А.Ш.). Во всех этих случаях в той или иной степени данное понятие соотносится с самим человеком и определяется исходя из его положения в мире. На уровне повседневности наибольшее распространение получило значение безопасности, взятое в контексте защищенности, что, по всей видимости, связано с действием Закона РФ от 05.03.1992 № 2446-1 «О безопасности», где речь идет о защищенности интересов личности, общества и государства от различного рода угроз. Причем объектами защиты становятся права, свободы и ценности субъектов безопасности, каковыми являются граждане, общественные и коммерческие организации и органы власти, осуществляющие свою деятельность согласно закону. Концепция защищенности базируется на идее борьбы с угрозами целостности и сохранности системы. Эта борьба может вестись различными способами: (1) локализация угроз, (2) снижение опасности или устранение источников угроз, (3) адаптация человека к среде, содержащей угрозы его жизнедеятельности. Отмеченные способы выявляют два фундаментальных подхода, обеспечивающих безопасность: борьба с внешними/внутренними угрозами, либо преодоление угроз через развитие внутреннего потенциала системы.

По замечанию Л.В. Астаховой, в настоящее время сложились две парадигмы безопасности: парадигма защищенности и парадигма развития [2]. Содержанием первой парадигмы является определение опасностей и их устранение, которое достигается в борьбе с использованием соответствующих средств. Вторая парадигма делает акцент не столько на борьбе, сколько на развитии внутренних сил субъекта безопасности. В области социальной практики сейчас наблюдается тенденция большей востребованности второй парадигмы, что отразилось в широком использовании в дискурсе понятия «безопасность через развитие». Как представляется, совмещение указанных парадигм - идеи защищенности и идеи развития, оказывается более продуктивным подходом, нежели выбор в пользу той или иной парадигмы. Такой синтез идей формирует более целостное представление о безопасности и способах её достижения.

Следование определенной парадигме безопасности предусматривает выявление границ опасных зон. Возникает важнейший для проблемы безопасности вопрос критерия для различения того, что является опасным и что таковым не является. По мнению Н.Н. Рыбалкина, таким критерием выступает природа вещей [3, с. 36]. Под ней понимаются существенные свойства вещи, определяющие её качественное своеобразие. В соответствии со своей природой выстраивается механизм сохранения и развития вещи, а также выявления положительных и отрицательных воздействий, оказываемых на неё. В случае с выявлением философских предпосылок информационной безопасности современного общества возникает необходимость учета основных его тенденций в информационной сфере.

В рамках научного дискурса переход от общих представлений о безопасности к рассмотрению частных её моментов происходит в таком порядке: от общей теории безопасности к специализированной теории безопасности. В области информационной безопасности общим положением является утверждение о том, что интенсивное развитие информационно-коммуникационных технологий в XX веке породило целый спектр угроз жизнедея-

тельности социума. К числу угроз информационного характера следует отнести: хищение, искажение или уничтожение информации, несанкционированный доступ к информации, блокировка информации, нарушение авторских прав, шпионаж и диверсии и т.д. Каждая из информационных угроз в ситуации стремительного нарастания коммуникационной взаимозависимости мира способна породить тяжелые последствия для любой без исключения подсистемы общества. Информационная глобализация ведет к формированию информационно-коммуникационной сети глобального порядка, стабильное функционирование которой начинает определять уровень развития целых регионов мира. Отсюда возникает пристальное внимание к содержанию информационных потоков и к способам их управления. Информация оказывается таким ресурсом в XXI веке, который способен не только ускорить развитие тех или иных социальных систем, но и вызвать их энтропию и уничтожение. Эффективное разрешение проблемы информационной безопасности предполагает теоретическую интерпретацию.

Понятие «информационная безопасность» имеет неоднозначную трактовку. Так, Л.В. Астахова рассматривает информационную безопасность на личностно-психологическом уровне. «Информационная безопасность – это состояние защищенности субъекта, выражающееся в безопасности информации субъекта и его информационно-психологической безопасности, достигаемое посредством рефлексивного определения и контролирования единства его естественного существования и развития в ходе реализации информационных процессов (создания, передачи, представления, получения, обработки, хранения) как на содержательном, так и на представительном уровнях информации» [2]. Э.М. Брандман концентрирует своё внимание на административно-государственном уровне обеспечения информационной безопасности, понимая под ней «способность государства защитить все сферы общественной жизни, сознание и психику граждан от негативного информационного воздействия, обеспечить субъектов политического и военного руководства данными для успешной модернизации общества и армии, не допустить утечки закрытой, общественно ценной информации и сохранить постоянную готовность к информационному противоборству внутри страны и на мировой арене, способность достижению социальной стабильности и согласия общества» [4, с. 33]. В целях успешного ответа на вызовы информационной глобализации требуется совместное действие органов государственной власти и институтов гражданского общества по обеспечению информационной безопасности. Таким образом, согласованность государства и граждан является тем необходимым базисом, на основе которого возможно преодоление информационных угроз.

Соотнесенность информационной инфраструктуры со сферами жизни общества позволяет структурировать информационную безопасность по этим сферам, а именно: экономической, политической, социокультурной, технологической. В качестве практических критериев информационной безопасности в отношении к каждой из отмеченных областей применимы следующие универсальные параметры: целостность, доступность и конфиденциальность. Под целостностью информации можно понимать сохранение полноты и неизменности данных в процессе хранения и передачи информации. Доступность информации – возможность получения информации субъектом, который имеет к ней право доступа. Конфиденциальность информации – предотвращение несанкционированного доступа к информации. Свою актуальность эти параметры демонстрируют не только на уровне функционирования

информационных систем государственных учреждений, но и на частном пользовательском уровне.

Относительно личностной информационной безопасности особое внимание на себя обращает не столько технико-технологическая безопасность систем, которыми пользуется индивид, сколько его информационно-психологическая безопасность. Она состоит в защите сознания от деструктивного информационно-психологического воздействия различных информационных источников, способных подорвать ценностно-мировоззренческие основания индивида. Само по себе информационное воздействие может быть положительным или отрицательным. Когда речь идет об отрицательном воздействии, то имеется в виду манипуляция сознанием в нужном для манипулятора направлении. Инструментами подобной манипуляции могут выступать PR, реклама, пропаганда, слухи и т.д. Подрыв информационно-психологической безопасности личности угрожает потерей самоидентификации, а именно – разрывом с фундаментальными ценностями, формирующими личность. В этом духе выражает своё представление об онтологической безопасности Э. Гидденс, в частности, понимая под ней: «...конфиденциальность или доверие, которые являют собою природный и социальный миры, включая базовые экзистенциальные параметры самости и социальной идентичности» [5, с. 499]. Под онтологической безопасностью не следует понимать отсутствие опасностей совсем, скорее речь идет об особом их восприятии, при котором индивид имеет психологическую установку на адаптацию. Готовность к изменению является предпосылкой для успешного преодоления возникающих информационных угроз.

Приспособление к новой информационной ситуации индивидом подразумевает не пассивное принятие современных тенденций в данной области, но активное их освоение, «оживание», с выработкой личностной позиции. Она позволит выстроить систему личностной безопасности и способов конструктивного взаимодействия с информационной средой, потенциально содержащей угрозы. Под активным отношением необходимо понимать нацеленность на продуктивную деятельность по преобразованию информационной среды в направлении нивелирования угроз. Следование фундаментальным правилам безопасности служит залогом безопасности самой личности в условиях стремительного расширения и уплотнения информационного пространства.

В контексте современного концептуального рассмотрения проблемы информационной безопасности остается актуальным древнее утверждение о том, что соблюдение меры является условием безопасности. Этот тезис применим в отношении информации и информационных систем. Принцип меры предполагает необходимость соответствия ответа величине информационной угрозы. Именно адекватность защитных действий сохраняет целостность, доступность и конфиденциальность самой информации.

Список литературы

1. Чмыхало А.Ю. Социальная безопасность: Учебное пособие. Томск: Изд-во ТПУ, 2007. - 168 с.
2. Астахова Л.В. Гуманитарная сущность информационной безопасности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pycode.ru/2012/07/the-humanitarian-nature-of-the-information-security>. - Дата доступа: 10.11.2014.
3. Рыбалкин Н.Н. Природа безопасности // Вестник Московского университета. Серия 7. «Философия». 2003. № 5. С. 36–52.
4. Брандман Э.М. Глобализация и информационная безопасность // Философия и общество. 2006. № 1. С. 31–41.
5. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуры. М.: Академический Проспект, 2005. - 528 с.

ЕВРОПА: ЭФЕМЕРНОСТЬ ЗАКАТА ИЛИ СВЕТСКАЯ ЭСХАТОЛОГИЯ

Олешкова А. М.

кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук НТГСПИ (филиал) ФГАОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»

Со времен Освальда Шпенглера, который еще в 1918 г. знаково обозначил конец европейского мира в его старом облике [17], изменилось мало. Экономическая нестабильность, дискуссии о большой войне, расколотасть мироощущения людей своего времени – все то же самое, что «угадывалось» еще в XIX веке в кьеркегоровском и ницшеанском предчувствии и явно «прочитывалось» в работах С. Хантингтона, Ф. Фукуямы, Ж.П.Сартра и других представителей историко-философского и литературно-философского дискурсов XX в. [8, 10, 15, 14, 12].

Ассоциативно многослойный концепт «Европа» отсылает нас к посылкам: Европа – Западная Европа – Запад. Учтем, что название работы Шпенглера с немецкого *Der Untergang des Abendlandes* можно перевести и как «Закат западного мира». В этой связи по-прежнему живуча кабинетная дилемма – соотношение Запада и Востока – затрудняемся предполагать, когда она была действенным инструментом понимания мира. Дихотомия Запад – Восток и фоновое их взаимовосприятие – гносеологически удобная позиция. В реальности все гораздо сложнее, о чем свидетельствует история философии как квинтэссенция самосознания эпохи. Например, между Сократом и Конфуцием (Запад и Восток) схожих идей, системообразующего толка, больше, чем между Лао Цзы и Буддой (Восток и Восток). Достаточно привести в пример общность рассуждений о связи нравственности и интеллекта, с одной стороны, и различия в понимании путей «спасения» – с другой стороны [7. С. 7; 13].

Однако полярность «Запад – Восток» используется для описания специфичности и универсальности обоих феноменов [6]. Стоит признать, что, если не чаще, то во всяком случае заметнее дискутируют на тему «смерти» именно Запада [1], хотя существуют и вполне оптимистичные настроения [9]. Безусловно, второе десятилетие XXI в. для всего мира наполнено глубоко парадоксальными и непредсказуемыми (для обывателя) и непрогнозируемыми (для ученого) событиями, настолько таковыми, что, пожалуй, в этой парадоксальности и заключена гармония современности. В этом смысле очевидно, что в политическом отношении нет и не может быть вечных союзов и коалиций. Показательны процессы, происходящие в недрах и на периферии Евросоюза, вскрывающие настроения т. н. евроскептицизма [2]. Сегодня, кажется, что единое европейское пространство существует лишь в прозаичной нормативно-правовой сфере, а такие феномены как европейская культура, классическая музыка, литература, философия, искусство, религия составляют книжный образ единой Европы. Тем не менее, метафору «закат Европы» необходимо трактовать не через процессы упадка и гибели, а через категории обновления и изменения.

В академических кругах актуальным является вопрос об общих европейских ценностях как комплексном феномене, включающем мировоззрение, общность интересов, исторический контекст. С эпохи средневековья закончилось доминирование религии в ценностной сфере как в приватном, так и публичном измерениях. При этом, как показал XX век, механизм секуляризации оказался слишком прямолинейным ответом на новые социокультурные вызовы.

В ноябре 2014 г. римский папа Франциск I выступил перед Европарламентом впервые со времен речи папы Иоанна Павла II [4]. В монологе понтифика Европа характеризовалась как «постаревшая» и «куставшая». «Старушка», «бабушка» – метафоры, широко используемые с разными смысловыми акцентами для описания состояния современной Европы.

Позиция католицизма симптоматична и полна конструктивного пессимизма относительно потери Европой исторической связи с трансцендентией, поскольку, с религиозной точки зрения, именно христианская культура обладала мощным интеграционным и системообразующим потенциалом для европейских государств. При этом тренд на постсекулярность, фиксируемый в современном мире, – феномен, требующий при анализе отхода от линейного восприятия.

С одной стороны, число религиозных адептов, регулярно посещающих храмы, снижается, с другой – существует целый набор разнопорядковых критериев: конфессиональная принадлежность, соблюдение ритуалов, наконец, вера как сложно схватываемая категория – в совокупности эти и иные проявления религиозности слишком механически фиксируют духовное измерение и, одновременно, демонстрируют неоднородность Запада, для которого характерны секулярность и постсекулярность, традиционный консерватизм и нормативная поддержка христианской морали.

Статистические данные [3, 5, 16], во-первых, отражают сложную ситуацию в вопросах оценки степени религиозности современных обществ, во-вторых, свидетельствует, как минимум, о разнонаправленных, противоречивых процессах. Европа не монолит как в культурном, так и в политическом отношении, поэтому сегодня фиксируется и спад, и, напротив, повышенное внимание религиозным чувствам.

С эпохи зарождения протестантизма начинается процесс индивидуализации христианской веры, что не свидетельствует об охлаждении к религиозной сфере, скорее, говорит о трансформации исторических условий, общества, в целом, и отдельных его секторов, в частности.

В самой столетней постановке вопроса О. Шпенглера кроется бессилие такого вопрошания. Ценностная шкала Европы определялась христианством в течение нескольких веков. Восприятие христианства как «души» (метафора папы Франциска) и «корней» (метафора папы Бенедикта XVI) Европы [11] отражает исторически состоявшуюся идею общеевропейского мировоззрения, однако сегодня стоит констатировать ее отсутствие в формате прошлого. Франциск охарактеризовал духовную сущность Европы как балансирующую между идеями Аристотеля и Платона. Сложно сказать, нужен ли современной Европе мир эйдосов, и насколько уместен этот вопрос. Не закончилось ли историческое пребывание Европы между земным и небесным естественным витком масскульта, когда сама религия может стать таким масскультом. Ведь можно рассуждать и так, что в полном смысле слова христианство может претендовать на мэйн-стрим (в этом контексте данный термин вполне оправдан) в том числе в формате культуры одного дня, заключенного в коммерческой стороне католического рождества.

Мировоззренческие основы таких глобальных институций как Римско-католическая церковь, Европейский союз риторически ориентируют современные государства и общества на следование принципу антропоцентризма и соблюдение гуманистических идеалов. Однако современный мир трактуется представителями научного сообщества, публицистами и обывателями в деструктивных категориях, прежде всего через понятие «кризис». Общество охвачено страхами, многие из которых вербализованы и отрефлексированы, другие – очевидны, прежде всего, в теории, но все вместе они представляют панораму подавленной, но плохо забытой паранойи, своего рода фантома XX века.

Истоки любого академического вопроса можно отыскать в античном и древневосточном наследии. Поиск «золотого века» – черта, характерная еще для архаичных обществ. Но если для светского коллективного сознания (политических идеологий, философских концепций, этических теорий) и индивидуального (на уровне поколений, восприятие «отцами» «детей») свойственно искать лучшие времена в прошлом, то для религиозного – конструировать его на базе представлений о будущем. При этом оба мироощущения (условно «светское» и условно «религиозное») объединены страхом / смирением перед разрушением сегодняшнего мира. Эсхатологические ожидания неверующего, пожалуй, более драматичны, ибо не имеют ни сущностного, ни «протокольного» катарсиса (мы знаем, что старый мир падет, но потом будет 1, 2, 3 и т.д.).

Война как признак скорой смерти цивилизации и тогда, и сегодня волнует общественность и позволяет вести дискуссии о закономерностях исторического бытия, исторических циклах. Сегодня, в эпоху буквального восприятия и метафорического транслирования угроза мировой катастрофы рисуется в сравнении с новыми версиями войны: холодной, экономической, информационной. По сути, все страхи современного человека вскрывают то, за что Европа должна была «закатиться» еще сто лет назад, прежде всего – за избыточную материальность. Экономически сложная ситуация обостряет проблему денег, еды, вещей — одним словом, материи. Какое место в этом перечне занимает духовность, прежде всего, религия, а именно христианство, и занимает ли – очень важный, но, как мы видим, сложный вопрос.

Понтифик говорил, действительно, об актуальных проблемах развития современной Европы: социальном неравенстве, миграции, изменении состава европейского пространства, проблеме неприятия «старыми» участниками Европейского союза «новых». При этом важно, что Франциск затронул в своем выступлении и проблемы экзистенциального одиночества, определив его и как следствие указанных социально-политических и социально-экономических процессов.

Человек XXI века аксиологически реструктурирован, вслед за М. Вебером, скажем, что он «расколдован», но и «околдован» вновь. Изменение условий, оценок, правил приводят к неизбежной модификации ценностной сферы, которая, во-первых, по определению, не исключает религиозность, пусть даже в качестве культурного рефлекса, во-вторых, в условиях роста фобий, проявлений хаоса непонятного и поэтому угрожающего мира человеческой экзистенции свойственна не только бытовая и стихийная религиозность, но и более укорененное (что, однако, не значит более рефлексируемое) желание сопричастия с чем-либо.

Исторические параллели, которые являются привлекательными для понимания сегодняшнего дня, могут

оказаться иллюзиями. У истории нет прививки прецедентом. Повторения могут быть столь очевидны, что в них теряются новые феномены, и, напротив, настолько неожиданными, что с трудом угадывается не столь далекое прошлое. Возможно, в современных дискуссиях об очередном европейском закате мы упускаем то, что модернизация Старого света стартовала раньше аналогичных процессов на других континентах, возможно, на ее примере мы наблюдаем то, что в той или иной концентрации будет присутствовать или уже наличествует в генезисе других культур.

Литература

1. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада: Пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ, 2003. – 444 с.
2. Валуев А.В. «Евроскептицизм» в политическом развитии Великобритании и Европейского союза: новые горизонты и традиционные стереотипы (2010 – 2013 ГГ.) [Электронный ресурс] режим доступа: <http://oaji.net/articles/245-1393740550.pdf> (дата обращения: 28.12.2014).
3. Древо. Открытая православная энциклопедия. Статистика [Электронный ресурс]: режим доступа: <http://drevo-info.ru> (дата обращения: 28.12.2014).
4. «Европа должна вновь обрести свою душу»: Папа Франциск выступил в Европарламенте // Рускаталик.рф [Электронный ресурс]: режим доступа: <http://рускаталик.рф/evropa-dolzha-vnov-obresti-svoyu-dushu-papa-frantsisk-vyistupil-v-evroparlamente/> (дата обращения: 28.12.2014).
5. Исследование Gallup International: Мир становится менее религиозным [Электронный ресурс]: режим доступа: <http://gtmarket.ru/news/2012/08/02/4743> (дата обращения: 28.12.2014).
6. Колесников А. С. Философская компаративистика: Восток—Запад: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. – 390 с.
7. Конфуцианский трактат «Чжун юн»: Переводы и исследования / Сост. А.Е. Лукьянов; Отв. ред. М.Л. Титаренко. М.: Вост. лит., 2003. – 247 с.
8. Кьеркегор С. Страх и трепет / Пер. С дат. Н.В. Исаевой, С.А. Исаева. М.: Академический Проект, 2011. – 154 с.
9. Леонард М. XXI век – век Европы / пер.с англ. Т. Банкетовой. М.: АСТ, 2006. – 250 с.
10. Ницше Ф. Антихрист. Проклятие христианству [Электронный ресурс] режим доступа: <http://philosophy.ru/library/nietzsche/antichrist.html> (дата обращения 28.12.2014).
11. Рождество, христианство, новые мифы. Проект Европа // Радио свобода [Электронный ресурс] режим доступа: http://www.svoboda.org/archive/podcast_europe/latest/896/16369.html (дата общения: 24.12.2014).
12. Сартр Ж. П. Тошнота: роман. М.: АСТ, 2014. – 317 с.
13. Торчинов Е. А. Даосизм. Опыт историко-религиоведческого описания [Электронный ресурс] режим доступа: <http://abhidharma.ru/A/Dao/0004.pdf> (дата обращения: 28.12.2014).
14. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2010. – 584 с.
15. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. – 576 с.
16. Число христиан уменьшилось в Европе, но возросло в Африке и Азии [Электронный ресурс]: режим доступа: <http://www.cnlnews.tv-/2011/12/27/-christianity> (дата обращения: 28.12.2014).
17. Шпенглер О. Закат Европы. В 2х томах. М.: Мысль, 1998. – 1280 с.

О ПЕРФОРМАТИВНОМ ПОДХОДЕ К ИСКУССТВУ

Прозерский Вадим Викторович

доктор философских наук, профессор кафедры эстетики и философии культуры Санкт-Петербургского государственного университета г. Санкт-Петербург

В настоящее время, когда в эстетике происходит обновление категориального и методологического аппарата, в семиотических исследованиях искусства наблюдается стремление расширить возможности семиотического анализа. Назрела необходимость сделать шаг в сторону распространения семиотического дискурса на телесные практики. Осуществление такого шага может произойти, если включить в семиотику искусства концепт перформативности.

Понятие перформативности (от английского слова *perform* – действовать, исполнять) ввел в науку Джон Остин.[14] Его идея заключалась в том, что язык обладает не только коммуникативно-информирующими способностями, но и способностью осуществлять действия. Такие высказывания, как «клянусь», «приветствую вас», «прошу прощения», «каюсь», «нарекаю вас мужем и женой» и т.п. не только описывают совершаемые при этом действия, но сами являются социальными действиями

Надо обратить внимание на такую особенность перформативных высказываний. Если они не только обозначают действие, но сами становятся обозначенным действием, значит, перформативные слова представляют собой авторефлексивные, или автономные[6], или нетранзитивные знаки.[13] Такие знаки, обладающие двойной валидностью, – вербальной и невербальной, имеет смысл относить не к области семиотики, а метасемиотики. Слова, выскользнувшие из области семиотики в метасемиотику, уподобляются, в таком случае, действиям-жестам, в которых человек выражает себя целостно. Неважно, каким конкретно образом может быть совершен жест: рукой ли, телодвижением, голосом, главное – в том, что жест не отрывается от своего телесного воплощения, от фактуры и энергетики своего носителя (тела или голоса). Этим он коренным образом отличен от знака, у которого связь означающего и означаемого (по Ф. Соссюру) произвольна. Жест сохраняет причастность и к бытию, и к коммуникации; такое его среднее положение между предметностью и выражением делает его самого по себе формой и выражением одновременно, то есть выразительной формой.

Нет ничего удивительного в том, что перформативными искусствами обычно называют сценические (драматические и музыкальные) искусства. Мы же постараемся показать, что и те искусства, которые существуют в культуре в виде артефактов – графика, живопись, скульптура, прикладное искусство, архитектура, именуемые «пространственными», – тоже обладают перформативностью.

Обратившись к первофеномену (*Urphaenomen*, как называл праформу явлений природы и культуры И. Гете) художественной деятельности, мы обнаружим, что в эпоху архаики (доцивилизационный и раннецивилизационный этапы развития человечества) присутствовал перформативный подход ко всему миру культуры, в том числе – архитектуре и миру вещей. Будем исходить из того, что архитектура и мир вещей – единственные оставшиеся от эпохи бесписьменной культуры знаки и «тексты», которые могут дать информацию о модусе жизни того времени. Попробуем осуществить их расшифровку, опираясь на труды известных археологов, историков, культурологов.[4], [7], [12] То, что мышление на ранних

этапах развития человечества имело комплексный, диффузный, синкретический характер, установлено в науке давно. Соответственно, язык, как носитель сознания, представлял собой многомерное телесное действие, в котором звук не отделялся от жеста. «Самое слово было первоначально языковым жестом, компонентом сложного общетелесного жеста, причем жест мы понимаем здесь широко, включая сюда мимику как жестикуляцию лица». [2, с. 71] Аудиовизуальный жест, служил главным коммуникативным средством в ритуале, разворачивающемся в пространстве/времени (хронотопе, или топохроне).

В древнейшей архитектуре можно увидеть «каменный осадок», след ритуальных действий, совершавшихся на определенной территории. Шествия, ритуально-танцевальные движения коллективного тела в магическом плане воспроизводили жизнь космоса, но реально структурировали мир в том порядке, какой нужен был для поддержания жизни племени. Подобно тому, как прихотливо изогнутые берега реки отражают энергетику водного потока, так каменные лабиринты, стоунхенджи, кромлехи, менгиры и другие загадочные сооружения неолитической поры представляют собой окаменевшие следы шествий и других ритуальных форм, направленных на поддержание племенного (в сознании племени – космического) порядка. Поэтому архитектура не только «застывшая музыка», как принято поэтично ее называть, но и «застывший ритуал», или «стереометрическая запись» ритуала, дешифровка которого дает понимание того, как были организованы эти действия.

Первичными можно считать ритуалы, носящие космический характер, то есть воспроизводящие рождение космоса и его бесконечную борьбу с хаосом. Излюбленным действием было круговое шествие, изображавшее круговую путь Солнца, что создавало ощущение причастности всех участников к Солнцу-Богу.[10]

Утопанный путь – это след шествия, дорога, ведущая к святилищу. Змеевидный путь, обвивающий святилище, образует лабиринт. Ворота, через которые проходит шествие – граница миров профанного и сакрального, зачастую трактуемого как потусторонний. Отсюда рождается оставшаяся на века магическая значимость таких рубежей внутреннего и внешнего миров, как порог, двери, ворота. Ритмические движения участников шествия – прообраз марша; сложный рисунок ритмизированного ритуального действия – прообраз танца. Разбивка площади, где они происходят, ритмический порядок расстановки столбов (предшественников колонн), отграничивающих священное пространство от мирского, создает архитектурный прообраз храма и будущего города, сосредотачивающего в себе функции священного места.[4, с.165-179]

Обращаясь к характеру бытования вещей в древности, необходимо отметить главную особенность того состояния, в котором пребывала вещь. В отличие от привычного современного разделения утилитарного и эстетического подходов к вещи в зависимости от того, созерцаем ли мы ее (эстетическое отношение) или функционально используем (утилитарное, неэстетическое отношение), изначально синкретическое ритуально-мифологическое общение с вещью было многомерно и полисенсорно.

Вещь в совершении ритуала не могла быть просто объектом созерцания — она всегда была вовлечена в действие, фигурировала как активно действующий персонаж наряду с людьми, их жестами и словами, (а слова тоже воспринимались как действия).

Первые знаки, наносимые на тела и вещи, появились еще в древнейшую эпоху тотемизма, они отмечали их принадлежность к одному тотему. Так рождался орнамент, первоначально представлявший собой свободно изливающийся на любые поверхности поток бессознательного, своего рода ритуальный танец знаков, письмо с потерянными для нас кодами. Подлинного своего расцвета искусство орнамента достигает в эпоху мезолита и неолита. В сознании людей того времени принцип диффузности мышления, где все тождественно всему, еще не утратил своих полномочий. Но теперь сама тождественность начинает осознаваться по-другому, не буквально, а в символическом плане и может поддерживаться знаками, наносимыми на тело вещи. Наступает эпоха безудержной орнаментации; орнаментальные узоры покрывают все поверхности вещей новокаменного и бронзового века, и чем более специализируется вещь, тем более она должна быть покрыта символическими письменами, выводящими ее из единичности во всеобщность. Человек выражал свои чувства, выводил их вовне, придавая им образность, где образы сновидческой реальности переплетались с реальностью практического опыта.[5]

Можно полагать, что визуальная коммуникация — изображения на стенах пещер верхнего палеолита и мезолита, рисунки на поверхности вещей из кости и камня, а также на керамических сосудах — не что иное, как следы действий (жестов), миметических (изобразительных) и выразительных одновременно, их фиксация в твердом материале. Из первоначальных чисто моторных экспрессивных жестов (так называемые «макарены», — линии и борозды, проведенные пальцами рук по влажной глине и потом затвердевшие) постепенно вырисовывались зрительные образы, фиксировавшие то, что было наиболее важным для существования, то, что станет впоследствии изображением сакральных тем и мотивов.

Первым из отечественных исследователей, указавшим на происхождение графики, живописи, скульптуры из жестов художника, был П.Флоренский. Флоренский находил общий корень этих искусств в организации пространства, считая, что основным средством взаимодействия человека с пространством является жест. Флоренский утверждал: «наступление на мир всегда есть жест, большой или малый, напряженный или неуловимый, а жест мыслится как линия, как направление».[8, с.329] Отсюда следует, что графика — это система жестов, закрепление которых зависит от инструментов, используемых художником. «Если в руке карандаш, то жест записывается карандашной линией, если штихель, то вырезывается, если игла, то выцарапывается. Но каков бы ни был способ записи жеста, суть дела всегда в одном — в линейности»[8, с.330]

Иного характера действия живописца. Живопись строится касаниями, наложениями цветовых пятен, и взаимоотношения живописца с миром иное, чем у графика. Если график наступает на мир, вторгается в него, то живописец, как считает Флоренский, показывает скорее, как наступает мир на него. Отдельные моменты этого пассивного восприятия мира даются касаниями, прикосновениями. В результате возникает «пассивное пространство», которое строится осязанием. (Осязание Флоренский называет «активной пассивностью» в отношении мира). Цветовые пятна, строящие форму, — это следы касаний

кистью живописной поверхности. Художник как будто осязает мир, и его картина представляет собой отпечаток «активной пассивности». Переходя к искусству вааяния, Флоренский различает в нем скульптуру и пластику. Скульптура ближе к графике, а пластика — к живописи. «Скульптурное произведение — это запись широких движений режущего или отбивающего орудия, а произведения пластики представляются записью прикосновений».[8, с.334]

Подход Флоренского к изобразительным искусствам, как способам телесного взаимодействия с миром, был продолжен и развит А.Г.Габричевским и Б.Р.Виппером.

А.Г.Габричевский писал о том, что процесс восприятия живописи есть воссоздание «индивидуального жеста трехмерной руки творца, как жест, исчерпавшийся и запечатлевшийся во всей своей выразительной полноте».[3, с.224] Изобразительное искусство, в сферу которого Габричевский включал и архитектуру, он называл «начертательными искусствами». Линия, черта, пятно «несут не только орнамент и изобразительные функции, но и функции чисто выразительные (экспрессивные), поскольку и контур и штрих и пятно воспроизводятся как элементы почерка, выражающего жест художника».[3, с.224]

Дальнейшее развитие теория архитектуры в русле жестовой практики получила у Б.Р. Виппера. Он обращает внимание на то, что архитектура — синтетическое искусство, создаваемое с расчетом воздействовать как на зрительное впечатление, так и на другие ощущения реципиента — аудиальные, тактильные, кинестетические. В форме архитектурной оболочки отпечатывается человеческая активность, которая разворачивается внутри здания.[1]

В искусствах «запечатленного жеста» художник, как правило, сам является и автором замысла и его исполнителем. Причем исполнение совершается не публично, а в тиши мастерской. На суд зрителей картина выносится тогда, когда она исполнена; тем не менее, в настоящее время происходит сближение между собственно перформативными сценическими искусствами и искусствами, перформативность которых скрыта от глаз зрителей, получающих для обозрения только арт-объект — своеобразную запись исполнения в виде графического листа, живописного полотна, статуи или инсталляции. Принято говорить о том, что общественный интерес сместился с готового произведения на процесс его создания. Одним из первых, кто готов был превратить свою мастерскую в зрительный зал или киноателье был создатель «живописи действия» (action painting) Джексон Поллок. Действительно, смотреть заснятые на пленку его сеансы манипулирования коробками с красками, которые он неистово выплескивает на расстеленный на полу холст, гораздо интереснее, чем на красочный хаос, оставшийся на холсте в виде следов яростных атак на него художника.

Следующими фигурами в этом ряду можно назвать Аллана Капроу, а также Ива Кляйна, полотна которого представляли собой отпечатки выпачканной в краске женской природы, а весь интерес сосредотачивался именно на самом процессе, а не на том, что осталось от него. Нельзя не вспомнить в этой связи и «Фабрику» Энди Уорхола, студию художника, превращенную в подобие многолюдного клуба. Демонстрационным характером обладают такие направления современного искусства, как «акционизм» и «актуальное искусство».

Итак, мы установили, что способом бытия как сценических искусств, называемых временными, так и искусств, именуемых пространственными, является исполнение в пространстве и времени. Но в сценических

искусствах исполнение происходит прямо перед глазами зрителя и увлекает его, а в искусствах «скрытой перформативности» реципиент сам должен проявить активность, чтобы погрузиться в творческий процесс, запись которого представлена ему для соучастия в нем. А это значит, что полотно становится картиной, бронзовая отливка или конфигурация мраморной глыбы - произведением скульптуры только тогда, когда зритель начинает совершать процесс сотворчества с автором-исполнителем данного произведения.

Литература

1. Виппер Б.Р. Введение в историческое изучение искусства. М.: Изобразительное искусство. 1985
2. Волошинов В. Философия и социология гуманитарных наук/Аста-Пресс LTD СПб.: 1995
3. Габричевский А.Г. Морфология искусства. М.: Аграф. 2002.
4. Иванов Вяч.Вс. К семиотическому изучению культурной истории большого города. // Иванов Вяч.Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 4: Знаковые системы культуры, искусства и науки. - М.: Языки славянских культур, 2007.
5. Мамфорд Л. Миф машины. М.: Логос - 2001
6. Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства. М.: Искусство 1994
7. Топоров В.Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988
8. Флоренский П. Анализ пространства в художественно-изобразительных произведениях. // Флоренский П. Иконостас СПб.: Мифрил. Русская книга 1993.
9. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт 1997
10. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М.: Издательская фирма Восточная литература РАН. 1998
11. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. Симпозиум., 2004
12. Элиаде М. Космос и история. Избранные работы. М.: Прогресс 1987
13. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика. // Структурализм: "за" и "против". М., 1975
14. Austin J. How to do Things with Words: The William James Lectures delivered at Harvard University. Oxford: Clarendon Press 1962

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ИДЕАЛЫ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОЙ СРЕДЫ

Самылов Олег Валерьевич

доцент, кандидат философских наук, Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, Санкт-Петербург

Симоненко Татьяна Ивановна

доцент, кандидат философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Попытки современных ученых построить непротиворечивую концепцию образования, включающую новые идеи и современные подходы к образованию и учитывающую традиционные его ценности, актуализируют проблему толерантности, поскольку определить контуры образовательного идеала, столь необходимого для формирования парадигмы образования, возможно лишь в случае исследования взаимовлияния социальной среды и образования, согласования ценностей образования и самого общества. Ведь образовательная среда – это те условия, в рамках которых осуществляется целенаправленная образовательная деятельность, но в то же время и результат этой самой деятельности. Отсюда весьма важным является понимание места и значения толерантности как одной из характеристик общественных отношений.

Тема толерантности весьма популярна в последнее десятилетие как в ненаучном (упоминание в средствах массовой информации, например), так и в научном дискурсе: книги, статьи, конференции, круглые столы, форумы, посвященные этой проблеме, многочисленны и представительны. Сам термин «толерантность», как известно, до недавних пор употреблялся исключительно в медико-биологическом смысле. Толерантность понималась как некая способность организмов противостоять отклонениям среды от оптимальных для них факторов существования. Однако в последнее время обсуждение этой некогда узконаучной темы стало атрибутом процесса социальной рефлексии и конструирования новых стереотипов общественного сознания. Современное понимание проблемы толерантности более всего имеет оттенок

межэтнический и межкультурный. Нам предлагается быть терпимыми к новым культурным, субкультурным и этническим реалиям, инновациям, тенденциям и пр., т.е. всему тому, что в принципе разрушает наш привычный, традиционный мир с его ценностями и принципами функционирования и имеет прямое отношение к всемирному глобализационному процессу – объединению мира под эгидой демократии, плюрализма и либерализма.

В «Декларации принципов толерантности», утвержденной резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года в Париже и подписанной 185 государствами членами ЮНЕСКО, включая и Россию, толерантность определяется как «уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. Толерантность – это гармония в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая и правовая потребность. Толерантность – это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира» [1, с. 91]. Толерантным является признание демократии как основания, на базе которого только и возможно культивирование толерантности. То есть наряду с декларированием плюрализма и поликультурности явственно прослеживается попытка эту самую поликультурность и социальную многовариантность фактически устранить. Как известно, традиционные общества были сильны идеологическим, социальным и религиозным единством и, как

только это единство оказывалось разрушенным, разрушалось и основание, на котором оно зиждилось. Исторические примеры – Византийская империя, Российская империя, Советский Союз. Единство в многообразии предполагает объединение вокруг некоего общего основания, которым очерчиваются границы толерантности и, если оно исчезает, то плюрализм оборачивается вседозволенностью и безответственностью.

Весьма существенным является и религиозно-идеологический аспект толерантности (исторически в западно-европейском сознании толерантность понималась главным образом как веротерпимость). В период буржуазной революции XVII века в Англии Джон Солтмарш провозгласил равенство религиозных убеждений как основу для умиротворения общества. Идея толерантности в том историческом контексте стала успешным оружием борьбы с традиционными феодальными устоями. Век Просвещения (XVIII), «век разума», придал развитию идеи религиозной толерантности новый импульс. Признание возможности трансцендентного Бога (деизм) и сведение религиозности исключительно к личному благочестию (пиетизм) приводит в дальнейшем и к полной утрате самой идеи Бога, к вольнодумству и атеизму. Философский рационализм просветителей стал методологическим основанием толерантности как принципа нравственного поведения. Фиксация общего универсального разума (закона) подразумевает безусловное подчинение этому закону. Но отметим здесь, что пиетистская элиминация Бога из области практической нравственности делает возможным моральному субъекту рассматривать максимы своего поведения как универсальные. Высший нравственный субъект (Бог) в земном развертывании пределов нравственного поведения в этом случае не востребуется, остается субъект (человек) в его неограниченном субъективном волеии. Поэтому не случайно толерантность в ее хрестоматийном определении, означающем терпимость к иному (иной вере, идеологии, чужому мнению, образу жизни, поведению, обычаям и т. д.), на практике зачастую подменяется пренебрежением, беспринципностью, равнодушием или лицемерием.

Наличие тонкой границы, за пределами которой явления, обозначаемые изначально как толерантные, т. е. терпимые, предполагающие уважение и принятие, превращаются в отношении отчуждения и даже вражды, требует уточнение самого понятия толерантности. Такого рода исследования осуществляются в современной отечественной философии. Так, например, В.А. Лекторский пишет о существовании как минимум четырех возможных способов понимания толерантности [3]: «толерантность как безразличие» (наличие религиозных взглядов, различных культурных ценностей, особенных этнических убеждений, в целом, всех тех мнений, истинность которых никогда не может быть доказана); «толерантность как невозможность взаимопонимания» (абстрактное уважение к другому, которого невозможно понять); «толерантность как снисхождение» (отношение к другим культурам как более слабым на основе приоритетной оценки собственной); «терпимость как расширение собственного опыта и критический диалог» (уважение чужой позиции, способность изменять свою точку зрения). Последнее понимание, с точки зрения автора данной классификации, является наиболее предпочтительным для настоящего времени. Можно согласиться с такой точкой зрения, дополнив данный анализ морально-этическим аспектом как важнейшим критерием разумно осознанной идеи терпимости. Ведь моральный релятивизм толерантного поведения порождает разрушение изначально заданной максимы поведения, ни-

зводя эту максиму до уровня простой фикции. Абстрактная терпимость к другому, чужому здесь может простирается до «дурной бесконечности» (в гегелевском смысле, как лишенная всякого смысла количественность). Последовательное развертывание принципа толерантности вне нравственного самоопределения субъекта приводит к потере им своей самости, т. е. всех тех качеств, которые придают ему определенность и границы. Если говорить об обществе в целом, то социально-политической принцип толерантности, часто трактуемый его проводниками-адептами как нескритичность к инновациям, воплощается в подозрительное отношение ко всему консервативному, традиционному, в частности, к попыткам придания обществу развитию внятные идеологические контуры, основанные на традиционном духовном основании национальной культуры. Такого рода толерантность деструктивна, она действует отнюдь не в интересах национальной консолидации и грядущего социального возрождения. Общество, лишенное почвы, духовной опоры, находится в состоянии дезориентации и разрушительного срыва. Не является ли так часто декларируемая свобода от традиционных жизненных устоев и духовных ориентиров на самом деле тотальной зависимостью от перемен и новообразований? Ответ здесь очевиден: повышение способности индивида адаптироваться к непрерывно меняющимся условиям не только не отменяет необходимость следования традиционным, укоренившимся нормам, но и напротив, предполагает ее. С тем, чтобы человек мог быть действительно адаптирован к миру в условиях его глобальных и скоротечных изменений, должны быть сохранены общезначимые человеческие ценности и нормы, реализуемые в обществе в национальной форме культуры.

В контексте обсуждения проблемы толерантности, ориентирующей исследователя на специфику и направленность социального развития, становится важным обозначить основные черты образовательного идеала, не только выражающего эту направленность, но и формирующего ее. Эта тема была актуальна во все времена. Можно вспомнить дискуссионные выступления философов, педагогов и общественных деятелей России XIX века, озабоченных поиском и формулировкой содержания образовательного идеала (Л.Н. Толстой, Н.Ф. Бунаков, К.Д. Ушинский, П.Ф. Каптерев, К.П. Победоносцев и др.). Так, например, П.Ф. Каптерев отмечает, что образовательный идеал (принцип «идеалосообразности») с необходимостью предполагает определение идеалов и ценностей образования в их отношении с социальной реальностью, что приводит его к мысли об идеале как выражении национального самосознания. «Мы понимаем национальность как особый физический и психический тип, как особое самостоятельное мировоззрение, оригинальный взгляд на жизнь, на науку, на искусство. Особо умственные и сердечные наклонности и пр., которые различны, но не противоречивы, побуждают к гармонии, к взаимному восполнению, к духовной соединенной работе» [2, с. 12]. Идеал образования не только нормативен, он действителен, целенаправлен, он является инструментом преобразования человека и общества и критерием эффективности его развития. Поэтому введение в его содержание не принципа толерантности в его абстрактном воплощении как терпимости, а общечеловеческих оснований человеческих отношений, приобретающих более полное содержание, действенную силу и жизненный смысл в условиях своеобразия и уникальности определенной культуры, становится необходимым и неотложным. В контексте толерантности в ее распространенном понимании и происходят резкие

изменения в образовательной сфере, ломка традиционного и устоявшегося, что является свидетельством, скорее, невыверенности (или даже отсутствия) образовательного идеала (а значит и образовательной парадигмы), четких представлений о ее целях и разрушительных для человека и общества последствиях. Одним из необходимых составляющих системы формирования современной образовательной парадигмы, на основании которой только и можно производить определенные изменения в этой области, является бережное отношение к традициям (в том числе и в сфере конституирования образовательной реальности) и духовному наследию, воспроизведение и сохранение в образовании своеобразия и уникальности отечественной культуры, культивирование традиционных, социально значимых ценностей, отображенных в особенностях социального-нравственного, религиозного, культурного и психологического опыта народа.

Идея толерантности, играющая в ее практическом воплощении разрушительную роль в отношении культивирования и сохранения традиционных, национально-культурных ценностей, имеющих значение фундамента для построения образовательной сферы, приводит к утрате социальных ценностей к дальнейшему падению страны в хаос и кризисы. Социальные результаты торжества толерантности в таком ее преломлении уже сегодня в нашей стране могут быть продемонстрированы как отсутствие

ярко выраженных национальных ориентиров при постепенной утрате государствообразующим русским народом своего имперского самосознания, росту автаркических тенденций, агрессивным национальным настроениям, проявлениям ксенофобии. Образованный человек, безусловно, должен быть и знающим, и умеющим, и терпимым (толерантным), и понимающим других людей, и ориентирующимся в изменяющихся условиях жизни и т. д., но все эти качества, безусловно, содержательно относящиеся к идеалу образования, недействительны и безжизненны, если они не базируются на духовном основании общечеловеческих ценностей, воплощенных в культурно-национальной форме.

Список литературы

1. Декларация принципов толерантности. Утверждена резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года // Век толерантности: Научно-публицистический вестник. – М.: МГУ, 2001. – 152 с.
2. Каптерев П.Ф. Избранные педагогические сочинения / Под ред А.М. Арсеньева. – М.: Педагогика, 1982. – 704 с.
3. Лекторский В.А. О толерантности, плюрализме и критицизме // Вопросы философии. – 1997. № 11. – С. 46–54.

НОВАЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭТИКА ЭМПАТИИ, СОЧУВСТВИЯ

Тетиор Александр Никанорович

Доктор техн. наук, профессор РГАУ - МСХА им. К.А. Тимирязева, Москва

Гуманизация, экологизация мышления человека в его отношении к природной среде развивается во многих направлениях, в широком поле – от самых «мягких» идей экологизации, не требующих крупных и принципиальных изменений в мышлении и деятельности, и до наиболее радикальных, обращающих внимание на невежественность и самонадеянность человечества и призывающих снизить потребление [1-3]. В этой множественности экологических этик присутствуют крайние этики. С одной стороны — это прагматическая этика, поддерживающая непрерывный рост удовлетворения потребностей и непрерывное технологическое развитие, и возлагающая надежды на технологическое решение всех экологических проблем, при постепенном применении все более экономичных и экологических технологий. Прагматическая этика интересна тем, что она опирается на реальное состояние мышления и экономики. Она не требует быстрого и потому нереального духовного совершенствования человечества. Она удовлетворяется теми реальными людьми с их множеством достоинств и недостатков, которые живут в настоящее время, и будут жить в обозримом будущем. Вместе с тем она поддерживает реальные экологические действия (например, очистку Великих озер в США, или очистку Рейна в ФРГ).

С другой крайней стороны располагаются радикальные экологические этики, основанные на эгоцентризме, биоцентризме, глубокой (глубинной) экологии. Эти этики требуют быстрых и принципиальных изменений отношения человека к природе, в первую очередь основанных на отказе от удовлетворения растущих потребностей, которое, как известно, является основным стимулом развития человечества. В то же время число и степень сложности

удовлетворения этих потребностей растут поистине лавинообразно: каждый технологический прорыв (такой, как изобретение персональных компьютеров, виртуального мира и сети Интернет) влечет за собой сотни новых, неизвестных ранее потребностей. Между тем мозг человека является наиболее консервативным органом, включающим в себя новую кору и более древние слои, и подверженным только медленным эволюционным изменениям.

По мере развития человечества и технологических прорывов наблюдается рост многообразия негативных воздействий на природу, параллельный росту технического разнообразия [2]. Каждому направлению совершенствования, развития (лицевая сторона медали) соответствует и неэтичное направление (обратная сторона). Многообразие негативных воздействий, их количество и степень опасности для природы и человека неуклонно растут. Исследователями предлагается гуманизация отношения к природе путем переориентации потребностей, экологизации мышления и замещения негативных и греховных потребностей этичными, добродетельными. Но, если исходить из предполагаемой схемы разветвления при эволюции и бинарной множественности, такое сокращение невозможно: нельзя создать медаль с одной стороной, однополярное развитие нереально [2]. Человек должен понять и принять необходимость не только всего прекрасного, добродетельного, гуманного, но и их противоположностей, и бинарной множественности возможных промежуточных состояний.

Односторонний взгляд на действительность ведет к необъективному, неполному представлению о ней, так как она всегда бинарно множественна. Человек может медленно, эволюционно, в результате экологической этичного

воспитания, воздействовать на сокращение не всегда рациональных, и даже вредных потребностей, на привитие экологической этики. Создание же одной, единственно верной, экологической этики невозможно, оно противоречит закону бинарной множественности. Новые экологические этики, новые и гораздо более гуманные предложения по взаимодействию человека и природной среды, напоминают заповеди Библии, совершенно правильные и этичные, но не осуществленные до сих пор [1]. Большой вклад в создание экологической этики внесли люди, не являющиеся специалистами – экологами – Олдо Леопольд, Арне Нейс, Альберт Швейцер и др. «Этика благоговения перед жизнью позволяет нам достигнуть духовного отношения к универсуму... Этика благоговения перед жизнью делает нас другими людьми... Фундаментальный факт сознания человека гласит: «Я есть жизнь, которая хочет жить среди жизней, которые хотят жить». «Человек этичен только тогда, когда для него священна жизнь как таковая и человеческая, и всех созданий. Только этика, ощущая бесконечную ответственность перед всем, что живет, может быть обоснована мышлением» (А. Швейцер). «Прцветание человеческой и не человеческой жизни на Земле ценно само по себе, и эта ценность не зависит от пользы для человечества. Люди не имеют права уменьшать богатство и разнообразие жизни. Прцветание человеческой жизни и культуры совместимо только с существенным сокращением человеческой популяции» (Арне Нейс). «Этика в экологическом смысле – это ограничение свободы действий в борьбе за существование... Этику можно считать руководством в экологических ситуациях, настолько новых, сложных и поздно обнаруженных, что разрешения их, наиболее выгодное для общества, не всегда понятно среднему индивиду... Этика земли меняет роль человека, превращая его из завоевателя сообщества, составляющего землю, в рядового и равноправного его члена» (Олдо Леопольд).

Экологическая этика должна вести к пересмотру всех сторон взаимодействия человека и природы, развития человеческого сообщества. На одном из первых мест стоит проблема материального роста и потребления, никогда ранее не подвергавшаяся сомнению. Как полагает Э. Фромм, общество, способное признать и сформулировать свои нематериальные потребности и найти пути их нематериального удовлетворения, потребует значительно меньших материальных и энергетических затрат и обеспечит гораздо более высокий уровень удовлетворения человеческих запросов». Вопрос «Быть или иметь?» Э. Фромм считает решаемым в пользу «Быть» [3]. Цель идеального (и пока нереального) человека будущего – быть многим, а не обладать многим. Сопоставим параметры развития мира с точки зрения экологической этики. Ниже показаны (по порядку) современное состояние параметра (а), представления об идеальных (б) и реальных, экологически этичных (в) моделях их изменения в будущем.

1. Человеческие качества: а. Поощрение практичности, рациональности, жесткости, индивидуализма, борьбы. б. Быстрое улучшение человеческих качеств: гуманизм, добродетель, любовь, скромность, мудрость. в. Диалектическое равновесие между позитивными и негативными качествами
2. Взаимоотношения между людьми: а. Основаны на сложившихся человеческих качествах, не всегда положительные. б. Положительные – любовь, доброта, участие и пр. в. Постепенное исключение негативных взаимоотношений
3. Взаимоотношения между государствами: а. Постоянные конфликты между государствами, частые

- войны. б. Полное отсутствие конфликтов. в. Быстрое разрешение конфликтных ситуаций.
4. Народонаселение: а. Экспоненциальный рост в XX веке. б. Прекращение роста (нулевой рост). в. Постепенное и полное прекращение роста в XXI веке.
5. Состояние экономики: а. Поощрение роста. б. Нулевой рост. в. Вначале – рост, затем – замедление и переход к нулевому росту (и даже к сокращению).
6. Состояние экологизации деятельности: а. Медленный поворот к экологизации деятельности. б. Глобальная экологизация в короткие сроки. в. Очаги экологизации в развитых странах и постепенное распространение на весь мир.
7. Отношение к невозобновимым ресурсам: а. Близкий к экспоненциальному рост добычи этих ресурсов. б. Использование в основном только возобновимых ресурсов. в. Постепенное замедление роста потребления ресурсов, постепенный рост потребления возобновимых ресурсов.
8. Состояние равноправия: а. Медленное движение к равноправию при постоянном неравноправии народов и отдельных людей. б. Полное равноправие. в. Постепенное сокращение резкого неравноправия.
9. Удовлетворение потребностей: а. Рост числа и сложности удовлетворения потребностей, не обоснованных никакими нормами. б. Экологизация широкого круга потребностей и их экологически обоснованное сокращение. в. Постепенная экологизация, переход к пониманию необходимости их ограничения.
10. Отношение к природной среде Земли: а. Прагматичное: все служит удовлетворению потребностей человека – хозяина. б. Соответствующее положениям глубинной экологии: природа самоценна. в. Медленный поворот к пониманию самоценности природы и места человека в ней.
11. Состояние природы: а. Постепенное отступление природы под антропогенным давлением человека. б. Глобальное экологическое равновесие. в. Постепенная экологизация и прекращение отступления природы.
12. Состояние заботы о потомках: а. Забота о ближайших 1 – 2 поколениях. б. Обеспечить всем будущим поколениям равные права на ресурсы Земли. в. Постепенное понимание необходимости заботы о будущих поколениях.
13. Отношение к экспансии человека: а. Поддержка экспансии на Земле и в ближнем космосе, поощрение заселения несвойственных для человека ниш. б. Прекращение экспансии человека. в. Медленное понимание недопустимости экспансии без экологизации всей деятельности.
14. Отношение к отходам деятельности: а. Выбрасывание почти всех отходов деятельности в природу. б. Полная безотходность деятельности. в. Постепенная экологизация технологий и сокращение объема отходов.

Для расширения поля действия идеальной экологической этики нужна полная перестройка внутреннего и внешнего мира. «Этот процесс затронет все области жизни. Он потребует всех человеческих способностей. Он будет нуждаться не только в технических, предпринимательских новшествах, но и в общественных, политических, художественных, духовных изменениях» (Д. Медоуз). Более 50 лет назад об этом с надеждой писал Л. Мэмфорд: «Век роста уступает место веку равновесия. Достижение этого равновесия – дело нескольких последующих столетий...». Лейтмотивом нового периода будет не

оружие и человек, не машины и человек; его лейтмотивом будет возрождение жизни, замещение механического органическим и восстановление личности как конечная цель всех человеческих усилий. Развитие, гуманизация, сотрудничество, симбиоз – вот ключевые слова новой нарождающейся мировой культуры. Каждая сторона жизни испытывает эти перемены: они окажут воздействие на задачи образования и ход научных исследований в не меньшей степени, чем на организацию промышленных предприятий, планирование городов, развитие регионов, обмен мировыми ресурсами». Надо ли говорить, что сейчас, в начале XXI века, человечество очень далеко от этого идеала. Совершенствование человека в его отношении к природе может идти только медленно, эволюционно.

В этом процессе очень важна позиция человека по отношению к природе, – можно любить всю природу или только ее красивую часть, можно благоговеть перед живой природой, но, очевидно, не перед всей, – есть и очень негативные предметы и явления, перед которыми нельзя благоговеть, которые нельзя любить. Введенные в модели идеальных экологических этик, понятия «благоговения» и «любви» носят человеческий, антропоморфный характер и потому неприменимы для объективной оценки взаимодействия с природой. Невероятно сложно признать равноправие абсолютно всех живых организмов, – например, вредных насекомых, вампиров, паразитов, болезнетворных бактерий, микробов, и пр. Человечество, похоже, в своей массе никогда не возвысится до такого признания: ведь даже выдающиеся ученые – экологи приходили в ужас при виде, например, паука – птицеда, только из-за его «страшного» вида. Не лучше ли воспитывать сочувствие к жизни природы, понимание (с позиции человеческой жизни) всей сложности и трудности жизни живых существ в естественной природе (это – этика эмпатии)? Сочувствие к жизни Божьих созданий природы, – это сочувствие к жизни червя, мотылька – однодневки, муравья, газели, настигаемой львицей, моллюска, планктона, поедаемого китами, волка в морозном лесу, того же «страшного» паука, и т.д. Они, эти миллиарды живых существ, постоянно, целесообразно для круговорота веществ, для обеспечения жизни и гомеостаза, вызываются в мир абсолютно независимо от их желаний и так же постоянно исчезают. Они выполняют маленькие или крупные функции, одинаково незаменимые и потому исключительно ценные для природы. Никто не выполнит за них этих функций: особенно незавидна (с человеческой точки зрения) жизнь множества животных в почвенно-растительном слое, которые перерабатывают все органические отходы и разделяют их на элементы, чтобы снова включить в кругооборот эти вещества. Эти мелкие животные выполняют исключительную по ценности функцию, не претендуя на какое-либо понимание или сочувствие. Они очень некрасивы с точки зрения человека, питаются дурно пахнущей падалью, прячутся в земле и стараются не показываться на глаза.

Какова с позиции человеческих ценностей жизнь многих животных? Для начала – крупные животные: их жизнь – это постоянный поиск пищи, тревога за себя и за своих детенышей, борьба за их выращивание и сохранение, боль от их утрат. Животные постоянно подвержены всем климатическим воздействиям: дождь, холод, жара, снег, засуха, и пр. Они живут либо непосредственно на природе, либо устраивают простейшие логова, гнезда, укрытия. При этом они надеются на защиту от климатических воздействий только с помощью собственной шкуры. Иногда они почти не спят (например, жирафы), чтобы не стать жертвой хищника. Они подвержены многим болезням, и способ лечения выбирают сами, им негде лечиться, кроме природы.

Мелкие животные, в том числе насекомые, черви и пр., занимают свои экологические ниши в гигантской сети жизни, и выполняют положенные им функции. Они не могут выполнять другие функции, быть более умными, быстро эволюционировать в сторону роста красоты. Особо можно рассмотреть жизнь различных паразитов, живущих внутри тела животных и, как правило, весьма непривлекательных на вид (в русском языке слова – червяк, паразит, глист и пр. – крепкие ругательства). Паразиты не могут стать гуманными и симпатичными не паразитами, так же как вампиры и хищники не могут перейти на растительное питание – у них короткий кишечник, переваривающий только кровь и плоть. Наконец, такие совсем маленькие создания, как бактерии, микробы, вирусы, – они также находятся в глобальной сети жизни, и без них эта сеть и эволюция невозможны. В этике эмпатии не требуется любовь ко всем созданиям живой природы, и тем более благоговение перед всеми формами жизни, – нужно глубокое понимание их незаменимости, необходимости. Их жизнь нужна и бесценна для природы, они не могут быть заменены другими животными. Для них нельзя создавать более благоприятные, щадящие условия жизни.

Разработанная нами новая экологическая этика эмпатии, сочувствия, отличается от других тем, что она более объективна и диалектична. Сочувствие, сопереживание – это глубокие чувства, основанные на понимании других форм жизни, их предназначения, трудностей. Эта этика предполагает глубинное проникновение в законы экологии, во взаимосвязь всех явлений, во взаимозависимость всего живого и в зависимость человека от природы. Она предполагает знание экологии, эволюции, понимание важной роли всего живого в обеспечении жизни на Земле. Животные в процессе эволюции заняли различные экологические ниши, достигли разного уровня развития – и достаточно сложного, и очень примитивного. Каждое из них выполняет ряд функций, которые никто больше выполнять не может. Мы не знаем, получают ли все животные какое-то поощрение, удовлетворение от жизни, от хорошего выполнения функций, от достижения поставленной цели (подобно человеку). Видимо, многие более крупные животные получают удовлетворение, они способны к игре, любопытству, даже к шутке. Но многие, более простые животные, вряд ли способны получать какое-то поощрение за свою работу. Жизнь же всех животных протекает в сложных условиях: они очень зависят от погоды и особенностей климата, от состояния природной среды, от особенностей взаимоотношений в той пищевой цепи, в которой они находятся. Много мелких животных гибнет, не достигнув зрелости. Многие животные гибнут после рождения потомства. Некоторые погибают во время спаривания. Огромные массы животных выполняют функции «санитаров» природы, очищая ее от отходов. Многие животные служат пищей для других животных. Такой опасной, тяжелой, полной невзгод жизни животных можно только сочувствовать. Они ни в чем не провинились, они выполняют свои очень важные функции зачастую в ужасных условиях с человеческой точки зрения. Они помогают поддерживать жизнь на Земле. Этика эмпатии поможет человеку объективнее относиться к живой природе.

Список литературы

1. Тетиор А. Н. Множество этик окружающей среды. – М.: РЭФИА, 2000. – 40 с.
2. Тетиор А. Н. Целостность, красота и целесообразность множественного мира природы – Тверь: Тверское книжное издательство, 2005. – 433 с.
3. Фромм Э. Психоанализ и этика. – М.: Республика, 1993. – 415 с.

РАННИЙ ОПЫТ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ КАК ФОРМА ЕСТЕСТВЕННОГО ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ

Цацульникова Любовь Вячеславовна

Соискатель кафедры философия ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, г.Омск.

Мы можем констатировать, что в настоящее время в исследованиях детства являются господствующими две основные идеи. Первая идея касается развития детей. Она заключается в том, что их развитие является процессом созревания. Вполне очевидно, что созревание – это, прежде всего, биологический процесс. Но, наряду с этим, созревание (или взросление) – это также психологический и социальный процесс. Вторая идея, сформулированная в современных исследованиях детства, – созревание представляет собой процесс, имеющий несколько вполне опознаваемых стадий. Школьные программы учитывают, прежде всего, стадии биологического роста детей, таким образом, их развитие коррелируется с их фактическим возрастом. Однако реально получается, что какой-то ребенок в классе явно обходит в развитии остальных, в то время как другой должен все время догонять среднестатистические показатели класса. Но с этим ничего нельзя поделать, ведь считается, что стадии биологического, а также интеллектуального и социального роста непосредственно связаны с возрастом ребенка [1, с. 16].

На уровне исследовательской гипотезы можно выделить существенные признаки раннего опыта философствования: непрофессиональность, синкретичность, практичность. Ранний опыт философствования - непрофессионален, поскольку он не связан рамками традиции, это, так сказать, философия до Школы; синкретичен, поскольку неразрывно связан, тесно соединен с другим знанием, представляет собой своеобразную натурфилософию, протофилософию, первичную, «живую» философию; в том числе и поэтому он носит практический характер, то есть, напрямую и непосредственно связан со строительством внутреннего мира субъекта, с формированием субъектности, предельных оснований, «опорных точек» субъекта: мировоззрения, миропонимания, ценностей, норм, идеалов, образцов - всего того, что мы можем определить как его семиотическое пространство.

Для того чтобы определить, носит ли какая-либо деятельность философский характер, необходимо ответить на вопрос каковы критерии философствования? Мы исходим из принципиального единства философствования и философии. Философствование – это форма духовной деятельности, содержание которой заключается в решении фундаментальных мировоззренческих вопросов, связанных с осмыслением отношений человека и мира, целостной репрезентацией реальности, способов ее познания и преобразования, выявлением ее всеобщих свойств и универсальных связей. Наиболее общим здесь является то, что философствование неизменно исходит из установок самого мышления, его строя, правил, логических форм, потребностей и уровня развития. Очень существенную, важную роль среди критериев философствования играют, конечно, авторитеты самой философии. Ведь, действительно, философией накоплено такое многообразие идей, концепций, походов, что в принципе любые рассуждения можно отнести к уже известным философским построениям.

Прежде всего, ясно, что философствование представляет собой специфическое явление, отличное и в то же время неразрывно связанное с философией. Философствование - не антитеза философии, не ее противоположность, как полагал, например, Б. Паскаль, говоря, что философствовать - значит смеяться над философией. Философствование - тоже философия, но не вся, не доведенная до своих

относительно конечных выводов, общетеоретических значений, системных взглядов. Философии нет без философствования, как и нет философствования без философии, творимой или сотворенной. Одно не существует без другого; они взаимно «отрицаются» и проникают друг в друга.

Таким образом, вопрос о критериях философствования на самом деле является актуальнейшей проблемой философского познания и достоин стать предметом большого числа отдельных специальных исследований, которых в настоящее время явно недостаточно. При выделении критериев философствования, автором были использованы метод экспертной оценки и контент-анализ. После заполнения экспертных листов, получены экспертные заключения от 15 высококвалифицированных специалистов-философов с достаточно большим стажем и опытом работы по специальности, при этом, в ряде случаев имеющим не только философское образование. На основании контент-анализа полученных данных оказалось возможным выделить следующие критерии философствования: Честность, Логичность, Жизненность, Открытость, Умозрительность, Увлеченность, Эстетичность, Экзистенциальность, Рефлексивность, Лингвистичность, Конкретность, Предельность, Вертикальность, Категориальность, Историчность, Результативность, Концептуальность, Интерпретативность, Этичность, Ненаучность, Свобода, Диалогичность, Прагматичность.

Далее, этим же 15 специалистам было предложено оценить значимость выделенных критериев. Были получены соответствующие результаты. На контент-анализе исследование не остановилось. Последующим шагом был проведен факторный анализ критериев философствования. В ходе факторного анализа выделилось пять групп критериев философствования. В результате интерпретации данных факторного анализа были выделены три основных критерия философствования: Безграничность движения, Пространственная широта и Временная длительность.

Безграничность движения. Содержание представляется следующим образом: философствование пребывает вне рамок идеологии (способно пребывать), решительно сопротивляется стереотипности и догматичности (способно к этому); создает письменный или устный текст с позиции любой логики (логика как путь, главное, что она есть, выстроена); мысль находится в постоянном движении, напряжена (оппонирует чему то, направлена на что-то), соотносена с определенным состоянием мыслящего субъекта.

Пространственная широта. Содержание: философская мысль имеет метафизическую направленность, то есть отрывается от эмпирики, возвышается над нею; не учитывает ограниченность языка (игнорирует, преодолевает ее); носит трансцендентальный высокоабстрактный характер, расширяет горизонты познания и границы познавательных возможностей.

Временная длительность. Содержание: философская мысль не направлена на критику стереотипов и сопротивление догматичности (не центрирована на этом, это не является ее главной целью и смыслом); не сосредотачивается на противостоянии негативным воздействиям на человека (не ставит себя в зависимость от этого противостояния).

Исходя из выделенных нами критериев философствования были дедуктивно заданы смысловые единицы (паттерны) на каждый критерий отдельно.

Обнаружение этих паттернов в текстах эссе с помощью контен-анализа позволило нам по количеству встречаемых случаев определить специфику раннего опыта философствования на различных этапах становления субъекта и подтвердить нашу исследовательскую гипотезу. Чтобы выявить основную специфику раннего опыта философствования нам потребовалось опять соединить теоретические и эмпирические методы исследования. Имея перед собой теоретический конструкт, включающий систематизированные представления о развитии исследований раннего опыта философствования, об этапах становления субъекта и критерия философствования, а также гипотезу исследования, мы пришли к выводу, что выявить

специфику раннего опыта философствования возможно только при обращении к конкретному эмпирическому материалу. Эмпирическую базу исследования составили работы учащихся 5-11 классов. Вид работы: эссе на заданную тему. Эссе учащихся 8-11 классов составили работы участников ВДЭО «Философия – Веселая Наука?», проводимая уже 8 год, в количестве 80 единиц. Они были дополнены работами учащихся 5-7 классов из различных учебных заведений города Омска (Гимназии №9, №12, №26), в том же количестве – 80 единиц. Обнаружение в текстах эссе, выделенных нами паттернов, с помощью контен-анализа позволило нам по количеству встречаемых случаев определить специфику раннего опыта философствования на различных этапах становления субъекта. Представим этапы становления субъекта и их характеристики в таблице.

Этап становления субъекта	Метафизическая проблема	Семиотическое пространство (объекты)
1-2-3 Тотальность, синкретичность	Принятие предметов	Трансцендентное, чистые освобожденные смыслы
2-3-11 Событийность	Принятие (других) людей	Отношения, связи, детерминации
11-12-15 Автономность	Принятие себя	Индивидуальность
14-17-18 Открытость	Принятие свободы	Ценности, нормы, образцы, субъективность, упорядочивание неопределенности

В процессе контен-анализа были получены следующие результаты:

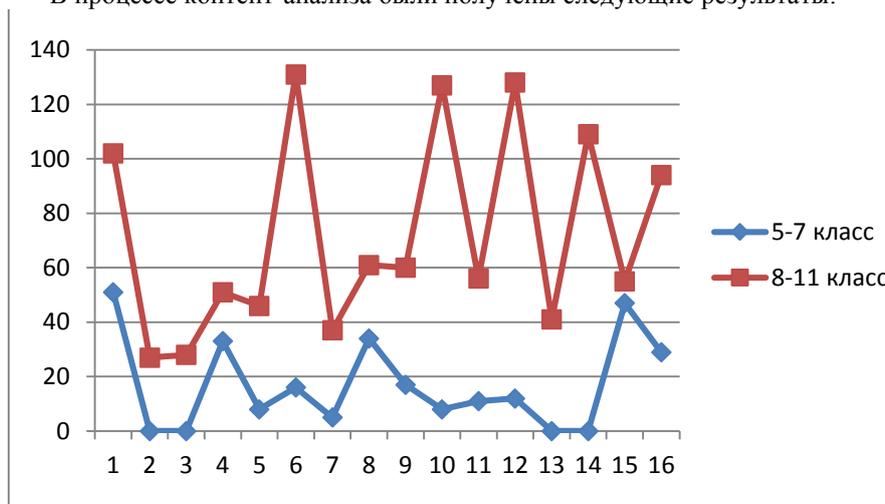

Рисунок 1: Безграничность движения

Для каждого критерия подсчитано среднее статистическое значение количества встречаемых случаев. Для первого критерия, исходя из рис. 1 среднее статистическое значение составляет: для 5-7 классов – 16,9375; для 8-11 классов – 72,0625. В соответствии с этим паттерны сгруппировались на часто встречаемые, имеющие высокую степень значимости, близкие к среднестатистическому значению (средняя степень значимости) и редко встречаемые (невысокая степень значимости). Высокая степень значимости для 5-7 классов: критика, удержание предмета мысли в поле зрения, стремление вступить в диалог, сделать свой индивидуальный опыт всеобщим достоянием; для 8-11 классов: критика, стремление как можно глубже рассмотреть предмет мысли, подкрепление своей позиции уже известным знанием, наличие сильных смысловых мест. Средняя степень значимости для 5-7 классов: стремление как можно глубже рассмотреть предмет

мысли, движение мысли от общего к частному, подкрепление своей позиции уже известным знанием; для 8-11 классов: рассмотрение глубинных проблем человеческого бытия, движение мысли от общего к частному. Невысокая степень значимости для 5-7 классов: демонстрация создания текста, наличие определенного замысла, стремление вызвать эмоциональный отклик в воображаемом адресате; для 8-11 классов: удержание какого-то предмета мысли в поле зрения, демонстрация создания текста, наличие определенного замысла.

Таким же образом обстоит дело и со вторым критерием: Пространственная широта. Среднее статистическое значение составляет: для 5-7 классов – 11,6667; для 8-11 классов – 17,7778. Соответственно группируются и паттерны.

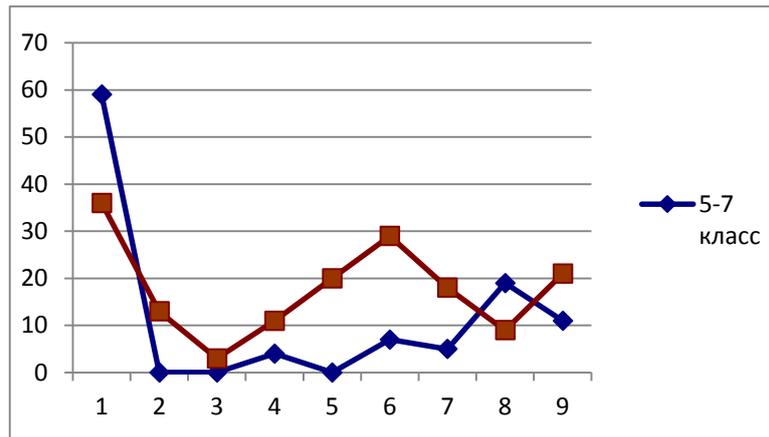

Рисунок 2: Пространственная ширина

Высокая степень значимости для 5-7 классов: абстрагирование, рассмотрение масштабных проблем; для 8-11 классов: формулирование суждений предельно общего характера, абстрагирование, стремление извлечь знание из любых источников информации, осмысление рассматриваемых вопросов. Средняя степень значимости для 5-7 классов: осмысление рассматриваемых вопросов; для 8-11 классов: констатация каких-либо затруднений, стремление использовать символические, образные выражения. Невысокая степень значимости для 5-7 классов: констатация каких-либо затруднений, формулирование суждений предельно общего характера; для 8-11 классов: подчеркивание универсального и общезначимого характера рассматриваемых вопросов.

Для третьего критерия картина складывается следующим образом: среднее статистическое значение: для 5-7 классов – 8,8333; для 8-11 классов – 10,5. Паттерны группируются, соответственно рис. 3, определенным образом.

Высокая степень значимости для 5-7 классов: представленность процесса рассуждения как диалога с другим субъектом, обращенность к «другому»; для 8-11 классов:

критика стереотипов, догматов, шаблонов, представленность процесса рассуждения как диалога с другим субъектом. Средняя степень значимости для 5-7 классов: открытость, дискуссионность, полемичность результатов мышления; для 8-11 классов: длительность мышления, последовательность раскрытия проблемы. Невысокая степень значимости для 5-7 классов: длительность мышления, процессуальность результатов мышления; для 8-11 классов: процессуальность результатов мышления, представленность результатов мышления как средств и предмета дальнейшего диалога.

Таким образом, статистически подтверждено наличие значимых различий между показателями по двум возрастным группам с помощью метода установления различий: t-критерий Стьюдента, -критерий Манна-Уитни. А это еще раз подтверждает, что специфика раннего опыта философствования имеет место быть в связи с этапами становления субъекта.

Соответственно данная специфика определяется связью с решением определенной метафизической проблемы и созданием семиотического пространства на том или ином этапе.

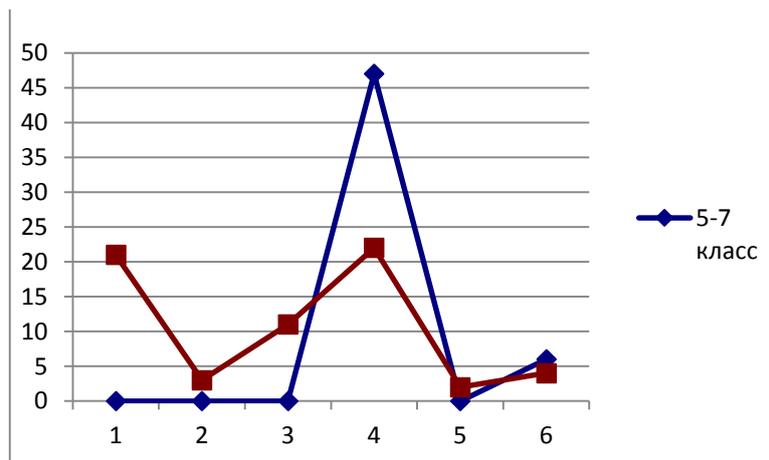

Рисунок 3: Временная длительность

Список литературы

1. Абрамова Г.С. Возрастная психология. Е-рг, 1999г. 286 с.
2. Аристотель Метафизика // Аристотель – Соч., Т.1. М., 1976г. С. 69,70.
3. Борисов С.В. Феномен детского философствования и перспективы образования // Alma mater. М., 2005г., №7. С. 27-34.
4. Мильчарек Т.П. Субъект и личность // Альфа: Межвуз. Сб. Науч. Ст. Вып. 3 / Отв. Ред. В.М. Шкарупа. Омск, 2007г. С. 54-58.
5. Французова Н. Детское философствование и его роль в развитии культуры // Новое понимание философии: проблемы и перспективы. М., 1993г. С. 155-156.

ИМПРЕССИНГ: К ИСТОРИИ ТЕРМИНА

Викторова Елена Викторовна

Канд. пед. наук, доцент кафедры теории и практики социальной работы, г. Пенза

Как феномен, импресси́нг известен многим современным отраслям знания, в том числе гуманитарного. Однако при этом для него характерна серьезная терминологическая неоднозначность, проистекающая из того, что истоки его исследования обнаруживаются не в человековедческих отраслях знания и не в социально-гуманитарных в целом, но в естественно-научных.

Непосредственно термин «импресси́нг» (от англ. *impress* – впечатлять, оставлять след) принадлежит советскому генетику и педагогу В. П. Эфроимсону: им он обозначил сильнейшие и значимые в дальнейшем развитии впечатления, полученные личностью в раннем возрасте, которые в благоприятных условиях среды приводят к значительным достижениям личности в той или иной области. Рассуждения в русле данной тематики были вызваны появившейся и стремительно развивающейся в 30-е годы XX в. этологией, основатели которой, К. Лоренц и Н. Тинберген, по выражению этолога Е.Н. Панова, «исследователи большого научного кругозора, склонные к тому же к обобщениям широкого философского плана», так или иначе подтолкнули представителей различных научных направлений к идее о возможности переложения принципов этологии на поведение человека [4]. Одно из эмпирических достижений этологии легло в основу теоретического и фактологического (биографического) изучения В.П. Эфроимсоном значения ранних впечатлений в личностном развитии: «Наряду с признанием большого значения наследственной одаренности, в связи с большими успехами науки о поведении – этологии, стало выясняться огромное значение для развития личности ранних впечатлений. Сначала на животных, потом на младенцах и детях выяснилось, что младенческие, детские и подростковые впечатления определяют не только уровень впоследствии достигаемого интеллекта, но и эмоциональную сущность индивида, его ценностные критерии, причем строго стабильно и нередко необратимо» [6, с. 8].

В этологии и зоопсихологии описываемый феномен обозначался и обозначается терминами «импринтинг», или «запечатление» (от англ. *imprint* – оставлять след, запечатлевать, отмечать), который впервые встречается в исследованиях австрийского антрополога К. Лоренца. Уже к середине XX в. и уже в этологии термин «импринтинг» выходит за рамки узкого значения, восходящего к первоначальным представлениям К. Лоренца о запечатлении как процессе быстрого развития социальной привязанности детенышей к своим матерям. С обогащением как эмпирических, так и теоретических знаний об импринтинге как феномене значение термина значительно расширилось. К числу же основных характерных черт импринтинга в этологии и зоопсихологии относят следующие: социальные привязанности направлены на те раздражители, в отношении которых молодые организмы получают соответствующий специфический опыт в подходящее для этого время; однажды запечатленное сохраняется на долгое время, может сохраниться и навсегда; некоторые реакции на запечатленный стимул могут проявляться через большой промежуток времени и даже только к концу жизни; болезненные стимулы усиливают импринтинг.

Несмотря на то, что дискуссионным был и остается даже вопрос об импринтинге у млекопитающих, термин

«импринтинг» широко используется и по отношению к человеку. В самом общем смысле импринтинг человека понимается как «форма быстрого и стойкого научения в строго определенных критические (чувствительные) разрывы продолжительности периоды онтогенеза» [1]. В целом отношение к экстраполяции положений этологии об импринтинге на развитие человека остается неоднозначным, однако, как отмечает Е. Панов, критике подвергаются прежде всего попытки автоматического перенесения этологических представлений о поведении животных на человека. Д. Мейнарди отмечает: «Что бы там ни было, ребенок растет, подражая окружающим его людям, и, по всей вероятности, часть такого воздействия приходится как раз на критические периоды его развития. Было бы слишком смелым говорить о наличии импринтинга как такового у человека, но пока ясно одно, что некая близкая аналогия с этим явлением все же существует и у нашего вида» [2].

Несмотря на непрекращающиеся дискуссии вокруг применения положений этологии к развитию человека, научные связи этологии с науками о человеке нарастают в последней трети XX – начале XXI вв., обнаруживая новые точки пересечения и взаимные интересы (П. Бейтсон, Н. Блартон Джонс, Д. Мейнарди и др.). Понятие «импринтинг» активно используется психологами (Д. Боулби, Т. Лири, Р. Мэй, А.Г. Понугаева, Е. Хесс, Г. Хорн и др.). Под влиянием идей прежде всего американских психологов концепция импринтинга рассматривается в рамках теории социального научения, широко представлено соединение психоанализа и этологии. Основанием для изучения механизма и роли импринтинга у детей стали идеи З. Фрейда о важности раннего опыта в развитии личности в определенные критические периоды и теория К. Лоренца об образовании первичных социальных связей у животных также в определенные критические периоды. Серьезной научной опорой в исследовании импринтинга человека выступают фундаментальные работы в русле нейрофизиологии. Получили признание теории, во многом основывающиеся на исследованиях феномена импринтинга. Так, Г. Хорн на примере механизма импринтинга рассматривает структурные и физиологические основы памяти и обучения, приводит результаты экспериментов по определению отдела мозга, отвечающего за запечатление. Теория Д. Боулби о привязанности детей к родителям основывается на исследованиях импринтинга. Согласно теории Т. Лири, с помощью импринтинга мозга и научение сознание человека настраивается на оптимальное выживание в физическом мире. Имеют место рассуждения о внутриутробном импринтинге и его влиянии на социальную жизнь человека (Н.Б. Оконская), об импринтинге в перинатальный период и методах формирования позитивного импринтинга рождения (Л. Марчер, Л. Олларс, П. Бернард). Концепцию импринтинга применяют к психическому развитию детей с различными патологиями (Л.Г. Пластунова). Еще более частым оказывается применение понятия «импринтинг» в описаниях программ практикующих психологов. Ведется работа с последствиями негативных детских и подростковых импринтингов: разработаны механизмы их перекодирования – реимпринтирования.

Неоднозначность понимания импринтинга и большое количество рассуждений о нем без опоры на достоверные данные вызваны сложностью его эмпирического изучения. По мнению А.Б. Долгина, современным психологам не удастся разработать подходящий инструментарий для эмпирического исследования рассматриваемого феномена, не удастся достичь повторяемости экспериментов; по этой причине импринтинг выпадает из внимания исследователей, но действие его при этом в жизнедеятельности человека не прекращается.

Понятие проникает в социально-гуманитарные и в социально-экономические отрасли знания. Здесь импринтинг трактуется как «специфический процесс онтогенеза, в ходе которого происходит необратимое или стойкое запечатление жизненно важной для индивида информации» [5]. Отметим, что в рамках гуманитарных наук для обозначения рассматриваемого феномена используется и предложенное В.П. Эфроимсоном понятие «импрессинг», а для более корректного использования понятия «импринтинг» – для усиления акцентов на определенных сферах жизнедеятельности – формулировать его стали в уточняющей форме: «социальный импринтинг», «культурный импринтинг», «интеллектуальный импринтинг» и т.п. Все чаще обнаруживают себя попытки объяснить влиянием социального и культурного импринтинга (импрессинга) не только социальное поведение человека, но и различные социально-культурные феномены: формирование общественного мнения, интериоризацию социальных норм, закрепление обычаев и ритуалов, распространение моды, воздействие рекламы, вирусные эффекты в Интернете, художественные вкусы, политические предпочтения, религиозные чувства и т.д. (П. Берснев, А.Б. Долгин, Э. Морен, Н.Б. Оконская, А. Редозубов, Н.А. Руснак и мн.др.). Импринтинговая основа усматривается в манипулировании сознанием (А.Б. Долгин, Т. Лири, А.Д. Редозубов). Предпринимаются попытки выявления роли импринтинга (Н.Б. Оконская), импрессинга в социально-историческом процессе (М. Амусья, М. Перельман). Еще более широко представлены работы, в которых так или иначе идет речь о месте и роли импринтинга (Н.Б. Оконская, И.А. Шмерлина и др.), импрессинга (В.Н. Сагатовский, Г.Я. Узилевский, М. Холодная и др.) в социализации индивида, в формировании и развитии личности. По мнению Э. Морена, культура и духовное становление человека неразрывно связаны через культурный импринтинг. Высказываются мысли о том, что импринтинг по отношению к человеку и высшим животным может трактоваться как биологическая составляющая социализации (Д. Боулби).

Оперирование понятием «импрессинг» дает исследователям большой простор для рассуждений о месте и роли обозначаемого им феномена в социализации и развитии личности в самых разных аспектах. Так, В.Н. Сагатовский отводит импрессингу как феномену основополагающую роль в формировании личностных смыслов, ценностных ориентаций личности. М. Холодная связывает с импрессингом обретение личностью интенционального опыта, в частности формирование интеллектуальных интенций. Г.Я. Узилевский вслед за В.П. Эфроимсоном рассматривает импрессинг как один из социальных факторов проявления и развития наследственных задатков личности. О культурном импринтинге и его роли в развитии творческих способностей, в том числе художественных, ведут речь В.В. Глазков, Н.А. Руснак и др.

Представленный выше экскурс в историю термина демонстрирует, что в современном социально-гуманитарном знании ранние впечатления, произведенные природ-

ной и социальной средой на личность и во многом определяющие ее дальнейшее развитие, вплоть до выдающихся достижений в той или иной сфере, обозначаются двумя взаимозаменяемыми, но не тождественными понятиями: «импринтинг» и «импрессинг». Обобщенное представление об импринтинге/импрессинге, сложившееся в социально-гуманитарном знании втор.пол. XX – нач. XXI вв., таково: он понимается как фиксация определенной информации в памяти, происходящая преимущественно на ранних этапах жизни, чаще всего вскоре после рождения; происходящая без пищевого или иного подкрепления; возможная в течение определённого, обычно достаточно ограниченного, периода – критического или сензитивного; совершающаяся очень быстро, зачастую однократно; определяющая дальнейшее поведение и развитие в соответствии с содержанием и направленностью полученной информации и связанным с ней переживанием; характеризующаяся необратимостью результатов, то есть с трудом поддающаяся дальнейшему изменению.

И хотя терминологический статус понятия «импрессинг» по-прежнему неоднозначен, его применение становится все более частым и точным. Принципиально важным здесь является признание исследователями того, что нельзя импринтинг человека ограничивать жесткими временными рамками по аналогии с животными. Критические моменты формирования личности шире и богаче (Д. Боулби, Т. Лири, А.Г. Понугаева, В.П. Эфроимсон и др.). Именно поэтому, по мнению В.П. Эфроимсона, наиболее корректным по отношению к человеку является термин «импрессинг»: он обозначает гораздо более сложное явление, нежели то, что имеет место у животных. Этот термин появляется в таких трудах В.П. Эфроимсона, как «Генетика этики и эстетики», «Педагогическая генетика» и «Генетика гениальности» (60-70-е гг. XX в.). Они представляют собой тщательный анализ сложной природы человеческих способностей, произведенный на стыке социального и естественного знания, с обширными выводами о возможностях человека и человечества, с конкретными предложениями коренных изменений в системе образования, нацеленных на наиболее полное раскрытие творческого потенциала человека.

Разделяя точку зрения В.П. Эфроимсона, отметим, что введение иного термина, чем импринтинг, для обозначения быстрого образования устойчивых следов в психике вследствие воздействия среды именно на человека представляется не только более корректным, но необходимым, поскольку рассматриваемые феномены у животных и у человека имеют серьезные отличия, отражение которых в термине принципиально. Отличия эти связаны не только с формальными характеристиками – количеством и длительностью периодов чувствительности психики к воздействиям. Воздействия среды на индивида будут носить содержательно иной характер в зависимости от возрастных его особенностей, особенностей конкретного периода развития. Кроме того, характер воздействия средовых факторов будет зависеть и от формирующейся и развивающейся индивидуальности человека, которая с каждым последующим периодом будет все выразительнее, следовательно, и содержательное разнообразие таких воздействий также будет богаче. Это не позволяет происходящее с человеком именовать только «запечатлением», т.е. оставлением следа, длительным сохранением в памяти полученной и пережитой информации. В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой у глагола «запечатлеть» («запечатлеть») указаны следующие значения: «1. Воплотить в чем-нибудь, изобразить. 2. Сохранить надолго в памяти, в сознании» [3: с. 214].

Несводимость импринтинга человека только к оставлению информационного следа осознана учеными. Отсюда проистекают сложность употребления термина

«импринтинг» одновременно в естественно-научных и социально-гуманитарных отраслях знания, потребность в весомых пояснениях, снятии не только научно-теоретических, но логико-методологических и этико-практических противоречий. В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой «впечатлять – производить большое впечатление». Значения слова «впечатление» указаны следующие: «1. След, оставленный в сознании, в душе чем-нибудь пережитым, воспринятым. 2. Влияние, воздействие. 3. Мнение, оценка, сложившиеся после знакомства, соприкосновения с кем-нибудь, чем-нибудь» [3: 101 с]. Общим в терминах «импринтинг» и «импрессинг» является ключевое понятие «след», след в психике, однако содержание этого следа и характеристики его последствий в жизни человека корректнее и объемнее обозначает термин «импрессинг», то есть впечатление.

Термин «импрессинг» позволяет не только сразу соотнести исследуемый нами феномен непосредственно и только с человеком, но обозначить его содержательное отличие от импринтинга животных – более разнообразное воздействие, как в момент восприятия и переживания информации, так в процессе и результатах дальнейшего развития, всей жизни человека, в том числе ее духовной составляющей.

ЦЕННОСТНАЯ ДОМИНАНТА ТВОРЧЕСТВА Л. ФЕЙЕРБАХА

Южанинова Екатерина Рафаэлевна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии, «Оренбургский государственный университет», г. Оренбург

Матвеева Марина Александровна

студент кафедры философии и культурологии, «Оренбургский государственный университет», г. Оренбург

Homō hominī deus est.

Человек человеку – Бог.

Мир на рубеже XX – XXI веков качественно изменил ракурс своего развития. Взрывной рост численности населения и интенсификация интеграционных процессов, где главную роль играет проблема общего благосостояния народа, явились приоритетными по отношению к благосостоянию индивидуальному. Однако некоторые современные исследователи, например, Р. Инглхарт и Х. Вельцель, считают, что изменение уровня социально-экономического развития также привело к переходу от «приоритета коллектива к приоритету индивида» [3, с. 206]. В данной ситуации, безусловно, весьма актуальное значение приобретают идеи Л. Фейербаха о ценности человека как родового, природного существа, о ценности коммуникации, любви и «естественной религии». Целью данной статьи является выявление аксиологической доминанты творчества Л. Фейербаха, сформировавшейся в контексте антропологического материализма философа. В связи с этим нами было проанализировано творчество мыслителя и выявлена специфика его аксиологических представлений.

Согласно антропологическому материализму Л. Фейербаха, человек, как психофизическое единство души и тела, есть совершенная часть бесконечной во времени и пространстве природы. Мыслитель писал: «Человек – это высшее существо природы» [8, с. 190], безусловно наделенное страстями, которые направляют его ценностные ориентиры. Страсти обеспечивают защитную реакцию, как с эгоистичной целью, так и с целью достижения наивысших целей. Термин «эгоизм» в современном понимании принимает исключительно негативную окраску, но следует заметить, что в контексте работ Л. Фейербаха они

Список литературы

1. Елисеев П.П., Зеляк А.В., Игнатюк С.С. Импринтинг как залог психического и физического здоровья [Электронный ресурс]. URL: <http://estheticlife.ru/doks/00000188.php> (дата обращения 24.07.2014).
2. Мейнарди Д. Рождение и импринтинг [Электронный ресурс]. URL: <http://scisne.net/a42> (дата обращения 19.11.2014).
3. Ожегов С.И., Н.Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
4. Панов Е. Этология человека: история и перспективы [Электронный ресурс] // Скепсис: Научно-просветительский журнал. URL: http://scepisis.net/library/id_504.html (дата обращения 09.11.2014).
5. Шмерлина И.А. Биологические грани социальности. Очерки о природных предпосылках социального поведения человека. М.: Либроком, 2013. – 195 с.
6. Эфроимсон В.П. Педагогическая генетика // Биология. 2000. №31. С. 5 – 11.

имеют несколько иные смыслы. Эгоизм, как отмечал философ, может принимать различные виды, он может быть, как добрым, участливым, так и бесчеловечным, злым и корыстным. Мыслитель утверждал, что «индивидуальность – это неделимость, единство, целостность, бесконечность; с головы до ног, от первого до последнего атома, насквозь повсюду я – индивидуальное существо» [6, с. 496]. Данная идея актуальна сегодня и отражается в ориентации на эмансипацию личности; индивидуализм проявляется во многих тенденциях, имеющих мировой масштаб. Индивидуализм, или, как сказал бы Л. Фейербах, эгоизм по отношению к себе, обретает ценностную завершенность только тогда, когда человек эгоистичен по отношению к другому – к роду, семье, родине; когда, являясь самоотречением, долг Я диктуется наличествующим Ты.

Сущность человека являет себя благодаря «тайне» Бога и религии. Л.Фейербах открыл абсолютно иную форму религии, ядром которой стала ценность человека, человеческих отношений. Обожествление социальной связи в модусе Я-Ты фундаментальным образом являет себя в сущности отдельного человека, «сущность человека составляет не только основу, но и предмет религии» [7, с. 24]. Кем же является фейербаховский Бог? Бог есть сущность человека. До того, как явить свою сущность в себе, человек проявляет ее вне себя. Бог есть всего лишь слово, «смысл которого составляет человек» [9, с. 331].

По мнению мыслителя, христианство является одной из форм религиозного отчуждения человеческой сущности, одной из форм объективирования, выхода за рамки индивидуального и перевоплощения в полярную человеку личность, которой человек начинает поклоняться как трансцендентному субъекту. Таким образом, человек, бого-

творя вышестоящее существо, не подразумевает, что обожествляет самого себя. Саморазорванность человека, утверждает Л. Фейербах, может быть устранена перестановкой ценностных ориентиров, поклонение трансцендентному Богу замещается поклонением Богу в лице человека. Современность демонстрирует активное развитие аналогичных тенденции. Р. Инглхарт и Х. Вельцель в своем исследовании «Модернизация, культурные изменения и демократия» указывают, что религия на сегодняшний день не исчезает, наблюдается лишь трансформация её функций, где «место институционализированной догматической религиозности ... занимают индивидуализированные духовные запросы, удовлетворяющие потребность в осмысленности существования в обществе» [3, с. 55].

Религия всегда отображала ценностные ориентиры рода человеческого и не удивительно то, что мыслитель, элиминировав традиционное религиозное содержание, предложил считать «религию» высшей ценностью человечества. Так что же есть эта «истинная религия»? Высшей ценностью, истинной религией, по мнению Л. Фейербаха, должны стать философия, этика, образование и политика, то есть то, что направляет человека к гармоничному, нравственному и ценностному сосуществованию с Ты и обществом.

Религия испокон веков определяла ценностное отношение к себе благодаря наличию идеи загробной жизни. Л. Фейербах, согласившись, что главной религиозной эмоцией является страх, переставляя ценностные ориентиры, вверял людям истину биологической конечности, некую значимость смерти. Утверждение конечности жизни – утверждение ценности жизни. Принятие смертности человека ни в коем случае не дестабилизирует нравственные, ценностные ориентиры человеческого рода, а даже наоборот, будет способствовать конструированию истинно ценностной парадигмы. Люди осознают очевидное, люди поймут, что только они, только здесь и сейчас обязаны строить верную жизнь, так как «смерть – только условие абсолютного совершенства» [7, с. 331]. Также, как и единственный Бог – человек, также и единственный дьявол есть существо человеческое. «...Грубый, суеверный, своекорыстный, злой» [7, с. 809-810] он существует только в диалоге Ты-Я, поэтому не следует редуцировать зло к трансцендентному бесконечному началу.

Индивидуализм и обращенность к миру есть начальный этап антропологического мирозерцания в целом. Самоценность человека как совершенного существа заключается в «разуме, воле и сердце» [7, с. 25], в сознании, свободе и любви.

Высшей ценностью мыслитель считал любовь. «Истинность жизни и истинность индивидуальности опирается только на истинность чувств. Жизнь жизни – это любовь» [6, с. 496-497]. Любовь есть сострадание, она отличается бытие от не бытия, она есть страсть, «и только страсть есть признак бытия» [6, с. 184]. Действительно, разве только мышлением человек узаконивает себя в предметном мире? Ценность человеческих взаимоотношений остро обнаруживает себя в XX веке, или, как именовал его А. Камю, в «веке страха». В современной ситуации особую актуальность обретают тезисы Фейербаха о любви как принципе человеческого бытия. Единение мужского и женского выступает условием человеческого сообщества, которое Л. Фейербах именуется родом. Так что же такое любовь? Любовь это – «единство мышления и бытия. Бытие – это женщина, мышление – мужчина» [8, с. 178].

Л. Фейербах отмечал, что гармоничное ценностное бытие человека в мире являет себя только в процессе жизнедеятельности, в любви, коммуникации, в сосуществовании. Человек как родовое существо, синтезирует в себе онтологические, гносеологические и аксиологические составляющие именно благодаря общению. «Истина и совершенство заключаются лишь в связи, в единстве равноправных существ» [6, с. 204]. Коммуникация снимает обособленность отдельного человека, придавая ему надприродную перспективу. Модусом бесконечного сосуществования, утверждал мыслитель, выступает чувственность, примат чувств над мышлением являет существо человеческого общения. Если вне моего Я существует другое Ты, то только тогда существует нормальное стремление к общечеловеческому счастью. В.А. Васильев в своей работе, посвященной Л. Фейербаху, проникательно подмечает данный аспект: «Я есть только посредством тебя и с тобой» [2, с. 178], Я открывается самому себе благодаря единению с Ты.

Философ, который «постоянно мыслил свободно и ясно», как отмечает Т.А. Тажуризина [5], особую роль отводил свободе. Когда ты один, ты ограничен, только в направлении Я-Ты раскрывается ценность независимости, так как «чувство общения есть чувство свободы» [9, с. 123]. Истина, любовь, совесть, образование, счастье, философия тесно переплетены с ценностным содержанием свободы. В то время как несвобода есть синоним страха, теологии, веры в сверхъестественное. Религия является одним из источников заточения человеческой сущности. Свободным является лишь тот, кто заключает свою цель и свой объект в себе, лишь тот, кто «свободен также от религиозных предрассудков» [1, с. 733]. Таким образом, свободомыслие тесно связано с освобождением человеческой сущности от власти религии.

Коммуникативная ценность любви посредством взаимопереплетения чувственности и разумности, в диалоге Я – Ты, Мужчина – Женщина, Человек – Человек, через призму не отчужденной до трансцендентальных пределов человеческой сущности является, пожалуй, аксиологической доминантой творчества Л. Фейербаха.

Выход за пределы своего наличного бытия в целостность общего сосуществования является закономерной составляющей каждого человека. Поиск ценностных структур означает стремление к благу, которое по своей природе с необходимостью есть общее достояние. Только воплотив ценностные ориентиры в диалоге Я-Ты сердце явит существо «новой религии», так как «только общественный человек является человеком» [8, с. 457]. Л. Фейербах считал, что в основе каждого человека лежит стремление к счастью, ценность которого являет не религия, а нравственный долг межличностного общения. Конечно, мы вправе не разделять точку зрения мыслителя, но как проникательно отметил И.Н. Тюрин в работе «О сущности Христианства Людвиг Фейербаха»: «Не только обращаясь к Богу, мы обращаемся к самим себе, но и, оспаривая Фейербаха, мы оспариваем самих себя» [4, с. 136].

Список литературы

1. Антропов В.В. Этика и религия в философии Людвиг Фейербаха // Вестник Московского университета. Сер.7, Философия. – 2004. — N 1. — С. 98-116.
2. Васильев В.А. Л. Фейербах о благе и добродетели // Социально-гуманитарные знания. – 2005. – N 2. – С. 173-188
3. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство, 2011. – 464 с.
4. Тюрин И.Н. О «Сущности христианства» Людвиг Фейербаха // Философские науки. – 2005. – N 8. – С. 134-136.

5. Тажуригина З.А. «Я постоянно мыслил ясно и свободно». Гуманистический атеизм Людвиг Фейербаха // Философия свободомыслия: (к 200-летию со дня рождения Людвиг Фейербаха). М.: Изд-во РАГС. – 2004. – 227 с.
6. Фейербах Л. Избранные философские произведения: [В 2 т.]. Т. 1. М.: Акад. наук СССР. Ин-т философии, 1955. - 787 с.
7. Фейербах Л. Избранные философские произведения: [В 2 т.]. Т. 2. М.: Акад. наук СССР. Ин-т философии, 1955. - 822 с.
8. Фейербах. Л. Сочинения: [В 2 т.]. Т. 1. М.: Наука, 1955. - 501с.
9. Фейербах. Л. Сочинения: [В 2 т.]. Т. 2. М.: Наука, 1955. - 424 с.

ЦЕННОСТНЫЙ РЯД М.А. БУЛГАКОВА В РОМАНЕ «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Южанинова Екатерина Рафаэлевна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии, «Оренбургский государственный университет», г. Оренбург

Ахметшина Татьяна Евгеньевна

Студент, «Оренбургский государственный университет», г. Оренбург

Сегодня особо актуальным является вопрос о философских воззрениях М.А. Булгакова – творца, который не был оценен по достоинству при жизни, во времена советской власти. Из всех писателей XX века, возможно, именно Михаил Булгаков в наибольшей степени сохраняется в нашем сознании. И здесь играют роль не столько биография писателя, из которой обычно вспоминают его письма и телефонный разговор со Сталиным, сколько гениальные произведения, главным из которых является «Мастер и Маргарита». Каждому поколению читателей этот шедевр открывается в новом свете, но, к сожалению, оно не всегда осмысливается в том философском ключе, который предлагает автор. Целью данной статьи является выявление ценностного ряда М.А. Булгакова в романе «Мастер и Маргарита» и связей между этими ценностями.

М.А. Булгаков писал роман на протяжении двенадцати лет, замысел его складывался постепенно. Нам известно, что в 1929 году писатель начинает свой «закатный роман», который на тот момент еще не имел названия. В течение всего времени произведение не раз меняло свое название, среди прочих были такие, как: «Копыто инженера», «Черный Маг», «Подкова иностранца», «Копыто консультанта», «Князь тьмы». И лишь в 1937 году Булгаков на титульном листе написал «Мастер и Маргарита», которое и стало окончательным. Авторская правка романа продолжалась вплоть до самой смерти.

Человеческая жизнь определяется множеством ценностей, и Булгаков наполнил свой роман целой галереей глубинных ценностей-смыслов человеческого бытия. Любовь, дети, творчество, свобода и дом, как экзистенциальное прибежище – вот далеко не полный ряд ценностей, встающих на страницах «Мастера и Маргариты».

Смена культурных парадигм, и как следствие, социальный хаос нивелирует жизненный уклад человека, вероятно снижает его ценностный, эстетический и нравственный уровень [2, с. 6]. Поэтому миросозидающим началом, приводящим в гармонию человеческие отношения, Булгаков видит мировую культуру. Из хранилища мировой культуры писатель заимствует образ ребенка, выступающий в романе символом предела для разрушения, насилия и безумия [4, с. 63]. «И неожиданно дикий разгром прекратился. Маргарита заглянула в крайнее окно... В маленькой кровати сидел мальчик и испуганно прислушивался» [1, с. 128]. Как известно, у М.А. Булгакова не было своих детей, несмотря на то, что он трижды был женат. Возможно, именно поэтому в романе всего несколько раз появляется образ ребенка. Но для Булгакова, как и для Достоевского – главной ценностью становится

судьба ребенка, а недопустимость вседозволенности выступает у писателей нравственным императивом.

Во всех своих произведениях Булгаков пишет о том, что ожидает страну, погрязшую в насилии, войнах, революциях. Этот подтекст мы легко можем рассмотреть в сцене «Великий бал у сатаны». Появляющиеся из камина люди в той или иной степени являются жертвами репрессий, внутренних распрей, мелких преступлений, «невинных» человеческих забав. Здесь есть люди, которые заплатили высокую цену за свои проступки и преступления или пострадали безвинно. Автор вкладывает в образ Фриды всю свою боль за обездоленное материнство, за изнуренную и заморенную голодом крестьянскую Россию. В ребенке, которого Фрида задушила в лесу, Булгаков видит олицетворение несбывшихся надежд о новой, светлой и лучшей жизни страны.

Исходя из анализа образов главных героев романа «Мастер и Маргарита», можно выделить две главные ценности – творчество и любовь, которые в смысловом строе, как романа, так и отдельной человеческой жизни взаимосвязаны и взаимодополняют друг друга. Образом, который несет настоящую, истинную любовь в романе, на наш взгляд, выступает Маргарита. За исключением сверхъестественных сил Маргарита была единственным человеком, которая поняла, по достоинству оценила роман Мастера и была готова бороться за него. Жертвенность, гордость, стойкость, бескорытность, истина – испытания, которые прошла Маргарита ради любви после знакомства с Воландом и его свитой.

В образе Мастера мы находим чрезвычайно важный автобиографический аспект. Автора на протяжении всей его жизни волновала тема творчества. Глубокие раздумья о судьбе художника и о его предопределении, стремление понять всю полноту ответственности писателя перед человечеством никогда не оставляли Булгакова. Мастер — талантливый, интеллигентный человек, полиглот. Он ведет отшельнический образ жизни, практически не имея знакомых в Москве. Такую черту характера автор выделяет не случайно, она призвана подчеркнуть философский склад ума Мастера. Немаловажным аспектом является то, что он готов потратить все свои сбережения на книги.

Маргарита испытывается любовью, Мастер – творчеством, и оба оказываются достойными своего избранника и внимания высших сил.

Лучшие мыслители первой трети XX века, не равнодушные к судьбе родины, предчувствовали грядущие

беды, которые зачастую лишают человека самого главного – лишают его дома. Из биографии самого Булгакова известно, что большую часть своей жизни он не имел постоянного места жительства и вынужден был скитаться по съемным квартирам. Именно поэтому он так тепло отзывается о той комнате в подвале, в которой жил Мастер. «Ах, это был золотой век! ... совершенно отдельная квартира, и еще передняя...» [1, с. 72]. В отличие от Мастера, Маргарита жила красивой и обеспеченной жизнью, что называется – ни в чем себе не отказывала, но, несмотря на это, счастливой она себя не чувствовала. По-настоящему счастливыми они были именно в этом теплом и уютном подвальчике, в своем мире, в котором кроме них не существовало больше никого. С большой любовью Мастер и Маргарита, находясь в разлуке, вспоминали это место и время, проведенное вместе.

Булгаков словно предвидел современную вселенскую обездоленность людей. Великая революция, смена царского режима, первая мировая война, голод – все это испытал на себе автор. Последнему писателю придавал большое значение в своем романе. Скрупулезно, тщательно, красиво описывая сцены трапезы, поражающие своим великолепием, Булгаков как будто оттенял те минуты голода, которые сопровождали его в некоторые периоды его жизни. «Буфетчик положил кусочек мяса в рот и сразу понял, что жует что-то действительно очень свежее и необыкновенно вкусное... прожевывая душистое, сочное мясо, буфетчик едва не подавился и не упал вторично» [1, с. 111].

Люди, обладающие богатым внутренним миром, неординарные и эмоциональные, часто находятся в конфликте с обществом. Они не способны принять стандартизированные ценности и нормы, соответственно, общество исключает их из числа своих участников, тем самым обрекая на одиночество и на неудовлетворенность таких значимых потребностей, как социальная включенность и признание. Таким был сам писатель и таким героем в романе является Мастер – он не подчинился законам своего общества, избрав путь истинного творца. Отрешаясь от суетного, главный герой произведения погружается в философские размышления.

Творчество, свобода, любовь становятся смыслами жизни Мастера. Он видит себя творцом, пришедшим в мир для высшей цели, подобно тому, как приходит утро, пробуждая все от ночного сна. Окончив свое творение, воодушевленный Мастер вылетел в свет на крыльях счастья, наивно думая, что люди нуждаются в его романе. Общество отвергло роман, сделав Мастера глубоко несчастным человеком.

Творческую личность можно проклинать, запрещать ее творения, довести до сумасшедшего дома, тем

самым лишив свободы, дома, любимого человека, но уничтожить созданное ею, невозможно. Мастер навечно был связан со своей рукописью. Гибнет книга, и влюбленные теряют друг друга, но когда Воланд возвращает Маргарите роман, возвращается и Мастер – все взаимосвязано.

Булгаков хотел донести до читателя, что в мире много ложных ценностей, и только сильная личность может противостоять этому гнету. Истинные ценности в романе для писателя – это дом, любовь, свобода личности, творчество, дети, культура, а мнимые ценности – деньги, ложные идеалы людей, построенные на алчности и трусости общества. Таким образом, в творчестве Булгакова затрагиваются вечные, философские проблемы, высвечиваются ценности, которые чаще всего относят именно к гуманистическим, общечеловеческим: жизнь и ценность человеческой индивидуальности; бытие и отношения человека с бытием; сознание и конституирование значений опыта; Дом, Книга и Культура; творчество и мастерство; любовь и внутренняя цельность [3, с. 86].

«Рукописи не горят» и бессмертие творчества Булгакова подтвердила это пророческое высказывание. Это поразило воображение, как когда-то прозрение юной Цветаевой:

Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

Книги Булгакова оставляют ощущение беспокойства. Поистине, всему свое время в истории. Разве легко было понять народу, еще не остывшему от боев гражданской войны, что даже «графы» бывают разные или что интеллигент – это не бранное и презрительное слово?

Но сейчас мы все чаще вспоминаем слова, сказанные Булгаковым на смертном одре: «Я хотел служить народу».

Наследие Булгакова «не сгорело», оно вернулось к нам в самый нужный момент.

Список литературы

1. Булгаков М. А. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2. - М.: Художественная литература, 1989-1990.
2. Горохов П. А. Историческая фантастика Михаила Булгакова: опыт философского прочтения // Вестник Оренбургского государственного университета. - 2004. - № 4. С. 4 - 9.
3. Южанинова Е.Р. Анализ философских текстов как метод ценностного самоопределения студентов // Теория и практика общественного развития. – 2014. - № 5. С.84-86.
4. Южанинова Е.Р. Ценностные и рационально-теоретические компоненты в мировоззрении М.А. Булгакова. Дис. канд. филос. наук. Екатеринбург, 2008. – 162 с.

ЦЕННОСТНЫЙ ФУНДАМЕНТ ИДЕОЛОГИИ

Южанинова Екатерина Рафаэлевна

Кандидат философских наук, доцент, «Оренбургский государственный университет», г. Оренбург

Ткаченко Анастасия Андреевна

Студент, «Оренбургский государственный университет», г. Оренбург

В данной статье речь идет об идеологии как системе ценностей. Вскрывается различие аксиологических установок нашей страны и стран Запада. Выясняется зависимость ценностей от цивилизационной идентичности государства. Выделяются причины ценностного кризиса.

Формулируются и обосновываются те ценности, которые должны лечь в фундамент государственной идеологии.

Ключевые слова: аксиология, идеология, цивилизационная идентичность, ценностный кризис.

В настоящее время и в нашей стране, и во всем мире происходят глобальные изменения и трансформации. Мы день ото дня наблюдаем то, как меняется привычный для нас мир, становимся очевидцами формирования абсолютно новой реальности. Эти изменения по-особенному касаются политической современной действительности. И здесь как никогда актуален вопрос о том, какой эта новая реальность будет для нашего государства, что нам нужно делать и в каком направлении двигаться. Возможным ответом на вопрос может стать формирование идеологии.

Идеология нередко рассматривается как система ценностей. Аксиологическая часть в ней является одной из важнейших. Ценности, просматривающиеся за идеологией могут быть абсолютно различными: мировоззренческие, моральные, в отрицательном плане – меркантильные. В данной статье предпринимается попытка выделить отличия ценностных ориентиров в идеологии нашего государства от других; выявить причины «ценностного кризиса» в России; обозначить те ценности, которые, по нашему мнению, должны входить в аксиологический фундамент идеологии нашего государства.

Что, собственно, является идеологией и какие ценности она должна нести? Идеология – социально-философская категория, обозначающая уровень общественного сознания и представляющая собой «систему политических, правовых, нравственных, эстетических, религиозных и философских взглядов, в которых осознается и оценивается отношение людей к социальной действительности» [6].

Многие политические исследователи современности смотрят на идеологию как на нечто позитивное. Идеологии также определяются ими как аксиологические системы. По мнению Т. Парсонса, идеологии – это системы ценностей данного общества» [8, с. 497]. «Идеологии – такие системы ценностей, которые, выступая в качестве политического мировоззрения, имеющего силу веры, обладают особенно большим ориентационным потенциалом и потому способны обуздывать связанные с кризисом процессы социальной аномии», – считает У. Матц [7].

В этих определениях идеология определяется через ценности, значит, можно ответить на вопрос: почему идеологии разных государств так значительно отличаются? Отличия проистекают из ценностей, формировавшихся веками в том или ином государстве. Заместитель Генерального директора Центра научной политической мысли и идеологии Вардан Багдасарян пишет, что «ценности определяются цивилизационной принадлежностью страны. Каждое из государств, согласно этим взглядам, развивается в рамках исторически и природно определенного цивилизационного ареала. Цивилизационная принадлежность определяет специфику менталитета, форм жизнеустройства, оптимума исторической успешности...» [1].

Выходит, что ценности какой-либо страны не только особенны, но и обусловлены цивилизационной принадлежностью и историческими процессами, происходящими в ней. Государство при принятии решений должно опираться на собственные традиции и историю. Здесь возникает такое явление как цивилизационная идентичность. По мнению профессора И.В. Кондакова, именно цивилизационная идентичность является ресурсом развития страны, она «включает в себя различные оттенки этнонациональных, конфессиональных, социокультурных идентичностей, но не сводится к ним – ни в отдельности, ни в совокупности» [5].

Согласно аксиологическому подходу, ценности лежат в основании государственного управления. Выдвижение целей политики происходит в соответствии с ценностями, культивируемыми государством. С каждым днем все яснее становится, что давний вопрос: нужно ли отделять ценности от науки или от политики, уже практически решен. И поэтому политика, как и наука в отрыве от ценностных установок ведет к губительным последствиям. При этом существует еще большая опасность культивирования лжеценностей (можно вспомнить страшный опыт фашизма).

Каковы же тогда общественные ценности и каким образом государство способствует их развитию? Здесь мы снова возвращаемся к вопросу об идеологии. Больше двадцати последних лет о государственной идеологии в России говорили как о чем-то отрицательном. Но сегодня в этом вопросе намечается коренной поворот. Идеология рассматривается как нечто необходимое, она отражает систему ценностей того или иного государства. После распада Советского Союза мы долгое время отказывались от собственной аксиологической базы. Сегодня в русле мирового течения мы берем курс на восстановление своих цивилизационно идентичных ценностей.

Исследования Центра научной политической мысли и идеологии показали, что «идеологическая картография современного мира свидетельствует, что:

- во-первых, активным поиском ценностных оснований общественного бытия охвачены в настоящее время все цивилизации;
- во-вторых, это новое ценностное позиционирование оппонирует претендовавшей на «общечеловечность» западной системе ценностей;
- в-третьих, само направление поиска устремлено к историческим идентичным накоплениям самих цивилизаций» [1].

Таким образом, специфичная идеология каждой страны не только не порицается, а, наоборот, имеет широкое распространение, что, как уже отмечалось выше, является более естественным для всех государств. Сегодня множество стран находится в состоянии ценностного поиска. Среди них и наша страна, и страны Европы. Как пишет профессор В. Багдасарян: «это состояние в аксиологическом плане можно определить, как транзитное между ценностями старой христианской Европой и ценностями Европы в парадигме постмодерна» [1].

Ставшие уже традиционными для европейцев ценности уже давно всем известны – это приоритет частной собственности, рыночная экономика, мультикультурализм и т.д. При этом интересен тот факт, что согласно социологическим опросам, «несмотря на всю материальную состоятельность западного человека, он не имеет одной из главных ценностей – счастья» [5]. Ценностный кризис – вот процесс, охвативший западное общество. То же касается и нашей страны. Вместе с разрушением советской политической идеологии, разрушились и морально-ценностные ориентиры россиян.

Почему же привнесение в Россию «ценностей» Запада в конце прошлого века чуть не закончилось провалом? На этот вопрос дает ответ то, что ценности различных стран отличаются прежде всего в зависимости от религий, на протяжении веков, господствующих там. Несмотря на то, что религия уже не имеет такого значения как раньше и часть населения нерелигиозна, религия и сегодня является «индикатором цивилизационного различия» [9, с. 374]. Поэтому нельзя переносить ценности протестантских и англо-саксонских стран как на православную почву, так и на мусульманскую. В России

же, которая испокон веков православна и в которой проживает большое по численности мусульманское население — это по-особенному актуально. В свое время это же утверждал Макс Вебер в «Протестантской этике и духе капитализма». Он считал, что, несмотря на то, что многие сообщества сегодня секулярны, и значительная часть населения нерелигиозна, религия оказывается важнейшим индикатором цивилизационных различий [3, с. 50].

При этом существует не только «цивилизационное различие», но и «цивилизационное сходство». Обнаруживается аксиологическая близость друг к другу стран, принадлежащих исторически к одной религиозной традиции. При проводимых аксиологических замерах центром научной политической мысли и идеологии четко выделяется кластер «православные страны» [1]. Само по себе наличие этого кластера является свидетельством наличия соответствующей цивилизационной общности. Причем обнаруживается дихотомичность в системе ценностных шкал «православного» кластера кластерам «протестантские страны» и «англо-саксонские страны». И эта фиксация объясняет, почему эксперимент переноса в Россию американской (шире — англосаксонской) ценностной системы мог закончиться только провалом.

Таким образом, ценности различных стран очень специфичны, и объясняется это целым рядом факторов: историей, традициями, из века в век господствующей религией. В дополнение к перечисленному ценностные различия могут обуславливаться и по-разному формировавшимся культурой, искусством, философией, а также формой правления, которая существовала в той или иной стране большую часть ее истории.

Мы понимаем, насколько отличны всегда были ценности нашей страны от ценностей Запада. Одним из самых важных противоречий между Россией и США является дихотомия коллективизм-индивидуализм. Из века в век в нашей философии проносилась «русская идея», являвшаяся полным антиподом западного индивидуализма, также формировавшегося не одно столетие. Западный индивидуализм — это продукт европейского протестантизма, явления возникшего в XVI веке. Реформация отдала часть Европы от ценностного полюса православия, а известное выражение Лютера «каждый сам по себе священник» как нельзя лучше показывает, что нарастали ценности индивидуализма. Тогда и было положено начало ценностному разветвлению стран православного и протестантско-католического толка.

Сегодня Западный мир «движется на парусах» постмодерна, выросшего на модернизации, предложившей ломку традиционных ценностей на почве секуляризации и индивидуализации. На «коллективистской» российской почве постмодерн не вырос. Ценностный кризис 90-х годов и был отражением противоречивости ценностных ориентиров нашей страны и стран Запада.

Сегодня перед нашей страной снова стоит выбор между западным путем развития и своим, особым путем, который повлечет за собой восстановление идентичных традиций. Что же это обозначает? Восстановление идеологии? Согласно В. Багдасарян, «государство, претендующее на значимую роль в мире, не может существовать без государственной идеологии. Идеология — это, прежде всего, собрание основных ценностей, лежащих в основе культуры и практически всех проявлений жизнедеятельности социума. Для государств-цивилизаций, таких как Россия, наличие идеологии, номинирующей высшие ценности соответствующей цивилизации, имеет особое значение. Идеологическая рефлексия прослеживается на

всем протяжении российской истории. Наиболее системно государственная идеология России была сформулирована в рамках концептов «Москва — третий Рим» (с модификацией «Новый Иерусалим»), Христианской империи (выраженной уваровской триадой «православие» — «самодержавие» — «народность») и советского коммунизма (с опорой на ленинское антиимпериалистическое прочтение марксизма)» [1].

Эти концепты означают одно: несмотря на дух того или иного времени, сутью их являлась идея единения населения нашей страны. Сегодня идеология России, в первую очередь, должна объединять в себе традиционные ценности с оглядкой на реалии современности: 1) необходимо снова пропагандировать ценность семьи; 2) воспитание новых поколений должно происходить с учетом наших традиционных ценностей и ориентацией на формирование цельной социально-духовной личности; 3) нужно поддерживать систему межэтнических отношений, сложившуюся в нашей стране за сотни лет и транслировать ее на весь мир; 4) наконец, с учетом современных реалий, крайне необходимо всячески препятствовать формированию в нашем населении «духа потребительства», который по природе своей опасен для растущих поколений, то есть акцент в формировании личности нужно делать на духовность и созидание.

Подводя итог, еще раз отметим, что ценностные ориентиры нашего государства отличны от других. Это в первую очередь обусловлено православием, господствующим в нашей стране около тысячи лет, а также нашими традициями и историей. Также, на наш взгляд, именно отличия ценностных установок нашего государства от других и их механическое привнесение на российскую почву стали причиной ценностного кризиса, произошедшего в начале 90-х годов прошлого века. Наконец, мы попытались выделить те ценности, которые, по-нашему мнению, необходимо было бы включить в современную идеологию нашего государства: семью, воспитание цельной личности, поддержание системы межэтнических отношений, духовность и созидание.

Нам всегда нужно помнить, что российская государственность исторически выстраивалась на цивилизационно-идентичном ценностном фундаменте. Этот фундамент был и, наверное, будет всегда существенно отличен от того, на котором основывалась государственность стран Запада. Сохранение собственных ценностных оснований заведомо является фактором успешности России, тогда как отступление от него оборачивалось периодами кризисов и катастроф.

Список литературы

1. Багдасарян В. Э. Аксиология России в перспективе мирового развития. — [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rusrand.ru/docconf/aksiologija-rossii-v-perspektive-mirovogo-razvitiya#_ftn1.
2. Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. Высшие ценности Российского государства / Центр проблемного анализа и гос.-управленческого проектирования. (Политическая аксиология). — М., 2012. — 622 с.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения. Перевод с немецкого, и общая редакция Ю. Н. Давыдова. — М.: Прогресс, 1990. — С. 44–271. — [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3637>.
4. Глобализм и цивилизационная идентичность России. Материалы постоянного действующего научного семинара. Выпуск № 2 (11). М.: Научный эксперт, 2008.

5. Кондаков И.В. Цивилизационная идентичность России: сущность, структура и механизмы. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/vst/2010/14.pdf>.
6. Краткий философский словарь. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://platonanet.org.ua/board/filosofskij_slovar/ideologija/1-1-0-169.
7. Матц У. Идеологии как детерминанта политики в эпоху модерна. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://polithelpolis.narod.ru/1992/1035904.htm>.
8. Парсонс Т.: Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль. М. 1996. – С. 494-526.
9. Рязанов В. Экономическая культура и национальная идентификация // Мировой общественный форум «Диалог цивилизаций». Вестник. М., 2006. №1. – С. 373-376.

ИНТЕГРАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ: БОЛОНСКИЙ ПРОЦЕСС И ЕГО ПОЗИТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

Зубарева Светлана Александровна

аспирант кафедры философии юридического, института ФГБОУ ВПО «Красноярский, государственный аграрный университет». Г. Красноярск

Современные процессы глобализации и их проведение в сфере образования доказывают, что человечеству необходим новый социокультурный импульс для осознания цивилизационных проблем в контексте развития собственной страны. Европейские страны, заключившие соглашение в Болонье, представляют собой один из четырех-пяти мировых центров экономики, политики и социальной сферы. Поэтому те процессы, которые происходят под эгидой Болонского процесса, оказывают очень мощное влияние на мировую образовательную систему. Россия официально присоединилась к этому процессу, однако общеобразовательная средняя и высшая школы испытывают в настоящее время трудности, связанные с этой трансформацией.

В статье рассматриваются позитивные факторы Болонского процесса, разумеется, позитивные факторы его отнюдь не исключают негативных сторон и тенденций этого процесса. Н.В. Наливайко, Е.В. Ушаков отмечают, что «... в рамках инновационной знаниевой концепции, закрепленной в Болонских рекомендациях, разработан недвусмысленный подход к образованию XXI века, который предлагается распространить на широкие межгосударственные пространства, в том числе и на Россию [7, с.75].

Как показывают исследования коллег, Болонский процесс является необходимой современной формой интеграции высшего образования в Западной Европе. Например, Е.А. Пушкарева пишет: «Болонское соглашение стало примером нового варианта организации высшего образования и призвано содействовать росту конкурентоспособности образования в международных масштабах» [8].

Болонский процесс, как предполагали его инициаторы, должен стать интеграционным процессом создания единого образовательного пространства с целью сближения и гармонизации национальных образовательных систем высшего образования в странах Западной Европы. Иными словами, единое образовательное пространство должно позволить национальным системам образования европейских стран взять всё лучшее, что есть у партнеров и вывести европейское образование на новый уровень, в результате чего Западная Европа приобретет большую привлекательность на мировом образовательном рынке и увеличит способность выпускников к трудоустройству. По мнению С.В. Камашева, целью Болонского процесса

является «формирование общеевропейской системы образования, основанной на общих фундаментальных принципах. Единая Европа предполагает свободное передвижение рабочей силы, товаров и капитала. Соответственно, возникает необходимость в определении единого критерия уровня квалификации в области высшего образования, без чего свободное передвижение высококвалифицированных кадров невозможно» [4, с.93].

По словам Б.Л. Вульфсона, Болонский процесс является адекватной реакцией европейских стран на вызовы XXI века. Автор отмечает существующую неизбежность интеграции национальных информационных пространств в единое мировое информационное пространство [2, с.38]. Нельзя не согласиться с И.В. Воловик с тем, что Болонский процесс является набором инструментов, которые могут быть использованы как для развития международного сотрудничества, так и для «внутренних» реформ. Автор подчеркивает, что это уже не внутригосударственный, а межгосударственный уровень. Данная особенность Болонского процесса, его «инструментальность» является его важным позитивным компонентом, поскольку инструменты могут быть универсальными даже в применении их к разным задачам, а расширение набора инструментов – это ответ вузов, их «приспосабливаемость» к быстро изменяющимся внешним условиям [1, с.228].

Многие ученые, философы, педагоги и общественность высказывают весьма противоречивые суждения о сущности Болонского процесса о его экономических, социальных и гуманитарных последствиях. Например, Е.А. Тюгашев подчеркивает: «Положительная оценка Болонского процесса объясняется тем, что в условиях современного кризиса мирового образования и глобализации общественной жизни реформы национальных систем высшего образования, проводимые в различных европейских государствах безотносительно друг к другу, стали в определенной мере бессмысленными. Поэтому провозглашение в качестве цели европейской интеграции национальных образовательных систем стало своего рода светом в конце тоннеля. Сближение, координация и кооперация в высшем образовании Европы выступили приемлемой коммунитарной ценностной ориентацией, альтернативной истощающей гонке за лидером» [9].

Итак, рассмотрим некоторые факторы, способствующие развитию высшего образования в Европе.

Первый фактор, способствующий развитию интеграции высшего образования в Европе, можно обнаружить в понимании организаторами Болонского процесса того, что сближение систем образования, согласование принципов обучения, учебных программ – процесс системный, направленный. Подтверждением этому является заявленная в Коммюнике министров высшего образования «Формирование общеевропейского пространства высшего образования» стратегическая цель, состоящая в сохранении культурного богатства и языкового разнообразия Европы, богатства национальных традиций. Кроме того, поставленная цель предусматривает развитие инновационного потенциала Европы, его социального и экономического прогресса посредством усиления сотрудничества между европейскими высшими учебными заведениями [5].

В заявлении, подписанном представителями более 300 европейских высших учебных заведений и их основных представительских организаций в Саламанке 29-30 марта 2001, «Формирование будущего» подчеркивается: «Европейское высшее образование всегда было разнообразным в части языков, национальных систем, типов институтов, ориентации профилей подготовки и учебных планов. В то же время её будущее зависит от способности организовать это ценное разнообразие так эффективно, чтобы получить положительные результаты, а не трудности. Гибкость, а не прозрачность...» [3] в рамках Болонского процесса.

Второй фактор Болонского процесса – это идея выявления всего лучшего у всех и перевод образования на новый, более высокий уровень. В Декларации четко обозначен призыв содействовать европейскому сотрудничеству в обеспечении качества образования с целью разработки сопоставимых критериев и методологий [10, с.8]. В Коммюнике «К европейскому пространству высшего образования» призываются университеты и другие учебные заведения распространять примеры лучшей практики и разрабатывать сценарии для взаимного принятия механизмов аккредитации/сертификации и оценки [6]. Это подразумевает то, что каждое государство может принять участие в разработке механизмов, программ и других документов по интеграции высшего образования в Западной Европе.

Третий фактор состоит в том, что образование в Западной Европе станет одним из лучших в мире на рынке образовательных услуг, что является одной из главных целей Декларации Болонского процесса, заключающейся в принятии системы легко понимаемых и сопоставимых степеней для обеспечения возможностей трудоустройства европейских граждан и повышения конкурентоспособности европейского высшего образования. Полагается, что «...создание общеевропейских систем, направленных на подготовку магистрантов и докторантов, - подчеркивается в Коммюнике (2003), - может стать отличительной особенностью общеевропейского пространства высшего образования и позволит ему выйти на новый качественный уровень» [5]. Вполне можно согласиться с тем, что качество создается конкуренцией, и что наука и образование представляют те сферы, в которых соперничество и конкуренция могут развиваться в мирных формах и способствовать взаимному культурному обогащению.

Четвертый фактор определен в тезисе, который гласит «Высшее образование должно рассматриваться как общественное благо, что оно, было, есть и останется внимательным к общественным обязательствам (правилам и т.д.), и что учащиеся – полноправные члены сообщества высшего образования» [10]. В этом документе подчерки-

вается ответственность за высшее образование государственных структур, поэтому предполагается, что стремление к увеличению конкурентоспособности должно сопровождаться стремлением улучшить социальные параметры общеевропейского пространства высшего образования, укрепить общественные связи и устранить проявления социального неравенства разного рода на национальном и европейском уровне.

Пятый фактор заключается в желании обеспечить в каждой стране более тесные связи между высшим образованием и наукой, научно-исследовательскими институтами, поскольку научные исследования рассматриваются в качестве движущей силы высшего образования, вследствие чего формирование единого исследовательского пространства должно рассматриваться как условие и предпосылка формирования единой Европы Знаний.

Шестой фактор определен целями Декларации Болонского процесса и зафиксирован в Коммюнике министров, ответственных за высшее образование: «Мобильность – необходимое условие формирования общеевропейского пространства высшего образования не только в академическом и культурном плане, но и в плане политики, экономики и общественной жизни. Кроме того, содействие мобильности, согласно цели Болонского процесса, предполагает обеспечение доступа к возможностям получения образования и к практической подготовке; признание и зачет периодов времени, затраченных на проведение исследований преподавателями и на стажировку в европейском регионе, без нанесения ущерба их правам, установленным законом» [10, с.8].

Седьмой фактор раскрывается в Коммюнике «К европейскому пространству высшего образования». Здесь констатируется, что студенты как активные участники образовательного процесса должны влиять на организацию и содержание образования в университетах и других учебных заведениях. Студенты являются полноправными партнерами в управлении высшим образованием. Министры отмечают, что в пределах общеевропейского пространства высшего образования участие студентов в управлении образованием, как правило, имеет правовую основу. Министры призывают вузы и студенческие организации обозначить способы реальной активизации участия студентов в управлении [6].

Восьмой положительный фактор отмечается в придании значительности реализации Болонского процесса, т.к. повсеместно проведены законодательные реформы (не только на уровне диалога), видение необходимости поддержки организаций, представляющих бизнес и социальных партнеров.

Таким образом, систематизировав положительные факторы Болонского процесса, отмечается, что эти факторы носят объективный характер, связанный с процессами глобализации, интеграции. На наш взгляд, наиболее важным фактором является выявление всего лучшего у всех и перевод образования на новый, более высокий уровень, так как это актуально в связи с изменениями в экономической сфере, ее технической базы, с решением глобальных экологических проблем.

Список литературы

1. Воловик И.В. Философские аспекты процессов интеграции в современном российском образовании. // Вестник ИжГТУ. – 2008. – № 4. – С.227-229.
2. Вульфсон Б.Л. Образовательное пространство на рубеже веков. М.: Изд-во МПСИ, 2006. – 235 с.
3. Заявление «Формирование будущего» (Саламанка, 29-30 марта 2001 г.). – [Электронный ресурс]. –

- URL: [socib.msu.ru> documentary/umo/bologna](http://socib.msu.ru/documentary/umo/bologna) (дата обращения 22.03.2014).
4. Камашев С.В. Безопасность образования России в условиях интеграции в европейское образовательное пространство // *Философия образования*. – 2011. – № 3 (36). – С. 89-95.
 5. Коммюнике Конференции министров высшего образования «Формирование общеевропейского пространства высшего образования». (Берлин 19 сентября 2003 года). //Министерство образования и науки республики Казахстан. – [Электронный ресурс]. – URL: [naric – Kazakhstan/kz / ru/o – bolonskom – protsesse/documentary – bolonskogo – protsesssa](http://naric-Kazakhstan/kz/ru/o-bolonskom-protsesse/documentary-bolonskogo-protsesssa) (дата обращения 22.03.2014).
 6. Коммюнике Конференции министров высшего образования «К европейскому пространству высшего образования: откликаясь на вызовы глобализованного мира». (Лондон, 18 мая 2007 года). //Министерство образования и науки республики Казахстан. – [Электронный ресурс]. – URL: [naric – Kazakhstan/kz / ru/o – bolonskom – protsesse/documentary – bolonskogo – protsesssa](http://naric-Kazakhstan/kz/ru/o-bolonskom-protsesse/documentary-bolonskogo-protsesssa) (дата обращения 22.03.2014).
 7. Наливайко Н.В., Ушакова Е.В. О роли образования в обществе XXI века. // *Философия образования*. – 2010. – №1 (30). – С. 71-79.
 8. Пушкарева Е.А. Специфика современной интеграции образования и науки (социально-философский анализ). – [Электронный ресурс]. – URL: [www.philed.ru/Text/NumberJourn.html/disserts.ru/avioreferati – dissertatsii – filosofiya/a287.php45](http://www.philed.ru/Text/NumberJourn.html/disserts.ru/avioreferati-dissertatsii-filosofiya/a287.php45) (дата обращения 22.03.2014).
 9. Тюгашев Е.А. Философия Болонского процесса. // *Документы*. – [Электронный ресурс]. – URL: [podelise.ru/ docs/ 34746/ index-2664. Html](http://podelise.ru/docs/34746/index-2664.html) (дата обращения 22.03.2014).
 10. The Bologna Declaration on the European space for higher education: an explanation. //Министерство образования и науки республики Казахстан. – [Электронный ресурс]. – URL: [naric – Kazakhstan/kz / ru/o – bolonskom – protsesse/documentary – bolonskogo – protsesssa](http://naric-Kazakhstan/kz/ru/o-bolonskom-protsesse/documentary-bolonskogo-protsesssa) (дата обращения 22.03.2014)